

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Следственное управление Следственного комитета России
по Костромской области
Управление Федеральной службы исполнения наказаний России
по Костромской области

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Сборник трудов
II Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(Кострома, 27–28 апреля 2023 г.)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2023

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)
ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04
П781

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

С. В. Андреев, председатель Костромского областного суда
Н. Б. Жаров, президент Адвокатской палаты Костромской области

П781

Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 27–28 апреля 2023 г.) / сост. Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Н. В. Кузьмина, Д. Н. Лукоянов, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (2,8 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2023. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acrobat reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб: CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.: клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1263-8

Настоящий сборник составлен по итогам II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе», состоявшейся 27 и 28 апреля 2023 года в Костроме. Рассматриваются наиболее актуальные вопросы правоохранительной деятельности на современном этапе.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)
ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1263-8

© Костромской государственный университет,
2023

16+

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	10
Александров А. С.	
Допустимость получения субъектом доказывания сведений через адвокатский запрос	10
Васильева А. В.	
Патриотическое воспитание как составляющая кадрового обеспечения в органах и организациях прокуратуры	17
Верещагина А. В., Горбачевский Г. С.	
Религиозные нормы как основа права Израиля	22
Смирнова Я. О., Плюснина О. В.	
Ужесточение правового регулирования работы в области больших данных в Российской Федерации.....	27
Фролов Д. В., Ганжа Н. В.	
Проблема правового регулирования запретов муниципального служащего на современном этапе	32
СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	36
Медведчук А. А.	
Взаимодействие правоохранительных органов и средств массовой информации.....	36
Байрамова Ф. Х. кызы, Бриль Г. Г.	
Проблемы реализации административной и уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей	40
Нестеров Д. О.	
Соотношение правоохранительной, контрольно-надзорной и правозащитной деятельности в современной России	46
Олифиренко Е. П., Урусов Г. С.	
Особенности регламентации деятельности прокуратуры при осуществлении взаимодействия со средствами массовой информации в эпоху цифровизации.....	52
Дмитриева Д. А., Смирнова Н. А.	
Эволюция отечественного законодательства об адвокатской деятельности	56
Каплан Д. С., Конардов С. Б.	
К вопросу о составе квалификационных комиссий для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов.....	62

Осипов И. Е., Ганжа Н. В.	
Благотворительность как вид социальной ответственности бизнеса: проблема правового регулирования.....	67
Пендюк М. С., Васильева А. В.	
Теоретико-правовой взгляд на участие прокуроров стран Европы в гражданском судопроизводстве с целью защиты трудовых прав граждан.....	71
Попова К. М., Кузьмина Н. В.	
Современная проблематика прокурорского надзора в деятельности за исполнением законодательства судебных приставов	76
Потапова Д. В., Синяева М. И.	
Проблемы становления и развития ювенальной юстиции в России.....	80
Розанов М. Э., Кузьмина Е. Н.	
К вопросу о защите прокурором прав несовершеннолетних, пострадавших в результате ДТП	85
СЕКЦИЯ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ.....	91
Гилинский Я. И.	
Немного о современной уголовной политике	91
Титушкина Е. Ю.	
Субъекты предупреждения преступлений как основного направления реализации уголовной политики	95
Милич И., Евстегнеев А. С.	
Кто охраняет тюрьмы в Республике Сербия	99
Дворянсков И. В.	
Административная преюдиция или теория карательной прогрессии	104
Мартыненко Н. Э.	
Проблемы правоохранительной деятельности (на примере уголовно-правового реагирования на коррупцию).....	110
Плэмэдялэ И. Г.	
Некоторые аспекты лингвистического и правового анализа юридической конструкции статьи 38 УК РФ	115
Желудков М. А., Дудаков О. Н.	
Обоснование использования категории «киберзапугивание» в системе профилактики общественно опасного поведения подростков	124
Шаймуллин Р. К.	
Значение новинок Конституции Российской Федерации для антикоррупционной политики	129
Аносов А. В.	
Некоторые перспективы развития уголовной политики России в контексте геополитических изменений.....	133

Баранчикова М. В.	
Основания криминализации действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств	138
Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Глушкова Е. М.	
Принципы российской уголовной политики.....	143
Ищук Я. Г., Небогатикова Е. И.	
Планирование борьбы с коррупцией.....	148
Акимова Н. В., Гилязутдинов Р. К.	
Проблемы достоверности уголовной статистики как фактор, препятствующий осуществлению эффективной уголовной политики	153
Кузнецова И. Ф.	
Коррупция: понятие и состояние противодействия	157
Гусева Д. А., Удалов М. А., Евстегнеев А. С.	
Риск рецидива при условно-досрочном освобождении лиц, неоднократно осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности	161
Мартыненко Э. В.	
Проблемы правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью	167
Москвитина М. М., Кряжева С. Г.	
К вопросу о постпенитенциарной преступности	171
Питулько К. В., Сергеева А. А.	
Система преступлений экстремистской направленности, связанных с проявлениями идеологии нацизма: принципы построения	175
Тихонова С. С.	
К вопросу о необходимости систематизации юридико-технического инструментария, обеспечивающего эффективную реализацию уголовной политики в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества	180
Хилюта В. В., Бурак Н. И.	
Противоправность как комплексный признак преступления.....	186
Хохлова Е. В.	
К вопросу об общедоступности персональных данных для цели применения статьи 137 УК РФ	191
Ярошенко О. Н.	
Особенности уголовной политики Российской Федерации в сфере преступлений против общественной нравственности	197
Божко Е. Н., Думкин Е. С., Уманец В. С.	
Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемы квалификации и предупреждения	202
Ена П. Д., Евстегнеев А. С.	
Проблемы квалификации действий лица, совершившего кражу безналичных денежных средств	206

Жердев В. А., Кузьмина А. И., Паршин Н. М.	
Уголовно-правовая характеристика насильственных половых преступлений.....	211
Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н.	
Профилактическое значение Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей	216
Коврижных К. А., Ветошкина Е. Д.	
Детерминанты насильственной преступности	222
Кокоринова Е. М., Марьева Н. В., Евстегнеев А. С.	
Перспективы совершенствования порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами	227
Крюкова Е. Е., Евстегнеев А. С.	
Проблемы назначения и исполнения исправительных работ несовершеннолетними	231
Присухина Я. А., Орловская И. В.	
Проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации	235
Соловьева А. Д., Яснева Е. В.	
Некоторые проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ)	239
Сорокина Н. П., Ветошкина Е. Д.	
Историческая память Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны	242
Шишкин Э. С., Фоминых С. М.	
Коррупция как социальное явление	248
СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	252
Рябинина Т. К.	
Спорные вопросы о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами по уголовному делу	252
Стешич Е. С.	
Отказ от стадии возбуждения уголовного дела: архаика или потребность современности	258
Жбанков В. А.	
Важнейшее направление развития криминалистики и совершенствования практики расследования преступлений	262
Иванов А. Ю.	
Сотрудники охранно-конвойных подразделений МВД РФ и иные лица как участники следственных действий	267
Нестеров А. О.	
О некоторых аспектах организации работы по возмещению ущерба, причиненного в результате совершения преступления.....	273

Костерин В. В.	
К вопросу о сущности обвинения в смешанном типе уголовного процесса России	278
Черков В. А., Черкова М. Ю.	
Реализация принципа состязательности в уголовном процессе: отдельные аспекты	281
Афанасьева К. А., Чистилина Д. О.	
Проблемные аспекты проведения допроса свидетеля в рамках предварительного расследования уголовного дела	286
Бушуев К. О., Агеев А. Н.	
Актуальные проблемы взаимодействия представителя потерпевшего и государственного обвинителя в суде	290
Кравченко В. А., Сиверская Л. А.	
Генезис законодательного регулирования статуса следователя-криминалиста как участника уголовного судопроизводства в отечественном уголовном процессе	295
Кузьмина Е. Н., Титов Е. Е.	
Гражданский иск прокурора в уголовном процессе.....	302
Малеева Е. С., Чистилина Д. О.	
Некоторые проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей.....	306
Присухина Я. А., Яснева Е. В.	
Особенности взаимодействия следователя со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений.....	311
СЕКЦИЯ 5. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ	317
Бекузарова Ю. В.	
Проблемы осуществления и защиты права на общую совместную собственность.....	317
Вирясов В. А.	
К вопросу о пресечении параллельных разбирательств посредством судебного запрета предъявления иска.....	320
Емельянов А. А.	
Коллизионность системы законодательства как фактор нарушения гражданских прав	325
Андрущишина Я. В., Ларионова М. А.	
Защита авторских прав педагогов в системе образования.....	331
Присухина Я. А., Сироткин А. Г.	
Риски при заключении договора купли-продажи автомобиля с пробегом и меры по их снижению.....	335
Серебрякова Д. А., Алферова О. С.	
Покупка и наследование участков в виртуальной реальности.....	339

**СЕКЦИЯ 6. СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 343**

Вальтер А. В.

Современные информационные технологии в деятельности
охранно-конвойных подразделений МВД России:
новейшие возможности использования медико-биологических сенсоров 343

Варенцов Р. Ю., Варенцова Е. В.

Проблемы разработки регламентов, обеспечивающих информационную
открытость органов публичной власти в социальных сетях 349

Бушуев Я. Р., Попов В. И.

Преимущества и недостатки использования автоматизированных систем
видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения 355

**СЕКЦИЯ 7. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ..... 361**

Азарова А. С.

Защита прав детей как направление профилактики преступности
несовершеннолетних..... 361

Беспалова А. С., Лебедева Д. А.

История развития института отягчающих обстоятельств
в уголовном праве 366

Евтеева К. А., Сехина А. А.

Проблемы толкования похищения человека 372

Зиновьев Н. А.

Res judicata эффект решения третейского суда..... 375

Кабанова И. В.

К вопросу о совершенствовании законодательства
в области охраны труда несовершеннолетних 381

Косоногова Д. А.

Проблемы установления «возрастной невменяемости»..... 385

Лебедева В. М.

История становления института условно-досрочного освобождения
от наказания 390

Макаров С. А.

К вопросу о системе органов власти, осуществляющих защиту прав
несовершеннолетних в Российской Федерации..... 396

Макарова Е. В.

Ошибки обвинительного заключения, допускаемые следователем
при его составлении 400

Мищенко Е. А.

Особенности правового статуса прокурора,
участвующего в административном судопроизводстве
по делам об оспаривании нормативных правовых актов..... 404

Мызников М. А., Перехода Д. Ю.

Проблема уголовной квалификации DDoS-атак..... 410

Новокрещенных Д. С., Кибиткина О. В.	
Предварительное следствие: современное состояние и перспективы развития.....	414
Огородников К. Д.	
К вопросу наложения ареста на имущество на стадии предварительного расследования	418
Пименова Е. С.	
О необходимости введения уголовной ответственности за утечку персональных данных	421
Семахин А. А.	
Генная инженерия, исследования генома человека и их отражение в уголовно-правовой политике государства.....	425
Титов Е. Е.	
Понятие правоохранительного органа: теоретико-правовые аспекты и законодательное регулирование	431
Чернова М. А.	
К вопросу о системе способов защиты прав участников договорных обязательств.....	435
Щенникова А. А.	
Становление и развитие правоохранительной системы в России.....	438

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание
-------	------------------------	---------------------	------------

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.3

Александров Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор, Приволжский филиал Российского
государственного университета правосудия
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
anrc@rambler.ru

Допустимость получения субъектом доказывания сведений через адвокатский запрос

В статье рассматривается проблема выдачи по адвокатскому запросу копии материалов служебной проверки в отношении сотрудника органа внутренних дел. Автор статьи аргументирует вывод о недопустимости выдачи руководством учебного заведения МВД России копии материалов служебной проверки по запросу адвоката в интересах третьего лица. Причиной такого запрета является то, что материалы служебной проверки содержат сведения ограниченного доступа.

Ключевые слова: адвокатский запрос, материалы служебной проверки, сотрудник органа внутренних дел, сведения ограниченного доступа.

Alexandrov Alexander Sergeevich,
doctor of law, professor,
professor, Privolzhsky branch of RPMU
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The admissibility of obtaining information by the subject of proof through a lawyer's request

The article deals with the problem of issuing, at the request of a lawyer, a copy of the materials of an internal audit in relation to an employee of the internal affairs body. The author of the article argues the conclusion about the inadmissibility of issuing by the leadership of the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia a copy of the materials of an internal audit at the request of a lawyer in the interests of a third party. The reason for this ban is that the internal audit materials contain restricted access information.

Keywords: attorney's request, internal audit materials, internal affairs officer, restricted access information.

Целью статьи является определение одного из ограничений на предоставление сведений адвокату по запросу, регламентированному статьей 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9].

Одним из способов получения адвокатом информации для защиты интересов своего доверителя является адвокатский запрос. Это достаточно эффективное средство получения сведений адвокатом об обстоятельствах, которые представляют интерес для защиты своего доверителя в процессе. Через адвокатский запрос могут быть получены сведения как по гражданским, так и по уголовным делам, что гарантируется законом.

Между тем есть ограничения на получение адвокатом сведений через запрос для оказания ему квалифицированной юридической помощи. Главное из них состоит в том, чтобы при удовлетворении запроса не были нарушены законные, конституционные права иных лиц.

Рассмотрим вопрос о том, могут ли быть через адвокатский запрос предоставлены материалы служебной проверки, проведенной в отношении сотрудника органа внутренних дел.

На наш взгляд, положительно может быть разрешен этот вопрос в случае, если адвокат запрашивает материалы служебной проверки в интересах сотрудника внутренних дел, в отношении которого была проведена служебная проверка. При наличии письменного согласия этого сотрудника на передачу этих материалов по запросу адвокату. Но категорически отрицательным должен быть ответ руководства органа или учебного заведения МВД на запрос адвоката о предоставлении копии материалов служебной проверки третьему лицу. Тем более, если данные материалы запрашиваются адвокатом для использования против сотрудника органа внутренних дел, в отношении которого проводилась служебная проверка (например, для использования их в виде доказательств или предмета иска против него).

На ограничение в выдаче по адвокатскому запросу сведений с ограниченным доступом указывается в п. 3 ч. 4 ст. 6 Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ. Согласно части 6 указанного закона разрешение вопроса о предоставлении сведений с ограниченным доступом по адвокатскому запросу зависит от требований законодательства для соответствующей категории сведений.

Существует несколько причин, по которым руководству органа внутренних дел нельзя выдавать адвокату через запрос копии материалов служебной проверки, проведенной в отношении сотрудника этого органа внутренних дел. Обе они связаны с тем, что сведения, содержащиеся в материалах служебной проверки отнесены законом к информации с ограниченным доступом.

Во-первых, эти материалы содержат персональные данные сотрудника внутренних дел. Поэтому передача персональных данных сотрудника внутренних дел третьим лицам допускается *только с его согласия* (ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [7]). Адвокатский запрос не может преодолеть этот запрет.

Согласно позициям Конституционного Суда РФ, законодательство о защите персональных данных, является специальным по отношению к нормам, регулирующим статус и полномочия адвоката. Поэтому в доступе адвокату к персональным данным лица, не являющегося его доверителем, для осуществления целей адвокатской деятельности, должно быть отказано. Это не лишает адвоката права ходатайствовать в суде об истребовании персональных данных [10; 11].

Позиция судов общей юрисдикции по такой трактовке пределов адвокатского запроса единообразна: персональные данные отнесены к информации с ограниченным доступом, что исключает их передачу по адвокатскому запросу согласно ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ, ч. 3 ст. 6, ст. 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ [11]. Собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, адвокат вправе только в отношении лица, чьи интересы он представляет [15]. Персональные данные подлежат распространению только при согласии лица, являющегося их обладателем. В отсутствие такого согласия, обязанности по предоставлению запрашиваемых сведений в отношении третьих лиц не возникает [13; 16]. Закрепленное в ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ право адвоката собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, и обязанность соответствующего органа предоставить такую информацию не распространяются на установленные законом конфиденциальные сведения, к числу которых относятся и персональные данные [14].

Адвокат не лишен возможности при рассмотрении судом конкретного дела с участием его доверителя обратиться к суду с ходатайством об истребовании доказательств, в том числе сведений, содержащих конфиденциальную информацию [3].

Доктринальная позиция по вопросу о запрете на предоставление персональных данных по запросу адвоката третьему лицу однозначна: персональные данные охраняются на условиях других режимов конфиденциальности/секретности и не подлежат выдаче третьим лицам по адвокатскому запросу без согласия лица [1; 2, с. 17–35], ни в Законе о персональных данных, ни в Законе об адвокатской деятельности не содержится положений, позволяющих предоставлять персональные данные адвокатам по адвокатскому запросу [5].

Без согласия лица персональные данные, а также иные сведения, касающиеся сотрудника органов внутренних дел, в том числе материалы служебной проверки в отношении него, подлежат передаче по запросу органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Таким образом, адвокату и его доверителю персональные данные третьего лица, содержащиеся в материалах служебной проверки, могут быть предоставлены только через суд, в случае удовлетворения судом соответствующего ходатайства.

Персональные данные могут быть переданы только с согласия человека, каковым является и сотрудник органа внутренних дел, о чем зачастую забывают начальники. Исходя из ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, сбор, хранение, исполь-

зование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Обязанность обеспечить этого право лица лежит на начальнике органа внутренних дел, в чьем подчинении находится сотрудник. Начальник органа внутренних дел обязан соблюдать эту норму Конституции РФ под угрозой административной и уголовной ответственности.

Вторая причина, по которой руководство органа или учреждения внутренних дел не имеет права выдавать материалы служебной проверки, проведенной в отношении сотрудника, частному лицу через адвокатский запрос, обусловлена особым правовым статусом сотрудника внутренних дел и правовым режимом службы в органах внутренних дел. Соответствующее ограничение на выполнение адвокатского запроса вытекает из правильно понятого смысла статей 39 и 40 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8].

Материалы служебной проверки в виде заключения входят в личное дело сотрудника органа внутренних дел. Согласно пункта 5 ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ сведения, содержащиеся в личном деле и документах учета сотрудника органов внутренних дел, являются конфиденциальной информацией (служебной тайной) и (или) сведениями, составляющими государственную и иную охраняемую законом тайну. Заключение служебной проверки (п. 6 ст. 39 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, п. 29 пп. 4.3 Приказа МВД РФ от 24.11.2020 № 800 «О некоторых вопросах централизованного учета персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [6]) – это документ, содержащий конфиденциальную информацию (служебную тайну). Согласно п. 29 пп. 4.3 Положения в четвертой части личного дела хранятся копии заключений по результатам служебных проверок.

Согласно пунктам 10 и 30 подпункта 30.2 Порядка проведения служебной проверки [12], материалы служебной проверки, содержащие любую выявленную или ставшую известной в ходе проведения служебной проверки информацию, относящуюся прямо или косвенно к сотрудникам, в отношении которых проводилась служебная проверка являются конфиденциальной информацией (служебной тайной), сведения о результатах ее проведения запрещается разглашать.

Именно в таком смысле – категорического запрета разглашение любой выявленной или ставшей известной в ходе проведения служебной проверки информации, относящейся прямо или косвенно к сотрудникам, в отношении которых проводилась служебная проверка, принято истолковывать смысл положений Порядка проведения служебной проверки в органах внутренних дел [18; 4].

Из анализа приведенных норм в их системной взаимосвязи следует, что разглашать или использовать в целях, не связанных со службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциаль-

ного характера или служебную информацию, каковыми являются материалы служебной проверки, в том числе передать эти сведения по адвокатскому запросу для передачи третьим лицам запрещено.

Суды, толкующие и применяющие нормы права, связанные с проведением служебной проверки в органах внутренних дел, указывают на то, что в материалах служебной проверки содержатся персональные данные, а также информация ограниченного распространения, которая не подлежит передаче по адвокатскому запросу [17].

Имеется и доктринальное толкование закона, подлежащего применению в подобных случаях, которое подтверждает данную позицию [19, с. 17].

Закон однозначно предписывает предоставлять материалы служебной проверки, содержащие служебную тайну, конфиденциальную информацию, независимо от воли проверяемого только в публичных интересах, в том числе в связи с решением вопросов о привлечении его к административной, уголовной ответственности, но не гражданско-правовой – по иску частного лица и адвокатскому запросу. Вправе иметь доступ к материалам служебной проверки и получить их по запросам органы дознания, следствия, прокуратуры и суд.

Нормы, содержащиеся в части. 2 ст. 18 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ не освобождает адвоката от ответственности за соучастие в незаконной выдаче материалов служебной проверки частному лицу для использования в его интересах против сотрудника органов внутренних дел.

Поскольку адвокат не мог не знать, что своими действиями он нарушает права и свободы другого человека – сотрудника внутренних дел, материалы служебной проверки в отношении которого он использует против него, постольку он должен нести ответственность наряду с должностными лицами органа внутренних дел, выдавшими ему или его доверителю материалы служебной проверки в отношении сотрудника полиции.

На наш взгляд, ответственность адвоката, а также должностных лиц из числа руководства органа, учебного заведения, выдавших материалы служебной проверки в отношении своего сотрудника, в зависимости формы умысла на причинение вреда, мотива (например, корыстной заинтересованности) могут быть квалифицированы по ст. 137, ч. 2 ст. 285, ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 293 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 218 с.
2. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИздСП : КОНТРАКТ, 2020. 176 с.
3. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2019 г. № 88а-260/2019. URL: <http://6kas.sudrf.ru/modules>.

php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1215440&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21.04.2023).

4. Методические рекомендации по порядку проведения служебной проверки по факту нарушения служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjX-bj7kNeBAxUaHRAIHbP1CHwQFnoECBEQAQ&url=https%3A%2F%2Fmvd.ru%2Fupload%2Fsite50%2Ffolder_page%2F010%2F421%2F710%2FMethodicheskie_rekomendatsii_po_poryadku_provedeniya_sluzhebnoy_proverki_po_faktu_narusheniya_sluzhebnoy_distsipliny_sotrudnikom_organov_vnutrennikh_del_Rossiyskoy_Federatsii.docx&usg=AOvVaw1MWRhvQvO8g-R81vhTPmBj&opi=89978449 (дата обращения: 01.04.2023).

5. Михалевич Е. В. Обработка персональных данных: анализ законодательства и судебной практики. Вып. 18. М. : Редакция «Российской газеты». 2019. 144 с.

6. О некоторых вопросах централизованного учета персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24.11.2020 № 800. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400063214/> (дата обращения: 02.04.2023).

7. О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.

8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020.

9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багадурова Магомед Магомедовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьей 10 Федерального закона «О персональных данных» и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120555/ (дата обращения: 02.04.2023).

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положением пункта 1 части 2 статьи 227 Кодекса административного судопроизводства Российской Феде-

рации : определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 244-О. URL: постановление Костромского областного суда от 21.03.2018 № 4А-97/2018. <https://sudact.ru/regular/doc/2OuUxdwBQjJu> (дата обращения: 02.04.2023).

12. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 (ред. от 12.11.2018) (зарегистрировано в Минюсте России 30.05.2013 № 28587) // Российская газета. 2013. № 127. 14 июня.

13. Определение Московского городского суда от 11.09.2018 по делу № 4га-609/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=32910-3&req=doc&cacheid=AB44107065F7AB52DCB7726C484B92E4&mode=searchcard&rnd=11TXdg&base=SOCN&n=1048752#DAMUWrTIVU97ALZG1> (дата обращения: 02.04.2023).

14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. № 16-1551/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=28673-3&req=doc&cacheid=E7E2FBCE315D183D25755E5974AE386E&mode=searchcard&rnd=11TXdg&base=KSOJ001&n=11462#xd4VWrT0sS4AkOrN2> (дата обращения: 02.04.2023).

15. Определение Свердловского областного суда от 11 октября 2017 года по делу № 4га-2980/2017 // Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по административным делам (четвертый квартал 2017 года). 2017. С. 22. URL: http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=10&id=208&page=3 (дата обращения: 02.04.2023).

16. Решение по делу № 2-1227/2023 от 27 февраля 2023 года : Приокский районный суд г. Нижнего Новгорода. URL: https://prioksky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=54897903&case_uid=1d2fe07e-e07f-4ada-af00-f92ef9b1eee3&delo_id=1540005 (дата обращения: 02.04.2023).

17. Решение по делу № 2-11/2020 от 20 января 2020 года : Калязинский районный суд Тверской области. URL: <http://www.ekbobsud.ru/sudpr.php?srazd=10&page=2> (дата обращения: 02.04.2023).

18. Савостьянов О. Е. Порядок и методика проведения служебных проверок в органах внутренних дел: методические рекомендации. 2-е изд., испр. и доп. Домодедово : ВИПК МВД России, 2012. 26 с.

19. Участие адвоката в гражданском процессе : учеб. пособие для магистрантов / А. А. Малов, Ю. Д. Подольский, Е. Р. Русинова и др. ; под ред. Н. А. Чудиновской. М. : Статут, 2020. 173 с.

УДК 34.096

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Патриотическое воспитание как составляющая кадрового обеспечения в органах и организациях прокуратуры

Статья посвящена актуальной теме правового регулирования в органах и организациях прокуратуры. Автором патриотическое воспитание рассматривается как составляющая кадрового обеспечения, проводится анализ федерального законодательства, раскрываются требования организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации.

***Ключевые слова:** прокуратура, воспитание, кадровое обеспечение, воспитательная работа.*

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer of the department
of civil law disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Patriotic education as a component of staffing in the bodies and organizations of the prosecutor's office

The article is devoted to the actual topic of legal regulation in the bodies and organizations of the prosecutor's office. The author considers patriotic education as a component of staffing, analyzes federal legislation, reveals the requirements of organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation.

***Keywords:** prosecutor's office, education, staffing, educational work.*

С 1 января 2021 года в России стартовала реализация федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование».

Тема патриотического воспитания была обозначена Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным в Указе Президента РФ от 21.07.2020 года № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года».

В целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, формирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, а также воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» закреплены пять национальных целей развития РФ на период до 2030 года:

1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей.
2. Возможности для самореализации и развития талантов. Эту национальную цель реально возможно реализовать только при формировании коммуникативных компетенций у субъектов патриотического воспитания.
3. Комфортная и безопасная среда для жизни.
4. Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство.
5. Цифровая трансформация.

В рамках второй национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» закреплены шесть задач, которые призваны реализовать субъекты патриотического воспитания и педагогические работники:

1. Вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования.
2. Формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся.
3. Обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования.
4. Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.
5. Увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов.
6. Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года. Эти шесть задач реально возможно реализовать только при формировании участников образовательных отношений и в первую очередь у субъектов патриотического воспитания и педагогических работников коммуникативных компетенций [4].

Патриотическое воспитание осуществляется в целях:

- формирования и развития у граждан профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах общественной жизни;

- формирования у граждан заинтересованности в развитии РФ;
- формирования у граждан стремления к развитию своей личности и осознания необходимости служения Отечеству;
- создание и укоренение в обществе основ патриотизма как приоритетных духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование и развитие у подрастающего поколения важнейших социально значимых качеств личности и способности проявить их в созидательном процессе в интересах общества и государства, в том числе в тех видах деятельности, которые связаны с обеспечением его безопасности.

Представляется, что программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации – комплекс правовых, нормативных, организационных, методических, исследовательских и информационных общероссийских и межрегиональных мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию системы патриотического (военно-патриотического) воспитания граждан, направленных на развитие патриотизма, – основы достойного служения Отечеству, что, безусловно, отражается и на работе органов и организаций прокуратуры.

Органы прокуратуры являются важнейшим институтом государственной власти, призванным обеспечивать верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [2, с. 4].

Имеющие место социальные, политические, экономические и иные процессы, происходящие в России за последние годы, ставят важные и непростые задачи перед органами и организациями прокуратуры.

Кадровое обеспечение системы органов прокуратуры – это важнейшая составляющая работы, которая обеспечивается объективной потребностью в профессиональных служащих, мотивированных и способных к выполнению современных задач [1, с. 152].

Проблема кадрового обеспечения органов прокуратуры высококвалифицированными специалистами является актуальной в силу сложности и ответственности профессиональных задач, возложенных на прокурорских работников Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [3] и требующих не только совершенного владения специальными юридическими знаниями, умениями и навыками, но и в должной мере высокого уровня культурной, морально-этической и патриотической подготовки.

Качество кадрового обеспечения определяется уровнем профессионализма, как кадровых работников, так и кандидатов на должности в органах прокуратуры, а также на морально-этической подготовке вышеуказанных лиц, что необходимо для эффективного осуществления основных функций прокуратуры.

Важно отметить и тот факт, что в условиях проведения реформирования в системе органов прокуратуры объективной потребностью является поиск новых современных подходов формирования и использования кадрового обеспечения всей прокурорской системы. Эти обстоятельства требуют пере-

осмысления теоретико-правовых основ кадрового обеспечения, выработки новых, отвечающих современным условиям научных подходов, направленных на усиление эффективности и улучшение качества организации работы прокуроров.

Сегодня, учитывая нестабильную политическую обстановку в мире, принимаемых попыток подмены моральных ценностей, усиления пагубного влияния СМИ и Интернета на сознание подрастающего поколения остро встает вопрос формирования и воспитания достойного гражданина нашей страны.

2022 год являлся знаковым годом в истории Российской прокуратуры – годом 300 летней безупречной службы в интересах и по защите прав граждан, обеспечении законности в вопросах государственного управления.

Органами прокуратуры были реализованы различные тематические мероприятия, направленные в первую очередь на восполнение пробелов истории становления, развития и совершенствования надзорных полномочий прокурора в различные временные периоды, рассмотрены малоизвестные факты из личности выдающихся прокуроров различных времен, подвиги и отдельные успехи прокурорского корпуса. Отдельно Генеральной прокуратурой Российской Федерации уделено внимание патриотической составляющей развития органов прокуратуры России, особенно в послевоенный период.

Сегодня традиции воспитания молодого специалиста прокуратуры его становления и развития реализуются всеми структурными подразделениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Благодаря последовательной работе, к числу уже имеющихся ведомственных документов регламентирующих порядок организации и проведения воспитательной работы, добавлен на наш взгляд важнейший документ, продиктованный современными реалиями, а именно Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» (далее – Приказ Генерального прокурора РФ № 510), которым утверждена концепция совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации (далее – Концепция).

Приказом Генерального прокурора № 510, прокурорам субъектов предписано обеспечить контроль за организацией работы по государственно-патриотическому воспитанию работников органов прокуратуры, разработать и утвердить план мероприятий патриотического воспитания работников. При этом работа по формированию плана мероприятий патриотического воспитания возложена на все структурные подразделения как Генеральной прокуратуры РФ, так и прокуратур субъектов [5].

В работу по патриотическому воспитанию включены не только кадровые подразделения, но и каждый руководитель структурного подразделения, что позволяет сделать вывод о придаваемом значении данной работы. Таким образом, работа по патриотическому воспитанию возложена не только на кадровые подразделения, но и на всех руководителей структурных подразделений, что

безусловно позволяет сделать вывод о ценности и значимости данного направления.

Неотъемлемым элементом развития кадрового потенциала, формирования мировоззрения и профессиональных навыков, необходимых для выполнения работниками органов и организаций прокуратуры Российской Федерации своих служебных обязанностей, является воспитательная работа, которую надлежит активизировать и систематизировать с учетом единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Таким образом, в органах и организациях прокуратуры принят организационно – распорядительный документ, определяющий цели и задачи работы по государственно-патриотическому воспитанию прокурорского корпуса, устанавливающий механизм их достижения, раскрывая отдельные способы повышения эффективности проведения данной работы.

Немаловажным является и субъективный состав применения положений данного Приказа, императивные нормы которого распространены как на действующих работников прокуратуры, так и на кандидатов, претендующих на замещение вакантных должностей в органах прокуратуры. В развитие данной новеллы, разделом 5 Концепции предусмотрено совместное участие работников прокуратуры и студентов в мероприятиях по патриотическому воспитанию.

Отметим, что обеспечение стабильного развития, решение стоящих перед органами прокуратуры на современном этапе задач, требуют более детального изучения и дополнительного научного исследования, в том числе разработки новых форм и методов государственно-патриотического воспитания в прокуратуре как составляющей кадровой работы в органах и организациях прокуратуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева А. В. Организация осуществления кадрового обеспечения органов прокуратуры: современное состояние // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 11А. С. 149–155.

2. Карпов Н. Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2015. № 2(46). С. 3–9.

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

4. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

УДК 348.96

Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Горбачевский Глеб Сергеевич,
студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Gorbachevskij1999@mail.ru

Религиозные нормы как основа права Израиля

В статье излагается значение религиозных догм иудаизма для формирования и содержания права государства Израиль. Изложены факторы, обусловившие особенности еврейского права. Перечислены некоторые особенности права Израиля. Приведены примеры взаимосвязи религиозных и правовых норм. Процитированы некоторые извлечения из религиозных текстов, обосновывающих религиозный генезис нормативных предписаний.

Ключевые слова: Библия, иудаизм, Израиль, еврейская религиозная общность, Моисеево уголовное право.

Vereshchagina Alla Vasilievna,
associate professor, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Gorbachevsky Gleb Sergeevich,
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

The connection of the Israeli criminal process with Judaism

The article outlines the significance of the religious dogmas of Judaism for the formation and content of the law of the State of Israel. The factors that caused the peculiarities of Jewish law are described. Some features of the law of Israel are listed. Examples of interrelationship of religious and legal norms are given. Some extracts from religious texts substantiating the religious genesis of normative prescriptions are given.

Keywords: Bible, Judaism, Israel, Jewish religious community, Mosaic criminal law.

Израильская правовая система, включая уголовное судопроизводство, основана на принципах, вытекающих из иудаизма, источниками которого являются религиозные тексты, прежде всего Тора и Талмуд. Талмуд – это одновременно совокупность юридических трактатов и сосредоточение опыта еврейского народа. Иудаизм – одна из самых древних религий в мире, долгое время являвшаяся единственной скрепой еврейского народа, напротив Израиль – одно из самых молодых государств, которое не могло не воспринять опыт выживания еврейского народа в период создания и дальнейшего функционирования.

С точки зрения иудаизма, вера начинается там, где заканчивается знание. То, что Бог наслал десять казней на Египет, вывел оттуда евреев, явил себя на горе Синай и дал им Закон, для евреев не вопрос веры, а вопрос знания, потому что весь народ видел и был свидетелем этого чуда. Особенность иудаизма заключается в том, что несмотря на появление холистических течений, начиная с первой половины XVIII века (хасидские группы, позднее – реформистский иудаизм, консервативный иудаизм и др.), удалось избежать раскола (например, в отличие от православия в XVII в. в Московском государстве).

Историческая судьба еврейского народа наложила свой отпечаток на уникальность и условия еврейской жизни. В период изгнания евреи, оторванные от родины и вынужденные жить среди других народов, с чуждой для них культурой с целью сохранения своей религиозной и национальной идентичности жили достаточно изолировано, что порой вызывало непонимание, отторжение и гонения. Центром общественной и религиозной жизни еврейской общины, в каком бы государстве они не жили, была синагога. Раввины – эксперты в области религиозного культа и канонического права, пользовались большим влиянием в еврейском обществе как знатоки Талмуда, в котором содержатся не только морально-нравственные постулаты, но и суждения, разъясняющие жесткий конфликт между еврейским и нееврейским миром.

Таким образом, к моменту образования государства Израиль 14 мая 1948 года единственными источниками, содержащими регулятивные нормы, одновременно объединяющими и защищающими от ассимиляции, были священные книги евреев. Справедливости ради следует отметить, что несмотря на доминирующую роль религиозных норм в жизни евреев, которые серьезно повлияли на содержание нормативных предписаний в период конституирования Израиля, регулятивное значение, особенно в сфере брачно-семейных отношений и отношений собственности, имели также некоторые положения законов Османской империи, а также британское общее право в случае непротиворечия израильскому законодательству.

Основополагающим документом в области прав человека, в частности свободы совести и религии, является Декларация независимости Израиля, положения которой гласят, что Израиль «основан на равенстве всех граждан без различия расы, религии и пола и гарантирует свободу совести и религии». Согласно Декларации независимости Государства, Израиль «будет зиждиться на принципах свободы, справедливости и мира в соответствии с предначертаниями еврейских пророков». Этот принцип также закреплен в Законе об основах права: «если суд рассматривает юридический вопрос, не имеющий решения в законодательстве, в судебных прецедентах или применением аналогии, он должен выносить решение в соответствии с принципами свободы, справедливости, равенства и мира, заложенными в наследии еврейского народа» [3].

Догматы иудаизма воплощены в регулировании брачно-семейных, гражданских, трудовых и уголовных отношений. Так, религиозная норма, запрещающая работать в священный день субботы (Шаббат), закреплена в законе «О часах работы и отдыха», который устанавливает длительность рабочей недели в 36 часов, выходные дни: 1) для евреев день Шаббат, 2) для неевреев день

Шаббат, воскресенье, понедельник. Право работать в выходной может предоставить комиссия, с состав которой входит премьер-министр, министр по религиозным делам и министр труда [3].

Можно выделить несколько специфических черт, которыми характеризуется еврейское право, обусловленных, повторимся, особенностями догосударственной жизни евреев.

1. Личный статус гражданина Израиля зависит от национальности и вероисповедания. Например, в соответствии с Законом о юрисдикции раввинатских судов (1953 г.) гражданин Израиля может заключить брак или оформить развод только в соответствии с нормами религиозной общины, в которой он состоит. Институт гражданского брака в Израиле отсутствует. Процедуры гражданского развода в Израиле также нет. Супруги, заключившие брак не на территории Израиля, разводятся в раввинатском суде, как и заключившие брак в Израиле. Закон о равенстве прав женщин (1951 г.) содержит нормы, исключающие равенство супругов. Такой подход дискриминирует женщину в семейно-брачных отношениях [4, с. 50]. Упомянутый закон хотя и был обновлен в 2000 году, но изложенный выше подход к регламентации семейно-брачных отношений остался прежним.

В Израиле официально запрещены браки не только евреев с не евреями, но и затруднено заключение браков между представителями, придерживающимися различных направлений иудаизма.

Разрешение всех брачно-семейных споров, повторимся, является прерогативой раввинатских судов.

Переход евреев в другое вероисповедание практически невозможен, а для лиц, которые каким-то образом способствуют изменению веры, предусмотрено уголовное наказание [6]. Жесткое регулирование брачно-семейных отношений, отнесение рассмотрения брачно-семейных конфликтов к юрисдикции раввинатских судов, недопустимость для евреев изменения конфессиональной принадлежности – суть средства защиты от ассимиляции, генезис которых отсылает нас к религиозным текстам: «И не родись с ними: дочери своей не дашь его сыну, а его дочери не возьмешь для сына своего, так как он отвернет сына твоего от Меня», – говорится в «Повторении Закона» [7, с.101].

2. Императивный характер значительной части предписаний, когда запреты, ограничения и обязанности доминируют над правами и свободами субъектов еврейского права. Главным является строгое соблюдение религиозных правил и обязательство верности Богу. В так называемом Синайском законодательстве (обращение Бога к пророку Моисею) указываются именно нормы-запреты: у Моисея и «богоизбранного народа» не должно быть «других богов перед лицом Божьим»; не создавать себе кумира; соблюдать все заповеди; не произносить имени Господа Бога напрасно» [10, с. 24].

3. Отмеченная выше тесная связь нормативных предписаний с религиозными нормами, на основе которых формировалось Синайское законодательство, представляющее собой совокупность установлений из религиозных текстов, запрещающих определенные поступки (10 заповедей), подчеркивается сакральной природой предписаний: «Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить» (Иак. 4, 12). В некоторых случаях предусмотрены санкции за на-

рушение религиозных норм. Так, запрет «не убий» подкрепляется санкцией «кто ударит человека, и он умрет, тот обязательно должен быть убит» [11].

4. Равенство перед законом. Синайский уголовный закон, устанавливая наказание за то или иное преступление исходит из принципа равенства всех перед законом и судом и не делает каких-либо исключений, сводящихся к ослаблению или ужесточению карательной практики в отношении представителей какой-либо группы, закрепляя равную уголовную ответственность для всех и каждого (Исх. 21, 18–20, 26–27, 32 и др.).

5. Справедливость наказания. Синайское уголовное право пронизано идеей справедливости, поскольку установивший его всеправедный Бог не может быть несправедливым. Как указал Апостол Павел в послании к римлянам, Бог «воздаст каждому по делам его», «ибо нет лицемерия у Бога» (Рим. 2, 6, 11). Справедливость и равенство порой сродни суровости, поскольку они должны исключать при разрешении споров и принятии решений учет каких-либо обстоятельств. Тем не менее несмотря на всю жесткость Синайского уголовного законодательства, оно не лишено гуманистических начал, содержит зачатки принципа гуманизма, характерного для современного уголовного права различных государств.

Таким образом, «пределы духовного действия Законодательства Моисея не имеют ограничений во времени, в пространстве и по кругу лиц; через духовную сферу оно влияет и на содержание современного законодательства» [1, с. 41].

6. На формирование судебной системы Израиля оказали влияние уже упомянутые выше факторы исторического, религиозного, национального характера. Когда еврейский народ не имел государственности, еврейская община во многом сохранила свою идентичность благодаря еврейскому судопроизводству. Принципы судопроизводства Израиля уходят своими корнями в Тору (Пятикнижие), где говорится: «Не совершайте несправедливости на суде, не будь снисходителен к нищему и не угождай знатному: по правде суди ближнего своего» (Ваикра 19:15). Создавая судебные органы, Моисей определил требования к судьям: «выслушивайте братьев ваших и судите справедливо каждого с братом его и с пришельцем его. Не давайте никому предпочтения: как малого, так и великого выслушивайте; не бойтесь никого...» (Дварим 1:16–17) [2].

В настоящее время судоустройство и судопроизводство Израиля регулируется принятыми в 1984 году Законом о судах и Основным законом о судопроизводстве. Закон о судах 1984 года определяет юрисдикцию каждой судебной инстанции. Судебная система состоит из мировых и окружных судов, высшей судебной инстанцией является Верховный Суд Израиля, который также может заседать как Высший Суд Справедливости, исполняя отдельные функции конституционно-контрольного характера [5, с. 255; 12, с. 51]. Несмотря на значительную роль в «выживании» и в современной жизни еврейского народа религиозной общины, фактически обладающей некоторыми управленческими полномочиями и через которую население де-факто участвует в управлении делами государства, в Израиле отсутствует такая форма участия населения в отправлении правосудия как суд присяжных.

Огромную роль в жизни израильского общества играют, как отмечалось, религиозные суды, юрисдикция которых «...распространяется на вопросы, связанные с личным статусом граждан, управлением культовым имуществом и пожертвованиями...» [5, с. 255].

Израильский судебный процесс основан на принципе состязательности, в соответствии с которым судьи обосновывают свои решения доказательствами, представленными сторонами процесса.

Важной чертой судебной системы Израиля является независимость судей при реализации судебных полномочий. В Основном законе о порядке судопроизводства закреплено: «лицо, наделенное судебной властью, в отправлении своих судебных полномочий не подчинено никому и ничему, кроме закона» (ст. 2 Основного закона о порядке судопроизводства) [9]. Это положение на наш взгляд имеет библейский генезис. В Библии указывается на божественное происхождение судебной власти и ее значимость – вторая после пророческой власти Моисея. Это также дает основание современным правоведам усматривать в законах Пятикнижия древние истоки конституционализма, разделения властей и независимости суда [1, с. 121].

Судебная практика, которая создается судами Израиля, является источником права наряду с предписаниями нормативных правовых актов. Так, ст. 20 Закона о судебной власти 1984 г. гласит: «(а) Все прецеденты, созданные Верховным Судом, обязательны для всех нижестоящих судов. (б) Доктрина, установленная Верховным Судом, обязательна для всех судов, за исключением самого Верховного Суда». В этой части судебная практика имеет такое же значение, как и в Великобритании.

Особенность правовой системы Израиля заключается в том, что иудаизм официально не является государственной религией. Однако отсутствие нормативного закрепления основополагающей роли иудаизма в жизни общества и государства этим фактом не умаляется. Разрыв с иудаизмом в любой форме, в частности переход в другую конфессию или выполнение обрядов иной религии при формальном принятии иудаизма, может немедленно отразиться на общественном статусе человека [8, с. 43]

Таким образом, судьба еврейского народа, стремление сохранить свою идентичность обусловили особую роль религии и религиозных текстов, нормы которых составляют первооснову еврейского права, что характеризует правовую систему Израиля как самобытную и уникальную. В ней тесно переплетаются обычаи, религиозные догмы и нормы права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баренбойм П. Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда : учеб. пособие. М. : Белые альвы, 1997. 144 с.
2. Ветхий Завет : учебник для вузов. Одесса ; М., 2008. 57 с.
3. Декларация независимости Израиля // Электронная еврейская энциклопедия ОПТ. URL: <https://eleven.co.il/zionism/from-balfour-to-state/11392/> (дата обращения: 01.04.2023).

4. Ерофеев К. Б. Государство Израиль: теократия и гарантии свободы совести // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 50–52.

5. Ислямова М. Р. Судебная система государства Израиль // Актуальные проблемы сравнительного правоведения : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь : Изд-во Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского, 2017. С. 255–257.

6. Иудейское (еврейское) право и право современного Израиля. URL: <https://studfile.net/preview/7440782/page:50/> (дата обращения: 01.04.2023).

7. Каневский А. А. Иудейское право без государства: история и современность : учеб. пособие / А. А. Каневский. М. : ИНФРА-М, 2020. 195 с.

8. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. М. : ТК Велби Прогресс, 2006. 102 с.

9. Основной закон о порядке судопроизводства 1984 года // Официальный сайт Кнессета. URL: <http://www.knesset.gov.il> (дата обращения: 01.04.2023).

10. Прудникова Ю. Г. Иудейское право, как разновидность религиозно-правовой семьи и его положение в современном праве Израиля // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 24–26

11. Судебная система Израиля. URL: <https://web.archive.org/web/20120714162500/> (дата обращения: 01.04.2023).

12. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К. В. Харабет, А. А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. 95 с.

УДК 349.2

Смирнова Яна Олеговна,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

yana_smirnova@icloud.com

Плюснина Ольга Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

O_plusnina@ksu.edu.ru,

Ужесточение правового регулирования работы в области больших данных в Российской Федерации

В статье раскрывается необходимость введения новых правовых норм работы с большими данными и их обработки, дается анализ громких утечек больших данных, аргументируется необходимость внесения изменений в работу с большими данными и рассматриваются проблемы и перспективы введения оборотных штрафов при утечке больших дан-

ных в Российской Федерации. Автор анализируя существующее в Российской Федерации законодательство в области регулирования данных, приходит к выводу о том, что необходимо комплексное правовое регулирование и изменения в части административной и уголовной ответственности, в том числе за утечку данных должностных лиц, определяя первичность защиты права граждан на информацию в контексте регулирования больших данных.

Ключевые слова: правовое регулирование, большие данные, операторы больших данных, оборотные штрафы, цифровой актив, кибербезопасность, конфиденциальность данных, информация, информационные технологии, цифровая среда, информационная безопасность.

Smirnova Yana Olegovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Plyusnina Olga Vitalievna,
candidate of Law,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Tightening of the legal regulation of work in the field of big data in the Russian Federation

The article reveals the need to introduce new legal norms for working with big data and their processing, analyzes high-profile leaks of big data, argues for the need to make changes to working with big data and discusses the problems and prospects of introducing turnover penalties for big data leakage in the Russian Federation. Analyzing the existing legislation in the field of data regulation in the Russian Federation, the author comes to the conclusion that comprehensive legal regulation and changes are necessary in terms of administrative and criminal liability, including for data leakage of officials, determining the primacy of protecting the right of citizens to information in the context of big data regulation.

Keywords: legal regulation, big data, big data operators, negotiable fines, digital asset, cybersecurity, data privacy, information, information technology, digital environment, information security.

Во всем мире все большее значение отводится использованию больших данных, и Россия не является исключением. Активное использование больших данных требует формирования доверительного отношения общества. При изучении больших данных как правового явления и объекта правоотношений были выявлены проблемные вопросы их правового регулирования. Это вопросы конфиденциальности персонифицированных данных, т. е. создание условий, при которых будут учитываться нормы защиты неприкосновенности частной жизни и законной обработке персональных данных, а также проблема управление данными и обеспечение их защиты в новой цифровой среде.

Рассмотрим некоторые аспекты использования больших данных, связанные с конфиденциальностью данных и кибербезопасностью. Большие данные содержат большое количество личной информации, которая может быть подвержена риску нарушения конфиденциальности и кибербезопасности. Если эти данные недостаточно защищены, они могут быть уязвимы для кибератак, ис-

пользоваться не по назначению и быть проданы третьим сторонам без согласия владельцев. Утечка данных может нанести ущерб репутации организации, а также вести к утрате доверительного отношения потребителей к организациям и предприятиям – источникам и держателям данных. Следовательно, держатели больших данных обязаны обеспечить их сохранность, чтобы используемые источники и показатели были получены без каких-либо нарушений защиты персонифицированных данных и их конфиденциальности. Ключевое значение для минимизации рисков нарушения конфиденциальности и кибербезопасности при использовании источников больших данных будет иметь порядок защиты персональных данных. Основные средства должны быть инвестированы в технологии обеспечения многоуровневой безопасности, которые позволят адаптировать традиционные методы информационных технологий, такие как криптография и контроль доступа пользователей к открытым данным, для обеспечения защиты данных от реконструкции и идентификации с конкретным человеком [2].

Кроме того, права потребителей, должны быть усилены в части ограничения вмешательства со стороны государственных органов, путем установления подробного описания того, как могут использовать органы полученную информацию. В то же время необходимо помнить и о глобальной и долгосрочной стратегии в области правовой политики государства – повышении правовой грамотности в области информационной безопасности, так как одним из главных факторов возникновения проблемы утечек и компрометации персональных данных является низкий уровень «цифровой гигиены» граждан [3].

Несмотря на постоянное совершенствование законодательных норм по работе с персональными данными, громкие утечки происходят до сих пор. В 2022 году в России количество утечек выросло в 5 раз по сравнению с 2021 годом. Так, по данным специалистов кибербезопасности F.A.C.C.T. (ранее Group-IB), общее количество баз данных российских компаний, которые были представлены на теневых рынках в 2022 году, составило 311. В 2021 году таких сливов было всего 61. Одной из главных причин большого числа инцидентов стала слабая защищенность цифровых активов бизнеса, а также значительное увеличение количества кибератак, которые вызваны мировым кризисом. В марте 2022 года в сети оказалась информация о клиентах «Яндекс Еды» [3], и все желающие смогли узнать, сколько денег на продукты питания тратит его сосед. А в начале мая того же года данные утекли из «Гемотеста». В открытом доступе оказались не только имена, фамилии, адреса и номера телефонов клиентов лаборатории, но и их истории болезни, а также сведения об анализах и о тестах на ВИЧ. В августе туда попали данные более 100 тысяч заказов клиентов СДЭК, а в начале декабря в свободном доступе оказалась информация из корпоративного справочника компании «ВымпелКом». Подобные утечки случаются регулярно и в последнее время все чаще, поэтому власти вынуждены принимать все новые меры, чтобы предотвратить утечки и сливы [1].

Сейчас в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) установлены штрафы за утечку данных только для юридических лиц, и они довольно скромные – 60–100 тысяч рублей компания

должна выплатить при первой утечке, при второй и последующей – до 500 тысяч рублей [4].

Считаем необходимым перейти на персональную ответственность за утечки больших объемов данных. Необходимо доработать КоАП РФ ст. 13.50 и внести в него материальную ответственность для должностных лиц, допустивших утечку информации больших данных. Руководителей компаний необходимо наказывать за небрежное отношение с внутренней информацией на 200–400 тысяч рублей и более. Для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц штраф за аналогичный инцидент составит 0,2 % оборота, но не меньше 1 млн руб.

В случаях, если вид наказания не может обеспечить цели административного наказания, и утечка информации все-таки происходит, т. е. при повторной утечке информации, предлагаем внести административное приостановление деятельности на срок до 3 месяцев. Для этого необходимо дополнить ст. 13.51 КоАП РФ в области информации, а именно несоблюдение требований защиты информации от кибератак. Законом будет предусмотрена, обязанность операторов в течение этого времени приобрести технические средства защиты персональных данных, что позволит поднять уровень защиты. Поправки скорее создадут дополнительную нагрузку на бизнес, вызванную необходимостью соблюдения многочисленных бюрократических процедур: зачастую трудновыполнимых, затратных и излишних. Необходимо разработать процедуру добровольной аккредитации компаний по критериям информационной безопасности – она может послужить подтверждением того, что организация пыталась защитить информацию. В законопроект необходимо внести смягчающие и отягчающие обстоятельства (сокрытие факта утечки, попытки защитить информацию и т. д.) административной ответственности. Это касается более крупных утечек – например, к компании необходимо применять жесткие штрафы в размере 1 % годовой выручки и до 5 %, если она попыталась скрыть проблему от Роскомнадзора, или компания сделала все возможное, но утечка все-таки произошла, то смягчить наказание в виде штрафа 0,5 % выручки.

Безусловно, при назначении наказания за утечки информации, следует учитывать степень вреда общественным отношениям и конкретным людям, законопроект не должен предусматривать ответственность за утечку информации, не наносящей вред охраняемым интересам общества.

По нашему мнению, изменения законодательства трансформируют подходы компаний в части защиты персональных данных, а значит, изменится и уровень ущерба от киберугроз. В западных странах уже давно введены подобные меры в GDPR (General Data Protection Regulation) и оборотный штраф там составляет 4 %. Однако там может быть наложен крупный штраф не только за утечку персональных данных, но и за иные нарушения в данной сфере [7].

Ситуацию с информационной безопасностью в стране можно изменить лишь с помощью санкций, так как сейчас компаниям выгоднее заплатить штраф, чем тратить 20–30 млн руб. на выстраивание качественной системы информационной безопасности. Кроме того, существует опасность, что после его вступления в силу крупные ИТ-компании могут начать отдавать обработку пер-

сональных данных небольшим структурам, которые с ними не аффилированы, чтобы в случае чего платить незначительные оборотные штрафы. Компании будут скрывать утечки, заявляя, что не заметили их, а иногда и платить злоумышленникам, которые шантажируют «сливом» информации, потому что это будет выгоднее во всех отношениях [6].

Считаем необходимым актуализацию уголовного закона в части установления уголовной ответственности за кражу персональных данных и создание сайтов и других каналов для их распространения, внести изменения в ст. 272, 273 и 274 УК РФ, которые касаются неправомерного доступа к компьютерной информации, распространения вредоносных программ и нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации [5].

Таким образом, предлагаемые изменения способны упорядочить сбор персональных данных и облегчить устранение последствий утечек. Как показывает практика, чаще всего инциденты случаются из-за действий конкретных сотрудников компании, которые хотят продать данные на теневом рынке, а также в результате кибератак на инфраструктуру операторов. Правовые методы позволят своевременно привести деятельность операторов в соответствие требованиям законодательства и если не устранить риск утечки полностью, то как минимум снизить негативные последствия для операторов и субъектов персональных данных в будущем. Необходимость в ужесточении наказания в области информационной безопасности назрела давно. Сложно говорить о ситуации, когда мы полностью исключим утечку данных способом, но возможно минимизировать и сократить негативные последствия таких ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные киберугрозы: итоги 2022 года. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022/> (дата обращения: 22.04.2023).

2. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

3. Технологии и медиа Компании объяснили парсингом новые данные на карте с утечкой «Яндекс.Еды». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/05/2022/6284a39c9a79475026abeb6c (дата обращения: 22.04.2023).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).

6. Цифровая трансформация в государственном управлении : монография / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др. ; под ред. Е. М. Стыри-

на, Н. Е. Дмитриевой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023 (дата обращения: 22.04.2023).

7. GDPR: принципиальные нововведения. URL: https://www.vegaslex.ru/media/press_statements/gdpr_principled_innovation/ (дата обращения: 22.04.2023).

УДК 352.075.2

Фролов Дмитрий Валерьевич,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

LDP76@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

Проблема правового регулирования запретов

муниципального служащего на современном этапе

В статье анализируются вопросы, связанные с установленными запретами для муниципальных служащих, в том числе их законность. Предлагается выделить и запретить определенное негативное поведение муниципального служащего путем внесения дополнений в законодательство.

Ключевые слова: *муниципальный служащий, запреты, граждане.*

Frolov Dmitry Valeryevich,

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,

candidate of legal sciences,

associate professor,

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**The problem of legal regulation of prohibitions of a municipal employee
at the present stage**

The article analyses the issues related to established prohibitions for municipal employees, including their legality. It is suggested that certain negative behaviour of a municipal employee should be singled out and prohibited through legislative amendments.

Keywords: municipal servant, prohibitions, citizens.

Российская Федерация является демократическим правовым государством, так установлено в Конституции РФ [2]. Права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются и из этого определяется предназначение, применение законов, а далее деятельность исполнительной и законодательной власти, правосудия. Местное самоуправление не выходит из этого ряда.

Оправдать правовые ограничения прав и свобод возможно, если они отвечают требованиям объективности, являются соразмерными, рациональными и необходимыми для той самой защиты, которую должно осуществлять государство. Ограничение прав обязано обеспечивать равновесие конституционно защищаемых ценностей и интересов и принимаемые цели. Это важно для недопущения чрезмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина, причем в конкретной правоприменительной ситуации.

Мера ограничения должна быть формально отчетливой, определенной, без расширительного толкования, а значит предотвращающая безосновательное ее применение.

При этом федеральный законодатель не лишен возможности регулировать свободу слова, поскольку воплощение в жизнь своих прав и интересов часто сопрягается с обязанностями, ответственностью, с установленными формальностями, ограничениями или санкциями, которые имеют законодательное утверждение.

Нельзя забывать о национальной безопасности, целостности всего государства, об общественной налаженности. Разглашение конфиденциальной информации приводит к умалению репутации других лиц, не обеспечивает авторитет и независимость судопроизводства. Неконтролируемый поток информации приводит к панике, беспорядкам. Семейная тайна, врачебная тайна должны быть для охраны здоровья и нравственности.

Деятельность органов публичной власти, в том числе органов местного самоуправления, и их должностных лиц должны находиться под контролем. Прозрачность труда муниципальных служащих обеспечивается предоставлением гражданам обстоятельной, правдивой информации, которая касается процесса и итогов выполнения возложенных должностных обязанностей.

Выразить устно или через печатное слово свои суждения по любым направлениям эта возможность гарантируется государством.

Местное самоуправление так же обязано обеспечивать признание, охрану прав и свобод человека и гражданина, создавать условия для гармоничного развития личности в условиях народовластия, причем совместно с федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации. Местное самоуправление признается, как одна из основ конституционного строя. Это особая форма публичной власти. Должностные лица органов местного самоуправления обязаны предоставлять гражданам результаты деятельности, которая возложена как на орган публичной власти. Эта конституци-

онная обязанность служит для достижения конкретной цели – осуществление контроля за деятельностью населением.

В соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4] государственные органы, органы местного самоуправления должны осуществлять конкретные действия.

Четко прослеживается, что федеральный законодатель исходит из того, что органы местного самоуправления должны определить такой порядок информирования населения о своей деятельности, в том числе муниципальных служащих, который бы обеспечил общедоступность, достоверность информации, при этом своевременность ее предоставления.

Принципы муниципальной службы являются составной частью механизма реализации местного самоуправления. Открытость информации о деятельности муниципальных служащих основывается на нормах Федерального закона от 02 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3]. Для муниципального служащего установлен круг обязанностей, прав, ограничений и запретов.

В целях поддержания «имиджа власти» перед населением для достижения согласованной деятельности и недопущения распространения неподтвержденных данных, которые могут нанести урон положению и репутации руководителей органов местного самоуправления, в связи с прохождением муниципальной службы муниципальному служащему установлены конкретные запреты. Один из них: не допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования и их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности.

По нашему мнению установленные запреты в ст. 14 Закона № 25-ФЗ [3] являются недостаточными. Для достижения дисциплинарного режима на муниципальной службе усматривается необходимость дополнить список запретов.

В последние годы в стране участились случаи, когда служащие разных уровней, забыв о своих ограничениях в связи со службой, выражают свое негативное суждение в отношении граждан, забывая, что свобода слова для них имеет законное ограничение, о чем говорилось выше.

Проявлять корректность в обращении с гражданами является одним из требований к служебному поведению муниципального служащего. Однако, по нашему мнению, нормы о поведении являются предписывающими, а не запретными. Появляется проблема правового регулирования запретов для муниципального служащего. При определении поступка, порочащего честь и достоинство служащего, возникают трудности технического характера, поскольку разнообразие поведенческих реакций человека не позволяют их точно определить для дальнейшего применения меры воздействия, прежде всего дисциплинарную ответственность.

Следует акцентировать внимание, что сегодня сложились, установились ценности в обществе, которые диаметрально разнятся, отличаются субъективностью. Отрицаются нормы поведения и ценностные ориентиры, которые ранее были применимы. Дисбаланс нивелируется определенными инструментами, в том числе установлением пределов, в нашем случае – усиление запретов для муниципальных служащих.

Авторы статьи принципиально не приводят примеры обращений служащих в адрес граждан, которые и без того с «радостью» цитируются средствами массовой информации. Дополняя, вполне можно согласиться с мнением Л. Н. Дегтяревой [1], которая выделяет в отдельную проблему низкое качество подготовки муниципальных служащих.

Предугадать все внутренние, нравственные конфликты, возникающие в работе муниципального служащего, не представляется возможным. В силу указанных обстоятельств появилась потребность в восполнении образовавшегося правового пробела.

Таким образом, предлагается дополнить часть первую ст. 14 ФЗ № 25-ФЗ [3] пунктом 17 и изложить его в следующей редакции: «допускать некорректные высказывания, выражающие явное уничижительное отношение к гражданам».

Принятие новых предложенных запретов для муниципального служащего будет способствовать более эффективному взаимодействию с гражданами, при этом укрепит доверие к институтам муниципальной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дегтярева Л. Н., Дудин Н. М. Некоторые проблемы и противоречия в применении законодательства о муниципальной службе в муниципальных образованиях // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 26. С. 29.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.04.2023).

3. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2022) : принят Государственной Думой 7 февраля 2007 года : одобрен Советом Федерации 21 февраля 2007 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).

4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 17.07.2022) : принят Государственной Думой 21 января 2009 года : одобрен Советом Федерации 28 января 2009 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 34.09

Медведчук Анна Александровна,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко
г. Луганск, Российская Федерация
medved1313@inbox.ru

Взаимодействие правоохранительных органов и средств массовой информации

В последние годы в центре внимания исследователей находятся вопросы взаимодействия правоохранительных органов и средств массовой информации. В данной статье уделяется внимание анализу нормативно-правового режима правового нормативного информирования в России. На основании проведенного анализа автор выделяет круг проблемных вопросов связанных с правовым информированием граждан России по средствам массовой информации. Подчеркивая то, что на сегодняшний день государственная структура, обеспечивающая на систематической основе доведение до населения информации о текстах нормативно-правовых актов разного уровня на практике отсутствует.

Ключевые слова: правовая информация, средства массовой информации, правоохранительные органы, полиция, нормативно-правовой акт, правовое информирование.

Medvedchuk Anna Alexandrovna,
lecturer, Lugansk Academy of Internal Affairs
named after E. A. Didorenko
Lugansk, Russian Federation

Law enforcement interactions and media

In recent years, researchers have focused on the issues of interaction between law enforcement agencies and the media. This article focuses on the analysis of the legal regime of legal regulatory information in Russia. Based on the analysis, the author identifies a range of problematic issues related to the legal informing of Russian citizens through the media. Emphasizing that today there is no state structure that systematically provides information to the population about the texts of legal acts of various levels in practice.

Keywords: legal information, mass media, law enforcement agencies, police, legal act, legal information.

Деятельность в сфере взаимодействия со СМИ является настолько многоаспектной, что единого регулирующего правового документа не существует. Со-

трудники подразделений пресс-служб органов внутренних дел в своей повседневной деятельности учитывают конституционное, уголовное, гражданское, административное право.

Федеральным законом «О полиции» [5] утверждены главные принципы деятельности правоохранительных органов – открытость, публичность, общественное доверие и поддержка граждан.

Граждане, общественные объединения и организации имеют право получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен. Согласно ФЗ «О полиции», полиция информирует граждан о своей деятельности через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Также полиция предоставляет сведения о своей деятельности средствами массовой информации по официальным запросам их редакций и посредством проведения пресс-конференций.

В настоящее время открытость управления является основополагающим принципом деятельности органов государственной власти, законодательно утвержденным Федеральным Законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [6].

Согласно указанному закону, государственные органы обеспечивают доступ к информации о своей деятельности следующими способами:

- опубликование информации в средствах массовой информации;
- размещение информации в сети Интернет;
- размещение информации в служебных помещениях;
- ознакомление с информацией через библиотечные и архивные фонды;
- присутствие граждан, в том числе представителей организаций, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления на заседаниях коллегий;
- предоставление информации по запросу пользователей.

Общедоступная информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления предоставляется неограниченному кругу лиц посредством ее размещения в сети Интернет на официальных сайтах и аккаунтах в социальных сетях.

Приказ МВД России «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» [1] определяет способы и формы предоставления информации о деятельности органов внутренних дел. Обратим внимание на п. 11 ведомственного документа, который гласит, что: «распространение информации о деятельности органов военного управления, соединений, воинских частей, организаций и учреждений внутренних войск МВД России в СМИ организуется их командирами (начальниками) по согласованию с группой по связям со СМИ (пресс-бюро) Главного командования внутренних войск МВД России». Таким образом, доступ информации в данной сфере определяется самими командирами (начальниками) рассматриваемых учреждений.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня информации о деятельности МВД России, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [3] утверждает перечень информации о деятельности МВД России, размещаемой в сети Интернет, за исключением информации ограниченного доступа. МВД России после размещения информации обязано соблюдать сроки размещения информации о своей деятельности, а также ее достоверность и своевременное обновление.

Приказ МВД России «О порядке подготовки и размещения о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» утверждает порядок подготовки и размещения информации, определяет органы и подразделения, ответственные за подготовку информации.

При распространении информации в условиях чрезвычайной и кризисной обстановки сотрудники подразделений информации и общественных связей учитывают положения соответствующих правовых документов федерального уровня. Согласно ФКЗ «О чрезвычайном положении» [4] в качестве мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения, может быть ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также установление особого порядка аккредитации журналистов.

Информация о деятельности органов государственной власти в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций является гласной и открытой. Соккрытие, несвоевременное представление либо представление должностными лицами заведомо ложной информации влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством.

Таким образом, можно очертить определенные результаты вышеприведенного анализа нормативно-правового режима правового нормативного информирования в России:

- ведущей государственной структурой, обеспечивающей на систематической основе доведение до населения информации о текстах нормативно-правовых актов разного уровня, является Министерство юстиции РФ;

- на сегодняшний день государственная структура, обеспечивающей на систематической основе доведение до населения информации о текстах нормативно-правовых актов разного уровня на практике отсутствует;

- следует обратить внимание на то, что в России – государстве с населением примерно 145 557 576 (по данным РОССТАТа на 1 января 2022 г.) [2] – существует очень небольшой перечень официальных изданий, распространяют официальные тексты основных нормативно-правовых актов. При этом следует учитывать, что указанными изданиями практически не распространяется массив подзаконных нормативно-правовых актов министерств и ведомств, органов государственной власти на местах, актов органов местного самоуправления. Говоря об интернет-портале, существует проблема доступа в Интернет для его изучения, сложности восприятия правовой информации для населения и неумением пользоваться сетью Интернет;

– тексты нормативно-правовых актов, опубликованные в неофициальных печатных изданиях, носят сугубо информационный характер и не могут быть использованы для официального применения. Это в определенной степени сужает спектр охвата населения через печатные СМИ правовой информации нормативного характера, которая может быть практически использована гражданами, например в защите своих прав и свобод. Но чисто информативная функция сохраняется;

– системой действующих нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы правового нормативного информирования, практически не определены формы юридического влияния на субъектов, обеспечивающих этот процесс, в случаях нарушения порядка такого информирования;

– на данный момент отсутствует единый акт, регламентирующий порядок и сроки официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов различной силы.

Целесообразно также обратить внимание на то, что в системе регулирования сферы нормативного правового информирования не предполагается обязательного доведения до сведения граждан печатными средствами массовой информации нормативных актов, принимаемых, например, органами судебной власти или органами контроля и надзора. Существуют только некоторые акты, предусматривающие процедуру освещения деятельности таких органов с помощью СМИ. Однако это уже ненормативное правовое информирование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ МВД России «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71154742/> (дата обращения: 05.04.2023).

2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года : бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022 (дата обращения: 05.04.2023).

3. Указ Президента РФ от 10.08.2011. № 1060 (ред. от 08.04.2019) «Об утверждении перечня информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16985> (дата обращения: 04.04.2023).

4. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16985> (дата обращения: 04.04.2023).

5. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16985> (дата обращения: 04.04.2023).

6. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16985> (дата обращения: 04.04.2023).

УДК 343.85

Байрамова Фируза Халид кызы,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
bairamova191178@icloud.com

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент,
директор ЮИН им. Ю.П. Новицкого
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@ksu.edu.ru

**Проблемы реализации
административной и уголовной ответственности
за неуплату средств на содержание детей**

В данной статье рассмотрены проблемы привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от исполнения своих обязанностей по материальному обеспечению детей. Автор раскрывает основные положения законодательства, связанные с государственной политикой в сфере защиты института семьи, а также указывает на существующие проблемы в административном и уголовном, связанные с наказанием лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов.

***Ключевые слова:** алиментные обязательства, исполнительное производство, административная ответственность, уголовная ответственность, взыскание, исполнение.*

Bayramova Firuza Khalid kyzy,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bril Gennady Gennadievich,
doctor of law, associate professor,
director of the institute of law Yu. P. Novitsky,
professor of the department of theory and history
of state and law Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Problems of implementation of administrative and criminal liability
for non-payment of funds for the maintenance of children**

This article deals with the problems of bringing to administrative and criminal responsibility persons who evade the fulfillment of their duties for the material support of children. The author reveals the main provisions of the legislation related to the state policy in the field of protection of the institution of the family, and also points to the existing problems in the administrative and criminal spheres related to the punishment of persons who evade the payment of alimony.

Keywords: *alimony obligations, enforcement proceedings, administrative liability, criminal liability, recovery, execution.*

Согласно Конституции Российской Федерации [1] забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (часть 2 статьи 38). В соответствии со статьей 27 Конвенции о правах ребенка государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Создание благоприятной среды для развития материнства, семьи, отцовства и детства является обязательным составляющим элементом социально-экономической политики государства и залогом успешного развития общества. Защита прав детей является приоритетным направлением государственной политики. Именно проблемным вопросам реализации административной и уголовной ответственности, как строжайшего вида хотелось бы уделить внимание в нашем исследовании с целью усовершенствования соответствующего механизма административно-правовой и уголовно-правовой базы.

Статистические данные за 2021 год: в результате применения полномочий административной юрисдикции по ст. 5.35.1 КоАП РФ 5,9 тыс. должников погасили, имеющуюся задолженность в полном объеме, более 42 тыс. должников приступили к выплате алиментов (устроились на работу, встали на учет в центры занятости населения). С учетом судебной и правоприменительной практики требуют скорейшего разрешения вопроса привлечения должников, уклоняющихся от уплаты алиментов, к административной и уголовной ответственности. Следует совершенствовать законодательство в части установления имущественного положения должника, а также проведения целенаправленной работы по морально-этическому воздействию на граждан в целях создания нетерпимого отношения к действиям родителей, не уплачивающим алименты на содержание детей.

По исполнительным производствам о взыскании алиментов при наличии оснований судебный пристав-исполнитель принимает меры к привлечению должника к административной ответственности, предусмотренной ч. 1, 2 ст. 5.35.1 КоАП РФ [4]. В соответствии с диспозицией ст. 5.35.1 КоАП РФ к административной ответственности привлекаются родители или трудоспособные дети, являющиеся должниками по исполнительным производствам, возбужденным на основании судебных актов либо нотариально удостоверенных соглашений об уплате алиментов, не уплачивающие без уважительных причин средства на содержание несовершеннолетних детей (нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста) либо нетрудоспособных родителей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно-наказуемого деяния.

Особенностями данных правонарушений являются: обязательное наличие судебного решения или нотариально удостоверенного соглашения об уплате денежных средств (алиментов), невыплата денежных средств без уважительных причин в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. Под уважительными причинами следует понимать обстоятельства, при которых задолженность по алиментам образовалась у лица не по его ви-

не либо по вине других лиц, в частности, в связи с несвоевременной выплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком алиментных сумм. При этом необходимо учитывать, что приведенный перечень обстоятельств не является исчерпывающим и причины неуплаты алиментов должны устанавливаться в каждом конкретном случае отдельно.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 5.35.1 КоАП РФ, возбуждаются должностными лицами ФССП России, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, при наличии хотя бы одного из поводов, установленных ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ, и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. Протокол об административном правонарушении составляется должностным лицом ФССП России в сроки, установленные ст. 28.5 КоАП РФ, требования к содержанию протокола установлены ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ. Согласно ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ при рассмотрении дела об административном правонарушении, влекущим арест или обязательные работы, присутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, является обязательным. В соответствии с ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ протокол об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест, передается на рассмотрение судье немедленно после его составления. При этом ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ установлено, что дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела. После вступления в силу постановления суда о назначении административного наказания по ст. 5,35,1 КоАП РФ, и в случае дальнейшей неуплаты алиментов должник может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 157 Уголовного кодекса РФ [2]. Учитывая, что в диспозицию ст. 157 УК РФ введена административная преюдиция, привлечение должника к уголовной ответственности в случае уклонения от уплаты алиментов возможно только при условии, что он ранее подвергался административному наказанию за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, постановление суда о назначении наказания по делу об административном правонарушении вступило в законную силу и не истек срок, установленный ст. 4.6 КоАП РФ, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления).

Алимента с родителей взыскиваются на содержание детей до достижения ими 18-летнего возраста. Однако лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности за действия, совершенные до достижения ребенком 18 лет, и тогда, когда ребенок достиг совершеннолетия, в случае если сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности (2 года) не истекли.

Также подлежат уголовной ответственности родители, отцовство которых установлено в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 48, ст. 49 СК РФ [3], и лица, усыновившие (удочерившие) ребенка. Кроме того, следует учитывать, что факт уклонения от отбывания, назначенного судом, административного наказания, предусмотренного в диспозиции ст. 5.35.1 КоАП РФ, в том числе в виде адми-

нистративного ареста, обязательных работ либо наложения административного штрафа, не исключает, при наличии оснований, возможности привлечения должника к уголовной ответственности за неуплату алиментов и может быть использован в качестве дополнительного подтверждения наличия состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ.

Судебный пристав-исполнитель в порядке ст. 143 УПК РФ составляет рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, который незамедлительно передает начальнику отделения – старшему судебному приставу (лицу, исполняющему его обязанности) для принятия решения о регистрации сообщения о преступлении и проведении проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Среди инициатив, находящихся на различных этапах разработки, представляется важным отметить предложение по совершенствованию механизма определения справедливого размера алиментов, исходя из соотношения доходов родителей, потребностей ребенка с учетом его возраста, конкретных обстоятельств его жизни (например, получение им платного образования или медицинских услуг). В том числе на установление критериев определения суммы алиментов в твердой денежной сумме. Четкость таких критериев, их обоснованность и прозрачность будут восприниматься, как справедливые и тем родителем, который получает алименты, и тем, который их платит. Необходима дополнительная разработка специальной программы обеспечения рабочими местами должников по алиментам в центрах занятости населения, в том числе с использованием социального контракта. При содействии трудоустройства должника, решается много различных проблем, должник приступает к оплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, улучшает свое материальное положение, так как официально трудоустроен и имеет постоянный источник дохода. Практика деятельности ФССП России выявляет следующие моменты: при выдаче должнику направления на работу в центр занятости населения в целях поиска подходящей работы по месту жительства, сотрудниками центра занятости населения данная информация принимается как к сведению, и ставится отметка о том, что должник обратился и признан как в целях поиска подходящей работы, но не признан в качестве безработного. Полагаю, необходимо упростить правила регистрации и постановки на учет в центр занятости населения в поисках подходящей работы и признании их безработными. Самая главная задача ФССП России принять все необходимые меры для исполнения решения суда или нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов. Исходя из вышеизложенного в любом случае необходима поддержка со стороны государства. Одним из механизмов гарантирования исполнения алиментных обязательств может стать алиментный фонд, главная задача которого – снижение уровня неблагополучия детей, связанного с невыплатой алиментов недобросовестными родителями.

В соответствии с Поручением заместителя Председателя Правительства РФ от 25 сентября 2020 года № ТГ-П8-11806 во исполнение указания Президента России от 19 августа 2020 года № Пр-1323 на Справку по отдельным вопросам исполнения судебных актов об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей и защиты прав получателей алиментов Минюстом Рос-

сии разработаны проекты федеральных законов «О внесении изменений в статью 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации», предусматривающие привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, обязанных уплачивать алименты, при частичной уплате алиментов, которые внесены в Правительство Российской Федерации. Соответствующие правонарушения совершаются только умышленно, привлекать к административной ответственности нужно и тогда, когда алименты умышленно выплачиваются в меньшем размере. Это тоже нарушение судебного акта или нотариального соглашения, считают разработчики.

Управляющий партнер АК «Волкова и партнеры» отметили, что существует проблема с привлечением к административной ответственности тех, кто частично исполняет алиментные обязательства: «Ряд судей исходят из буквального толкования положений диспозиции ст. 5.35.1 КоАП и прекращают производство по делу при частичной уплате алиментов – из-за отсутствия состава административного правонарушения. Примером этому служит постановление мирового судьи судебного участка № 123 Волгоградской области от 17 января 2017 г. Фактическими обстоятельствами, в результате которых суд пришел к такому выводу, стали незначительные выплаты (2 тыс. руб.) со стороны должника, хотя за вмененный период он ежемесячно обязан был уплачивать алименты в размере почти 9 тыс. руб., т. е. почти 18 тыс. Если лицо, в отношении которого возбуждено дело, не явилось или не было доставлено в суд, материалы также нужно возвращать. По мнению руководителя семейной практики Адвокатской конторы г. Москвы № 5, это спорное положение. «С одной стороны, понятно, что норма обеспечивает право на защиту и доступ к правосудию, если лицо не уведомлено; с другой стороны, повлечет колоссальные злоупотребления со стороны должников. Маловероятно, что алиментных должников по административным материалам в суд будут доставлять сотрудники полиции, а сами они просто могут не приходить, затягивать процесс, ожидая истечения сроков привлечения к административной ответственности», – пояснила адвокат Татьяна Сустина.

Уклонение от алиментов на ребенка (детей) – злостное нарушение. Однако иногда такие действия человека спровоцированы определенными обстоятельствами, не зависящими от его воли. Суд также может принять во внимание то, что плательщик неумышленно уклонялся от своих обязательств, и смягчить уклоняющемуся уровень ответственности либо же вовсе освободить от нее. Материальное обеспечение ребенка не меняется, если уважительная причина неуплаты алиментов, в связи с этим необходимо внести изменения в законодательство, чтоб данные уважительные причины должника по неуплате никак не могли затронуть материальное обеспечение ребенка. С 2017 года выстроилась наиболее действенная система стимулирования уклоняющихся родителей к перечислению денежных сумм на детей. Административная ответственность за неуплату алиментов стала обширнее и жестче. После введения ст. 5.35.1 в КоАП РФ к основным мерам воздействия на алиментных неплательщиков добавились следующие виды наказания: обязательные работы, административный арест, штраф в размере 20 000 рублей.

Практика ФССП России показывает из-за уплаты незначительных сумм приставы отказывали в возбуждении уголовных дел по 8 тысячам заявлений в год. Хотя были разъяснения Верховного суда, что это неправильно. Теперь к административной и уголовной ответственности можно привлечь, если есть любой долг по алиментам: например, должник перечисляет по 1500 рублей в месяц. Основанием считается неуплата суммы, установленной решением суда или нотариальным соглашением. Уплатили полностью – оснований нет, недоплатили хотя бы 100 рублей – это правонарушение или преступление. Правительство 31 мая внесло в нижнюю палату два законопроекта, которые позволят привлекать к уголовной и административной ответственности неплательщиков алиментов даже при условии частичного перевода средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Изменения вносятся, в частности, в статью 157 УК. Они касаются тех, кто неоднократно уклонялся без уважительных причин от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних, а также нетрудоспособных детей старше 18 лет и родителей. Уголовная ответственность была предусмотрена лишь в случаях, если человек вообще не платил алименты без уважительных причин в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. Теперь же в ст. 157 УК внесены уточнения: возбуждается уголовное дело против неплательщика, даже если выплаты были не в полном размере и санкции по ст. 157 УК РФ – принудительные работы или лишение свободы на срок до одного года. К сожалению, в настоящее время общество претерпевает некую трансформацию, где ценность семьи отходит на второй план, уступая место личностному развитию человека.

По статистике службы судебных приставов, за 2022 год было рассмотрено 569 тысяч обращений граждан о взыскании алиментов. Основная масса – то, что приставы безуспешно пытаются взыскать с неплательщиков уже не первый год. Если обратиться к статистическим данным, то из них следует, что по состоянию на 2021 год в отношении детей в возрасте до 16 лет задолженность по уплате алиментов составляет 16,5 % из общего числа присужденных алиментов. На основании этого вытекает необходимость принятия более кардинальных мер к лицам, злостно уклоняющимся от исполнения алиментных обязательств. Одной из таких мер является привлечение неплательщика к административной и уголовной ответственности в соответствии со ст. 5.35.1 КоАП РФ, со ст. 157 УК РФ.

Одним важным положением является то, что в 2016 году в новой редакции статьи УК отсутствует понятие «злостное уклонение». Это также является положительной тенденцией, поскольку позволяет «отойти» от необходимости оценки злостности деяния (бездействия), которая зачастую выступает субъективной. Однако вместо этого в норме появилась формулировка «без уважительной причины» и понятие неоднократности. Отметим, что на практике это создает определенные трудности, поскольку законодателем не установлен перечень оснований, относящихся к уважительным причинам. Также остается неясным, каким образом будет устанавливаться факт неоднократности уклонения от исполнения алиментных обязательств. При этом обязательным условием неоднократности является совершение повторного деяния

в определенный временной период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. В силу ст. 4.6 КоАП РФ таковым следует считать лицо со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Таким образом, новая редакция нормы уголовного законодательства о привлечении лица к ответственности за неуплату алиментов, с одной стороны, решает ряд существенных проблем, возникающих на практике, а, с другой стороны, появляются неясности, вытекающие из обновленной формулировки. Существенным недочетом выступает то, что примечания к ст. 157 практически полностью копируют диспозицию самой статьи и не содержат значительных дополнений или определений. Также были внесены изменения, содержащие нормы административной преюдиции, а это значит, что было бы более целесообразным внести дополнения с отсылкой на нормы административного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2023).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

УДК 342.9

Нестеров Денис Олегович,
преподаватель,
Костромской торгово-экономический колледж
г. Кострома, Российская Федерация
ndeniska@yandex.ru

Соотношение правоохранительной, контрольно-надзорной и правозащитной деятельности в современной России

В статье рассматриваются современные проблемы реализации прав граждан на защиту. При этом исследуется вопрос соотношения охранительной и защитной функции государства и негосударственных формирований по отношению к правам и свободам человека.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, надзор, правозащитная деятельность, права и свободы

Nesterov Denis Olegovich,
teacher, Kostroma trade and economic college
Kostroma, Russian Federation

Correlation of law enforcement, control and supervision and human rights activities in modern Russia

The article deals with modern problems of the realization of citizens' rights to protection. At the same time, the question of the correlation of the protective and protective functions of the state and non-state formations in relation to human rights and freedoms is investigated.

Keywords: law enforcement, supervision, human rights activities, rights and freedoms.

Конституция РФ в ст. 2 провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства» [1]. Данное положение является центральным в системе основ конституционного строя, его реализация определяется следующими формами:

- самостоятельная защита (каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом);
- судебная защита (каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод);
- государственная защита (обращение в правоохранительные и надзорные органы);
- квалифицированная юридическая помощь (адвокатура, нотариат, негосударственные правозащитные институты).

В настоящее время задачи современного российского государства претерпевают многие качественные изменения. Это обусловлено не только событиями и преобразованиями, происходящими в мире, но и связано с некоторыми усложнениями общественных отношений в самом государстве. Что, несомненно, требует новых подходов к исследованию правоохранительной и правозащитной функций государства, которое посредством государственно-правового регулирования и выработки эффективных мер оптимизирует общественные отношения, добиваясь соблюдения прав и свобод человека.

В России существуют следующие виды реализации охранительной и защитной функции государства: правоохранительная деятельность; контрольно-надзорная деятельность; правозащитная деятельность.

Правоохранительную деятельность можно рассмотреть это особый вид государственной деятельности, осуществляемой в установленном законом порядке специально уполномоченными органами, направленной на обеспечение в государстве законности, правопорядка с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства. Государство, как система органов, призванных обеспечить правовую справедливость в обществе, создает

органы для решения задач охраны правопорядка, защиты личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» определяет «правоохранительную службу» как вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина [2].

Однако в отличие от других видов государственной службы законодательного акта «О правоохранительной службе» так и не принято. Несмотря на это система правовых источников правоохранительной деятельности включает в себя довольно многочисленный список законов и подзаконных актов (например, о полиции, о следственном комитете, об органах исполнения наказания и др.).

Несмотря на то, что термин «правоохранительные органы» используется в ряде федеральных законов, указах Президента РФ, ведомственных нормативных актах, само понятие «правоохранительные органы» и перечень таких органов нормативно не закреплены. Это объяснимо и тем, что в связи с развитием общественных отношений постоянно модернизируется и система правоохранительных органов.

В отличие от правоохранительной, контрольно-надзорная деятельность до 2021 года не имела законодательной регламентации и осуществлялась в порядке, установленном административными регламентами конкретных надзорных органов. Контрольно-надзорная деятельность – это особый вид государственной деятельности специально уполномоченных органов и их должностных лиц, направленной на соблюдение законности подконтрольными органами и осуществление административного принуждения по отношению к правонарушителям.

В целях упорядочения данной работы с 1 июля 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3]. Закон систематизирует правила организации и осуществления госконтроля (надзора) и муниципального контроля, в том числе закрепляет новую систему и порядок проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

Законодательное регламентирование контрольно-надзорной деятельности – это всего лишь один из шагов реформы, которая получила широко известное название «Регуляторная гильотина». По сути, реформа контрольно-надзорной деятельности нацелена на повышение уровня безопасности и устранение избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности. В итоге все привело к ограничению контрольно-надзорных функций субъектов данной деятельности и уменьшению уровня защищенности граждан.

Попытки ограничения контрольно-надзорной деятельности предпринимались Правительством РФ уже начиная с 2020 года (период «пандемии»). Так,

постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 № 438 «Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля», было запрещено проведение надзорных мероприятий до конца года, плановые проверки также были исключены [4].

Ограничения на проведение проверок, в том числе плановых действует и по сей день. Постановлением Правительства РФ от 01.10.2022 № 1743 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336» установлено, что плановые контрольные (надзорные) мероприятия, плановые проверки могут осуществляться только в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, гидротехническим сооружениям II класса [5].

Несмотря на то, что в научной литературе излагаются различные точки зрения по поводу того какие органы являются правоохранительными и надзорными, негосударственные органы, такие как адвокатура, нотариат, организации, осуществляющие частную детективную и охранную деятельность к данной категории, не относятся. Зачастую их правоохранительная направленность выражается лишь в их праве содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка.

В большей мере данным негосударственным органам характерна правозащитная деятельность, направленная на защиту субъективных прав и законных интересов физических и юридических лиц, в том числе связанная с обеспечением их доступа к правосудию.

Вместе с тем, правозащитная деятельность характерна и для органов государственной власти. Положения ст. 33 Конституции РФ позволяют сделать вывод о том, что субъектами правозащитной деятельности в России являются не только органы государственной власти (как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации), но и иные государственные органы, а также органы местного самоуправления.

Статья 33 Конституции РФ предоставляет право гражданам РФ обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Такой подход позволяет ввести в число правозащитных и иные органы, не относящиеся к властным структурам.

Деятельность по защите прав – это комплексная работа определенных субъектов правозащитной структуры Российской Федерации. Правозащитная деятельность может осуществляться посредством как государственных органов, так и созданием общественных объединений, что подразумевает создание правозащитных движений и учреждение иных организаций, преследующих цель защитить права человека.

На сегодняшний день в России учреждены и функционируют многие государственные институты, которые призваны обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и их защиту. К ним относятся суды, правоохранительные и надзорные органы, различные государственные учреждения по рассмотрению

обращений граждан, региональные уполномоченные по правам человека, ребенка, комиссии по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека и др.

Однако создание только специализированных государственных правозащитных органов или деятельность только правозащитных организаций как институтов гражданского общества не повлечет увеличения уровня защищенности граждан. Для эффективной правозащитной деятельности необходимо взаимодействие государственных и негосударственных институтов.

Таким образом, правозащитная деятельность – представляет собой сочетание деятельности государственных и негосударственных структур, формальных и неформальных организаций, внутригосударственных и международно-правовых институтов, индивидуальных и групповых, организованных и неорганизованных действий, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина от нарушений и противоправных посягательств.

Говоря о соотношении понятий «правоохранительная деятельность», «контрольно-надзорная деятельность» и «правозащитная деятельность», следует отметить, что в центре и охранительных, и защитных действий государства, исходя из конституционных приоритетов, находится, в первую очередь, человек и гражданин, а также само государство и его различные структуры. Охранительная и защитная функции государства призваны обеспечить установление режима законности как системного состояния правового государства, и как условия защиты прав и свобод человека.

Фундаментальным отличием является то, что правоохранительная и контрольно-надзорная деятельность подразумевают работу специально уполномоченных органов публичной власти по превенции правонарушений в установленном правовом (процессуальном) режиме, а правозащитная деятельность возникает по поводу нарушенных или оспоренных прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Еще одним отличием является то, что правоохранительная и контрольно-надзорная деятельность отнесена к внутренним функциям государства. Она проявляется в реализации системы мероприятий, направленных на предупреждение нарушений норм внутригосударственного права. Правозащитная же деятельность может быть реализована как во внутреннем государственном пространстве, так и за рубежом.

Например, согласно ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, Россия гарантирует своим гражданам защиту за своими пределами. В соответствии с ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

В процессе функционирования большинства органов государственной власти охрана и защита прав граждан существуют в неразрывной связи. Это выражается и в том, что правозащитные отношения порождают возникновение правоотношений правоохранительного и надзорного характера, и наоборот.

К примеру, предприятие оказавшееся в предбанкротном состоянии становится с одной стороны должником государства в части уплаты налогов, должником кредиторов, а с другой – появляется задолженность по заработной плате перед работниками. При наличии обращений (заявлений) граждан Федеральная служба по труду и занятости либо органы прокуратуры инициируют проверочные мероприятия (контрольно-надзорная деятельность), а Следственный комитет возбуждает уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 145.1. УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» (правоохранительная деятельность).

В свою очередь, несоблюдение должностными лицами органов государственного контроля (надзора), требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле влечет ответственность по ст. 19.6.1. КоАП РФ.

Между тем, в данной деятельности существует немало проблем:

- недостает системности, последовательности, научной определенности;
- правовое регулирование не отлажено в полной мере хотя и находится в стадии модернизации;
- субъекты правоохранительной, надзорной и правозащитной деятельности зачастую действуют разрозненно (недостаточно координации).

Требуется дальнейшего совершенствования и система специализированных институтов, связанных с защитой прав человека; обучение пользования юридическими защитными институтами граждан. К примеру, не всегда граждане могут правильно оценить правовую ситуацию, сделать оптимальный выбор – куда обратиться: в полицию, контрольно-надзорный орган, или в суд. В условиях реформы контрольно-надзорной деятельности обращения в государственные структуры зачастую бессмысленны.

Выход в данной ситуации в использовании специализированных правозащитных институтов: адвокатуры, юридических консультаций, общественных объединений по оказанию помощи гражданам, которые в силу закона могут представлять интересы в суде (например общество по защите прав потребителей). Таким образом, правозащитную деятельность необходимо переводить на новый уровень что повысит качество и эффективность защиты прав и законных интересов человека в России, а значит соответственно повысит качество и эффективность всей правоохранительной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 04 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 04 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 04 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 04 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ] // Российская газета. 1993. № 237.

2. О системе государственной службы Российской Федерации : Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: принят Гос. Думой 25 апр. 2003 г. : одобрен Советом Федерации 14 мая 2003 г. : [ред. от 5 дек. 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : [ред. от 5 дек. 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.

4. Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Рос. Федерации от 03 апр. 2020 г. № 438 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15. Ч. 4. Ст. 2292.

5. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Рос. Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 [ред. от 10 марта 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.

УДК 342.92

Олифиренко Екатерина Павловна,
кандидат политических наук, доцент кафедры
Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Российская Федерация
anna-54@bk.ru

Урусов Георгий Сергеевич,
студент, Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Российская Федерация
g.urusov@list.ru

Особенности регламентации деятельности прокуратуры при осуществлении взаимодействия со средствами массовой информации в эпоху цифровизации

Авторами статьи рассмотрены вопросы осуществления взаимодействия органов прокуратуры с различными средствами массовой информации. В ходе исследования были проанализированы различные формы подобного взаимодействия, выявлены позитивные и негативные стороны данного процесса. Автором также исследована нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность прокуратуры в данном направлении, в том числе акты Генеральной прокуратуры. На основе проведенного анализа автором были предложены варианты развития дальнейшего взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации.

Ключевые слова: органы прокуратуры, средства массовой информации, информирование населения, общественность, взаимодействие, законодательство.

Olifirenko Ekaterina Pavlovna,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department
North Caucasus State Academy
Cherkessk, Russian Federation

Urusov Georgy Sergeevich,

student, North Caucasus State Academy
Cherkessk, Russian Federation

Features of the regulation of the Prosecutor's Office in the implementation of interaction with the media in the era of digitalization

The author of the article considers the issues of interaction of the prosecutor's office with various mass media. In the course of the study, various forms of such interaction were analyzed, positive and negative aspects of this process were identified. The author also investigated the regulatory framework regulating the activities of the Prosecutor's Office in this area, including acts of the Prosecutor General's Office. Based on the analysis, the author proposed options for the development of further interaction between the prosecutor's office and the media.

Keywords: prosecutor's offices, mass media, informing the population, the public, interaction, legislation.

Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью одно из важнейших направлений работы, осуществляя которое следует исходить из анализа состояния законности и прокурорской деятельности. Неуклонно соблюдая требования федерального законодательства, согласно которому органы прокуратуры действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит положениям закона, они обязаны проводить информирование население через информационные агентства, печать, радио и телевидение. Взаимодействие со средства массовой информации также предполагает оперативное размещение информации о направлении в суд уголовных дел, вызвавших повышенный общественный резонанс и вынесенных по ним судебных решений, а также многочисленных нарушениях законов, выявленных в ходе прокурорских проверок [1, с. 505].

Выполнение обозначенных задач, выполняемых прокурорскими работниками, в рамках реализация Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., затронуло многие проблемные вопросы обеспечения правовой безопасности.

Прокуратуре как системе органов, осуществляющих надзор за соблюдением законодательства и исполнением законов Российской Федерации, в рамках Стратегии определен большой спектр актуальных задач, связанный с формированием устойчивых тенденций цифровой трансформации органов прокуратуры [3, с. 19]. Комплексная оптимизация процессов внутренней деятельности, формирование обновленной регуляторной базы, совершенствование информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры РФ и активизи-

зации деятельности в области информатизации – основные направления масштабный проект по цифровой трансформации деятельности органов прокуратуры [2, с. 201].

На сегодняшний момент уже проведена значительная работа в данном направлении, а именно:

- утверждена и успешно реализуется Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г., обозначены сроки, задачи, ответственные лица

- создана и запущена в эксплуатацию единая защищенная сеть передачи данных (ЕСПД) в городские и районные прокуратуры;

- в рамках перехода на электронный документооборот разработана и введена в действие подсистема, обеспечивающая переход к юридически значимым процессам электронного документооборота и надзора [5, с. 7];

- введена в действие информационная система, представляющая собой ведомственную информационно-телекоммуникационную территориально-распределенную инфраструктуру, обеспечивающая функционирование автоматизированных информационных систем [4, с. 45].;

- организованы и успешно эксплуатируются сервисы для работы с гражданами, обеспечивающие возможность подачи заявлений и жалоб и записи на прием через портал государственных услуг и т. д. [5, с. 8]. Цифровизация обозначенных направлений прокурорской деятельности - сложный и многоуровневый процесс, реализация отдельных этапов которого влечет за собой решение целого комплекса проблем, в том числе, вопросов информационного обеспечения, правового регулирования, функционирование защищенных компьютерных систем, способных обеспечить прием, передачу и первичную обработку служебной и судебной информации. Также следует обратить внимание на изменение самого характера деятельности органов прокуратуры, который отмечается повышением оперативности реагирования прокуроров на случаи выявления нарушений закона и увеличением скорости работы с поступающими обращениями [6].

Также вопросы развития электронного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, иными государственными структурами требуют постоянного совершенствования инфраструктуры, что предполагает также комплексной оптимизации всех цифровых процессов, включающей обмен как внутренней, так и межведомственной информацией [7].

Необходимо уделить внимание вопросам совершенствования правовых, нормативно-технических, организационно-методических основ создаваемых компонентов цифровой среды органов прокуратуры, а также решению вопросов повышения квалификации сотрудников прокуратуры в условиях цифровизации, что предполагает систематическое совершенствование навыков работы с использованием средств дистанционного взаимодействия с гражданами, учреждениями и государственными органами [3, с. 20]. Также реализация отдельных этапов цифровой трансформации предполагает повышение уровня открытости и доступности статистических данных для граждан

и юридических лиц на основе внедрения и использования современных цифровых сервисов [8, с. 58].

Также стоит отметить, что ряд сложностей, возникающих в процессе дистанционного взаимодействия прокурорских работников с гражданами, организациями и государственными органами. В виду единого плана работы соответствующих информационных ресурсов и систем в процессе их функционирования не может быть гарантирована полная и достаточная безопасность передачи данных и высока возможность утечки.

Резюмируя все вышеобозначенное, можно отметить значимость внедрения цифровых технологий в деятельность современной прокуратуры, что, по нашему мнению, представляется объективной необходимостью в современных условиях. Анализируемые проводимые нововведения в системе прокуратуры, можно отметить, что они в полной мере позволят обеспечить возможность принятия более взвешенных и обоснованных решений в практике правоприменения. Однако практика свидетельствует, что развитие сетевых информационных технологий требует создания и постоянного совершенствования новых средств защиты информации, позволяющих обеспечить безопасность от вмешательства нарушителей, поэтому считаем целесообразным проведение системной цифровизации в соответствии с утвержденными сроками, что на наш взгляд, позволит в значительной мере улучшить качество осуществляемой надзорным ведомством деятельности в целом, что, в конечном счете будет способствовать поддержания уровня законности в стране, прозрачности и доступности ее работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владимиров И. А., Манылова Д. А., Гамзатова К. Г. Правовое регулирование деятельности СМИ в России // Аллея науки. 2017. Т. 3, № 15. С. 504–507.
2. Горбач В. В. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры: современное состояние и проблемы // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87–7. С. 198–202.
3. Горошко И. В. Цифровая трансформация органов прокуратуры: вопросы реализации и оценки // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 18–22.
4. Завьялова И. С. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4(47). С. 44–49.
5. Иванченко Е. А., Кистанова М. А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества // Основы экономики, управления и права. 2020. № 1 (20). С. 7–9.
6. Приказ № 68/56 «Об утверждении паспорта проекта цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=1730643> (дата обращения: 25.03.2023).
7. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 (ред. от 25.11.2022) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и

организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651 (дата обращения: 26.03.2023).

8. Шакирьянов М. М. Совершенствование организации работы в органах прокуратуры по рассмотрению электронных обращений граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3(77). С. 57–61.

УДК 347.965

Дмитриева Дарья Александровна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
darya.dmitrieva.1999@mail.ru

Смирнова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
nsmirnof1971@mail.ru

Эволюция отечественного законодательства об адвокатской деятельности

Статья посвящена изучению эволюции отечественного законодательства, регулирующего вопросы становления и развития законодательного закрепления института адвокатуры, формирование признаков, принципов и гарантий адвокатской деятельности.

Ключевые слова: институт адвокатуры, адвокатская деятельность, эволюция законодательства, квалифицированная юридическая помощь.

Dmitrieva Dariya Aleksandrovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Smirnova Nataliya Aleksandrovna,
senior lecturer of the department
of criminal law disciplines,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The evolution of domestic legislation on advocacy

The article is devoted to the study of the evolution of domestic legislation governing the formation and development of the legislative consolidation of the institution of advocacy, the formation of features, principles and guarantees of advocacy

Keywords: institute of advocacy, advocacy, evolution of legislation, qualified legal assistance.

Российская Федерация, являясь правовым государством и стремясь обеспечить благополучие граждан и процветание страны, закрепило в Конституции РФ наиболее важные права человека и гарантии их реализации. Одним из значимых конституционных прав гражданина является право на получение квалифицированной юридической помощи [4, ст. 48], закрепленное в ст. 48 Основного закона страны. На протяжении нескольких веков основным и наиболее эффективным институтом оказания квалифицированной юридической помощи является адвокатура, целью деятельности которой является защита прав, свобод и интересов граждан, а также обеспечение доступа к правосудию.

В науке историю законодательного регулирования адвокатской деятельности принято подразделять на три этапа (периода): досоветский (царский) период (до 1917 года), советский период (1917–1991 гг.), постсоветский период (1991 год – настоящее время).

Первое упоминание об адвокатской деятельности в законодательстве древней Руси встречается в XV веке в Новгородской и Псковской Судных грамотах. Адвокатская деятельность того времени именовалась представительством в судебной системе. Новгородская Судная грамота предполагала представительство для любого сословия, кто этого требовал [5], в отличие от Псковской Судной грамоты, которая устанавливала представительство в судебной системе для социально незащищенных категорий граждан, а именно: женщины, дети, старики, монахи [10]. Кроме того, Новгородская и Псковская Судные грамоты регламентировали ряд ситуаций, при которых было запрещено использование услуг представителей в судебной системе [5, С. 13], а также участие родственников в качестве представителя в судебной системе [5, С. 17–19].

Следующими значимыми правовыми источниками, регламентирующими адвокатскую деятельность, являются Судебники 1497 года и 1550 года. Данными правовыми актами устанавливалась оплата услуг представителя в суде, которые взыскивались за счет проигравшей стороны [12], т. е. появляется признак возмездности адвокатской деятельности.

Соборное уложение 1649 года установило норму, позволяющую обращаться в суд за защитой своих прав и интересов, при введении дела через представителя без личной явки в суд, но с условием, что в случае обжалования судебного решения оно будет отменено [11, С. 108].

В период правления Петра I впервые упоминается термин «адвокат» в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 года, глава 5 которого называется «О адвокатах и полномочных». Петр Первый не был сторонником состязательности суда, в связи с чем считал, что наличие адвоката в судебном процессе запутывает судью и затягивает дело. Тем не менее, принятый в период правления Петра I Указ «О форме суда» от 05. 11.1723, по мнению Д. С. Дмитриева, Д. С. Дмитриевой и О. Н. Городновой, стал отправной точкой в развитии представительства в судебной системе ввиду того, что сами представители наде-

лялись возможностью помимо физического представительства осуществлять также правозащитную деятельность в рамках судопроизводства [2].

Свое окончательное оформление российская адвокатура получила в 1864 году в период судебной реформы Александра II, согласно которой институт присяжных поверенных представлял собой форму самоуправляющейся организацией по защите прав граждан в виде присяжных поверенных.

Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года регламентирует участие присяжных поверенных в судебном производстве, устанавливая их права, обязанности, полномочия, требования к кандидату в присяжные поверенные, ответственность присяжного поверенного. Так, согласно Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года требованиями в кандидаты на присяжного поверенного являются: наличие аттестата о получении высшего юридического образования и юридический стаж не менее 5 лет [13, с. 354].

Раздел II отделения 3 главы 2 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года устанавливает права, обязанности и ответственность присяжных поверенных. Так, присяжный поверенный вправе участвовать в делах во всех судах округа судебной палаты, к которой они приписаны; участвовать в производстве по гражданским делам или на основании доверенности или по назначению вследствие просьбы тяжущихся или по назначению председателя суда; в уголовных делах присяжные поверенные принимают на себя защиту подсудимых или по соглашению с ними, или по назначению председателя судебного места и иные права [13]. Данным нормативным правовым актом устанавливалось, что такса вознаграждения присяжного поверенного на каждые три года устанавливается министром юстиции по представлениям судебных палат и советов присяжных [13]. Кроме того, Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года установил ряд запретов присяжных поверенных, к которым относятся запрет на участие в суде в качестве поверенного против своих родителей, жены, детей, родных братьев, сестер, дядей и двоюродных братьев и сестер; запрет на представление интересов не только в одно и то же время обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой; запрет на оглашение тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от него и даже после окончания дела [13].

И. В. Халилов убежден, что «в результате судебной реформы судопроизводство было преобразовано из тайного, следственного и письменного в гласное, состязательное и устное, для достижения чего и был создан правовой институт судебной защиты в лице присяжных поверенных. Институт адвокатуры получил определенную самостоятельность, это связано с тем, что по судебному законодательству Российской империи того времени высший надзор за действиями присяжных поверенных осуществляли Сенат и судебная палата. Было исключено право судьи в судебном заседании незамедлительно привлекать к дисциплинарным взысканиям присяжных поверенных. Таким образом, в процессуальном законодательстве прочно закрепились такие принципы судопроизводства, как состязательность, гласность, устность, являющиеся основополагающими для современного российского процессуального права» [14].

Период советского законодательства об адвокатской деятельности начинается с принятия в 1917 году Декрета о суде № 1, которым был упразднен институт присяжной и частной адвокатуры [1]. Принятый 21 октября 1920 года Декрет ВЦИК окончательно ликвидировал институт адвокатуры.

Утвержденное постановлением от 26.05.1922 года № 425 на третьей сессии ВЦИК Положение об адвокатуре образовало коллегии защитников по уголовным и гражданским делам при губернских отделах юстиции. Данным Положением неимущие лица освобождались от оплаты вознаграждения защитникам по уголовным и гражданским делам при признании их таковыми особым постановлением суда, при этом по делам бесплатной защиты необходимые расходы по делу производятся за счет фонда коллегии защитников.

Принятое 27 февраля 1932 года Положение «О коллективах членов коллегии защитников» устанавливает перечень услуг, с помощью которых оказывается юридическая помощь, а именно: дача юридических советов в словесной и письменной форме; составления разного рода деловых бумаг, жалоб и заявлений по судебным и административным делам; ведение судебных и административных дел; проведение докладов, бесед и консультаций [6].

Утвержденное постановлением от 16 августа 1939 года № 1219 СНК СССР Положение об адвокатуре СССР предусматривало организацию адвокатуры в виде областных, краевых и республиканских коллегий адвокатов [9]. Заниматься адвокатской деятельностью члены коллегии могли только через юридические консультации. Положение об адвокатуре СССР включало в себя нормы, регламентирующие прием и исключение членов коллегии адвокатов, структуру коллегии адвокатов, ответственность адвокатов. Кроме того, Положение об адвокатуре СССР устанавливало закрытый перечень услуг, посредством которых адвокатами осуществлялась юридическая помощь, а именно: дача юридической консультации (советов, справок, разъяснений и пр.); составление заявлений, жалоб и других документов по просьбе граждан, учреждений, организаций и предприятий; участие адвокатов в судебных процессах в качестве защитников обвиняемых, представителей интересов ответчиков, истцов и других заинтересованных лиц [9].

Принятый 25 декабря 1958 года Закон СССР «Об утверждении основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» детализировал участие адвоката в уголовном деле, установив границы допуска адвоката в уголовном деле, установив случаи, когда участие защитника обязательно [3].

Принятое 25 июля 1962 года новое Положение об адвокатуре РСФСР устанавливало цели адвокатской деятельности. Так, согласно ст. 2 Положения об адвокатуре РСФСР «коллегия адвокатов призваны содействовать охране прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций и колхозов, соблюдению и укреплению социалистической законности, осуществлению правосудия» [8]. Кроме того, расширился перечень услуг, оказываемых адвокатами при осуществлении юридической помощи. Статья 5 Положения об адвокатуре РСФСР устанавливает, что «общее руководство коллегиями адвокатов в РСФСР и контроль за их деятельностью осуществляются Министерством юстиции РСФСР» [8].

Новеллой Закона «Об адвокатуре в СССР», принятого 30 ноября 1979 года, стал перечень категории дел, по которым адвокаты оказывали бесплатную юридическую помощь [3]. В остальном Закон «Об адвокатуре в СССР» так же детально регламентировал адвокатскую деятельность, как и Положение об адвокатуре РСФСР 1962 года.

Принятое 20 ноября 1980 года Положение об адвокатуре РСФСР каких-либо принципиальных изменений в организацию и деятельность адвокатуры не привнес, однако он закрепил требование о наличии высшего юридического образования как обязательного условия для вступления в коллегия адвокатов [7, с. 11]. Общее руководство адвокатурой было возложено на Советы народных депутатов и их исполнительные органы как непосредственно, так и через органы юстиции [7, с. 31]. Министерство юстиции РСФСР и его органы на местах контролировали соблюдение адвокатами законодательства СССР и РСФСР, издавали инструкции и методические рекомендации для коллегий адвокатов [7, с. 32]. Министерство юстиции, местные органы юстиции, а также исполкомы областных, краевых советов могли приостанавливать любое не соответствующее, по их мнению, законодательству решение общего собрания (конференции) или постановление президиума коллегии адвокатов [7, с. 35]. Таким образом, Положение 1980 года, как и прежде, допускало непосредственное вмешательство государственных органов в деятельность адвокатских объединений. Инструкциями Министерства юстиции контролировались даже размеры как гонорара за ведение конкретного дела, так и общий месячный доход каждого адвоката [7, с. 31].

Постсоветский период развития и становления законодательства об адвокатской деятельности следует начать с Конституции РФ, поскольку Основной закон закрепил принцип презумпции невиновности [4, ст. 49], а также государственные гарантии предоставления квалифицированной юридической помощи гражданам [4, ст. 48].

Анализируя постсоветский период, нельзя не указать основополагающий нормативный правовой акт, имеющий главенствующее значение в реализации адвокатской деятельности – это ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», который предусмотрел определенный терминологический аппарат, установил порядок приобретения статуса адвоката, права, обязанности и ответственность адвоката, принципы и гарантии адвокатской деятельности, виды оказываемой юридической помощи, организационные формы адвокатуры и иные вопросы. Закон обеспечил и реформирование организационной структуры российской адвокатуры. На смену коллегиям республик, краев и областей пришли адвокатские палаты субъектов РФ. С принятием Закона об адвокатуре для непосредственного осуществления адвокатской деятельности адвокаты получили возможность выбирать одну из четырех организационно-правовых форм.

Кроме того, необходимо отметить, что теоретические вопросы адвокатской деятельности в настоящий момент довольно актуальны и имеют дискуссионный характер.

В настоящее время разработан законопроект о внесении изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», который был принят в пер-

вом чтении. Новациями данного законопроекта являются создание Единого государственного реестра адвокатов, который станет единственным федеральным государственным информационным ресурсом, содержащим достоверные сведения об адвокатах, повышение требований к уровню образования претендентов на получение статуса адвоката, наличие определенных медицинских документов, подтверждающих отсутствие ряда заболеваний, препятствующих осуществлению адвокатской деятельности, уточнение требований к адвокатскому запросу и ряд других нововведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 01.04.2023).

2. Дмитриев Д. С., Дмитриева Д. С., Городнова О. Н. Историческое развитие российской адвокатуры // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46682474> (дата обращения: 25.03.2023).

3. Закон СССР от 30 ноября 1979 года № 1165-X «Об адвокатуре в СССР». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5678> (дата обращения: 01.04.2023).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (по состоянию на 21 июля 2014 г.) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).

5. Новгородская Судная грамота 1440-1471. URL : <http://музейреформ.рф/node/13624> (дата обращения: 25.03.2023).

6. Положение о коллективах членов коллегии защитников, утвержденное коллегией НКЮ РСФСР от 27.02.2032 года. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1353.htm / (дата обращения: 01.04.2023).

7. Положение об адвокатуре РСФСР от 20 ноября 1980 года. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1037> (дата обращения: 01.04.2023).

8. Положение об адвокатуре РСФСР от 25 июля 1962 года. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5866.htm (дата обращения: 01.04.2023).

9. Положение об адвокатуре СССР, утвержденное постановлением СНК СССР от 16 августа 1939 года № 1219. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4198.htm (дата обращения: 01.04.2023).

10. Псковская Судная грамота 1397 год. URL: <http://музейреформ.рф/node/13623> / (дата обращения: 25.03.2023).

11. Соборное Уложение 1649 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 25.03.2023).

12. Судебник 1497 года. URL: http://his95.narod.ru/1497_1.htm (дата обращения: 25.03.2023).

13. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года. URL: <http://музейреформ.рф/node/13688> (дата обращения: 25.03.2023).

14. Халилов И. В. Адвокатура России в период судебной реформы 1864 года: историко-правовой аспект // Социология и право. 2019. № 2(44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokatura-rossii-v-period-sudebnoy-reformy-1864-g-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 25.03.2023).

УДК 342.4

Каплан Дарья Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
kaplan4daria@mail.ru

Конардов Сергей Борисович,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
skonardov@yandex.ru

**К вопросу о составе квалификационных комиссий для приема
квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение
статуса адвоката, а также для рассмотрения жалоб на действия
(бездействие) адвокатов**

В статье авторы исследуют состав квалификационных комиссий адвокатуры, работа которой позволяет выявить соответствие профессионального уровня адвокатов установленным законом требованиям.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, квалификационные комиссии, экзамен, состав, научное сообщество.

Kaplan Daria Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Konardov Sergey Borisovich
senior Lecturer of the department
of criminal law disciplines, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**On the question of the composition of qualification commissions
for admission qualifying examinations for persons applying
for the status of lawyer, as well as for the consideration of complaints
against the actions of (inaction) of lawyers**

In the article, the author examines the composition of the qualification commissions of the bar, whose work makes it possible to identify the compliance of the professional level of lawyers with the requirements established by law.

Keywords: *lawyer, advocacy, qualification commissions, examination, composition, scientific community.*

Важную роль в деятельности адвокатуры, как института гражданского общества, играют квалификационные комиссии, которые согласно положениям пункта 1 статьи 33 Закона об адвокатуре создаются для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов.

В состав квалификационной комиссии входит 13 членов, из которых: 7 адвокатов (большинство), 2 представителя от территориального органа юстиции, 2 представителя от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, по одному представителю от верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа и от арбитражного суда субъекта РФ.

Экзаменационная деятельность по проверке профессиональной пригодности кандидата, претендующего на получение статуса адвоката, равно как и деятельность по привлечению адвокатов к дисциплинарной ответственности, имеет колоссальное значение для целей эффективного осуществления адвокатами юридической помощи, и поддержания статуса адвокатуры, как профессионального сообщества адвокатов.

Работа данной комиссии позволяет выявить соответствие профессионального уровня адвокатов установленным законом требованиям, так как члены аттестационной комиссии руководствуются принципами справедливости и беспристрастности, осуществляя свою деятельность.

Анализ научных источников по данному вопросу, а также изучение деятельности квалификационных комиссий в различных регионах позволяет сделать вывод о необходимости включения в их состав представителей научного сообщества из числа профессорско-преподавательского состава действующих учреждений высшего образования (университетов), осуществляющих подготовку по направлению «Юриспруденция».

В работах В. В. Кониная, И. И. Эсмантовича и Я. С. Казанцева отмечается, что в квалификационную комиссию входят преимущественно сами адвокаты, что образует этическую проблему, поскольку привлечение большого количества адвокатов к принятию экзамена у претендентов на присвоение статуса адвоката, тем более в численном превосходстве в квалификационной комиссии, создает определенную почву для предвзятости квалификационного экзамена, когда сами адвокаты решают вопрос о том, кому быть для них новым конкурентом, кого допустить в свой тесный круг [2, с. 93–98; 1, с. 21–22].

И. И. Разуваев, В. А. Баранов, Н. И. Руднева и С. В. Белякова указывают, что квалификационная комиссия не всегда ответственно и беспристрастно подходит к отбору кандидатов для получения статуса адвоката. Зачастую на результаты квалификационного экзамена влияют личные отношения между членами квалификационной комиссией и экзаменуемым. Таким образом, не исключена возможность определенного влияния членов квалификационной ко-

миссии по приему квалификационного экзамена на оценку его результатов претендента в адвокаты и о сомнении в соблюдении принципов беспристрастности, справедливости и объективности [5, с. 42].

О расширении (обновлении) круга лиц, принимающих адвокатский экзамен, косвенно указывает З. А. Папулова, считая это одним из способов для повышения качества проверки знаний лица, претендующего стать адвокатом [4, с. 50–52].

На практике ситуация по составу квалификационной комиссии различна в зависимости от региона.

Так, например, в состав квалификационной комиссии Адвокатской палаты Костромской области, входят в качестве представителей законодательного органа заведующие кафедрами уголовно-правовых дисциплин и гражданско-правовых дисциплин Юридического института им. Ю. П. Новицкого ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», которые, определенно относятся к числу лиц, являющихся преподавателями юридических дисциплин образовательной организации высшего образования [6].

Между тем, в состав квалификационной комиссии Адвокатской палаты Ярославской области лица, являющиеся представителями научного сообщества или иным образом связанные с преподаванием юридических дисциплин в высшем учебном заведении в сфере юриспруденции, не включены. Аналогичная ситуация по составу квалификационной комиссии наблюдается и в Адвокатской палате Ивановской области [7, 8].

Исходя из вышеизложенного, представляется, что квалификационная комиссия не должна состоять только из лиц, исключительно сведущих в практической области юриспруденции. Полагаем, что проверка теоретических базовых знаний в области юриспруденции у лица, претендующего на получение статуса адвоката, членом квалификационной комиссии, являющимся представителем научного сообщества, будет способствовать, по нашему мнению, наиболее объективному приему указанного экзамена, в ходе которого могут быть заданы теоретические, современные и актуальные вопросы правоприменительной практики, обсуждаемые в научных и практических кругах новации в законодательстве, не связанные непосредственным и исключительным образом с практической областью, т. е. те вопросы, которые лица, практикующие юриспруденцию, могут и не задать. Отсутствие среди них представителя научного сообщества из числа профессорско-преподавательского состава действующих учреждений высшего образования не отвечает требованиям стремительно изменяющегося общества, что может привести к снижению эффективности адвокатами юридической помощи. Такой подход, на наш взгляд, объединяющий теоретические и практические знания в области юриспруденции, позволит наиболее эффективным образом обеспечить проверку знаний лица, претендующего стать адвокатом – лицом, являющимся независимым, и что самое главное, профессиональным советником по правовым вопросам.

В поддержку данного предложения отметим, что представителями научного сообщества, например, также являются:

– члены экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи, причем, как экзаменационных комиссий субъектов РФ, так и Высшей экзаменационной комиссии (подпункт 4 пункта 1, подпункт 2 пункта 2 статьи 11.1 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации») [9];

– члены квалификационных комиссий, образуемых при территориальных органах юстиции для организации и приема квалификационного экзамена у лиц, претендующих стать нотариусами (часть 2 статьи 4 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1) [3].

Анализируя деятельность квалификационной комиссии с позиции рассмотрения ею жалоб на действия (бездействие) адвокатов, отметим, что наличие в составе квалификационной комиссии представителя научного сообщества также является целесообразным.

Из положений Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (далее – Кодекс) следует, что жалобы, представления и обращения в отношении адвоката должны быть рассмотрены, прежде всего, объективно и с обязательным учетом принципа справедливости, без реализации которых невозможно дать правовое заключение по результатам рассмотрения таких жалоб, представлений и обращений.

В пункте 2 статьи 23 Кодекса указано, что квалификационная комиссия должна дать заключение по возбужденному дисциплинарному производству в том заседании, в котором состоялось разбирательство по существу, на основании непосредственного исследования доказательств, представленных участниками производства до начала разбирательства, а также их устных объяснений.

Из смысла указанной нормы следует, что всем членам квалификационной комиссии, как коллегиальному органу адвокатуры, в ходе дисциплинарного производства предстоит дать оценку доказательствам, представленным участниками производства, а также их устным объяснениям, что немаловажно, поскольку доказательства и устные объяснения могут быть по-разному оценены лицами, практикующими в области юриспруденции и лицами, являющимися представителями научного юридического сообщества. Этот же вывод следует и при принятии квалификационной комиссией заключений, предусмотренных подпунктами 1, 2, 6 пункта 9 статьи 23 Кодекса, которые в силу положений пункта 14 этой же статьи Кодекса, должны быть мотивированными, обоснованными, а их мотивировочная часть должно содержать указания на фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом, которыми руководствовалась комиссия при вынесении того или иного заключения.

Таким образом, нами предлагается дополнить состав квалификационной комиссии (адвокатского сообщества и иных лиц), включив в число ее членов одного представителя от научного сообщества путем замены одного лица от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта

РФ, при том, что последний не может быть депутатом, государственным или муниципальным служащим, а стало быть, область его практической деятельности, по нашему мнению, не существенным образом отличается от практической деятельности представителей территориального органа юстиции, являющегося органом государственной власти.

С учетом изложенного, предлагаем внести изменения в подпункт 3 пункта 2 статьи 33 и абзац первый пункта 5 статьи 33 Закона об адвокатуре, а также дополнить положения пункта 2 статьи 33 Закона об адвокатуре новым подпунктом 6.

Предлагаемые изменения, по нашему мнению, позволят:

– повысить объективность и независимость, а также усилить справедливость принимаемых квалификационными комиссиями, за счет обязательного участия в них представителя от научного юридического сообщества, решений по вопросам, отнесенным Законом об адвокатуре, к их компетенции;

– увеличить уровень качества принимаемого у претендентов в адвокаты квалификационного экзамена;

– привести в соответствии состав квалификационной комиссии с составами иных профессиональных сообществ (экзаменационные и квалификационные комиссии по приему экзамена на должность судьи и нотариуса) в части включения в его члены представителя научного сообщества, как того требуют современные реалии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанцев Я. С. Личностно-этические аспекты процедур формирования кадрового состава адвокатуры Российской Федерации // *Мировой судья*. 2011. № 9. С. 21–22.

2. Конин В. В., Эсмантович И. И. Анализ изменений в законодательстве Российской Федерации об адвокатуре // *Современное право*. 2021. № 6. С. 93–98.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2022) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2023).

4. Папулова З. А. Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката: новые тренды и необходимость перемен // *Адвокатская практика*. 2019. № 6. С. 50–52.

5. Разуваев И. И., Баранов В. А., Руднева Н. И., Белякова С. В. Условия приобретения статуса адвоката: действующее законодательство и новации // *Наука и образование*. 2018. № 3-4. С. 40.

6. Состав квалификационной комиссии Адвокатской палаты Костромской области // Официальный сайт Адвокатской палаты Костромской области. URL: <https://apko.fparf.ru/about/qualification/composition> (дата обращения: 14.02.2023).

7. Состав квалификационной комиссии Адвокатской палаты Ярославской области // Официальный сайт Адвокатской палаты Ярославской области.

ти. URL: <https://apyo.fparf.ru/about/qualification/composition> (дата обращения: 14.02.2023).

8. Состав квалификационной комиссии Адвокатской палаты Ивановской области // Официальный сайт Адвокатской палаты Ивановской области. URL: <http://ap-37.ru/apio/kvalifikaczionnaya-komissiya> (дата обращения: 14.02.2023).

9. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2023).

УДК 364.054

Осипов Илья Евгеньевич,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ilyhahaha@bk.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

Благотворительность как вид социальной ответственности бизнеса: проблема правового регулирования

В статье анализируется вопрос развития социальной ответственности бизнеса. Рассматриваются отношения государства и бизнеса как деятельности направленной на получение прибыли. Предлагается упразднить механизмы принуждения для осуществления социальной ответственности бизнесом путем внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, благотворительность, налог на прибыль, пожертвования, добровольная основа социальной ответственности.

Osipov Ilya Evgenievich,

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,

candidate of legal sciences,

associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The problem of the development of social responsibility of business in the Russian Federation

The article analyzes the issue of the development of social responsibility of business. The relations between the state and business are considered as activities aimed at making a profit. It is proposed to abolish enforcement mechanisms for the implementation of social responsibility by business by amending the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: *social responsibility of business, charity, income tax, donations, voluntary basis.*

Социальная ответственность бизнеса – это, прежде всего обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества, включая социальную, экономическую и экологическую сферы, принятое компанией сверх того, что требует закон и экономическая ситуация [1, с. 72–77]. В первом полугодии 2021 года российские компании направили на благотворительность более 8 млрд рублей, сообщает Минэкономразвития. В 2020 году эта сумма составила 10 млрд рублей. В министерстве такие показатели связывают с тем, что в 2020 году были введены налоговые стимулы для коммерческих организаций, которые участвуют в благотворительности. Юридические лица, пожертвовавшие имущество или денежные средства некоммерческим организациям, смогли получить налоговые преференции. По данным налоговой службы, за 2020 год 36 компаний указали в декларации расходы, безвозмездно переданные НКО. Сумма расходов составила 10 млрд рублей, а сумма преференции по налогу на прибыль – 2 млрд рублей. В 2021 году количество таких организаций увеличилось. За первое полугодие 2021 года уже 53 компании заявили о расходах на благотворительность. Налоговая льгота распространяется на отчисления тем НКО, которые входят в два реестра Минэкономразвития [2]. Это «Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций» и «Реестр некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». В этих списках находятся около 43 некоммерческих организаций.

Социальная ответственность бизнеса – это не правило, а этический принцип, который должен быть задействован в процессе принятия решения. Государство своим примером, прозрачностью своих действий должна убедить бизнесменов в том, что в социальные проекты нужно финансировать. Но это не значит, что к тому бизнесу, который не захочет заниматься благотворительностью, будут применены какие-либо санкции. А тот бизнес, который будет социально ответственным, кто будет участвовать в благотворительности, тот будет иметь особое к себе отношение со стороны государства. Такие представители бизнеса будут иметь позитивное отношение со стороны общества, а не со стороны власти. На сегодняшний день благотворительность как вид социальной ответственности воспринимается в лучшем случае как нечто должное. Предпринимательство нуждается в стимулах со стороны государства на развитие и повышенном уровне правовой культуры. Однако только совместные усилия власти и предпринимателя могут привести к решению наиболее острых социальных проблем, стоящих сегодня перед нашим обществом. В этом процессе

в равной степени должны быть задействованы и заинтересованы и государство, и бизнес.

Коммерческое предприятие, обязано платить налоги (и в случаях, предусмотренных законом, нести юридическую ответственность), однако оказывать или не оказывать спонсорскую помощь – такое решение организация принимает исключительно самостоятельно и на добровольной основе. Социальная ответственность, в отличие от юридической, подразумевает добровольный характер.

Действующее налоговое законодательство предписывает организациям, которые занимаются благотворительной деятельностью, оказывать помощь нуждающимся только из средств чистой прибыли. В связи с этим организации не освобождены от уплаты налога на прибыль из тех сумм, которые были направлены на благотворительность, а расходы на благотворительность уменьшают налог на прибыль только в строго определенных случаях.

В 2020 году в связи с пандемией коронавируса были приняты поправки в Налоговый кодекс РФ, в силу которых организации уменьшают налог на прибыль путем включения в расходы, связанные с производством и (или) реализацией. Пожертвования в виде имущества (в том числе денежных средств), переданного организациям, включенным в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, которые являются получателями соответствующих субсидий и грантов (пп. 19.6 п. 1 ст. 265 НК РФ) [3]. Стоимость безвозмездно переданного на борьбу с коронавирусом (лечение, диагностика, предотвращение распространения) имущества или перечисленных (переданных) денежных средств. Установлены лимиты на налогообложение спонсорской помощи для коммерческих организаций. Расходы в целях налогообложения прибыли признаются в размере, не превышающем 1 % от выручки от реализации, определяемой в соответствии со ст. 249 НК РФ (пп. 19.6 п. 1 ст. 265 НК РФ) [3]. Также стоит отметить, что в силу пп. 16 и 34 ст. 270 Налогового кодекса РФ [3], при определении налоговой базы не учитываются расходы «в виде стоимости безвозмездно переданного имущества (работ, услуг, имущественных прав) и расходов, связанных с такой передачей», и «целевые отчисления, сделанные налогоплательщиком на содержание некоммерческих организаций и ведение ими уставной деятельности» [3]. Министерство финансов РФ считает, что расходы, произведенные организацией в рамках благотворительной деятельности, не отвечают требованиям ст. 252 Налогового кодекса РФ [3] и, следовательно, не уменьшают налоговую базу по налогу на прибыль (Письмо Минфина от 16.04.2010 № 03-03-06/4/42, Письмо от 04.04.2007 № 03-03-06/4/40). Нормами статьи 284 НК РФ [3], предусматривается, что органы законодательной власти субъектов РФ вправе уменьшать ставки налога на прибыль в части, подлежащей зачислению в региональный бюджет (до 13,5 %) для отдельных категорий налогоплательщиков, например: для организаций-резидентов особой экономической зоны законами субъектов Российской Федерации может устанавливаться пониженная налоговая ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, от деятельности, осуществляемой на территории особой экономической зоны, при условии ведения раздель-

ного учета доходов (расходов), полученных (понесенных) от деятельности, осуществляемой на территории особой экономической зоны, и доходов (расходов), полученных (понесенных) при осуществлении деятельности за пределами территории особой экономической зоны [3]. Региональные власти при желании уменьшают налоговые ставки, по которым осуществляется налогообложение благотворительного фонда [4].

Предлагаем абзац седьмой подпункта 1 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«Указанный в настоящем подпункте вычет предоставляется в размере фактически произведенных расходов, но не более 50 процентов суммы дохода, полученного в налоговом периоде и подлежащего налогообложению. Если получателями пожертвований являются государственные и муниципальные учреждения, осуществляющие деятельность в области культуры, а также некоммерческие организации (фонды) в случае перечисления им пожертвований на формирование целевого капитала в целях поддержки указанных учреждений, предельный размер вычета, установленный настоящим абзацем, может быть увеличен законом субъекта Российской Федерации до 70 процентов суммы дохода, полученного в налоговом периоде и подлежащего налогообложению. Указанным законом субъекта Российской Федерации также могут быть установлены категории государственных, муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность в области культуры, и некоммерческих организаций (фондов), пожертвования которым могут быть приняты к вычету в увеличенном предельном размере».

Таким образом мы сможем простимулировать организации делать больше вложений с меньшими потерями и это в свою очередь расширит объем средств, направленных от коммерческих организаций для решения различных финансовых проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникеева О. П. Модели социальной ответственности бизнеса: мировой опыт и российская практика // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 72–77.

2. Центр стратегических разработок : [официальный сайт]. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/c4a/mpnfsribb0icqq3xg4tjqwz966_zupqlg.pdf (дата обращения: 13.11.2022).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ// Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).

4. Письмо Министерства финансов РФ от 16 апреля 2010 года № 03-03-06/4/42 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200012> (дата обращения: 15.01.2023).

УДК 34.096

Пендюр Марина Сергеевна,
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
marina.pendyur@yandex.ru

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Теоретико-правовой взгляд на участие прокуроров стран Европы в гражданском судопроизводстве с целью защиты трудовых прав граждан

Статья посвящена особенностям защиты прокурором трудовых прав в гражданском судопроизводстве в странах Европы. Авторами проводится анализ норм гражданского, гражданско-процессуального законодательства, научной литературы, раскрываются проблемы участия прокурора в судебном заседании при защите трудовых прав в зарубежных странах, исследуются статистические данные.

Ключевые слова: защита трудовых прав, участие прокуроров стран Европы, нарушений трудовых прав.

Pendur Marina Sergeevna,
student, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer of the department of civil Law disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Theoretical and legal view on the participation of European prosecutors in civil proceedings in order to protect the labor rights of citizens

The article is devoted to the peculiarities of the prosecutor's protection of labor rights in civil proceedings in European countries. The authors analyze the norms of civil, civil procedure

legislation, scientific literature, reveal the problems of the prosecutor's participation in the court session in the protection of labor rights in foreign countries, investigate statistical data.

Keywords: *protection of labor rights, participation of prosecutors of European countries, violations of labor rights.*

Обеспечение трудовых прав граждан стало одной из основных проблем международного сообщества, так как эксплуатация и нарушение трудовых прав всех категорий не уменьшается, несмотря на наличие множества деклараций, и международных договоров.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве по делам о защите прав работников вне зависимости от формы участия имеет особое значение в связи с тем, что нарушения, допускаемые работодателями, зачастую носят массовый характер и защита трудовых права, свобод и интересов работников становится первоочередной задачей. Работник, как правило, являясь слабой стороной в трудовых правоотношениях, порой не может в полном объеме защитить собственные права, свободы и законные интересы.

Рассмотрение вопросов деятельности прокуроров стран Европы в гражданском процессе по делам о защите трудовых прав граждан будет производиться на основе анализа законодательства Федеративной Республики Германия и Французской Республики.

Федеративная Республика Германия. Как указывают авторы научных работ, принадлежность России к романо-германской правовой семье предопределяет актуальность исследования правового опыта Германии [4, с. 3].

Переходя к рассмотрению деятельности органов прокуратуры ФРГ, необходимо указать, что особенностью правового регулирования организации и деятельности органов прокуратуры ФРГ является то, что в этой стране не принят базовый закон о прокуратуре, регламентирующий полномочия прокуроров на различных уровнях – Федерации и Земель. В настоящее время ее деятельность регулируется Основным законом ФРГ [12, с. 68–113], конституциями земель, Законом «О судебной системе в Германии» (глава 10 «Прокуратура», § 141–152) [11], Гражданским процессуальным кодексом от 30 января 1877 года (с изм. и доп., внесенными по июнь 2014 г.) [1], законами Земель [5], нормативными распоряжениями и иными актами Федерального министра юстиции, министров юстиции Земель, а также нормативными распоряжениями Федерального Генерального прокурора и генеральных прокуроров Земель.

Положение прокуратуры ФРГ достаточно специфично в связи с тем, что централизованной системы органов прокуратуры нет, прокуратура состоит при судах, но в то же время, является независимой и самостоятельной, компетенция прокуратуры и судов четко разграничена. Ко всему прочему Федеральное министерство юстиции осуществляет служебный надзор за федеральной прокуратурой, решая их кадровые и ресурсные вопросы.

На уровне Земель органы министерства юстиции называются по-разному (управление сената юстиции; служба юстиции и т. д.), но задачи их деятельности в отношении органов прокуратуры аналогичны уровню Федерации – осу-

ществление надзора (непосредственного управления) за прокуратурой. Регулирование деятельности органов прокуратуры на уровне Земель осуществляется самостоятельно органами министерства юстиции в соответствии с положениями Основного закона ФРГ.

Основная деятельность прокуратуры ФРГ сосредоточена в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса [5, с. 243]. Именно этот фактор повлиял на формирование структуры и организации работы органов прокуратуры ФРГ, а также на тесную связь с судом.

Особенностью судоустройства ФРГ является наличие специализированных судов по трудовым спорам. В первую очередь, это Федеральный суд по трудовым спорам, суды Земли по трудовым спорам, а также суды по трудовым делам. Деятельность трудовых судов в Германии регламентируется Законом о судах по трудовым спорам 1989 года [5, с. 233]. Надзорной инстанцией для данных судов является Федеральное министерство труда и социального порядка. Задачей этих судов является разрешение споров по вопросам оплаты труда, расторжения трудового договора, досрочного увольнения и иное, возникающих между работодателями и работниками [13, с. 91].

Суды по трудовым делам, являясь низовой инстанцией, рассматривают все трудовые споры в качестве суда первой инстанции. Для разрешения конкретных дел в них имеются палаты, состоящей из профессионального судьи и двух почетных судей. Суд по трудовым спорам стремится к достижению примирения сторон. Апелляционные, кассационные жалобы могут быть принесены в трудовой суд Земли либо в Федеральный суд по трудовым делам [13, с. 91]. В последнем случае этот способ апелляции будет именоваться «скачковым» – обжалование судебного решения с обходом одной инстанции.

Система трудового законодательства ФРГ разрознена, какой-либо кодифицированный акт, например, Трудовой кодекс отсутствует. Основные нормы, распространяющиеся на трудовые отношения содержатся в Гражданском кодексе Германии [3] (BGB, Bürgerliches Gesetzbuch), а отдельные вопросы трудового права регламентированы достаточно обширным перечнем законов.

Необходимо уточнить, что, реализуя принцип диспозитивности, процессуальное законодательство свело к минимуму участие прокурора в рассмотрении гражданских дел в судах. При этом законодательство предусматривает весьма широкие возможности для граждан, нуждающихся в защите и поддержке государства. Участвуя в незначительном количестве дел и представляя государство в гражданском процессе, прокуроры выступают в качестве истца. Упоминаний о заключении прокурора в законодательстве ФРГ нет.

Французская Республика. Согласно положениям ст. 65 Конституции Франции 1958 года (с изм. от 23.07.2008 года) [8] Высший совет магистратуры, состоящий из двух палат и «полномочный» в отношении прокуроров, дает свое заключение по назначениям прокуроров (исключение составляют должности Совета министров), а также наложения на них дисциплинарных санкций.

Органы прокуратуры Франции в основном выполняют функции уголовного преследования. При этом прокуратура входит в состав Министерства юстиции, отчасти это свидетельствует о том, что органы прокуратуры выступают представителями исполнительной власти в суде по делам, отличным от уголовных [6, с. 80]. Судьи и прокуроры входят в магистратуру (судейский корпус). Структура прокуратуры во Франции организационно совпадает со структурой судебной системы [6, с. 82]. Участие прокурора возможно в рассмотрении судом гражданского дела, при этом он наделен правом «ходатайствовать об истребовании документов, давать объяснения по ходу процесса и оспаривать судебные решения различной юрисдикции» [9, с. 4]. В гражданском процессе прокурор может выступать в качестве основной или привлеченной стороны (ст. 420 ГПК Франции) [2].

Прокурор в гражданском процессе имеет право защищать трудовые права и представлять интерес различных социально незащищенных слоев граждан (инвалиды, несовершеннолетние, психически больные). Также осуществляется надзор за законностью решений, принимаемых судьями. Выступая в качестве привлеченной стороны, прокурор дает свое заключение в отношении применения права, например, по делам о банкротстве, материальной ответственности руководителей коммерческих фирм и иное (список таких дел является исчерпывающим). Цель такого участия – охрана публичного порядка (ст. 423 ГПК Франции).

Прокуроры вправе оспорить решения суда. Прокуратура Франции осуществляет надзор за исполнением судебных решений, может обязать оказывать содействие судебным исполнителям, в некоторых случаях осуществляет официальное исполнение решений суда.

Для разрешения индивидуальных трудовых споров во Франции действуют прюдомальные суды. С 1979 года эти суды стали обязательной инстанцией, в которых разрешается трудовой спор. Деятельность прюдомальных судов регулируют ст. R516-0–R518-2 ГПК [10, с. 113]. Советы прюдомов состоят из представителей предпринимателей и работников под председательством судьи. Сам же судья не является профессиональным. Прюдомальные суды – суды первой инстанции, входящие в общую судебную систему. Вышестоящими для них являются суды общей юрисдикции (ст. R516-36 ГПК [10, с. 113]). Участие прокуроров в таких судах осуществляется в соответствии с общими нормами ГПК. Прокурор республики и генеральные прокуроры вместе с председателями судов большой инстанции и первыми председателями апелляционных судов контролируют деятельность прюдомальных судов. Прокурор республики надзирает за законностью исполнения Советом функций [15, с. 18].

Во Франции существует, по меньшей мере, 2 консолидированных акта, регулирующих трудовые отношения: Трудовой кодекс Французской Республики [14], Кодекс законов о труде моряков (*Codedutravailmaritime*) [7]. Инспекторы труда и сотрудники прокуратуры при поддержке полиции проводят совместные проверки для борьбы с недекларируемым и принудительным трудом [6, с. 82].

Таким образом, при всем многообразии регулирования деятельности прокуратуры, как в целом, так и в гражданском процессе, отметим, что в рассмотренном нами законодательстве двух государств имеется определенное сходство. При этом изучение опыта европейских стран показало, что в Российской Федерации объем полномочий прокурора по защите трудовых прав граждан в гражданском процессе достаточно большой, значительное, чем во Франции или Германии. Однако необходимо отметить тот факт, что наличие в ФРГ отдельных судов по трудовым спорам свидетельствует о том, что государство заинтересовано в осуществлении восстановления нарушенных трудовых прав путем, по большей части, применения процедур примирения сторон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Германии от 30.01.1877 : с изм. и доп. от 01.06.2014 г. // Официальный сайт Федерального министерства юстиции Германии. URL: <http://zakoniros.ru/?p=20159> (дата обращения: 17.03.2023).
2. Гражданский процессуальный кодекс Французской Республики от 20.12.2007 // Lois et Décrets. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20180405&cidTexte=LEGITEXT000006070716&fastReqId=1545729619&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle> (дата обращения: 17.03.2023).
3. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.
4. Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии: основные институты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. М. : Моск. гос. юрид. акад., 2001. 46 с.
5. Жалинский А. Э., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001. 767 с.
6. Калашников Н. Н. Зарубежный опыт прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства. URL: [InternationalScientificandPractical ConferenceWorldscience](https://www.worldscientific.com/doi/10.1142/S179354931850023). 2018. Т. 5, № 2(30). С. 80–87.
7. Кодекс труда моряков торгового флота Франции от 20.12.2016 // Lois et Décrets. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20180405&cidTexte=LEGITEXT000006072051&fastReqId=300097189&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle> (дата обращения: 17.03.2023).
8. Конституция Франции 1958 года : с изм. от 23.07.2008 года // Официальный сайт Конституционного совета Французской Республики. URL: http://www.conseilconstitutionnel.fr/conseilconstitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 17.03.2023).
9. Миряшева Е. В. Институт прокуратуры Французской Республики в системе гарантий конституционных прав и свобод : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 21 с.
10. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / пер. с фр. В. Захватаев ; отв. ред. А. Довгерт. Киев : Истина, 2004. 544 с.
11. О судебной системе в Германии : закон от 08.09.1961 г. : с изм. от 06.12.2011 г. // Официальный сайт Федерального министерства юстиции Гер-

мании. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gvg/index.html#BJNR_005130950_BJNE013917360 (дата обращения: 17.03.2023).

12. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 2002. 584 с.

13. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы / под ред. В. И. Лафитский. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. 768 с.

14. Трудовой кодекс Французской Республики (в ред. от 08.03.2015) // Lois et Décrets. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=80B06E1D372454CBB2C2C4F8555751B4.tplgfr35s_1?cidTexte=LEGITEXT000006072050&dateTexte=20180405 (дата обращения: 17.03.2023).

15. Шульц П. Функции прокурора республики вне рамок уголовного преследования во Франции // Функции прокуратуры вне рамок уголовного преследования: вопросы теории и практики : сб. материалов III Междунар. семинара с участием экспертов Совета Европы, 22–23 сентября 2004 г. / под ред. А. Я. Сухарева. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2005. 184 с.

УДК 34.096

Попова Карина Магомедовна,

студент,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

k.imanalieva@mail.ru

Кузьмина Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

kuzmina.nat@yandex.ru

Современная проблематика прокурорского надзора в деятельности за исполнением законодательства судебных приставов

Статья посвящена рассмотрению вопроса по проблематике прокурорский надзора в деятельности исполнения судебных приставов. Авторы в своей статье рассмотрели проблему, существующую на данный момент, и сформулировали предложения по развитию данного вопроса в Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, правоохранительные органы.

Popova Karina Magomedovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna
candidate of legal sciences,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Modern problems of prosecutorial supervision in the activities of the enforcement of the legislation of bailiffs

The article is devoted to the consideration of the issue on the issues of prosecutorial supervision in the activities of the execution of bailiffs. The author's in his article explained the problem that exists at the moment and formulated proposals for the development of this issue in the Russian Federation.

Keywords: *prosecutor's office, prosecutor's supervision, law enforcement agencies.*

Существуют проблемы в понимании прокурорами границ прокурорского надзора, что связано с отсутствием надлежащего законодательного закрепления, а также ненадлежащей постановкой целей и задач на внутриведомственном уровне.

Актуальность обусловлена необходимостью увеличения продуктивности деятельности органов прокуратуры и установления высокого уровня законности в сфере принудительного исполнения судебными приставами вступивших в законную силу решений судов. Результаты анализа судебной правоприменительной практики свидетельствуют о том, что процедура принудительного исполнения (исполнительное производство) – нормативно урегулированная, законодательно установленная процедура, целью которой, является реальное исполнение судебных актов, вступивших в законную силу и актов иных органов и должностных лиц.

Динамика поступавших в органы прокуратуры обращений, начиная с 2019 г., стабильно растет. В частности, в 2022 г. действия (бездействие) и решения судебных приставов-исполнителей обжаловались на 10 % чаще, чем в 2019 г. Также растет динамика нарушений законов судебными приставами в общем количестве выявленных прокурорами правонарушений в сфере исполнительного производства возросла с 92,8 % в 2019 г. до 96,8 % в 2022 г., что свидетельствует об акцентировании внимания прокуроров на законность деятельности органов принудительного исполнения.

Проблема заключается в том, что не всегда осуществляется эффективность прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями, допускаемых прокурорскими работниками в ходе осуществления надзорных мероприятий в указанной сфере.

Проанализировав результаты прокурорских проверок в указанной сфере, можно выделить следующие виды недостатков, снижающих успешную надзор-

ную деятельность прокуроров в указанном направлении. Не всегда должным образом организуется надлежащее информационное обеспечение надзорной деятельности и осуществляется анализ состояния законности в сфере принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов. Неполнота мер, принимаемых органами прокуратуры при поступлении обращений о нарушении законов, допускаемых судебными приставами-исполнителями. Некачественное проведение проверок, которое выражается, в том числе в недостаточном использовании арсенала прокурорских полномочий.

Представляется, что все недостатки позволят в полной мере разобраться в вопросах, направленных на обеспечение единства и укрепления законности, а также недопущение нарушений законов в дальнейшей деятельности.

Не всегда должным образом организуется надлежащее информационное обеспечение надзорной деятельности и осуществляется анализ состояния законности в сфере принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов.

Неполнота мер, принимаемых органами прокуратуры при поступлении обращений о нарушении законов, допускаемых судебными приставами-исполнителями.

Анализ деятельности органов прокуратуры отмечает увеличение числа жалоб и обращений граждан и организаций на действия сотрудников службы судебных приставов [2].

Некачественное проведение проверок, которое выражается, в том числе в недостаточном использовании арсенала прокурорских полномочий.

Приходится признать, что некоторые прокуроры так и не смогли уловить произошедшую смену приоритетов, они по-прежнему маскируют бездеятельность и непрофессионализм пустыми статистическими показателями.

Для совершенствования прокурорского надзора в указанной сфере диссертантом подготовлен проект приказа Генерального прокурора РФ «О мерах по повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями», который предлагает закрепить, что при выявлении нарушений требований законодательства, представления об их устранении необходимо вносить старшим судебным приставам, а при необходимости рассмотрения вопроса о привлечении виновных судебных приставов-исполнителей (начальников территориальных подразделений, заместителей) к дисциплинарной ответственности, вносить представления главным судебным приставам субъектов Российской Федерации [1].

Особое внимание хотелось бы обратить на применение в рамках принудительного исполнения меры уголовной ответственности, такую как привлечение виновного лица к уголовной ответственности за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению (ст. 315 Уголовного кодекса РФ).

Хотелось бы отметить, что Федеральным законом от 02.10.2018 № 348-ФЗ «О внесении изменений в статью 315 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесены изменения в статью 315 Уголовного кодекса, путем введения части первой. Таким образом, часть, которая предусматривала уголовную ответственность представителей власти, государственных служащих, муниципальных служащих, а также служащих государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации за злостное неисполнение решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению, стала частью второй.

Указанный недостаток проявляется в случае осуществления надзорных мероприятий в рамках исполнительных производств, возбужденных в отношении должников-физических лиц, которые умышленно не исполняют требования исполнительных документов, а также всячески препятствуют принудительному исполнению.

Реализация предложенных нами мер позволит:

- увеличить эффективность прокурорского надзора за судебными приставами;
- повысить уровень законности в сфере принудительного исполнения;
- уменьшить общее количество исполнительных производств, в том числе за счет уменьшения количества граждан, умышленно не исполняющих требования исполнительных документов, а также всячески препятствующих принудительному исполнению;
- сократить количества фактов нарушения прав граждан в ходе принудительного исполнения.

Таким образом, представленное исследование позволило выявить проблеме в действующем уголовном законодательстве и разработать путь решения, направленный на совершенствование законодательной регламентации и повышение эффективности применения прокурорского надзора за деятельностью исполнения судебными приставами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров В. К. Прокурорский надзор : учебник для прикладного бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016.
2. Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах компетенции прокуроров районного звена при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами // Актуальные вопросы российского права : сб. науч. ст. Вып. 14. М. : МосГУ, 2009. С. 14–19.

УДК 342.7

Потапова Дарья Владимировна,
студент, Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
darya.fedicheva@mail.ru

Синяева Мария Ивановна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
mari_sinyaeva@mail.ru

Проблемы становления и развития ювенальной юстиции в России

В статье исследуются такие вопросы как сущность ювенальной юстиции, проблемы ее развития, а также исторический аспект становления данного института в России. Здесь поднимаются проблемы, касающиеся защиты прав и свобод несовершеннолетних граждан, а также проводится сравнительный анализ современных тенденций развития ювенальных судов.

***Ключевые слова:** Уголовный кодекс РФ, ювенальная юстиция, гарантия правового статуса несовершеннолетнего, детские суды.*

Potapova Darya Vladimirovna,
student, Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Sinyaeva Maria Ivanovna,
senior lecturer of the department of criminal law
Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Problems of formation and development of juvenile justice in Russia

The article examines such issues as the essence of juvenile justice, the problems of its development, as well as the historical aspect of the formation of this institution in Russia. It raises issues related to the protection of the rights and freedoms of minors, as well as a comparative analysis of current trends in the development of juvenile courts.

***Keywords:** Criminal Code of the Russian Federation, juvenile justice, guarantee of the legal status of a minor, children's courts.*

В течение нескольких эпох, начиная со средневековья и заканчивая половиной XIX века, в России велись поиски в сфере формирования правового статуса несовершеннолетних лиц. Такие исследования показали, что в то время существовало бесправное отношение к детям, которое было направлено на их унижение и угнетение, поскольку к ним ранее применялись такие же меры на-

казания, как и ко взрослым лицам, совершившим преступления. Это обусловлено тем, что в обществе отсутствовало понятие о детском возрасте и смягчении наказания к несовершеннолетним лицам, ведь именно это время является самым не защищенным периодом жизни человека.

Однако уже в 1910 году в городе Санкт-Петербурге начал свою деятельность первый автономный суд в России, который способствовал в дальнейшем формированию целой системы таких органов. Так, например, позднее были открыты ювенальные суды в городах Москва, Томск, Саратов. Данные органы занимались защитой прав несовершеннолетних, а также рассматривали дела о подстрекательстве подростков в совершении новых правонарушений. «Детский суд» в представлении отечественных ученых должен был стать «центральной местом, в котором и вокруг которого должно было быть сосредоточено все, что относится к детям, нуждающимся в помощи, будут ли это дети покинутые, беспризорные, жертвы жестокого обращения или дети-преступники» [6, с. 450].

Согласно, мнениям разных российских исследователей дореволюционная модель ювенальной юстиции была удачной и пользовалась успехом, так как в основном после появления данной системы жестокие наказания в отношении несовершеннолетних лиц, а также карательные меры были искоренены и заменены на более гуманные, воспитательного воздействия санкции. В результате чего, дети, совершившие правонарушение, отправлялись не в тюрьмы, а к попечителям несовершеннолетних лиц, которые осуществляли контроль за их деятельностью и прививали им хорошие манеры поведения в обществе.

Формальным рубежом возвращения к карательному подходу в отношении лиц, не достигших совершеннолетия стало постановление ЦИК, а также СНК СССР от 7 апреля 1935 года, в соответствии с которым в отношении подростков вновь могли использовать все виды санкций, а возраст ответственности для малолетних правонарушителей был снижен вплоть до 12 лет [1, с. 402]. Так, в России вновь стали применяться жестокие и санкции к несовершеннолетним гражданам, а также иные меры насильственного характера, которые являлись неприемлемыми в реалиях того времени.

Конечно, Россия вернулась к проблеме защиты прав и свобод несовершеннолетних граждан, а также к вопросу о разделении наказаний взрослых и детей, однако на это было потрачено несколько десятков лет. В частности, 14 сентября 1995 году был опубликован Указ Президента РФ № 942, утвердивший «Национальный план действий в интересах детей», в соответствии с которым в числе мер по укреплению правовой защиты детства предусмотрено создание системы ювенальной юстиции [8]. Само понятие ювенальной юстиции содержит в себе особую процедуру образования целой системы специализированных судов, деятельность которых направлена на рассмотрение преступлений, совершенных несовершеннолетними гражданами, а также совокупность мероприятий по вопросам социальной защиты малолетних и идей по ликвидации детской преступности. Так, как отмечает О. Ведерникова, смысл ювенальной юстиции «состоит в том, чтобы обеспечить максимально щадящую неформальную процедуру судебного разбирательства, учитывающую индивидуальные и возрастные

особенности психики несовершеннолетних, а также реализовать гибкую систему уголовно-правовых мер воздействия, преимущественно не связанных с лишением свободы» [2, с. 52].

Российская Федерация при формировании «детских судов» выполняет свое обязательство перед принятыми в обществе принципами международного права, в частности норм Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года. Минимальные стандартные правила отправления правосудия в отношении несовершеннолетних от 10 декабря 1985 г. предусматривают, что судебное разбирательство должно учитывать возрастные особенности несовершеннолетних и отвечать их интересам, «осуществляться в атмосфере понимания, что позволит несовершеннолетнему участвовать в нем и свободно излагать свою точку зрения» (п. 14.2) [3, с. 298].

На рубеже 1995-х и 2000-х годов в России возрос рост преступности несовершеннолетних, поскольку страна находилась в экономическом кризисе, выраженном в дефолте 1998 года, а также прослеживались пробелы в социальной и политической сферах общественной жизни. Так, ежегодно выявлялось около 300 тысяч особо опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Это обусловлено тем, что большинство детей в то время не учились и не работали, а совершение ими проступков и правонарушений помогало легко справиться с жизненно необходимыми потребностями. Таким образом, резко возрос не только рост совершения преступления единожды, но и увеличился процент рецидивной преступности.

Однако созданная концепция ювенальной юстиции предполагает внедрение и развитие элементов, которые позволяют повысить эффективность и качество отправления правосудия в отношении малолетних лиц. Согласно с данной системой разбирательство и разрешение дел в суде, а также осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних должно носить пластичный, гибкий, более неформальный и упрощенный характер, чем судопроизводство в общем порядке.

Переломным моментом в становлении системы ювенального правосудия в Российской Федерации стало постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в котором судам рекомендуется применять к несовершеннолетним положения 76 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. В соответствии с рассматриваемой статьей, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред [7]. При этом не имеет значения, от кого – виновного или потерпевшего – исходила инициатива примирения. Основное закрепляется в том, что потерпевший письменно на бумажном носителе изъявил о своем нежелании привлечь данное лицо к уголовной ответственности по мотивам, которые могут быть самого разного свойства. Таким образом, государство сделало большой шаг навстречу развитию ювенальной юстиции в России, поскольку с принятием указанного выше постановления, несовершенно-

летние граждане получили защиту, а также расширили уровень своего правосознания.

Стоит отметить, что развитие системы ювенальной юстиции в России не стоит на месте. Так, в 2010 году в Государственной Думе РФ обсуждался вопрос о преобразовании и внесении дополнений в Федеральный Конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а именно проблем, которые касаются формирования специализированных ювенальных судов во всех субъектах Федерации. Но, несмотря на большинство положительных откликов в СМИ и иных источниках, данный проект был отклонен во втором чтении в Государственной Думе.

Кроме того, в 2011 году Верховным судом РФ было принято Постановление «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором разъяснялись особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, а также был приведен список международных актов, которые в обязательном порядке должны учитываться судами при рассмотрении и анализе схожего рода дел [5]. В частности, дела, с участием лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а также малолетних граждан в соответствии с п. 4 данного Постановления обязаны вести судьи, имеющие большим опытом работы. Таким образом, суды при осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних граждан обязаны руководствоваться вышеуказанным Постановлением.

На современном этапе развития общества огромная значимость уделяется п. 44 настоящего Постановления, в соответствии с которым «судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию: по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения с указанием конкретных обстоятельств» [5]. Вследствие чего государство призывает судей учитывать возраст несовершеннолетнего гражданина и малолетнего лица при вынесении наказания, а также большее внимание уделять воспитанию лица, искоренению у него антиобщественного мировоззрения и применение к нему более гуманных и гибких мер наказания, нежели ко взрослому лицу, психика которого уже сформирована.

Стоит отметить тот факт, что в настоящее время в России ювенальных судов не существует. Это обусловлено тем, что вопрос о создании «детских судов» является очень актуальной темой среди критиков и не получает должного количества положительных откликов извне для создания долгожданной ювенальной юстиции в России. Введение в действие данного органа подвергнуто критике таких деятелей как: тележурналист Михаил Леонтьев, лидер движения «Суть времени» Сергей Кургинян и иных. Однако приверженцы ювенальной юстиции полагают, что в России необходимо ввести ювенальные суды и опре-

деленные программы по реабилитации несовершеннолетних преступников. Главной причиной этому служит – высокий уровень преступлений, которые совершаются детьми и подростками [1, с. 403].

Несмотря на то, что в России отсутствуют «подростковые» судов на территории РФ на сегодняшний день действуют органы власти, деятельность которых можно назвать «ювенальной». Прежде всего, это опека и попечительство, а также отдел полиции по делам несовершеннолетних, главной задачей которых является защита прав и свобод малолетних граждан.

Исследования показывают, что система по созданию ювенальной юстиции в России является несовершенной. До сих пор данная тема остается актуальной, поскольку споры вокруг нее не утихают, а различные высказывания критиков позволяют выявить недостатки создания ювенальных судов и продолжить процесс восстановления ювенальной юстиции, ведь заглянув в прошлое, можно убедиться в том, что в России все-таки был успешный опыт действия такого органа власти. Возможно, в будущем, в результате совершенствования законодательства РФ в сфере создания ювенальных, а также специализированных судов удастся внедрить в действие ювенальную юстицию, целью которой будет углубление в вопросы, касающиеся защиты прав и свобод граждан на федеральном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булавинова М. А., Капнинова К. А. Ювенальная юстиция в России: проблемы становления и развития // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования : сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1. Курск, 2021. С. 401–403.

2. Ведерникова О. Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 51–52.

3. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые резолюцией 40/33 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М. : НОРМА, 2002. С. 294–315.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26260/ (дата обращения: 21.10.2022).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентировавшего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 21.10.2022).

6. Тарасова Е. П. Детские суды за границей // Сб. ст. с предисловием и под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 450–541.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. 315 с.

8. Ювенальная юстиция в России // Википедия. Свободная энциклопедия.
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция_в_России (дата обращения: 12.04.2023).

УДК 347.963

Розанов Максим Эдуардович,

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
rozan0vm@yandex.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна,

старший преподаватель кафедры судебной
и правоохранительной деятельности,
Костромской государственной университет,
помощник прокурора г. Костромы
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

К вопросу о защите прокурором прав несовершеннолетних, пострадавших в результате ДТП

В статье рассматриваются нормы процессуального и материального права, которые действуют в области защиты прокурором прав и интересов несовершеннолетних. Описаны примеры из прокурорской практики о результатах работы по взысканию морального вреда в интересах несовершеннолетних, пострадавших в результате ДТП. Исследование актуальных нормативно-правовых актов и юридической научной литературы, связанной с выбранной темой, позволяют определить проблематику данного аспекта правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: прокурор, исковое заявление, отказ в принятии искового заявления судом, законные представители, взыскание вреда в пользу несовершеннолетних, пострадавших в результате ДТП.

Rozanov Maksim Eduardovich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer, department of judicial
and law enforcement activities
Kostroma State University,
assistant prosecutor of Kostroma
Kostroma, Russian Federation

On the issue of protection by the prosecutor of the rights of minors affected by road accidents

The article deals with the norms of procedural and substantive law that operate in the field of protection by the prosecutor of the rights and interests of minors. Examples from the prosecutor's practice on the results of work on the recovery of moral damages in the interests of minors who suffered as a result of an accident are highlighted. The study of current regulatory legal acts and legal scientific literature related to the chosen topic makes it possible to determine the problems of this aspect of law enforcement.

Keywords: *prosecutor, statement of claim, refusal to accept a statement of claim by the court, legal representatives, recovery of damages in favor of minors injured in an accident.*

Абсолютное большинство аварий, в которых страдают дети, происходит по вине водителей. Именно водители оказываются виновниками почти половины ДТП с детьми-пассажирами. В 2022 году в России было зафиксировано 15 854 ДТП с участием несовершеннолетних детей в возрасте до 16 лет. В каждой второй аварии пострадали дети-пешеходы [1, с. 1]. При этом в большинстве случаев именно автомобилисты стали виновниками ДТП (80 %), нарушив правила дорожного движения. Пешеходы, а в особенности несовершеннолетние дети, являются самой уязвимой группой среди всех участников дорожного движения.

Законодательство РФ наделяет прокуратуру широким спектром полномочий по защите прав и законных интересов населения, в том числе и несовершеннолетних детей. Примечательным является право прокурора на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства с иском о защите прав и законных интересов несовершеннолетнего лица. Защита прав несовершеннолетних при ДТП – принципиально важное направление деятельности прокуратуры. Это обусловлено низкой культурой вождения среди населения и насущной необходимостью обеспечить реализацию прав и гарантировать законные интересы пострадавших от дорожно-транспортных происшествий несовершеннолетних.

Тематика защиты прав и законных интересов несовершеннолетних нашла свое закономерное отражение в научной юридической литературе. В частности, к ней обращались такие авторы, как Е. А. Гринь и И. И. Хрипков (в работе «Участие прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве»), А. В. Полушкин (в работе «Актуальные проблемы вопросов прокурорского надзора за соблюдением законов в отношении несовершеннолетних»), И. И. Черных (в работе «Защита прокурором прав несовершеннолетних в гражданском процессе»). Обратимся к общим положениям об участии прокурора в гражданском судопроизводстве для целей защиты прав несовершеннолетних.

В рамках рассматриваемой темы, участие прокурора в гражданском процессе носит инициативный характер – оно начинается подачей прокурором искового заявления в суд. Участию прокурора посвящена статья 45 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ). Примечательным является за-

конодательное ограничение, предусматривающее, что прокурор может подать иск в защиту гражданина только в том, случае, если гражданин по определенным уважительным причинам (состояние здоровья, недееспособность и т. д.) не может самостоятельно обратиться в суд. Однако законодатель тут же устанавливает и исключение из данного правила – если ситуация нарушения прав гражданина развивается в контексте социальных прав, свобод и законных интересов защиты семьи, материнства, отцовства и детства, то прокурор основывается лишь на обращении к нему пострадавшего гражданина и не обязан обосновывать невозможность обращения в суд самим гражданином. Таким образом, можно определить два процессуальных критерия, которыми руководствуется прокурор при подаче искового заявления в целях защиты прав в гражданском судопроизводстве:

1. Гражданин имеет уважительную причину, по которой он не может самостоятельно осуществлять свою судебную защиту.

2. Имеет место обращение гражданина к прокурору относительно общественных отношений, определенных частью 1 статьи 45 ГПК РФ.

И. И. Черных обращает внимание на следующее обстоятельство: «Таким образом, законодатель вводит два процессуальных критерия, которыми руководствуется прокурор при обращении в суд: первый – если имеется уважительная причина, по которой гражданин сам затрудняется реализовать свое право на судебную защиту, прокурор вправе сам, без инициативы со стороны гражданина обратиться в суд за защитой его интереса; второй – наличие обращения к прокурору гражданина, считающего, что нарушены его права из числа перечисленных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. В первом случае поводами для обращения прокуроров в суд в защиту прав детей, как правило, являются результаты общенадзорных прокурорских проверок соблюдения законодательства о несовершеннолетних, а также сообщения граждан, учреждений, организаций, объединений о нарушении прав детей. Во втором случае прокурор основывается на обращении (заявлении, жалобе) законных представителей несовершеннолетних и самих несовершеннолетних» [7, с. 2].

В рамках исследуемой темы следует обратить внимание на федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». В статье 10 данного закона, регламентирующей судебную защиту прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, содержится законодательное положение: «За защитой своих прав дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а равно их законные представители, опекуны (попечители), органы опеки и попечительства и прокурор вправе обратиться в установленном порядке в соответствующие суды Российской Федерации» [6].

На наш взгляд, проблема заключается, в частности, в том, что несмотря на очевидную трактовку данного законодательного положения, суды отказывают в принятии иска к производству. Их аргументация основывается на части 1 статьи 64 Семейного кодекса РФ, а именно «Защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми

физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий» [4]. Следует понимать, что в силу низкой правовой грамотности населения, ведения безнравственного образа жизни, равнодушного отношения к своим детям, пассивной жизненной позиции, либо по иным причинам, законные представители-родители могут не принимать никаких мер по защите прав своих детей. То есть, права детей на судебную защиту ущемлены, в частности, по вине тех людей, которые, как указывает буква закона, должны эти самые права обеспечивать.

Ярким примером является ситуация с отказом в принятии иска Талицким районным судом Свердловской области. Данный случай отражен в «Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011. «При решении вопроса о принятии заявления прокурора, предъявленного в защиту прав и интересов несовершеннолетнего, в ряде случаев судьи ошибочно полагали, что прокурор не имеет права на обращение с таким заявлением в суд, если ребенку назначен опекун или попечитель, либо если дети помещены под надзор в образовательные, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, и иные организации, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Например, определением судьи Талицкого районного суда Свердловской области было отказано в принятии заявления прокурора в интересах двух несовершеннолетних сестер об ограничении родительских прав их отца Б. по тем основаниям, что дети с 2000 года по заявлению отца находятся на полном государственном обеспечении в МОУ «Талицкая школа-интернат основного общего образования» и, следовательно, обязанность по охране их прав возложена на указанное образовательное учреждение. При этом судом не принято во внимание, что п. 3 ст. 73 СК РФ право прокурора на обращение в суд с требованием об ограничении родительских прав не связывается с наличием такого права у других лиц и, кроме того, такое право предоставлено прокурору ст. 45 ГПК РФ» [2].

Таким образом, речь идет о той самой ситуации, при которой главную опасность для ребенка представляют его родители и их привычная картина мира. Пострадавшие несовершеннолетние порой даже не осознают сам факт ущемления своих собственных Конституционных прав.

Для исключения подобных инцидентов мы полагаем, что необходимо расширить полномочия прокурора по участию в исковом производстве гражданского процесса. Чтобы избежать неправомерных отсылок на нормы законов, относительно ошибочного тезиса о том, что «только родители, опекуны, попечители либо уполномоченные организации по воспитанию и образованию могут представлять и защищать права несовершеннолетних», представляется необходимым внести изменения в часть 1 статьи 45 ГПК РФ, а именно определить норму, которая будет наделять прокурора правом на подачу искового заявления в защиту прав несовершеннолетнего независимо от наличия у того законных представителей, либо лиц, их заменяющих. Также следует указать на возможность подачи иска независимо от мнения представителей несовершеннолетнего, их волеизъявления или бездействия. К сожалению, весьма вероятно

ситуация, в которой, прокурору может быть известно о случае нарушения права, однако ошибочное толкование нормы судом лишает пострадавшего субъекта на судебную защиту нарушенных его прав. По мнению авторов, подача прокурором иска в защиту прав несовершеннолетнего является эффективной правовой мерой. Обратимся к конкретным правовым ситуациям, где вынесены судебные решения в пользу несовершеннолетнего лица.

Прокурор города Костромы обратился в суд в интересах несовершеннолетней местной жительницы с иском о взыскании компенсации морального вреда. Установлено, что в марте 2021 года подросток пострадала в дорожно-транспортном происшествии вследствие совершения на нее на пешеходном переходе наезда автомобилем. У нее диагностированы закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, ушиб левой височно-теменной области, ушиб левого бедра, правой кисти. Помимо полученных телесных повреждений несовершеннолетняя продолжает испытывать тревогу, страх при переходе через дорогу, испытывает опасения повторения ДТП. Исковое заявление прокурора судом удовлетворено. С причинителя вреда взыскана компенсация морального вреда в размере 300 тыс. рублей. Исполнение судебного решения контролируется прокуратурой [3].

Слободской межрайонный прокурор Кировской области, действуя в интересах 7-летнего ребенка, обратился в районный суд с исковым заявлением о взыскании с участника ДТП компенсации морального вреда, причиненного несовершеннолетнему в результате эксплуатации источника повышенной опасности. Основанием к принятию мер послужили данные (материалы административного расследования) о произошедшем 11 июля 2020 года происшествии на 640 километре федеральной автодороги «Кострома – Шарья – Киров – Пермь» на территории Слободского района, в ходе которого водитель автомобиля совершил наезд на несовершеннолетнего с причинением ему телесных повреждений, которые расцениваются как причинившие легкий вред здоровью. Данные обстоятельства послужили основанием для защиты прав и интересов несовершеннолетнего Слободским межрайонным прокурором в рамках гражданского судопроизводства. Рассмотрев иск, суд признал требования прокуратуры законными и обоснованными, взыскал с виновника ДТП в пользу ребенка компенсацию морального вреда в размере 20 тыс. рублей. Исполнение решения суда находится на контроле органов прокуратуры [5].

Таким образом, мы делаем вывод о том, что имеет место острая проблема, в силу которой вред, причиненный несовершеннолетним может остаться возмещенным. Несмотря на то, что случай нарушения прав и интересов несовершеннолетнего будет известен прокурору, неадекватное реальности толкование норм позволит нарушителю избежать ответственности. Преодоление этого проблемного аспекта возможно только благодаря продуманным поправкам в соответствующее законодательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В 2022 году в России было зафиксировано 15 854 ДТП с участием несовершеннолетних детей // РИАМО : [информационный сайт]. URL:

<https://riamo.ru/article/630690/v-2022-godu-v-rossii-bylo-zafiksirovano-15-854-dtp-s-uchastiem-nesovershennoletnih-detej> (дата обращения: 10.04.2023).

2. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/ (дата обращения: 09.04.2023).

3. Прокурор города Костромы обратился в суд в интересах несовершеннолетней местной жительницы // Прокуратура Костромской области : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_44/mass-media/news?item=74187973 (дата обращения: 12.04.2023).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 09.04.2023).

5. Слободской межрайонный прокурор в судебном порядке взыскал с участника ДТП в пользу несовершеннолетнего потерпевшего компенсацию морального вреда // Прокуратура Костромской области : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web> (дата обращения: 12.04.2023).

6. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ (последняя редакция) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/30fb9c00554427d23dddf21a00e8ea1ca631301/ (дата обращения: 09.04.2023).

7. Черных И. И. Защита прокурором прав несовершеннолетних в гражданском процессе // Мудрый юрист : [сайт]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59229-zashhita-prokurorom-prav-nesovershennoletnikh-grazhdanskom-processe> (дата обращения: 11.04.2023).

СЕКЦИЯ 3

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 343.9

Ги́линский Яков Ильич

доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры РФ
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
yakov.gilinsky@gmail.com

Немного о современной уголовной политике

В статье рассматриваются некоторые особенности уголовной политики в современном обществе постмодерна. Каковы основания криминализации тех или иных деяний. Не избыточно ли уголовное законодательство некоторых современных государств. Способно ли наказание решать возлагаемые на него задачи по противодействию преступности. Достоинства и опасности современных средств профилактики преступлений.

Ключевые слова: *уголовная политика, постмодерн, преступление, наказание.*

Gilinsky Yakov Il'ich

doctor of law, professor
St. Petersburg's Juridical Institute
of the University of Prosecutor's office
St. Petersburg, Russian Federation

Some about modern criminal policy

The article discusses some features of criminal policy in modern postmodern society. What are the grounds for the criminalization of certain acts. Isn't the criminal legislation of some modern states redundant? Is punishment capable of solving the tasks assigned to it in social control over crime. Advantages and dangers of modern means of crime prevention.

Keywords: *criminal policy, postmodern, criminality, punishment.*

Уголовная политика государства включает как официально провозглашаемые и закрепленные в законодательных актах положения о социальном контроле над преступностью, включая основания криминализации деяний и систему наказаний за них, так и фактическую, реальную политику, которая может далеко не всегда соответствовать провозглашаемой.

На уголовную политику современных государств существенно влияют социальные, экономические, политические последствия особенностей эпохи постмодерна (глобализация, массовая миграция, виртуализация жизнедеятельности, рост социально-экономического неравенства, фрагментаризация общества и др.), в которой живут – нравится это им или не нравится – все современные государства [1; 2].

Далее остановимся лишь на некоторых элементах современной уголовной политики, понимая, что в различных государствах они реализуются по-разному.

Основания и объем криминализованных деяний. Мировая криминология давно признала, что нет деяний, преступных по своему содержанию. В каждом конкретном государстве «преступления» это то, что записано в уголовном законе этого государства. Об этом писал еще П. Сорокин («Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная» [5, с. 62]), это подробно обосновывается в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии [8, с. 179–337], этому подводит итог М. Робинсон: «Термин преступление есть ярлык (label), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (invention) людей» [10, с. 2]. «Преступность» – искусственный конструкт, создаваемый государством (законодателем).

Но тогда возникает вопрос: а каковы же основания криминализации тех или иных деяний в том или ином государстве? Почему в средневековой Испании за курение табака было предусмотрено единственное наказание – смертная казнь, а в современных ОАЭ за появление в общественном месте с бутылкой алкоголя – длительный срок лишения свободы? Детальное изучение объективных оснований криминализации тех или иных деяний был предпринят отечественными авторами. И вот результат: «Главный миф криминализации – о возможности построения ее рациональной модели» [4, с. 212]. Нет и не может быть объективного основания криминализации тех или иных деяний (кроме «воли господствующего класса»)! Можно возразить: а как же «общественная опасность деяния» (ст.14 УК РФ)? А что такое «общественная опасность»? И с чьей точки зрения? И как (и в чем – в килограммах, метрах) мы ее будем измерять? Не случайно сегодня в большинстве государств в уголовном законе не указываются «основания» криминализации.

И тогда возникает следующий вопрос: насколько «экономно» законодатель пользуется правом криминализировать те или иные деяния? В большинстве государств законодатель злоупотреблял и злоупотребляет своими возможностями, криминализируя избыточную массу деяний, вовсе не представляющих реальную опасность, угрозу для большинства населения, превращая каждого взрослого члена общества в «преступника». В конце минувшего столетия в ряде штатов США проводился опрос населения: совершал ли респондент деяния, предусмотренные уголовным законом штата? Положительно ответили от 97 до 100 % опрошенных. Вот уж воистину «был бы человек, а статья найдется»!

К сожалению, это относится и к современному УК РФ, сверхизбыточное содержание которого превращает каждого взрослого гражданина страны (включая автора этих строк) в «преступника».

Криминализации подлежат (пока еще существует уголовный закон, вопреки пожеланиям проф. Йешека отменить его, как несовместимого с правами человека и гражданина [7, с. 3]) лишь действительно опасные деяния, прежде всего, против жизни и здоровья людей.

Наказание. Давно мировая криминология констатирует «кризис наказания» [9]. Пишут об этом и отечественные авторы. «Принцип экономии наказания определен гораздо лучше, чем кажется. Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [3, с. 56, 68].

Смертная казнь – убийство государством – абсолютно недопустима. Эта позиция изложена во многих моих публикациях (включая [1; 2]) и представляется не требующей все новых доказательств.

Лишение свободы – достаточно суровое наказание. Особенно в современном стремительно изменяющемся мире. Представляется необоснованным его пожизненный вариант, что подтверждает законодательство стран Северной Европы. Частотой применения и продолжительностью сроков лишения свободы также не следует злоупотреблять. Несколько примеров. В Японии к лишению свободы приговаривается не более 3,5–4,5 % всех осужденных и сроки лишения свободы в основном не превышают 2 лет. В европейских странах средний срок лишения свободы – 1 год 8 месяцев. Нередко сроки лишения свободы исчисляются неделями и месяцами. А вот о профилактической «полезности» лишения свободы. В США весьма жесткая пенитенциарная политика. Уровень рецидива – 50–60 %. В Норвегии весьма либеральная пенитенциарная политика. Уровень рецидива менее 20 %.

И об условиях отбывания наказания в местах лишения свободы. Они должны носить восстановительный, а не репрессивный характер, направленный на ресоциализацию осужденных, а не их озлобление. Автор этих строк побывал в местах лишения свободы многих государств (не в качестве осужденного...), от Сеула до Нью-Йорка. В Ирландии на вопрос начальнику тюрьмы: «Сколько человек содержится в камере?» последовал удивленный ответ: «Один человек! Не могут же двое незнакомых проживать в одной комнате!» И действительно, в странах Северной Европы каждый осужденный к лишению свободы отбывает наказание в отдельной камере, что не исключает общения в специально отведенных местах, включая спортивные залы (автору статьи довелось наблюдать игру заключенных в баскетбол в спортивном зале тюрьмы в г. Турку, Финляндия).

Да, существует еще немало государств, где допускается смертная казнь, а условия отбывания лишения свободы носят пыточный характер (смертная казнь отменена почти в 170 странах, допускается в 54). Но это не соответствует современным мировым тенденциям и вряд ли может быть одобрено.

Профилактика преступлений. Идея профилактики, предупреждения преступлений была замечательной. Ее реализация была не всегда и недостаточно успешной. Но все же разработка и реализация программ профилактики оценивались позитивно.

Все изменилось в современном обществе постмодерна. Сегодняшние цифровые реалии, возможность отслеживать поведение каждого человека ведет к оруэллизации общества. «Цифровой концлагерь» в Китае, когда каждому гражданину присваивается определенный цифровой рейтинг, постоянно меняющийся, и от которого зависят возможности человека ездить, работать (выше 1000 – преимущества, ниже 600 – запрет покидать место жительства, покупать билеты на самолет и дальние поезда, ограничен список дозволенных работ). «Превентивный арест» в США без обвинений в конкретном преступлении, без определенного срока. Все это представляет значительно большую угрозу, нежели сами «предотвращаемые» «преступления» из безмерного перечня уголовного закона...

Об опасностях «профилактики» преступлений методами цифрового концлагеря, наблюдением и надзором за каждым давно говорят (кричат!) немецкие криминологи. Об этом с начала 1990-х годов до самой смерти писал и говорил Н. В. Щедрин (см., например: [6]).

В статье обозначены лишь некоторые, наиболее актуальные, с точки зрения автора, проблемы современной уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб. : Алетейя, 2017. 222 с.
2. Гишинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. 136 с.
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. 400 с.
4. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. 256 с.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 544 с.
6. Щедрин Н.В. Меры безопасности и (или) права человека? // Социальный контроль над преступностью: Что делать? СПб. : РГПУ, 2019. С. 241–248.
7. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin : Duncker&Humblot, 1988.
8. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth ed. Oxford University Press, 2007.
9. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo – London, 1974.
10. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. N-J : Pearson. Prentice Hall, 2004.

УДК 343.9

Титушкина Елена Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент

заместитель начальника кафедры уголовной политики

Академии управления МВД России

г. Москва, Российская Федерация

alenchik.64@mail.ru

Субъекты предупреждения преступлений как основного направления реализации уголовной политики

В статье рассматриваются некоторые терминологические вопросы уголовной политики, обоснование важности криминологической политики. На основе анализа правовой основы деятельности Министерства культуры обосновывается профилактическая функция данного федерального органа исполнительной власти.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, государственная система профилактики правонарушений, субъекты профилактики.

Titushkina Elena Yuryevna

candidate of law, associate professor

deputy head of the department of criminal policy

Academy of Management

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Moscow, Russian Federation

Subjects of crime prevention as the main direction of criminal policy implementation

The article discusses some terminological issues of criminal policy, substantiation of the importance of criminological policy. Based on the analysis of the legal basis of the activities of the Ministry of Culture, the preventive function of this federal executive authority is justified.

Keywords: crime prevention, state system of crime prevention, subjects of prevention.

В начале статьи хотелось бы дать некоторые терминологические пояснения. Автор данной статьи является сторонником широкого понимания уголовной политики, как политики борьбы с преступностью, включающей в себя следующие направления: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, оперативно-розыскную и криминологическую (предупредительную) политики. Кроме того, при отсутствии единства пониманий терминов предупреждение, профилактика, которое не примирило даже принятие Федерального закона №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о профилактике), автор придерживается позиции, что предупреждение является родовым понятием, а профилактика – видовым [7, с. 55], однако вынужден использовать терминологию, закрепленную в Законе о профилактике.

Криминологическая политика представляется основным направлением реализации уголовной политики, поскольку в наибольшей степени соответствует основной обязанности государства – признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Очевидно, что в контексте уголовной политики, лучшей защитой прав и свобод человека и гражданина будет являться минимизация возможности совершения преступлений, удержание преступности на социально приемлемом уровне. Опять же представляется необходимым подчеркнуть, что об условной «приемлемости» уровня преступности можно говорить только в том контексте, что преступность является непреходящим социально-правовым явлением, которое искоренить невозможно и государство, общество вынуждены мириться с этим неизбежным злом.

На первый взгляд может показаться, что предмета разговора о субъектах предупреждения, т. е. тех, кто осуществляет воздействие на субъект предупреждения [5, с. 33], их системе нет, поскольку их система законодательно закреплена. В ст. 6 Закона о профилактике закреплено, что к субъектам профилактики правонарушений относятся: федеральные органы исполнительной власти, Прокуратура Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления [1].

Нельзя не заметить, что подобный способ определения круга субъектов существенно отличается от того, который был предложен законодателем в Федеральном законе № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2], в котором перечень субъектов индивидуализирован по видовым признакам. Закон о профилактике предложил определить субъекты на более общем, родовом уровне обобщения, чем очертил, на первый взгляд, максимально широкий круг субъектов. Подобный подход избавляет от проблем, связанных, например, с образованием новых органов исполнительной власти, их реорганизацией или просто изменением названия [6, с. 23]. Например, изменение названия Центров временной изоляции несовершеннолетних на Центры временного содержания несовершеннолетних привело к необходимости изменения Закона 120-ФЗ, т. е. осуществления всей длительной и дорогостоящей законотворческой процедуры. Образование же нового федерального органа исполнительной власти – Национальной гвардии Российской Федерации, такой процедуры в отношении Закона о профилактике не потребовал.

Однако за эту же «рамочность» Закон о профилактике упрекают. Одна из самых существенных проблем, которая отсюда вытекает, это проблема взаимодействия различных субъектов профилактики. От представителей органов исполнительной власти, не относящихся к правоохранительным, порой можно услышать суждение о том, что они де профилактикой не занимаются, это не является их функцией или направлением деятельности.

Действительно, если мы обратимся, например, к Федеральному закону № 3-ФЗ «О полиции» [3], то в п. 2 ст. 2 обнаруживаем, что предупреждение

преступлений и административных правонарушений относится к основным направлениям деятельности, что снимает всякие сомнения необходимости соответствующей деятельности. Если же мы обратимся, например, к Постановлению Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 г. № 50 «О Министерстве культуры Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве культуры Российской Федерации») [4], то такого приоритетного указания на профилактическое направление деятельности мы действительно не обнаружим, однако, если обратиться к анализу текста постановления, мы увидим множество установлений, из которых следует, что Министерство культуры активно занимается профилактикой правонарушений. Согласно данному постановлению, «Министерство культуры Российской Федерации является *федеральным органом исполнительной власти* (здесь и далее курсив наш. – Е. Т.), осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в сфере культуры, искусства, культурного наследия, кинематографии, авторского права и смежных прав и функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере культуры и кинематографии, а также по охране культурного наследия, авторского права и смежных прав, по контролю и надзору в указанной сфере деятельности».

Далее обратимся к конкретным видам деятельности и мероприятиям, осуществляемым Министерством культуры и приведем максимально полные выдержки из указанного постановления. Например, Министерство культуры осуществляет:

– лицензирование деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);

– методическое обеспечение по согласованию с Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий защиты, сохранности и безопасности культурных ценностей,

– федеральный государственный контроль (надзор) за *содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной* в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения, за соблюдением законодательства Российской Федерации об авторском праве и смежных правах в установленной сфере деятельности; *анализирует причины выявленных нарушений* при осуществлении переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, принимает меры по устранению выявленных нарушений;

– обязательные для исполнения предписания: о привлечении к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации, и (или) об отстранении от должности должностных лиц исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

Регистрирует: факты пропажи, утраты, хищения культурных ценностей, организует и обеспечивает оповещение государственных органов и общественности в Российской Федерации и за ее пределами об этих фактах.

Осуществляет экономический анализ деятельности подведомственных федеральных государственных унитарных предприятий и утверждает экономические показатели их деятельности, проводит в подведомственных организациях проверки финансово-хозяйственной деятельности и использования имущественного комплекса;

Обеспечивает в пределах своей компетенции защиту сведений, составляющих государственную тайну.

Приведенный перечень является далеко не полным, но ярко иллюстрирует профилактическую деятельность рассматриваемого Министерства. Она закреплена как напрямую – как, например, осуществление государственного контроля за сохранением объектов культурного наследия, так и косвенно – лицензирование деятельности по сохранению объектов культурного наследия.

Подобного анализа требуют, видимо, и иные правовые акты, регламентирующие деятельность иных субъектов профилактики, поскольку опыт показывает, что, по-прежнему, основным субъектом профилактики считаются органы внутренних дел. При этом в Законе о профилактике они упоминаются только в качестве субъектов, осуществляющих специальные меры профилактики. Очевидно, что основным субъектом не могут быть органы, выполняющие ограниченную часть функций в сфере профилактики и не воздействующие на значительную часть объектов профилактики, не имеющие возможности оказывать влияния на подавляющее большинство причин и условий преступности. А ведь профилактика – это и есть воздействие на причины и условия преступности с целью их устранения, нейтрализации или минимизации действия. Значит о результативности предупреждения преступлений, в том числе профилактики, возможно будет говорить только тогда, когда все субъекты, указанные в Законе о профилактике (вопрос о необходимости расширения данного перечня оставим за рамками данной статьи), а также лица, участвующие в профилактике будут реально выполнять, первые – возложенные на них функции, а вторые – осознают не просто свое право участвовать в рассматриваемой деятельности, но и как гражданский долг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 29.03.2023.)

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 29.03.2023.)

3. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 29.03.2023.)

4. О Министерстве культуры Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2011 г. № 50. URL: <https://base.garant.ru/12188356/> (дата обращения: 29.03.2023.)

5 Государственная система предупреждения преступлений и иных правонарушений, место в ней органов внутренних дел : курс лекций / Е. Ю. Титушкина и др. М. : Академия управления МВД России, 2021. 180 с.

6. Правовые основы предупреждения преступлений : курс лекций / Е. Ю. Титушкина и др. М. : Академия управления МВД России, 2018. 120 с.

7. Титушкина Е. Ю., Иванов С. С. К вопросу о понятии «предупреждение преступление» и его соотношение с «профилактикой правонарушений // Российский следователь. 2021. № 3. С. 55–59.

УДК 343.8

Милич Иван,

доктор юридических наук,
ассистент кафедры уголовного права,
государственный Университет в городе Нови-Сад
г. Нови-Сад, Республика Сербия
i.milic@pf.uns.ac.rs

Евстегнеев Алексей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Кто охраняет тюрьмы в Республике Сербия?

Статья посвящена охране тюрем, а также лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В своей статье авторы указывают на то, что осужденные лица, отбывающие наказание в тюрьмах Республики Сербия, в целях предупреждения и пресечения побега, охраняются различными способами. К одному из таких способов, наряду с научно-техническими средствами охраны, повсеместно используются сотрудники специальной государственной службы охраны тюрем. Эти должностные лица играют важную роль в работе тюрем, а также участвуют в разрешении важных вопросов по исполнению наказания в виде лишения свободы. Авторами особое внимание уделено охране осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в Специальных отделах тюрем за совершение преступлений организованными группами.

Ключевые слова: закон, осужденный, тюрьма, права осужденных, служба охраны, специальный отдел.

Milić Ivan,

doctor of law, assistant professor,
department of criminal law, faculty of law,
State University of Novi Sad
Novi Sad, Republic of Serbia

Evstegneev Alexey Sergeevich,

Ph. D. in law, associate professor,
head of the department of criminal
law disciplines, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Who provides secures prisons in the Republic of Serbia?

The article is devoted to the protection of prisons, as well as persons serving a sentence of imprisonment. In their article, the authors point out that convicted persons serving sentences in prisons of the Republic of Serbia, in order to prevent and suppress escape, are protected in various ways. One of these methods, along with scientific and technical means of protection, is widely used by employees of the special state prison guard service. These officials play an important role in the work of prisons, as well as are involved in resolving important issues related to the execution of the penalty of deprivation of liberty. The authors pay special attention to the protection of those sentenced to imprisonment and serving sentences in the Special Departments of Prisons for committing crimes by organized groups.

Keywords: law, convict, prison, rights of convicts, security service, special department.

В Республике Сербия (далее – РС) насчитывается свыше тридцати тюрем, исполняющих наказание в виде лишения свободы [1]. В них также содержатся лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в течение времени предварительного расследования, а также лишение свободы в отношении лиц, преследуемых за совершение правонарушений. Тюрьмы в РС отличаются по различной строгости содержания. Здесь мы хотим отметить то, что в РС отсутствуют частные тюрьмы. Права осужденных лиц, отбывающих наказания в различных тюрьмах отличаются в зависимости от категории тюрьмы, в которой отбывается наказание в виде лишения свободы, а также от тяжести совершенного преступления. Вместе с тем, каждый осужденный, вне зависимости от категории тюрьмы, в которой он содержится, обладает основными правами, которые у него никто и не при каких условиях не может отнять или ограничить в них. Это, например, права, связанные с гуманным обращением, нормами размещения и питания, свободой вероисповедания, права на посещение членами семьи и близкими родственниками и др.

Одним из критериев деления тюрем на категории является строгость тюремного содержания (режим содержания) осужденных, который обеспечивается наличием физических и технических средств охраны, препятствующих побегу осужденных и соблюдению ими режимных требований, например, высокая стена или наличие колючей проволоки, проволоки «путанки», по периметру тюрьмы.

Также следует отметить, что каждый осужденный, отбывающий наказание в тюрьме, в зависимости от строгости режима, должен соблюдать конкретные правила. Наряду с этим, существуют особые правила отбывания наказания в виде лишения свободы той или иной категорией осужденных. Например, «опасные осужденные» отбывают заключение в тюрьме особо строго режима. Лица, отбывающие наказание в тюрьмах особо строго режима существенно ограничены в правах, в первую очередь это касается контактов с внешним миром.

В Республике Сербия все тюрьмы, согласно положениям Закона Республики Сербия «Об исполнении уголовных наказаний» [2] охраняются специальным государственным органом, получившим наименование «Служба охраны», сотрудники которого, наряду с охраной решают задачи по контролю за поведением осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах. В первую очередь, это связано с обязанностью сотрудников этой службы предотвращать и пресекать побег осужденных из тюрем, а также поддержанием порядка и дисциплины осужденными, содержащимися в тюрьмах. Для тюрем Сербии, как и исправительных учреждений России, в которых осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы, характерно то, что они охраняются представителями конкретной государственной службы. Так, тюрьмы в Сербии охраняются сотрудниками Службы охраны. В данном случае речь идет о специализированной государственной службе, задачей которой является не только охрана тюрем, но и осуществление контроля за поведением лиц, отбывающих наказание в тюрьмах. Сотрудники службы охраны не являются полицейскими, но в процессе решения своих задач, при возникновении определенных ситуаций, они тесно сотрудничают с органами полиции. Во-первых, полиция может быть привлечена для поддержания правопорядка и обеспечения безопасности в тюрьмах. Как правило, это бывает в случаях массовых беспорядков, спровоцированных заключенными или не правомерным поведением представителей администрации тюрем либо службы охраны. Во-вторых, сотрудники полиции могут быть привлечены для конвоирования осужденных, например, при переводе осужденного в другую тюрьму, где он продолжит отбывать наказание, либо при его транспортировке и в некоторых других случаях. Как нам представляется, здесь было бы правильнее привлекать специализированные подразделения полиции, которые прошли специальное обучение по решению таких задач, как например, это делается в России, когда привлекаются сотрудники конвойно-патрульной службы МВД для конвоирования подследственного из следственного изолятора в орган дознания или в следственное подразделение для проведения следственных действий и обратно в следственный изолятор, либо при конвоировании в следственный изолятор подозреваемого или обвиняемого, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В Сербии это бывает в случаях конвоирования одного или нескольких особо опасных осужденных, когда существует вероятность их самостоятельного или организованного побега с помощью других лиц, находящихся на свободе, а также при наличии опасности, когда их соучастники или иные, близко знакомые им лица, находящиеся на свободе, попытаются совершить вооружен-

ное нападение на конвой с целью освобождения конвоируемых, их похищения или убийства.

Кроме того, сотрудники службы охраны, играют важную роль в решении других задач исполнения наказания в виде лишения свободы. Во-первых, они решают основную задачу в части, связанной с осуществлением изоляции осужденных от общества, исключая возможность их побега. Во-вторых, они отвечают за поддержание правопорядка и обеспечения безопасности, как самих осужденных, других людей, находящихся в расположении тюрем, так и тюремного имущества. В-третьих, они отвечают за конвоирование осужденных лиц.

Помимо этого, они играют не менее важную роль в обеспечении мер по ресоциализации осужденных. Некоторые сотрудники службы охраны являются также представителями экспертной группы, члены которой участвуют в работе комиссии при принятии решения о дальнейшем правовом положении осужденных во время их отбывания наказания в тюрьме. От каждого члена экспертной группы, например, зависит, будет ли тот или иной осужденный отбывать оставшийся срок наказания в отделении тюрьмы со строгим или менее строгим режимом.

Как правило, сотрудники службы охраны несут службу в одной тюрьме, но, при определенных условиях, они могут быть переведены в другую тюрьму на постоянный или временный срок. Представляется оправданным то, что они проходят службу только в одной тюрьме, так как, по нашему мнению, таким образом, в первую очередь, обеспечивается качественное исполнение ими своих обязанностей в одной и той же тюрьме. Так как им не надо знакомиться с организацией работы «новой» тюрьмы, другими сотрудниками, с которыми предстоит далее работать, и с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в «новой» тюрьме, при поддержании правопорядка и дисциплины среди них.

На службу охраны принимаются лица, которые должны соответствовать строго определенным критериям и отвечать требованиям, изложенным в названном ранее Законе и в ведомственных подзаконных актах. Так, перед трудоустройством, кандидат в Службу охраны проходит специальную проверку, как и в Российской Федерации, при поступлении на службу в подразделения исполнения уголовных наказаний, а также должен пройти соответствующее обучение. Работники Службы охраны обязаны носить форменную одежду, а также, во время несения службы, вправе иметь при себе специальные средства индивидуальной защиты и табельное оружие. В то же время, в исключительных случаях, например, при осуществлении мероприятий по розыску сбежавшего осужденного, они могут находиться в гражданской одежде.

Действующее законодательство, регулирующее порядок исполнения уголовных наказаний в определенных случаях, разрешает им применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в отношении осужденных. Согласно предписаниям Закона Республики Сербия «Об исполнении уголовных наказаний», физическая сила, специальные средства и огнестрельное оружие могут быть использованы лишь в строго определенных случаях, например, в случае побега осужденного, или при нападении на охранника,

представителя администрации тюрьмы, другого осужденного, либо в случае членовредительства. Данные меры применяются представителем Службы охраны в целях ограничения подвижности осужденного, чтобы предотвратить побег, причинение вреда здоровью или смерти, указанным выше лицам, а также членовредительство. Используемые меры по ограничению подвижности могут быть разными по строгости их применения. Наиболее легкая мера заключается в применении физической силы, самой строгой из таких мер является использование огнестрельного оружия. Как правило, сначала используется наиболее легкая мера ограничения подвижности, более строгая – может быть применена только в том случае, если легкие меры не оказали необходимого воздействия и не ликвидировала грозящую опасность. Использование сотрудниками службы охраны огнестрельного оружия строго регламентировано и делается это по той причине, что речь идет о самой строгой мере ограничения подвижности, в результате которой может наступить смерть осужденного. В зависимости от того, в какой тюрьме осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы, регулируется порядок применения огнестрельного оружия в случае его бегства. Если осужденный совершает побег из тюрьмы с особо строгим режимом, сотрудники службы охраны, в зависимости от складывающихся обстоятельств, имеют право использовать огнестрельное оружие без применения менее строгих мер ограничения передвижения. В то же время, если осужденный совершает побег из тюрьмы с менее строгим режимом, его бегство предотвращается с помощью легких мер ограничения подвижности.

В Республике Сербия в 2009 году принят специальный закон [3], регулирующий исполнение наказания в виде лишения свободы для лиц, совершивших особо тяжкие уголовные преступления, такие как: организованная преступность, терроризм и иные тяжкие уголовные преступления. Эти лица отбывают лишение свободы в Специальном отделе тюрьмы особо строго режима, так как эта категория осужденных относится к числу [4] самых опасных осужденных. Их права существенно ограничены, по сравнению с другими осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в тюрьмах, например, эта категория осужденных не подлежит условно-досрочному освобождению от дальнейшего отбывания наказания.

Кандидаты в сотрудники службы охраны Специального отдела тюрьмы строгого режима проходят специальный отбор, что вызывается особенностями выполняемых ими функций. Первая особенность выражается в том, что они наделены гораздо большим объемом полномочий по применению мер, ограничивающих подвижность таких осужденных. Вторая особенность – сотрудники службы охраны, проходящие службу в данном Специальном отделе несут службу не на постоянной основе. Их отбирают из других тюрем, после проведения внутреннего конкурса и направляют в Специальный отдел по правилам ротации кадров. Сотрудник службы охраны, прошедший внутренний конкурс, направляется в специальный отдел не более, чем на шесть месяцев в течение одного календарного года. Существуют специальные условия, которым должен соответствовать сотрудник службы охраны, чтобы быть прикомандированным в Специальный отдел. В первую очередь, это касается его опыта службы и дис-

циплинированности. Конечно, одним из существенных мотивов для ротации сотрудника службы охраны для его временного прикомандирования в Специальный отдел тюрьмы особо строго режима является существенная разница в заработной плате, значительно превышающей прежнюю.

Резюмируя изложенное мы можем сказать, что в Республике Сербия охрана тюрем осуществляется специализированной государственной службой – Службой охраны. Граждане Сербии, желающие работать в Службе охраны проходят специальный отбор и обучение. При несении службы сотрудники Службы охраны решают ряд очень важных задач.

Во-первых, они осуществляют изоляцию осужденных от общества, исключая возможность их побега. Во-вторых, отвечают за поддержание правопорядка и обеспечение безопасности самих осужденных, представителей администрации тюрем и других людей, находящихся на территории тюрьмы, а также за сохранность тюремного имущества. В-третьих, они осуществляют конвоирование осужденных лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милич И. Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 168–174.
2. Закон Республики Сербия «Об исполнении уголовных наказаний» // Официальный вестник Республики Сербия. 2014. № 55; 2019. № 35.
3. Закон Республики Сербия «Об исполнении наказания в виде лишения свободы за уголовные преступления в области организованной преступности» // Службени гласник Республики Сербия. 2009. № 72; 2010. № 101.
4. Милич И. Направление наиболее опасных осужденных для отбывания наказания // Вестник Адвокатской палаты. 2020. № 3. С. 312–328.

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Московский университет имени А. С. Грибоедова
г. Москва, Российская Федерация
diw@yandex.ru

Административная преюдиция или теория карательной прогрессии

В статье рассматривается одно из наиболее дискуссионных явлений в уголовном праве – административная преюдиция. Автор проводит системный и сравнительно-правовой анализ этого понятия, дает ему правовую характеристику, исследует его теоретические

основы, исторические истоки и эволюцию. Исследуется связь и проводится разграничение административной преюдиции с бланкетными и предикатными преступлениями, а также рецидивом преступлений, уголовно-исполнительной преюдицией. В этой связи предлагается новый термин – «отраслевая преюдиция».

Ключевые слова. Административная, уголовно-исполнительная (отраслевая) преюдиция, теория карательной прогрессии, повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью, рецидив преступлений, межотраслевой рецидив, бланкетные и предикатные преступления.

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich,
doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer,
Research Institute Federal Penitentiary Service,
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Moscow State University named after A. S. Griboyedov
Moscow, Russian Federation

Administrative prejudice in criminal law

The article deals with one of the most controversial phenomena in criminal law – administrative prejudice. The author conducts a deep systematic and comparative legal analysis of this concept, gives it a legal characteristic, explores its theoretical foundations, historical origins and evolution, including the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. The connection is investigated and a distinction is made between administrative prejudice and blank and predicate crimes, as well as recidivism of crimes. The connection is investigated and a distinction is made between administrative prejudice and blank and predicate crimes, as well as recidivism of crimes, criminal and executive prejudice. In this regard, a new term is proposed – “branch prejudice”.

Keywords: Administrative, penal (branch) prejudice, theory of punitive progression, repetition of homogeneous actions with an increasing level of illegality and progressive repression, recidivism of crimes, intersectoral recidivism, blank and predicate crimes.

Согласно уголовно-правовому принципу законности преступность и наказуемость деяния определяется только уголовным законом (ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). При этом уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах, и нормах международного права (ч. 2 ст. 1 УК РФ). При коллизии конституционных и уголовно-правовых норм приоритетом пользуются первые. Во всех остальных случаях действует правило исключительности уголовно-правового регулирования, согласно которому единственным источником уголовно-правовых норм является УК РФ. К примеру, одно и то же деяние не может одновременно подпадать под признаки состав преступления и административного правонарушения.

Исключение образуют случаи так называемой *преюдиции*, которая в переводе с латинского *praedictum* означает: относящийся к предыдущему судебному решению) – обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица [8, с. 278].

В отечественном уголовном праве получил распространение институт так называемой *административной преюдиции*. Примерами составов с административной преюдицией в УК РФ являются, например, ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым уголовному наказанию), ст. 151.1 (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 157 УК РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию), ст. 264.1 УК РФ (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость и др. Однако в последнее время их количество заметно увеличивается с возрастающей динамикой.

Причем, как часто бывает при заимствовании терминов из других отраслей права или научного знания, данное понятие приобрело особое, отличающееся от первоначального смысла уголовно-правовое содержание и рассматривается как особая связь между несколькими аналогичными деяниями, совершенными в течение определенного времени (как правило, года), первое из которых имеет статус административного правонарушения, а совершенное два и более раз – признается преступлением. В данном случае ключевое значение имеет признак повторности совершения аналогичного деяния в течение определенного периода времени. Однако по поводу конституционной и доктринальной обоснованности административной преюдиции в уголовно-правовой науке до сих пор ведутся дискуссии.

В дореволюционной правовой науке господствовало вполне определенное понимание преюдиции, восходящее еще к римскому праву и связанное с приданием юридической силы решения суда (юрисдикционного органа) в отношении ранее установленных обстоятельств дела [6, с. 4]. Ничего общего с концепцией так называемой административной преюдиции в уголовном праве это не имело. В современных правовых отраслях – гражданском и уголовном процессах административная преюдиция, как правило, рассматривается в указанном выше смысле. К примеру, Е. Б. Тарбагаева использует понятие «преюдициальность» применительно к юридической силе судебных решений [7, с. 52], что согласуется с мнением Р. Искандерова, рассматривающего «преюдициальность» как одну из юридических характеристик приговора [2, с. 22–23].

И только в уголовном праве традиционная правовая терминология наполняется своим, узкоотраслевым смыслом. Данный вывод касается не только административной преюдиции. Ранее мы анализировали феномен особого уголовно-правового толкования иноотраслевых терминов [1, с. 11–12].

В настоящее время точки зрения ученых в отношении административной преюдиции разделились. Одни считают правильным возвращение к практике применения административной преюдиции [5, с. 88–93; 4, с. 52–53].

В то же время позиция противников теории административной преюдиции в уголовном праве, на наш взгляд, более аргументирована и логически обоснована.

Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, ни одно административное правонарушение не обладает специфическим криминальным свойством деяния – общественной опасностью. Поэтому количество правонарушений не способно перерасти механически в новое качество – преступление. Запрет общественно опасного и виновного деяния устанавливается исключительно уголовным кодексом, а не каким-либо иным, даже федеральным законом. Таким образом, административная преюдиция не согласуется с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 14 УК РФ [9, с. 88].

Данная позиция разделялась С. Г. Келиной, Д. Н. Бахрахом, В. Л. Зуевым, А. Н. Тарбагаевым и рядом других ученых, которые подвергали критике применение административной преюдиции. Так, С. Г. Келина считала, что повторение деяния не может менять его юридическую природу [3, с. 44–48].

Определение уголовной противоправности восходит еще к принципу римского права: *nullum crimen sine lege*.

На наш взгляд, начиная с первых этапов развития советского уголовного законодательства в этом вопросе произошла подмена понятий. За административную преюдицию была выдана *повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью или, как ее можно назвать – теория карательной прогрессии*. В ее основе лежит принципиальная доктринальная позиция о переходе количественных показателей общественной опасности противоправных действий на качественно иной уровень. Это в свою очередь подменяет основание уголовной ответственности: с деяния акцент смещается на личность и, по сути, на ее общественную опасность. Ведь если рассматривать однородные деяния, совершаемые в определенный период времени, то вряд ли можно говорить, что последующее опаснее предыдущего. На каком основании? Что поменялось в последующем деянии? Разумеется, ничего. Тогда на чем базируется их правовая оценка с повышающейся репрессивностью? Очевидно, что на постулате о превентивной функции наказания (в широком смысле) как меры принудительного воздействия, а также – догмате об общественной опасности (социальной деструктивности, криминальной зараженности) личности, которая поддается корректировке путем такого воздействия. Отрицать это, конечно, нельзя. Но если возводить данный догмат в абсолют, то отсутствие эффекта меньшего воздействия закономерно приводит к выводу об усилении такового, в том числе от административного к уголовно-правовому.

В этой связи следует опровергнуть вытекающий из данного догмата тезис о связи между «опасностью личности» и субъективными признаками деяния (вина, мотив, цель, признаки субъекта). Полагаем, что наличие данных признаков в конструкции состава преступления не означает опасности личности как таковой, а характеризует только деяние. Иными словами, преступник – не имманентный социально-психологический статус личности, и может рассматриваться только на момент (период) совершения преступления¹. В конце концов,

¹ В этой связи мы считаем термин «преступник» не отвечающим господствующим современным научным и правовым подходам к личности, совершившей преступление. В частности, его имманентность нивелирует существующие цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

наказывают не за свойства личности, а за совершенное деяние, в котором отразилось сочетание субъективных признаков лица, характерное для момента совершения преступления. В противном случае необходимо признать, что наказание можно применять не только за деяние, но и за опасное состояние личности, что противоречит фундаментальным основам отечественного уголовного права (понятию преступления, основанию уголовной ответственности), а также результатам его эволюции.

Данный подход имеет свои теоретические основания. К числу наиболее значимых источников, предопределивших инструментальный (в ряде случаев и утилитарный) подход к уголовно-правовому воздействию вообще, и наказанию, в частности, можно отнести учения представителей антропологического, социологического (позитивистского) течений в криминологии и уголовном праве: Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.

Безусловно, административная преюдиция может иметь значение как научная теория. Но ее имплементация в уголовный закон чревата целым рядом негативных последствий.

Во-первых, она подрывает основы уголовного права, в частности, основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и качественные характеристики преступления (ст. 14 УК РФ). Так, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. То есть каждое деяние изначально должно содержать все признаки преступления безотносительно к тому, что было совершено раньше. Накопительного эффекта в данном случае быть не может и не должно.

Повторность сама по себе не делает деяние принципиально более опасным по сравнению с первым. Материальный признак общественной опасности должен наличествовать в каждом деянии, причем соответствовать его уголовно-правовому статусу.

Во-вторых, административная преюдиция является универсальным карательным инструментом, который при желании может быть применен к любому деянию иной правовой природы. Не нужно даже придумывать новый состав преступления. Достаточно добавить признак повторности к административному правонарушению и преступление готово. А добавить, повторим, можно практически ко всему при наличии на то воли и целесообразности. В этом смысле законодатель может пойти еще дальше в карательной прогрессии, оформляя как квалифицирующие признаки третий и последующий разы совершения одного и того же. По крайней мере, это укладывалось бы в одну и ту же логику.

По способу конструирования составы с административной преюдицией похожи на *бланкетные* и *предикатные* преступления.

Связь административной преюдиции с *рецидивом* – концептуальная. По сути, в правовой конструкции рецидива заложен тот же принцип, как и в административной преюдиции – повторность совершения деяния, если за предыдущее лицо было подвергнуто ответственности. В этой связи административную преюдицию в литературе называют «межотраслевым рецидивом» [8, с. 130]. Термин «межотраслевой рецидив» нам представляется не вполне удачным, по-

сколькx допускает разные варианты толкования и вступает в конкуренцию с установленным в уголовном праве понятием рецидива.

По сути, у этих двух институтов одинаковый механизм учета повторности однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующим уровнем репрессивности. Разница только в том, что первоначальное деяние при рецидиве уже имеет уголовно-правовой характер. Что же касается общественно опасного деяния как основания уголовной ответственности, то оно также стоит на втором плане. На первый выступает личность и именно оценка ее опасности ввиду повторности как следствия неэффективности карательного воздействия (даже в названии видов рецидива – опасный, особо опасный).

Разновидностью административной преюдиции выступает *уголовно-исполнительная преюдиция*. Разница состоит только в том, что первое деяние выражается в нарушении требований уголовно-исполнительного законодательства, а повторное уже влечет уголовную ответственность, например, злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания (ч. 1 ст. 314 УК РФ). В данном случае признак злостности раскрывается в ст. 58 УИК РФ.

С учетом наличия в уголовном законе еще одной разновидности рассматриваемого явления, термин «*административная преюдиция*» следует признать недостаточно объемным и заменить понятием «*отраслевая преюдиция*».

Полагаем, что в отечественном уголовном праве необходимо отказаться от административной преюдиции как противоречащей его эволюционному развитию и подрывающей его концептуальные основы, а существующие ныне составы с административной преюдицией должны быть либо исключены из уголовного закона, либо сконструированы с учетом криминообразующих признаков первого деяния. Повторность же должна оцениваться исключительно в рамках соответствующих институтов уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти : монография. М., 2013.
2. Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. № 22. С. 22–23.
3. Келина С. Г. Современная тенденция в развитии уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 42–43.
4. Овечкина Е. В. Возвращение к административной преюдиции: «за» и «против» // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53.
5. Пикуров Н. И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 января 2002 г.)/ М., 2002. С. 88–93.
6. Плетнева О. Е. Взаимная обязанность судебных решений и актов органов государственного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.

7. Тарбагаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988. С. 52–60.

8. Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 278–282.

9. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юрид. факультет ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой ; [Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова и др.]. М., 2002.

УДК 343.9

Мартыненко Наталия Эдуардовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Проблемы правоохранительной деятельности (на примере уголовно-правового реагирования на коррупцию)

В статье, на примере уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией, показаны две проблемы законодательного установления уголовной ответственности за коррупцию. Первая касается отсутствия в УК РФ понятия коррупционного преступления, вторая – санкций статей, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления. Предлагается с учетом зарубежного опыта включить в УК РФ главу «Коррупционные преступления» и изменить разницу между минимальным и максимальным пределами наказания за коррупционные преступления.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, санкция, принцип справедливости.

Martynenko Natalia Eduardovna,
doctor of law, professor,
professor at department of the criminal policy
Management Academy of the Ministry of the interior of Russia
Moscow, Russian Federation

Problems of Law Enforcement (on the Example of Criminal Law Response to Corruption)

In the article, on the example of criminal law means of combating corruption, two problems of legislative establishment of criminal liability for corruption are shown. The first concerns the absence of the concept of a corruption crime in the Criminal Code of the Russian Federation, the

second concerns the sanctions of articles providing for liability for corruption crimes. It is proposed, taking into account foreign experience, to include the chapter "Corruption crimes" in the Criminal Code of the Russian Federation and change the difference between the minimum and maximum limits of punishment for corruption crimes.

Keywords: *corruption, corruption crimes, sanction, principle of justice.*

Провозглашение государством коррупции одной из основных угроз государственной и общественной безопасности [1] предполагает принятие комплекса мер по противодействию данному негативному явлению, одной из которых является совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции.

О коррупции в уголовном праве сказано достаточно много. Проведен не один десяток конференций, написан не один десяток статей, защищены диссертационные исследования. Однако несмотря на столь пристальное внимание к противодействию коррупции уголовно-правовыми средствами остается еще много нерешенных проблем. Рассмотрим только две из них.

Первая проблема – отсутствие в уголовном законе уголовно-правового понятия коррупционного преступления. Попытки определить, что такое коррупционные преступления относятся еще к 90-м годам прошлого века, когда государствами – участниками Содружества Независимых Государств (далее – стран – участниц СНГ) был принят модельный закон «О борьбе с коррупцией» [2].

Коррупция (коррупционные правонарушения) в законе определялась как не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ государственными должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

Коррупционные правонарушения, относящиеся к уголовно наказуемым деяниям - получение и дача взятки, другие коррупционные правонарушения, связанные с противоправным получением благ и преимуществ либо создающие условия для коррупции, ответственность за которые установлена уголовным кодексом государства.

Авторам Модельного закона не удалось перечислить все коррупционные преступления. Полагаю, что это и не нужно, поскольку каждое государство может включать в него преступления, содержащиеся в национальных законодательствах.

Действующий закон «О противодействии коррупции» [3] хотя и перечисляет коррупционные правонарушения, но также говорит об «иных» действиях, что позволяет сделать вывод об оценочности данного определения. Данное определение не позволяет определить, какие преступления относятся к числу коррупционных.

Нужно ли определение коррупционного преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ)? Думаю, что ответ на этот вопрос должен быть положительным, так как отсутствие единообразного подхода к уголовно-правовому понятию коррупции влечет за собой как проблемы их учета и контроля, так и проблемы в правовой оценке данных деяний и, как следствие, в их предупреждении. Кроме законодательного закрепления коррупционного преступления, представляется возможным включить в УК РФ самостоятельную главу «Коррупционные преступления». Для реализации этого предложения может пригодиться опыт одной из стран – участниц СНГ. В Уголовном кодексе Киргизской Республики от 28 октября 2021 года № 127 есть самостоятельная глава 42 «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной и муниципальной службы». В ст. 319 содержится понятие коррупции.

Коррупция – умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставления ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающие угрозу интересам общества или государства.

В Российской Федерации на протяжении более чем двадцатипятилетнего срока действия УК РФ, понятие коррупции так и не было включено в УК РФ.

Выход из сложившейся ситуации был предложен Генеральной Прокуратурой Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации, которые издали совместное указание «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [4]: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 11/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2023 года № 1 (далее – Перечень).

Понятно, что указание не имеет юридической силы, но оно хотя бы позволяет правоохранительным органам единообразно относить к коррупционным преступлениям одни и те же деяния. В данном Перечне все коррупционные преступления разделены на следующие группы:

- преступления, относящиеся к коррупционным без дополнительных условий;
- преступления, относящиеся к коррупционным при наличии определенных условий;
- преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности.

Количество зарегистрированных коррупционных преступлений (список 1) представлено в таблице.

И хотя количество коррупционных преступлений не велико, их предупреждению должно способствовать наказание, причем как законодательно установленная санкция статьи, так и его назначение.

Количество зарегистрированных преступлений, относящихся к перечню коррупционных без дополнительных условий

УК РФ	2018	2019	2020	2021	2022
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	2	0	0	12
ст. 200.5	1	12	34	21	23
ст. 200.7	0	0	0	0	0
ст. 204	740	990	1162	1216	1270
ст. 204.1	40	79	50	73	97
ст. 204.2	228	304	282	241	97
п. а ч. 2 ст. 226.1	1141	1365	1465	1539	1272
п. б ч. 2 ст. 229.1	630	510	362	695	286
ст. 289	28	29	27	20	17
ст. 290	3499	3988	4174	5020	5540
ст. 291	2612	3174	3649	4499	4716
ст. 291.1	979	1297	1451	2041	1881
ст. 291.2	5437	5408	5274	7031	7353

Второй проблемой противодействия коррупционным преступлениям являются санкции статей, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления и, как следствие, назначение наказания за эти преступления. В частности, разница между минимальным и максимальными пределами наказания, например, при совершении преступления, наиболее часто совершаемого антикоррупционного преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ составляет:

по ч. 1 – от штрафа до трех лет лишения свободы (преступление небольшой тяжести);

по ч. 2 – от штрафа до шести лет лишения свободы (тяжкое преступление);

по ч. 3 – от штрафа до восьми лет лишения свободы (тяжкое преступление);

по ч. 4 – от штрафа до десяти лет лишения свободы (тяжкое преступление);

по ч. 5 – от штрафа до двенадцати лет лишения свободы (особо тяжкое преступление);

по ч. 6 – от штрафа до пятнадцати лет лишения свободы (особо тяжкое преступление).

Штраф как вид наказания, с одной стороны, за совершение особо тяжкого коррупционного преступления вызывает недоумение, а с другой – лишение свободы до пятнадцати лет приравнивало коррупционное преступление к умышленному убийству, что также не только не может не вызывать недоумение, но и нарушает принцип справедливости, установленный в ст. 6 УК РФ.

Изучение судебной практики показало, что несмотря на наличие в санкции ч. 1 ст. 290 УК РФ лишения свободы, суды как правило, назначают основное наказание, не связанное с лишением свободы (например, один год исправительных работ с удержанием 5 % из заработка в доход государства), по ч. 3

ст. 290 УК РФ хотя и назначается лишение свободы, но с применением ст. 73 УК РФ.

Представляется, что вопрос об изменении санкций статей (и не только за коррупционные преступления) давно назрел. Об этом специалисты уголовного права говорят уже не одно десятилетие [5, 6, 7]. Но не слышен глас вопиющего в пустыне. А ведь такой большой разброс санкций тоже является коррупционным.

Проблема изменения санкции статей в 2021 году решена в УК Киргизской Республики. Так, разница между минимальным и максимальным пределами наказания в санкциях статей Особенной части составляет, например, за коррупцию (ч. 1 ст. 336) – два года, за получение взятки (ч. 2 ст. 342) – два года лишения свободы и т. д. Представляется, что законодателю Российской Федерации вполне возможно использовать опыт Киргизской Республики.

В заключение следует сказать, что проблемы уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления следует решать как можно быстрее, так как вышепоказанные проблемы не способствуют эффективной борьбе с коррупцией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ч. 2. Ст. 5351.

2. О правовом обеспечении противодействия преступности на территории стран Содружества : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 3 апреля 1999 г. № 13-4. URL: <https://base.garant.ru/2569179> (дата обращения: 16.04.2023).

3. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

4. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 11/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2023 года № 1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71795614/> (дата обращения: 16.04.2023).

5. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975.

6. Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления в местах лишения свободы. Рязань, 1976.

7. Дзигарь А. Л. Критический анализ уголовно-правовых санкций. Ростов н/Д, 2004.

УДК 343.211.4

Плэмэдялэ Игорь Георгиевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела изучения отечественного
и зарубежного опыта, истории
уголовно-исполнительной системы,
сравнительного анализа пенитенциарного
законодательства, Научно-исследовательский
институт ФСИН России
г. Москва, Российская Федерация
igor.plemedyale@yandex.ru

Некоторые аспекты лингвистического и правового анализа юридической конструкции статьи 38 УК РФ

Предметом исследования является вопрос: содержит ли статья 38 УК РФ необходимую и достаточную правовую информацию, позволяющей, с одной стороны (субъекту задержания), принимать оперативные решения и действовать адекватно складывающейся ситуации, без опасения быть подвергнутым уголовному преследованию, с другой (правоприменительным органам) – квалифицировать содеянное субъектом задержания в качестве правомерного поступка (?). Сделаны предложения по совершенствованию института принудительного задержания, реализация которого не ограничено только положениями статьи 38 УК РФ.

Ключевые слова: *принудительное задержание, правонарушение, правомерный поступок, причинение вреда, лицо, совершившее преступление, субъект задержания.*

Plemedyale Igor Georgievich,
Phd (Law), major scientific employee of the department
for the study of fatherland and foreign experience,
the history of the penal system, comparative analysis of penitentiary
legislation Scientific Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russian Federation

Some aspects of linguistic and legal analysis of the legal construction of Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation

The object of the study is the question: does Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation contain the necessary and sufficient legal information that allows, on the one hand (the subject of detention), to make operational decisions and act adequately to the current situation, without fear of being subjected to criminal prosecution, on the other (law enforcement agencies) to qualify what the subject of detention has done as a lawful act (?). Proposals have been made to improve the institution of forced detention, the implementation of which is not limited only by the provisions of Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *forced detention, offense, lawful act, causing harm, the violator.*

Знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а том, чтобы постигать их смысл.

*Цицерон*¹

Нормы права, как известно, возникают под влиянием многих факторов: общественного строя, состояния правовой системы, общественного и правового мировоззрения, особенностей законоотворчества, культуры, цивилизационных устоев (ценностей) каждой конкретной страны (иных государственных образований).

Вместе с тем, на содержание и смысл правовой нормы самым непосредственным образом влияют лексическое значение используемых в ней понятий² и терминов³, а также применение правил грамматики национального языка, на котором составлен тот или иной нормативно-правовой акт. В конечном итоге, сочетание филологических и юридических правил в каждой правовой норме сказывается как на эффективности, так и на конечный результат ее реализации.

Заметим, что норма о «причинении вреда при задержании», обозначенная в научной литературе как уголовно-правовое задержание, задержание преступника, насильственное задержание, вредоносное задержание (и др.), впервые предусмотрена в российской законодательной практике в качестве уголовно-правовой категории. Автор предлагает назвать это нормативное образование принудительным задержанием⁴. Перейдем к его лингвистическому и правовому анализу.

Итак, часть 1 статьи 38 УК РФ гласит: «не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер». Не обращая внимание, на далекую от совершенства конструкцию ст. 38 УК РФ, попытаемся все-таки разобраться, о чем эта статья, а также каким образом и для чего ее нужно реализовать.

Как видно, определение «причинения вреда при задержании» дано в форме отрицания («не является преступлением...»). Автор полагает, что такая форма определения обусловлена недостатком (или отсутствием) информации о содержании определяемого понятия. В связи с этим, как представляется, законодатель был вынужден оттолкнуться от известного понятия – через отрицание признаков понятия «преступление». Тогда, следуя логике обозначения того, что «не является преступлением», определяемое понятие в статье 38 УК РФ

¹ Марк Туллий Цицерон (лат. *Marcus Tullius Cicero*), 03.01.106 – 07.12.43 до н. э. – древнеримский государственный и политический деятель, оратор, философ, ученый.

² Понятие – это форма мысли, представление о предмете. URL: // dic.academic.ru

³ Термин (слова и словосочетания) – это средство доведения понятий (мысли) до адресата. URL: // dic.academic.ru

⁴ Термином «**принудительное задержание**» автор предлагает обозначить как ст. 38 УК РФ, так и правовой институт в целом, реализация которого не ограничена только нормами УК РФ.

должно было содержать признаки, противоположные тем, которые обозначены в статье 14 УК РФ¹ (например, «причинение вреда при задержании» должно было обозначено как невиновное, общественно полезное, правомерное (непреступное), ненаказуемое деяние). Действующая редакция статьи 38 УК РФ таких признаков не содержит.

По мнению Т. В. Кленовой, при разграничении преступлений и правомерного поведения необходимо руководствоваться законодательным определением преступления. Однако, как считает уважаемая коллега, это сделать невозможно, поскольку в данном определении не раскрыто содержание признаков преступления, а значит, «при этом не исключается различная интерпретация этих признаков и их соотношения...» [1, с. 28–29].

Для эффективного регулирования правовых отношений в рамках института принудительного задержания необходимо обозначение свойств и признаков, дающих представление о том, что это есть «причинение вреда при задержании», а не то, что «не является преступлением».

Можно предположить, что составление определения «через отрицание» имеет социальные причины, скорее всего, психологического плана, как то: неуверенность в своей компетенции, страх ошибиться, отсутствие собственного мнения и зависимость от чужого (что скажут другие?).

То, что текст статьи 38 УК РФ начинается словами «не является преступлением», предполагает, что деяние по задержанию, сопряженное с причинением вреда, изначально обозначено как преступление. Подтверждением этого предположения является то, что, содеянное не будет считаться таковым при двух условиях – «если»: а) «иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным», и б) «...не было допущено превышения необходимых для этого мер».

То есть лицо, предпринявшее меры по задержанию, должно доказать, что задержать «лицо, совершившее преступление» можно было только с применением силовых мер (ФС СС ОО и «любых подручных средств»). Это условие вполне обоснованно.

Однако далее (второе условие) субъект задержания должен доказать, что им «не было допущено превышения» необходимых мер для задержания «лица, совершившего преступление», т. е. что им содеянное («причинение вреда при задержании») «не является преступлением». С этим согласиться никак нельзя, поскольку такое положение дел является нарушением принципа презумпции невиновности².

Из этого следует, что в часть 1 статьи 38 УК РФ составлена с нарушением принципа презумпции невиновности, который, как известно, выражается в том, что какие-либо деяния изначально признаны правомерными, если не доказано обратное.

¹ В соответствии с частью 1 статьи 14 УК РФ, признаками преступления значатся: виновность, общественная опасность, запрещенность УК и наказуемость (предусмотренная УК РФ).

² См.: часть 1 статьи 49 Конституции РФ, часть 1 ст. 14 УПК РФ.

Имплементация же этого основополагающего принципа уголовного права применительно к статье 38 УК РФ, возможно через замену словосочетания «не является преступлением» утверждением о правомерности и общественной полезности мер принудительного задержания, неизбежным последствием которых является «причинение вреда» (предл. в конце статьи). Внесение этих изменений в статью 38 УК РФ согласуется с положениями статьи 49 Конституции РФ и статьи 14 УПК РФ (презумпция невиновности).

Следует заметить, что закрепление правомерности и общественной полезности в статье 38 УК РФ определенно влияло бы на правовую оценку содеянного. Ю. В. Баулин еще в 1986 писал, что «задержание преступника – это... самостоятельный вид общественно полезного и правомерного поведения граждан, исключающий уголовную и всякую иную ответственность» [3, с. 29]. Исследуя «необходимую оборону», В. В. Меркурьев отметил, что «установление социального (общественной полезности деяния) и нормативного (его правомерности) служит необходимой предпосылкой решения проблемы отсутствия основания уголовной ответственности» [6, с. 52]. Приемлемость этого важного постулата в отношении принудительного задержания, сомнений не вызывает.

Законодательное закрепление правомерности и общественной полезности в статье 38 УК РФ снизило бы степень произвольной оценки содеянного и способствовало бы утверждению правовых гарантий исключения «преступности деяния», «уголовной и всякой иной ответственности», уголовного преследования и наказания субъекта задержания.

Далее часть 1 статьи 38 УК РФ содержит словосочетание «причинение вреда». Представляется, что обозначение содеянного только в виде последствий является неполным. Деяние, как известно, это, прежде всего, действие, совершенное осознанно в конкретной обстановке. Такое обозначение содеянного в рамках статьи 38 УК РФ («причинение вреда») является недостаточным и для исключения преступности этого деяния, что в значительной степени осложняет оправдание субъекта задержания. Г. В. Бушуев отмечал, что «норма о задержании преступника... должна определять и средства достижения цели» [4, с. 27]. Это означает, что кроме «причинения вреда», в статье 38 УК РФ обязательно должны быть обозначены средства «задержания».

Применительно к рассматриваемому институту речь идет о действиях, сопряженных с применением физической силы, специальных средств, оружия, «иные подручные средства», и даже «военная и иная специальная техника» (далее – применение ФС СС ОО), по основаниям в случаях и в порядке установленных законом, в том числе «для задержания» («при задержании»). Деяние по задержанию, предусмотренное статьей 38 УК РФ, может быть совершено только таким способом (это деяние не может быть совершено иным способом!).

Следует отметить, что в отличие от статьи 38 УК РФ, где «причинение вреда» обозначено как абстрактное понятие¹, во всех, так называемых, специ-

¹ Абстрактными называют понятия, которые обозначают отвлеченные от объектов свойства или отношения, мыслимые как самостоятельные предметы. URL: // www: sanstv.ru

альных законах, предметом регулирования которых является применение ФС СС ОО (далее – спецзаконы), «вред» рассматривается как последствие применения ФС СС ОО.

Факт законодательного закрепления применения ФС СС ОО в качестве права означает, что последствия применения ФС СС ОО должны быть признаны правомерными. Последствия применения ФС СС ОО («причинение вреда») не могут быть неправомерными (преступными), при правомерности самих действий, поскольку применение ФС СС ОО происходит по основаниям/в случаях и в порядке, установленных законом.

Обозначение в статье 38 УК РФ средств задержания (ФС СС ОО и т. д.) способствовало бы согласованию как уголовно-правовых критериев «исключения преступности деяния», так и критериев «исключения уголовной ответственности» за применения ФС СС ОО по основаниям/в случаях и в порядке, установленных законом, что способствовало бы «признанию правомерности» таких действий.

Здесь, однако, возникает еще один вопрос: о каком вреде идет речь? В статье 38 УК РФ об этом ничего не сказано. Что касается спецзаконов, то последствия применения ФС СС ОО обозначены по-разному: «любой ущерб (вред)», «вред и убытки», «вред, причиненный гражданам и организациям», «причинение вреда здоровью или материального ущерба», «моральный, физический или имущественный вред». Л. Е. Прихожая отмечает, что «неопределенность и двусмысленность сходных по значению терминов, закрепленных в нормах уголовного права, может привести к произвольной их интерпретации, расширению пределов усмотрения и искажению практики правоприменения» [7, с. 131].

В связи с этим представляется, что в нормах права нужно использовать термины и формулировки, которые бы исключали произвольное восприятие разными субъектами одних и тех же фактов, событий, понятий. Что касается «причиненного вреда» (в нашем случае), вполне уместным и достаточным представляется использование термина «любой вред», как в статье 38 УК РФ, так и во всех спецзаконах, регулирующих применение ФС СС ОО. Этот термин подразумевал бы и количественную, и качественную характеристику последствий применения ФС СС ОО. Соответственно, можно было подразумевать исключение не только уголовной, но и всякой иной юридической ответственности (административной, гражданской, дисциплинарной, материальной).

Следующий термин, использованный в статье 38 УК РФ – это «лицо, совершившее преступление». Что означает этот термин как правовая категория? Вопрос не риторический, как может показаться на первый взгляд. Заметим, что в российском законодательстве нет такого нормативно определенного понятия. Его содержание косвенно раскрыто в разных правовых нормах и включает в себе как признаки субъекта преступления, так и признаки преступления. Так, в статье 19 УК РФ сказано, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». В соответствии со статьей 14 УК РФ, «преступлением признается

виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания». В свою очередь, виновность в совершении преступления, согласно статьям 49 Конституции РФ и 14 УПК РФ, может быть установлена только «...вступившим в законную силу приговором суда».

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что статья 38 УК РФ может регулировать лишь ситуации задержания лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда. Такое мнение не редкость в уголовно-правовой теории. Так ли это на самом деле? Нет, это не так.

Во-первых, рамки реализации статьи 38 УК РФ значительно шире, поскольку ими охватываются ситуации, значительная часть которых происходит до судебного разбирательства (до вынесения обвинительного приговора суда). Из чего следует, что меры принудительного задержания (ФС СС ОО) могут быть применены не только к «лицам, совершившим преступление», но также и к лицам, которые не признаны преступниками в установленном законом порядке.

Во-вторых, на месте происшествия (в момент фактического задержания) невозможно определить (установить) признаки субъекта преступления (вменяемость, возраст, виновность), соответственно, и самого факта совершения преступления. Это значит, что для реализации права на применение ФС СС ОО «для задержания» («при задержании») эти признаки не имеют никакого значения. К тому же, меры принудительного задержания (ФС СС ОО) применяются и отношении лиц, которые впоследствии могут и не быть (не будут) признаны преступниками в силу возраста, невменяемости, состояния здоровья.

В-третьих, на месте происшествия невозможно точно установить, какое противоправное деяние совершено – преступление или административное правонарушение? При этом необходимо отметить, что действующим законодательством предусмотрено применение ФС СС ОО (в том числе, боевой и иной специальной техники) при задержании лиц, совершивших (или совершающих) противоправные деяния, содержащих признаки не только преступлений, но и административных правонарушений (например, при задержании нарушителей пограничными органами ФСБ РФ или таможенными органами РФ).

Н. Г. Кадников считает, что «...формулировку ст. 38 УК РФ в части «лицо, совершившее преступление» можно назвать не соответствующей нормам действующего законодательства» [5, с. 114]. Вышеизложенные аргументы подтверждают необходимость исключения термина «лицо, совершившее преступление» как из действующей редакции статьи 38 УК РФ, так и из всех спецзаконов, регулирующих применение ФС СС ОО. Это предложение касается и материалов руководящей судебной практики, прежде всего, постановления пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 года¹. Представляется, что в рамках рассматриваемого института следовало бы исключить использование этого термина и в теории. Автор считает, что терминами, имеющими юридиче-

¹ См.: Постановление пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

ское значение, необходимо оперировать исключительно с учетом их нормативно определенного содержания.

Кстати можно отметить, что действующая законодательная практика все чаще стала обходиться без термина «лицо, совершившее преступление». Это видно на примере Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹ (и других законов).

Переходим к рассмотрению части 2 статьи 38 УК РФ, которая содержит определение «превышения мер, необходимых для задержания». Как не трудно заметить, проблемных вопросов здесь не меньше.

Во-первых, оно состоит сплошь из оценочных понятий: «меры, необходимые для задержания», «явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного преступления», «обстоятельства задержания», «явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред», «необходимость причинения вреда». К тому же, эти словосочетания не имеют ни конкретной смысловой нагрузки, ни нормативного определения. Несмотря на это, они применяются в качестве юридически значимых терминов, главным образом, для обоснования привлечения к ответственности субъекта задержания. Это неправильно.

Во-вторых, при сравнении частей статьи 38 УК РФ видно, что в части 1 речь идет о «причинении вреда лицу совершившему преступление, при его задержании...», а в части 2 – о «превышении мер, необходимых для задержания». Получается, что для описания одной и той же ситуации законодатель использует разные предлоги – «при» и «для», которые, как части речи, выражают различные смысловые отношения. Предлог «для» является целевым, т. е. указывает на назначение предмета. Предлог «при» – употребляется для указания на какое-нибудь явление, обстоятельство, сопутствующее условие, во время которого, совершается какое-нибудь действие или является его причиной. Какой из предлогов «для» и «при» лучше применить в нашем случае? Представляется, что предлог «при» более точно выражает содержание и суть рассматриваемого института.

В-третьих, следует отметить противоречивую и неоднозначную конструкцию статьи 38 УК РФ, которая не позволяет понять, является ли она регулятивной или охранительной, запрещающей или упрямочивающей, императивной или диспозитивной?

Учитывая, что применение мер принудительного задержания (ФС СС ОО) предусмотрено действующим законодательством в качестве права, можно было предположить, что в статье 38 УК РФ должна быть использована диспозитивная модель правового регулирования, которая «является наиболее эффективной и надежной в виду того, что правовые средства: право + гарантия, включают в решение социальных задач интересы людей, тем самым обеспечивается высокая степень результативности» [2, с. 68]. Запрещающая модель для регулирования правовых отношений в рамках рассматриваемого института,

¹ См.: статьи 9; 10; 11; 12; 13; 19; 20; 21 ФЗ от 03.07.2016 № 226.

представляется менее эффективной, как с точки зрения «исключения преступности» предпринятых субъектом задержания действий (признания их правомерности), так и для обеспечения правопорядка в целом. По мнению автора, совмещение в одной правовой норме противоположных по цели, смыслу и содержанию понятий (обвинение – оправдание, наказание – поощрение, запрет – стимул), только затрудняет восприятие таких нормативных положений, что отрицательно сказывается их реализацию (прежде всего субъектами исполнения и применения).

Назначение статьи 38 УК РФ, как это следует из названия главы 8 УК РФ, заключается в «исключении преступности деяния». Предмет правового регулирования статьи 38 УК РФ должен быть четко определен, для этого его необходимо разделить: признание правомерности (исключение преступности деяния) – отдельно, превышение пределов задержания (признание преступности деяния) – отдельно. Поэтому «превышение пределов задержания» (часть 2 статьи 38 УК РФ) нужно перенести в часть 2 статьи 108 УК РФ и часть 2 статьи 114 УК РФ. Так должно быть и никак иначе.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что после признания в качестве самостоятельного, институт «задержания» стал еще более «ущербным» по сравнению с состоянием до 1997 года, когда «действия по задержанию преступника» должны были рассматриваться «как совершенные в состоянии необходимой обороны» (или «приравнивались к необходимой обороне»). Несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ принят более 25 лет назад, статья 38 УК РФ обделена вниманием законодателя. Этот законодательный «инфантилизм» привел к тому, что данная статья не соответствует состоянию современных общественных потребностей. Для того чтобы граждане, в том числе, сотрудники правоохранительных органов (и др.), преодолели комплекс правовой незащищенности, нельзя ограничиваться только дополнениями и изменениями статьи 37 УК РФ¹.

В связи с этим представляется необходимым и целесообразным:

а) изменить название статьи 38 УК РФ: «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» на «Применение мер принудительного задержания»;

б) вместо действующей редакции статьи 38 УК РФ внести следующий текст:

«1. Принудительное задержание – это правомерное и общественно полезное деяние, направленное на обеспечение правопорядка, защиту прав и интересов личности, общества и государства.

¹ См.: ФЗ от 14.03.2002 № 29-ФЗ «О внесении изменения в ст. 37 УК РФ»; ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ»; ФЗ от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ „О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма“ и ФЗ „О противодействии терроризму“».

2. Принудительное задержание с применением физической силы, специальных средств, оружия, а также иных средств, осуществляется в случаях и в порядке, установленным законодательством Российской Федерации.

3. Положения настоящей статьи действуют на территории Российской Федерации и распространяются в равной мере на всех физических лиц, независимо от их профессионального или социального положения, специальной и иной подготовки, а также от возможности обращения к представителям власти Российской Федерации или другим лицам.

4. Лицо, не являющееся представителем власти Российской Федерации, предпринявшее меры принудительного задержания, независимо от их результата, уведомляет при первой возможности органы власти Российской Федерации о факте и месте происшествия, и, в случае задержания, передает задержанного представителю власти Российской Федерации.

5. Лицо, предпринявшее меры принудительного задержания, не несет ответственность за любой вред, вызванный применением физической силы, специальных средств, оружия, а также иных средств, в случаях и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

6. Применение физической силы, специальных средств, оружия, а также иных средств, в случаях и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, не образует превышения пределов принудительного задержания или иного состава преступления».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 248 с.

2. Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М. : НОРМА, 2001. 161 с.

3. Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. Харьков : Вища шк. : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1986. 156 с.

4. Бушуев Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании : учеб. пособие. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. 87 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М. : Книжный мир, 2005. 457 с.

6. Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. СПб. : Изд-во Р. Аслана : Юридический центр Пресс, 2004. 216 с.

7. Прихожая Л. Е. Особенности лексического значения и семантических связей терминов «раздельное», «отдельное» и «изолированное» содержание осужденных к лишению свободы // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1(44). С. 129–135.

УДК 343.97

Желудков Михаил Александрович,
доктор юридических наук, доцент
профессор, Тамбовский государственный
технический университет
г. Тамбов, Российская Федерация
kandydat1@yandex.ru

Дудаков Олег Николаевич
студент, Тамбовский государственный
технический университет
г. Тамбов, Российская Федерация
olegdudakov@mail.ru

Обоснование использования категории «киберзапугивание» в системе профилактики общественно опасного поведения подростков

В статье рассматривается содержание понятия «киберзапугивания» подростков, причины его возникновения. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют произвести анализ содержательных сторон данного негативно-го явления и его правовой оценки со стороны общества.

***Ключевые слова:** кибербуллинг, киберзапугивание, интернет-травля, буллинг, интернет-травля, подростки, молодые люди, информационные технологии.*

Zheludkov Mikhail Alexandrovich,
doctor of law, associate professor,
professor, Tambov State Technical University
Tambov, Russian Federation

Dudakov Oleg Nikolaevich,
undergraduate Tambov State Technical University
Tambov, Russian Federation

Justification of the use of the category “cyberbullying” in the system of prevention of socially dangerous behavior of adolescents

The article examines the content of the concept of “cyberbullying” of adolescents, the causes of its occurrence. Research of scientific literature and current regulatory legal acts allow us to analyze the substantive aspects of this negative phenomenon and its legal assessment by society.

***Keywords:** cyberbullying, cyberbullying, Internet bullying, bullying, Internet bullying, teenagers, young people, information technology.*

Теория детерминации общественно опасного поведения подростков предполагает изучение процессов социализации, психологических и биологических моделей их поведения для объяснения природы зарождения тех или

иных негативных поступков человека. Многообразие подходов к данной проблеме создает возможности для постоянных дискуссий о том, что важнее биология или социальная интеграция в природе поступка человека. Однако, проводя анализ положений этих теорий, видим, что поведение подростков, при многообразии факторов на него влияющих, в свою очередь имеет одновременную зависимость от внешних детерминантов, которые создают тот необходимый уровень воздействия для последующего выбора поведенческой реакции. Появление интернет-пространства создало новый уровень внешнего воздействия, который частично заменил коммуникацию молодых людей в микросреде общения. С распространением информационно-телекоммуникационных ресурсов понятие «приватности» изменилось. Наличие страницы в социальной сети – является неотъемлемой частью социализации, «вторым лицом» молодого человека. Размещение личной информации в сети Интернет перенесло многие формы негативного воздействия из реальной жизни в виртуальную, создало отдельный вид общественно опасной активности – киберзапугивание, который заключается в распространении личной информации, травле, агрессии, психологическом насилии, распространении сведений, порочащих честь и достоинство личности, в том числе фотографий, видеозаписей, переписки [1, с. 47]. Запугивание в виртуальном пространстве имеет аналогичные последствия с преступлениями подобного рода в реальной жизни, а именно моральный ущерб жертвы преступления: подавленное эмоциональное состояние, которое может привести к ряду психологических заболеваний и суициду. Однако, в отличие от доведения до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), на содержание понятия киберзапугивания необходимо смотреть не только с момента появления жертвы таковых действий, но и потенциальной возможности молодых людей, под таковых воздействием принять участие в иной преступной деятельности, подключиться к общей травле других людей. Важен и тот фактор, что анонимность интернет-пространства не всегда дает возможность своевременной реакции на подобную деятельность со стороны родителей или общества.

Впервые о «киберзапугивании» заговорили в конце 90-х, когда с развитием Интернета появилось подобное понятие в виде травли в интернете «буллинг» (с английского пер. «травля»). Преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии [2, с. 179].

Отечественные исследования травли в интернет-пространстве проводились значительно позже. В российских научных кругах отметим исследования И. С. Кон, а также И. С. Бердышева. Наиболее развернуто данное понятия представлено в виде умышленных действий или совокупности действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых при помощи электронных средств связи: мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, MMS- и SMS-

сообщений, электронной почты, онлайн-игр и других коммуникативных информационных технологий [2, с. 180].

На нормативном уровне в России данное понятие было сформулировано в письме Минобрнауки РФ от 14.05.2018 № 08-1184, где интернет-травля заключается в преследовании сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов [4]. Отметим, что данное определение не вбирает в себя весь спектр проблем криминогенного характера, которое представляет данное явление. Кроме того, в рамках юридической техники и конструирования норм права в России следует воздерживаться от иностранных слов. Поэтому предлагаем заменить понятие «кибербуллинг» понятием «киберзапугивания», так как травля является только одним из действий в рамках всего процесса запугивания.

В рамках исследования данной проблематики был проведен опрос 200 студентов юридических вузов, где более 80 посчитали необходимым выделить «киберзапугивание» как особый вид преступлений, не только при доведении до самоубийства, но и как новый состав преступления. В зарубежных странах также проводятся исследования данной проблемы. Например, компания Comparitech проводила опрос более 1000 родителей детей старше 5 лет. Установлено, что 59,9 % родителей с детьми в возрасте 14–18 лет сообщили, что их дети подвергались издевательствам в Интернете [6].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2021 году представил данные опроса россиян о кибербуллинге (от англ. cyberbullying – травля в Интернете). Россияне сталкивались со следующими проявлениями травли в Интернете: 10 % получали в свой адрес грубые комментарии (49 % встречали подобное по отношению к другим людям), 7 % страдали от троллинга и злых насмешек в свой адрес (39 % знают о таких случаях), 6 % получали оскорбления из-за пола, возраста или взглядов (34 % встречали подобное в адрес других людей), в отношении 5 % распространялись оскорбительные слухи (31 % были свидетелями подобных ситуаций), 3 % получали угрозы насилия в свой адрес (21 % видели подобное по отношению к другим людям), и др. [5].

Данное явление не ограничено рамками виртуального пространства, издевательства над человеком в повседневной жизни могут видоизменяться в травлю в социальных сетях, возможно и обратное действие. Но в интернет-среде у агрессора появляется большой соблазн для совершения деяния. В первую очередь, необходимо выделить анонимность, как одно из первостепенных обстоятельств совершения запугивания. Без тщательной проверки автора клеветы или оскорбления невозможно вычислить, им может являться как человек из близкого окружения жертвы, так и человек посторонний. Также присутствует «эффект дистанцирования», агрессор не видит реакцию жертвы, чаще всего только изображение профиля или никнейм. Происходит процесс деиндивидуа-

лизации жертвы травли, повышается уровень «допустимой» жестокости со стороны нападающего.

В сети Интернет за травлей могут наблюдать большее количество человек, чем в реальной жизни, и демонстрация «силы» на глазах аудитории подпитывает эго агрессора. Помимо личности нападающего, необходимо описать психологическое состояние участников. Вследствие работы психики человека наблюдателю проще присоединиться к большинству, чем пытаться защитить отдельного пользователя, тем более в интернет-пространстве для этого не требуется большое количество усилий.

Травля в реальном мире чаще всего имеет временную и пространственную локализацию, в виртуальном мире подобная грань стирается. Жертва интернет-травли чаще всего подвергается вербальному насилию на протяжении длительного периода времени. Отсутствие контроля ситуации или возможности избежать насилия приводят к хроническому стрессу, ощущению неразрешимости проблемы, бессилию, что в свою очередь может привести к попыткам суицида или насилию над теми, кого возможно заподозрить в травле.

С каждым годом возраст интернет-пользователей уменьшается и, хотя жертвой киберзапугивания может стать человек любого возраста, преимущественно под удар попадают дети и подростки школьного возраста [3]. Стоит учитывать, что молодые пользователи физиологически менее стрессово устойчивы, более того в силу возраста не обладают сформировавшейся картиной мира или навыками критического мышления, умением работать с информацией. Подростки чаще всего впечатлительны, также легко могут попасть под дурное влияние. Как и в реальной жизни, жертвой интернет-травли может стать любой подросток, несмотря на это чаще всего киберзапугиванию подвержены личности с низкой самооценкой, различными физическими и психофизическими особенностями развития, проблемами с социализацией. Более того, стоит отметить, что в группе риска могут находиться девушки. Мотивом является желание со стороны нападающего «отомстить» жертве или опозорить ее посредством распространений фотографий интимного содержания [3, с. 125].

Травля в сети Интернет чаще всего имеет вербальный характер: сообщения в социальных сетях и мессенджерах, звонки на телефон, письма на электронную почту с угрозами, взлом аккаунта с дальнейшим распространением личной информации, рассылка изображений порнографического содержания, бойкот посредством исключения из чата переписки.

Переживание подростками подобного опыта травли в интернет-пространстве может стать причиной широкого спектра проблем психического характера. А. С. Зинцова составила классификацию и описание подобных проблем, их подразделяют на педагогические, психологические и медицинские. Под педагогическими проблемами подразумевается снижение успеваемости, избегание места травли (школы или секции). Психологические последствия чреваты «снижением самооценки, усиление психоэмоциональной нестабильности, формированием суицидальных мыслей». В дальнейшем могут развиваться

хронические заболевания, депрессия, сердечные и головные боли – т. е. могут возникнуть проблемы медицинского характера [3, с. 121].

В данный момент в российском правовом поле нет отдельной нормы ответственности за киберзапугивание. Оценка подобного общественно опасного деяния не имеет четко прописанной объективной стороны деяния, поэтому оно классифицируется как ряд действий, за который агрессор может понести гражданскую, административную или уголовную ответственность. Травля в сети Интернет может классифицироваться как «Оскорбление» – ст. 5.61 КоАП РФ, «Клевета» – ст. 128.1 УК РФ, «Нарушение неприкосновенности частной жизни» – ст. 137 УК РФ, или «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» – ст. 119 УК РФ, «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» – 110.1 УК РФ или «Доведение до самоубийства» – ст. 110 УК РФ. Разносторонний характер травли в сети Интернет вызывает затруднения для составления конкретной статьи и определения тяжести деяния. Предлагаем решение в виде внесения специальных квалифицирующих признаков в уже имеющиеся нормы УК РФ. Например, возможно внести изменение в ч. 2 ст. 137 УК РФ, дополнив словами следующего содержания: «то же деяние, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а также имеющие признаки запугивания совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно в отношении малолетнего или несовершеннолетнего лица или его близких родственников с использованием информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет»».

Жизненно важно защитить от киберзапугивания молодых людей, но изменение уголовного законодательства, только первый шаг в предупреждении данного общественно опасного деяния. Проблема затрагивает всех лиц, кто пользуется интернет-пространством. Поэтому дальнейшие меры профилактики должны проходить в техническом обеспечении процесса безопасности, а именно в создании автоматических алгоритмов искусственного интеллекта блокирования всех ресурсов, связанных с запугиванием в сети Интернет. Данная статья призывает к дискуссии по вопросам кибербуллинга, травли в интернет-пространстве и киберзапугивания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского университета. 2012. № 8. С. 47–54.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191.
3. Карауш И. С., Куприянова И. Е., Кузнецова А. А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. 2020. Т. 11, № 1(38). С. 117–129.

4. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 N 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет»). URL: https://sch1287s.mskobr.ru/files/pis_mo_minobrnauki_rossii_ot_14_05_2018_n_08-1184_o_napravle.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

5. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 21.04.2023).

6. SAM COOK Cyberbullying is on the rise worldwide. We've gathered both local (US) and global cyberbullying statistics, trends, and facts that help illustrate the extent of this growing problem. URL: <https://www.comparitech.com/internet-providers/cyberbullying-statistics/i> (дата обращения: 21.04.2023).

УДК 342.3

Шаймуллин Рустам Камильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
ShaimullinR@gmail.com

Значение новинок Конституции Российской Федерации для антикоррупционной политики

В статье рассматриваются нормы конституционного права российского законодательства в области борьбы с коррупцией. Исследованы отдельные вопросы научной литературы и действующих нормативно-правовых актов, посвященные противодействию коррупции с учетом поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, противодействие коррупции, поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года.

Shaimullin Rustam Kamilevich,
assistant professor, Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Significance of novelties of the Constitution of the Russian Federation for anti-corruption policy

The article examines the norms of constitutional law of the Russian legislation in the field of fight against corruption. Researched individual issues of scientific literature and current regulatory

legal acts allow for anti-corruption, taking into account the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020.

Keywords: *corruption, fight against corruption, anti-corruption, amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020.*

В ст. 2 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6] (далее – Закон) указано, что правовую основу противодействия коррупции составляют:

- Конституция Российской Федерации;
- федеральные конституционные законы;
- общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации;
- настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

В этой связи новые поправки 2020 года в Основной закон России – Конституцию Российской Федерации [5] существенным образом расширили горизонты концептуального восприятия комплекса мер, применяемых в борьбе с коррупцией. В частности, системно толкуя ряд статей, включенных в конституционную материю, можно установить, что само общественное единство, указанное в Преамбуле к Конституции РФ, главе 1 «Основы конституционного строя» получило новую законодательную характеристику, показывающую отдельные направления его оптимального развития с учетом позитивного и негативного диалектического опыта развития российского общества. Так, новая ст. 67-1 Конституции России содержит целый комплекс исторических и идеолого-юридических конструкций, позволяющих расширить фронт для наступления на «вечные» коррупционные отношения, сопровождающие российских граждан на протяжении веков. В части 2 ст. 67-1 Конституции РФ указано: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Из этой статьи, в частности, для нужд борьбы с коррупцией, можно использовать фундаментальный конституционный подход к формированию механизма единства российского народа, который на протяжении всей истории своего существования негативно относился к коррупционным явлениям в своем социальном устройстве.

Тысячелетняя история российского общества содержит в себе, наряду с развитием государственного аппарата управления, перманентную борьбу с коррупционными проявлениями при его функционировании. В антикоррупционных исследованиях современных авторов, показана динамика борьбы с коррупцией в управленческих отношениях российского государства. Россий-

ская правовая культура издавна противостояла явлению коррупции. Начиная с русских летописей XIII века, осуждавших «мздоимство» и «лихоимство», рассматривавших систему «кормления» наместников царя, запрещение взяток – «посулов», постоянное коррупционное приращение доходов и мелких государственных служащих, и крупных сановников, заканчивая основными трендами коррупционной деятельности в России и борьбы с ней в переходный период, с начала перестройки 1986 года до наших дней, – все это наглядно демонстрирует историческую картину борьбы с коррупцией [3, с. 16–17]. Так, в учебнике под редакцией Г. А. Сатарова содержится целая глава «Историческая динамика российской коррупции», включающая в себя несколько основных периодов развития российского государства и борьбы с коррупцией – дореволюционная Россия, коррупция в Советском Союзе, особенности коррупции переходного периода 1990-х годов, российская коррупция в начале XXI века [2, с. 58–72]. В любом случае, история противодействия коррупции включает ту самую непрерывную цепочку преемственности, закрепленную в новой ст. 67-1 Конституции РФ, включающую непростой советский социалистический период с его системной коррупционной составляющей в управлении. В плане борьбы с коррупцией расширение исторических горизонтов показывает, что в антикоррупционных подходах не нужно ждать сиюминутных результатов с одной стороны, а с другой – учитывать те меры, например, воспитательные, которые будут готовить поколения российских граждан в комплексном негативном понимании коррупции для исключения кампанейщины, заканчивающейся ничем.

Другой конституционной новинкой, относимой к учету комплексности мер противодействия коррупции (ст. 6 Закона), можно считать ст. 75-1 Конституции РФ, в которой речь идет о том, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Говоря о том, что каждый тезис этой статьи можно прокомментировать как антикоррупционный фрагмент единых социальных задач борьбы со всемирным и всемерным злом – коррупцией, тем не менее, хотелось бы отметить, что в этой статье отчасти учтен и был аккумулирован индуктивный законотворческий и правоприменительный антикоррупционный опыт последних десятилетий. В частности, можно определить, что корни коррупционных чашоб в России уходят не только в государственный аппарат управления (это лежащий на поверхности ответ), но и предпосылки для вовлеченных в коррупционный оборот субъектов создаются в самом обществе с противоречиями экономического и социального уровней, которые обусловлены антиподами тезисов данной конституционной статьи – стагнацией экономики, отсутствием общественной солидарности, злоупотреблением доверия, влекущими за собой угрозу разбалансированности гарантий

защиты и достоинства граждан (человека труда) и, как следствие, повышение уровня социальной напряженности. Поэтому, отмечая важность данной статьи-новинки, авторы подчеркивают конституционно-правовой фундамент взаимосвязи и взаимозависимости общественного и государственного бытия [1, с. 25], а также конституционные ориентиры выстраивания отношений между личностью, обществом и государством на основе общих ценностей [4, с. 187].

Также можно сказать, что поскольку конституционные изменения 2020 года затронули, в основном, устройство институтов властных отношений российского общества, то практически каждый институт власти, особенно вхождение органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти Российской Федерации (ст. 132 Конституции РФ), будут требовать от российского общества учета взаимодействия всех органов власти любого уровня с целью повышения эффективности решения задач в интересах всего населения Российской Федерации. Поэтому, функции общественного контроля также будут солидаризироваться с функциями различного вида надзора публично-правовых институтов в целях профилактики и пресечения коррупционных отношений в едином социальном организме России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.
2. Антикоррупционная политика : учебник для вузов / Г. А. Сатаров [и др.] ; под ред. Г. А. Сатарова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020.
3. Голик Ю.В. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб. : Изд-во Р. Асланова : «Юридический центр Пресс», 2005.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андпиченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой ; обращение к читателям В. В. Путина. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., ИНФРА-М, 2021.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.10.2022.)
6. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 30.10.2022.)

УДК 343.01

Аносов Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
pdnrme@yandex.ru

Некоторые перспективы развития уголовной политики России в контексте геополитических изменений

Статья посвящена вопросам совершенствования уголовной политики России на основе опыта советской системы борьбы с преступностью. Отход от европейских стандартов вследствие геополитических изменений позволяет по-новому взглянуть на применение уголовно-правовых мер наказания в виде смертной казни и конфискации имущества, воссоздание системы принудительных профилактических учреждений, а также функционально-структурного построения правоохранительных органов

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовые меры, наказание, предупреждение преступлений, конфискация имущества, противодействие преступности, смертная казнь.

Anosov Alexander Viktorovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Some prospects for the development of Russia's criminal policy in the context of geopolitical changes

The article is devoted to the issues of improving the criminal policy of Russia based on the experience of the Soviet system of combating crime. The departure from European standards due to geopolitical changes allows us to take a fresh look at the use of criminal law penalties in the form of the death penalty and confiscation of property, the reconstruction of the system of compulsory preventive institutions, as well as the functional and structural construction of law enforcement agencies.

Keywords: criminal policy, criminal law measures, punishment, crime prevention, confiscation of property, death penalty.

Тенденции дальнейшего развития уголовной политики России в настоящее время представляет повышенный интерес среди исследователей ввиду важнейших геополитических изменений в мире. В частности, выход Российской Федерации из Совета Европы и денонсация принятых ранее стандартов и соглашений позволяет совершить отход от навязанных западным сообществом так называемых «европейских ценностей», противоречащих традиционному историческому развитию отечественного уголовного права и криминологии, внести изменения в стратегию борьбы с преступностью, а также создает возможности пересмотра советского опыта в данной сфере.

За прошедшее десятилетие уже сделано немало шагов в сторону совершенствования уголовной политики государства путем возрождения ранее отвергнутых мер предупредительного воздействия: воссоздание единой системы профилактики правонарушений, законодательное закрепление участия граждан в охране общественного порядка путем формирования добровольных народных дружин, установление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и пр. В сфере уголовного права отмечается появление новых составов преступлений, в частности, криминализованными оказались: занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ), осуществление деятельности иностранной организации, в отношении которой принято решение о признании ее нежелательной на территории Российской Федерации (ст. 284.1 УК РФ), хотя относительно недавно, в 1990-е – начале 2000-х годов, подобные изменения были бы незамедлительно объявлены антидемократическими и тоталитарными. В целом быстрота, с которой принимаются новые статьи Особенной части УК РФ, свидетельствующая о казуальности уголовно-правового регулирования, вызывает закономерные опасения у исследователей ввиду их недостаточной научной проработанности и возникающих из-за этого затруднений со стороны правоприменителя [4, с. 130]. Однако подобное положение вызвано новыми возникающими угрозами национальной безопасности, требующими оперативного реагирования со стороны государства. Как справедливо отмечает Л. И. Беляева, уголовная политика способствует реализации национальной государственной политики силой уголовно-правового запрета и принуждения в целях обеспечения национальной безопасности [2, с. 24].

Эффективность уголовно-правового воздействия во многом зависит от установленных законодательством мер наказания за совершенное преступление, поэтому поиск оптимальных решений при формулировке санкций за совершенное деяние является одним из необходимых условий достижения конечного результата в процессе правоприменения. К числу активно обсуждаемых уголовно-правовых проблем в научном сообществе относится целесообразность возврата конфискации имущества как меры наказания за совершенные преступления. В настоящее время конфискация имущества представлена в уголовном законодательстве России в качестве иной меры уголовно-правового характера и имеет ограниченные возможности для применения. Отказ от конфискации имущества в 2003 году во многом был вызван влиянием европейских стандартов, утверждавших приоритет частной собственности над государственными интересами. В результате подобных изменений в настоящее время возникла парадоксальная ситуация: ответственность за непредставление сведений об источниках приобретения имущества, в соответствии с положениями ст. 235 ГК РФ, является более существенной для нарушителя, чем ответственность за коррупционные преступления, поскольку конфискация как иная мера уголовно-правового характера предусматривает лишь ограниченный круг ценностей, связанных с совершением конкретного общественно опасного деяния. При этом в первом случае стоит лишь допустить ошибку в представленных

сведениях о доходах и расходах на незначительную сумму, что само по себе не является свидетельством коррупционности источников денежных средств, на которые приобреталось имущество – этого достаточно чтобы приобретенное жилье было обращено в доход государства. Подобный подход создает определенные нарекания со стороны населения в том смысле, что правовая защита преступников находится на более высоком уровне, чем правовая защита простых служащих, а вся борьба с коррупцией сводится лишь к выявлению мелких должностных преступлений, в то время как настоящие коррупционеры уходят от ответственности либо получают неоправданно слабые меры наказания, продолжая «купаться в роскоши» и ощущать полную безнаказанность. Думается, что возврат конфискации имущества в виде меры наказания способен не только обеспечить социальную справедливость как одну из законодательно установленных целей наказания, но и повысить профилактический эффект антикоррупционных статей УК РФ.

Также заслуживает внимание вопрос о возврате смертной казни за некоторые особо тяжкие преступления в виде реально применяемой меры наказания. Как известно, Российской Федерацией при вхождении в Совет Европы в 1996 году был подписан Дополнительный протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающий обязанность в трехлетний срок отменить смертную казнь. Для полного принятия данного положения необходимо было также внести соответствующие изменения в Конституцию РФ, однако на законодательном уровне смертная казнь так и не была отменена, а сам Протокол № 6 не был ратифицирован. В то же время реально смертная казнь в последующий период не применялась ввиду действия сначала Постановления Конституционного суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П (ввиду отсутствия суда присяжных на всей территории России), а позднее – Определения Конституционного суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р (далее – Определение КС РФ) (ввиду сложившегося конституционно-правового режима под влиянием длительного моратория на смертную казнь).

Вследствие недавних геополитических изменений, Российская Федерация была поставлена перед необходимостью выхода из Совета Европы и денонсации соответствующих соглашений, что и было окончательно сделано в феврале 2023 года. Данное решение позволяет по-новому взглянуть и на проблемы целесообразности продолжения запрета на применение смертной казни. В частности, А. И. Рарог в своем недавнем исследовании приводит несколько весомых аргументов относительно законности и обоснованности позиции Конституционного суда РФ о неукоснительном исполнении указанного запрета, таких как: противоречие Определения КС РФ части 2 статьи 20 Конституции РФ; отсутствие дифференциации подходов к применению смертной казни в мирное и военное время; отказ от ратификации Протокола № 6 и последующая денонсация всего соглашения Российской Федерацией; мотивированность Определения КС РФ нравственно-эмоциональными, а не правовыми принципами; нарушение процедуры рассмотрения данного вопроса Конституционным судом РФ и принятия решения по своей инициативе, а не в порядке рассмотрения запроса, ходатайства или жалобы [6, с. 665]. Между тем сама социально-политическая обстановка в стране

диктует необходимость рассмотрения вопроса целесообразности применения смертной казни как вида наказания. По мнению Ю. А. Головиной, отсутствие правовой возможности применения справедливого наказания за наиболее жестокие преступления против жизни подрывает доверие к праву как таковому и к государству как основному его творцу [3, с. 240]. В данном случае речь не идет о расширении оснований для ее применения, смертная казнь как была, так и должна оставаться исключительной мерой наказания, однако наличие такого радикального инструмента реагирования со стороны государства на совершение ряда особо тяжких деяний несет в себе и превентивные функции, позволяющие оказать сдерживающий эффект на поведение преступника и сохранить жизнь и здоровье потенциальных жертв подобных преступлений.

Кроме совершенствования уголовно-правовых мер, с учетом появившихся возможностей варьирования подходов к концептуальным основам уголовной политики России, целесообразным представляется анализ советского опыта профилактической деятельности в системе противодействия преступности. В частности, существовавшая до 1994 года система лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП) предусматривала принудительное лечение и трудовое перевоспитание аддитивно-зависимых лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотическими средствами и иными психоактивными веществами. Основанием для направления лица в ЛТП на срок от 6 месяцев до 2 лет служило единоличное решение судьи по результатам рассмотрения заявления близких родственников, а также материалов, собранных участковыми инспекторами милиции и общественными организациями. Поскольку данная мера не являлась реализацией уголовной ответственности, а носила профилактический характер, ранее судимые лица содержались отдельно от непривлекавшихся к уголовной ответственности. Самоокупаемость подобных учреждений обеспечивалось за счет труда содержащихся [5, с. 300].

В настоящее время возрождение в Российской Федерации системы ЛТП невозможно ввиду прямого и недвусмысленного запрета принудительного труда Конституцией Российской Федерации. Примечателен тот факт, что использование ЛТП в системе принудительного лечения больных алкоголизмом или наркоманией было сохранено в Белоруссии, поскольку аналогичная норма о запрете принудительного труда в Конституции Республики Беларусь содержит оговорку «кроме работы или службы на основании судебного постановления либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях» [1]. Данная формулировка заслуживает пристального внимания, поскольку представляет собой разумное сочетание защиты общепринятых прав и свобод человека с интересами обеспечения правопорядка и безопасности государства. С учетом современных геополитических рисков, в обстановке нарастающей военной угрозы со стороны стран НАТО, непрекращающихся террористических проявлений, обуславливающих реальную возможность введение режима чрезвычайной ситуации или военного положения, было бы целесообразным рассмотреть возможность внесения аналогичных изменений в Конституцию Российской Федерации, разрешающих в определенных случаях отступление от принципа недопустимости принудительного труда. Вопрос по своей сути тонкий и деликатный, выходящий за рамки уголовной политики и касающийся ос-

новых прав и свобод человека и гражданина, требующий широкого обсуждения в научных и общественных кругах, да и сама процедура внесения изменений в Основной закон страны достаточно сложная и ресурсоемкая, однако именно в настоящее время появилась реальная возможность пересмотра отдельных базовых положений с учетом интересов безопасности России.

Этап реализации уголовной политики включает в себя не только правоприменительную деятельность, но и устойчиво функционирующую систему организации, и управления субъектами противодействия преступности, а также кадровое и ресурсное обеспечение. В данной системе особое место отведено органам внутренних дел (ОВД), поскольку именно полиция совместно с органами предварительного расследования осуществляют основной объем работы по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, обеспечивают охрану общественного порядка, а также реализуют меры индивидуальной и виктимологической профилактики. При этом в процессе организации данной деятельности наблюдается противоречивая картина: с одной стороны, органы внутренних дел вроде бы избавлены от выполнения «несвойственных» функций, с другой – наблюдается явное усложнение функционально-структурного построения и распределения полномочий внутри них самих.

Исторически на предыдущих этапах своего развития Министерство внутренних дел осуществляло множество задач, в том числе напрямую не связанных с охраной общественного порядка и противодействием преступности, таких как исполнение наказания, пожарная безопасность, охрана объектов, а на более ранних этапах – внутренняя служба (жандармерия), услуги связи, телеграф, почта и пр. Сосредоточение в пределах органов внутренних дел функций, непосредственно связанных с задачами борьбы с преступностью, явилось закономерным результатом развития всей государственной системы управления, однако при этом отдельные направления деятельности, такие как сеть медицинских вытрезвителей, приемников-распределителей для различных категорий лиц, в том числе несовершеннолетних, оказались попросту вычеркнуты из реальных условий, так как не нашлось заинтересованных министерств и ведомств для их принятия в свою юрисдикцию. Сама система органов внутренних дел под влиянием европейских стандартов в сфере правопорядка приобрела громоздкую и противоречивую структуру, при которой полиция является составной частью территориального органа внутренних дел, начальник полиции подчиняется начальнику ОВД, хотя по тем же европейским стандартам на территориальном уровне именно начальник полиции должен быть главным управляющим лицом. Подобная схема распределения функций лишь усложняет порядок осуществления руководства ОВД и создает предпосылки для увеличения бюрократических издержек. Думается, что пересмотр опыта работы советской милиции с ее четкой и ясной структурой управления, исполнением отдельных социально-значимых функций, не относящихся напрямую к задачам борьбы с преступностью, но являющихся частью общесоциальной системы профилактики правонарушений, позволили бы найти оптимальное решение с позиции самого смысла существования ведомства, именуемого Министерством внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями, принятыми на референдумах 1996, 2004 и 2022 годов). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Беляева Л. И. Государственная национальная политика и уголовная политика: общее и особенное // Органы внутренних дел в реализации Стратегии государственной национальной политики : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 25 мая 2017 года. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 22–25.
3. Головина Ю. А. Вопрос о смертной казни в современной российской правовой науке Гуманистическая наука – проект или заявка? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 230–243.
4. Кленова Т. В., Климанова О. В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 4. С. 126–143.
5. Повеликин Ю. Ю. К вопросу о лечебно-трудовых (воспитательных) профилакториях // Актуальные проблемы российского права и законодательства : сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых, Красноярск, 20 апреля 2016 года. Красноярск : Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2016. С. 288–292.
6. Рарог А. И. Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 6. С. 661–668.

УДК 343.3

Баранчикова Марина Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент

заместитель начальника кафедры

уголовного права, криминологии и психологии,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова

г. Орел, Российская Федерация

marina-baranchikova@yandex.ru

Основания криминализации действий,

угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств

В статье рассматриваются особенности криминализации действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, показана специфика угроз транспортной безопасности, содержание объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного 267¹ УК РФ. Рассматриваются основания криминализации хулиганских действий в отношении транспортных средств, а также факторы, повлиявшие на целесообраз-

ность введения уголовной ответственности за совершение действий, представляющих угрозу безопасной эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: криминализация, нарушения правил эксплуатации, умышленная вина, угроза безопасности, безопасность эксплуатации, транспортные средства, транспортные преступления.

Baranchikova Marina Vyacheslavovna

candidate of law, associate professor

deputy head of the department of criminal law,

criminology and psychology,

Oryol Law Institute of the Ministry

of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov

Orel, Russian Federation

Grounds for criminalizing actions that threaten the safe operation of vehicles

The article examines the features of criminalization of actions that threaten the safe operation of vehicles, shows the specifics of threats to transport security, the content of objective and subjective signs of a crime provided for in 2671 of the Criminal Code of the Russian Federation. The grounds for criminalizing hooligan actions against vehicles are considered, as well as factors that influenced the expediency of introducing criminal liability for their commission of actions that pose a threat to the safe operation of vehicles.

Keywords: criminalization, violations of the rules of operation, intentional guilt, threat to safety, safety of operation, vehicles, transport crimes.

Безопасность транспорта выступает особым объектом уголовно-правовой охраны, воздействие на который может причинить значительный материальный или физический вред лицам, вовлеченным в процесс движения и эксплуатации транспортных средств.

Увеличение числа умышленных преступлений, посягающих на деятельность транспорта, в последние годы обусловило необходимость поиска новых форм воздействия на нарушителей транспортной дисциплины. Действия преступников все чаще приобретали осознанный, повторяющийся характер, были связаны с как с внешним воздействием на находящиеся в движении транспортные средства, так и созданием опасности путем злостных и грубых нарушений правил их эксплуатации.

Группа преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта за последние семь лет была дополнена рядом составов умышленных преступлений, касающихся разных видов транспорта. С 2015 года в уголовный закон были последовательно включены ст. 264¹, 267¹, 264², 264³ УК РФ. Сегодня перечень транспортных преступлений предусматривает ответственность за три состава с административной преюдицией и за состав опасности, представляющий собой действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспорта, совершенные из хулиганских побуждений.

Непосредственным основным объектом умышленных транспортных преступлений выступает безопасность движения и эксплуатации конкретных транспортных средств.

Уровень такой безопасности зависит от устранения разных видов угроз. Их предотвращение уголовно-правовыми средствами связано с воздействием на технические и технологические процессы.

Именно технологические аспекты безопасности основаны на поведении людей, в том числе водителей, экипажей, диспетчеров и других участников транспортного процесса, соблюдении ими правил его движения и эксплуатации.

Угрозы безопасности на транспорте могут быть обусловлены: техническим состоянием транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры; нарушениями правил операторами транспортных средств; вмешательством в функционирование объектов транспорта извне [1, с. 9]. Признание повышенной опасности последней из данных видов внешних угроз обусловило криминализацию действий, связанных с ее созданием, во редакции статьи 267¹ УК РФ.

В период с 2015 по 2016 годы в России было зафиксировано около 1,5 тысяч хулиганских происшествий, связанных с общественным транспортом. Это обусловило в 2017 году криминализацию подобных деяний, ужесточение ответственности за создание угрозы его безопасной эксплуатации.

Безопасная эксплуатация транспортных средств представляет собой «состояние, характеризующееся отсутствием факторов, представляющих опасность процессу использования транспортного средства» [2, с. 165]. Она означает использование транспортного средства во время движения и вне его.

Необходимость введения уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспорта, совершенные из хулиганских побуждений, была вызвана их распространенностью, возрастанием общественной опасности и приобретением организованного характера. Применение статей 11.1, 11.3, 11.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в отношении железнодорожного транспорта, метрополитена, воздушного и водного транспорта не оказалось мерой, способной противодействовать «лазерному хулиганству», действиям зацеперов и других лиц, внешне воздействующих на безопасность транспортных средств. Количество такого рода противоправных деяний не снижалось, они популяризируются в социальных сетях, часто сопряжены с совершением других преступлений, созданием реальной угрозы крушения транспорта и безопасности его участников.

Большинство ученых считает «принятие законодателем уголовно-правовой нормы своевременным и обоснованным шагом, который направлен на предупреждение совершения противоправных действий и повышение уровня безопасности в сфере эксплуатации транспортных средств» [3, с. 84.]

Предметом ст. 267.1 УК РФ являются все виды транспорта, в отношении которых действиями виновного создается угроза их безопасной эксплуатации. При этом перечень таких действий в законе не раскрывается, хо-

тя при разработке законопроекта данной нормы было указано на необходимость такой конкретизации. Особый акцент был сделан на угрозах воздушному транспорту.

Традиционно авиационные происшествия привлекали к себе особое внимание людей, несмотря на то, что катастрофы с наземными видами транспорта случаются чаще и в совокупности уносят человеческих жизней значительно больше. Сегодня «лазерное хулиганство» приобретает распространение и в других сферах, обладает еще большей опасностью для лиц, управляющих наземным транспортом. Общественная опасность «лазерного хулиганства» заключается в том, что, воздействуя лазерными излучателями на лиц, управляющих транспортными средствами, можно причинить смерть и вред здоровью большому числу лиц.

При применении лазеров против наземных транспортных средств подвергаются особенно опасному воздействию глаза водителей автотранспорта и машинистов поездов. Воздействие их на глаза водителей и машинистов может быть гораздо более опасным, чем пилотов самолетов. Это обусловлено малой дистанцией и углами облучения, измеряемой иногда десятками метров.

В ст. 267.1 УК РФ указан хулиганский мотив как обязательный признак при совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Он позволяет отграничить данное преступление от других преступлений, где действия виновного направлены на подрыв общественной безопасности. В случаях, когда имеются подозрения в умышленной деятельности в целях ослабления экономической безопасности или обороноспособности страны, при наличии оснований полагать, что авиакатастрофы могла пройти в результате теракта, действия виновного квалифицируются как преступления против общественной безопасности и безопасности государства. Умышленный характер рассматриваемого преступления имеет общие черты с терроризмом, но отличается от последнего хулиганским мотивом.

В ходе привлечения к административной ответственности за действия, теперь образующие объективную сторону состава ст. 267.1 УК РФ, выяснялось, что хулиганский мотив являлся преобладающим в действиях «лазерных хулиганов», зацеперов, а также лиц забрасывающих камнями или другими предметами железнодорожные пути и транспортные средства и т. п. Лица, задерживаемые по подозрению в направлении лазерного излучения на воздушные суда, объясняли свои действия нежеланием причинить вред, а лишь испытать функциональные возможности прибора, испытать чувство риска [4, 23]. Однако большинство таких действий создавало реальную угрозу транспортной катастрофы, ставило в опасность жизнь пилота, экипажа и пассажиров.

В свою очередь действия зацеперов, в большей степени угрожающие их собственной безопасности, ставящие под угрозу их жизнь и здоровье, также могут влиять и влияют на безопасность транспорта, оказывают влияние на процесс его движения и эксплуатации. Таким нарушениям в ряде случаев сопутствуют акты вандализма, противоправные действия в отношении сохранности транспортного средства и его пассажиров. Данные лица, действуют, как правило, вне транспортного средства и создают реальную угрозу безопасной экс-

плуатации транспорта, отвлекают лиц, управляющих транспортным средством, вызывают негативное отношение со стороны его пассажиров. Их действия часто изначально сопряжены не только с желанием испытать чувство риска, но и продемонстрировать себя, что сопряжено со видеосъемками данных фактов и их популяризацией в социальных сетях.

Появление уголовной ответственности за угрозу безопасной эксплуатации транспорта, наряду с потенциально высокой вредоносностью действий, ее образующих, «было обусловлено нарастающим негативным социальным эффектом от участвовавших случаев проявления транспортного хулиганства» [5, с. 362]. В таких условиях, когда мер административного воздействия оказалось недостаточно, законодатель посчитал, что криминализация действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспорта, окажет необходимый профилактический эффект.

Однако официальная статистика за период с 2017 по 2022 год показала рост преступлений по рассматриваемой статье с 5 до 14 фактов, что демонстрирует весьма незначительное их количество в общем объеме транспортных преступлений. По-прежнему в правоприменении преобладают административные меры воздействия на хулиганские действия в сфере эксплуатации транспорта.

Введение уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, могло бы стать значимым правовым средством устранением подобных угроз. Однако пока ее применение не является оптимальным. Важным направлением повышения эффективности могла бы стать разработка официальных рекомендаций по толкованию и применению ст. 267.1 УК РФ, а также ее дополнение отягчающими признаками, связанными с причинением тяжких последствий в результате данного преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дудышкин Б. Н. Правовые вопросы обеспечения безопасности на транспорте // Транспортное право. 2008. № 4. С. 20–25.
2. Ефарова М. Н. Уголовно-правовая характеристика действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1(33). С. 164–167.
3. Зыков Д. А., Лачин А. А. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств: основания криминализации // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3(44). С. 83–85.
4. Зырянов С. М., Кузнецов В. И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 5–12.
5. Медведев Е. В. Транспортные преступления : монография. Ульяновск : УлГУ, 2022. 468 с.

УДК 343.2/.7

Зацепин Михаил Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,
доктор юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tp0507@yandex.ru

Глушкова Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент
г. Екатеринбург, Российская Федерация
elena.zatsepina@mail.ru

Принципы российской уголовной политики

В статье рассматриваются принципы уголовной политики в российском праве, дано определение указанных принципов. Проведен анализ влияния принципов уголовной политики на криминогенную обстановку. Сделан вывод о необходимости внедрения общенациональной программы криминологических исследований. Исследована зависимость соблюдения законности в уголовной политике от уровня научных исследований уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законодательства, а также в криминологии, криминалистике, судебной статистике.

***Ключевые слова:** уголовная политика, принципы уголовной политики, преступность, борьба с преступностью, криминологические исследования.*

Zatsepin Mikhail Nikolaevich,
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Zatsepin Alexander Mihajlovich,
Doctor of Law, associate Professor,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Glushkova Elena Mihailovna,
candidate of law, associate Professor
Ekaterinburg, Russian Federation

Principles of Russian criminal policy

The article discusses and defines the criminal policy principles in Russian law. The influence of the criminal policy principles on the crime situation is analyzed. It is concluded that a nationwide criminological research program should be implemented. The dependence of the observance of the law in criminal policy on the level of scientific research of criminal, penitentiary, criminal procedure legislation, as well as in criminology, forensic science, and judicial statistics has been studied.

Keywords: *criminal policy, criminal policy principles, crime, fight against crime, criminological research.*

Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он (народ) будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда.

Конфуций

В последние годы ученые и практики стали уделять больше внимания особенностям российской уголовной политики в контексте формирования действенного механизма правового регулирования политико-экономических отношений. Накоплен первый опыт создания развернутой системной характеристики основных институтов конституционного права России в осуществлении уголовной политики. Принципы уголовной политики осуществляются на уровне борьбы с конкретными преступлениями, поскольку общие и специальные принципы должны применяться в индивидуальных обстоятельствах конкретного дела. В то же время, мы согласны с позицией названных авторов в том, что уголовная политика не представляет собой самостоятельной отрасли науки. Тем не менее, уголовная политика представляет важнейшие действия в рыночной экономике: микроэкономика, макроэкономика, международные аспекты экономической преступности, а также проблемы перехода от командно-административной к рыночной системе хозяйствования государственного механизма [1, с. 67]. В этом смысле принципы уголовной политики на современном этапе можно сформулировать следующим образом – часть общей политики, которая на базе криминологической теории и опыта практической деятельности правоохранительных органов определяет методы и средства борьбы с преступностью и ее предупреждения. Подобно тому, как основу общей политики составляет знание закономерности данных общественных отношений, которые в рамках общих социально-политических отношений проявляются в области преступности. Различные категории преступлений обладают различной тяжестью, различной общественной опасностью, возникают под воздействием разнообразных социальных условий. Количественная динамика в различных краях и областях в отдельные периоды времени отличается от общей, что требует соответствующего учета при применении общих принципов уголовной политики в работе правоохранительных, иных социальных институтов, оказывающих влияние на предупреждение и профилактику преступности, так как в последние годы отмечается рост преступности, в том числе среди молодежи,

включая несовершеннолетних. Совершенствование правоприменительной деятельности через механизм применения уголовно-правовой нормы выполняет ограниченную функцию защиты общества от преступлений и преступников и действует бесспорно на ту часть общества, которая не является с общественной точки зрения правонарушителями [5].

Именно по этой причине установившаяся социальная ситуация должна сопровождаться стабильной практикой применения уголовных законов. Стабильная уголовная политика в судебной практике есть показатель устойчивости общественных отношений. На фоне роста преступности в экономической сфере, усложняющихся ее форм и утяжеления характера ослабляет принципы уголовной политики. Теоретические положения принципов предупредительной, профилактической деятельности – предупреждение может быть эффективным лишь при соблюдении законности; не должно быть различий при подходе к различным социальным группам; ответственность при проведении предупредительных мероприятий; самостоятельность субъектов и муниципалитетов органов власти при осуществлении профилактической деятельности; быстрота отбора и реализации превентивных мер. Использование криминологических исследований дает возможность предварительно оценить вероятность преступления, оценить вероятность наступления отрицательных последствий правовых установлений и заранее разработать профилактические меры, направленные на предупреждение правонарушений [4].

В связи с этим в юридической литературе пока еще встречается мало высказываний, посвященных принципам уголовной политики. Причина этого, с одной стороны, заключается в том, что проявление политики во всех областях общественной жизни, в том числе и в области борьбы с преступностью, уже выясненный и никем не оспариваемый факт, а с другой – не получает должного развития то направление криминологии, которое связано с изучением масштабов негативного явления и наносимого преступностью ущерба. В методика выявления ущерба, наносимого государству преступностью, оказывается недостаточно разработанной и в общественных отношениях. Криминологические исследования необходимо переориентировать на потребности практики борьбы с преступностью. Должна быть выработана общенациональная программа криминологических исследований, учитывающая особенности и требования конкретного времени и условий. Необходимо подчеркнуть, что именно криминология должна выработать стратегию и тактику борьбы с преступностью, раскрыть причины высокого уровня преступности. Принципы уголовной политики дают системную характеристику криминогенной обстановки, ее основных институтов в соответствии с внутренней структурой российского законодательства, и прежде всего ее базовых источников – криминологии, уголовного и уголовно-процессуального права. Соответственно основные вопросы, составляющие основу уголовной политики, сгруппированы в нем по тематическим блокам (разделам), внутри которых алгоритм действий расположен в логической последовательности, определяемый процедурами и действующим законодательством. Существует потребность знания не только практики борьбы с преступностью, но результатов и методик криминологического исследований

в других странах, и наладить обмен криминологической информацией между криминологами различных стран. Криминологические исследования способствуют также внесению корректив в правоприменительную деятельность в том случае, когда устанавливаются негативные тенденции в реализации действующих нормативных предписаний, например, отрицательная зависимость между ответственностью и социальным статусом правонарушителя. Последние годы характеризуются заметным ослаблением борьбы с должностными преступлениями и коррупцией. В этой связи укрепляются позиции теневой экономики и организованной преступности, необходим переход от уголовно-правового запрета к уголовно-правовому планированию [6].

В исполнении уголовной политики ответы на вопросы, касающиеся предмета, методов и принципов уголовного права, общественных правоотношений, норм уголовно-процессуального права, прав и обязанностей граждан России. В этой части легко просматриваются также цели, задачи, основные функции, права и обязанности, правовые формы и методы деятельности правоохранительных и судебных органов. Здесь же просматривается весь комплекс вопросов организации и прохождения службы в правоохранительных органах, подробно видны права, обязанности и правового ограничения сотрудников, вопросы служебной дисциплины и ответственности в правоохранительных органах. Видны вопросы отношений, возникающие в связи с привлечением к ответственности за нарушения уголовного законодательства, основания и порядок обжалования действий правоохранительных органов, должностных лиц и др. Преступность как социальное явление всегда отражает состояние общественного развития, рассогласование социального механизма связано с внутренним содержанием преступности, ее сущностью, определяет разумные границы уголовно-правового реагирования на социальные конфликты [2].

Эффективной борьбы против преступности необходимо достичь на основе информационного, ресурсного, правового и иного обеспечения этой борьбы, сочетания общего и специального предупреждения, совершенствования правоохранительных органов и участия общественности в предупредительной деятельности, комплексного планирования строгого соблюдения законности в борьбе с преступностью. Уголовная политика действует в основном в отношении правотворчества, а в правоприменительной практике находит свое осуществление в социально-экономических отношениях. В этих условиях уголовное законодательство отражает произошедшие изменения в уголовной политике, в юридической и экономической науке. Предупредительная деятельность основывается на улучшении материальной, общественной и духовной жизни человека, реализации прав человека, включении в планы социально-экономического развития специальных криминологических разделов. Совершенствование криминологических исследований приводит к повышению юридической и криминологической культуры граждан.

Не следует однозначно оценивать роль ужесточения наказания, роль утраты. Криминологи выступают против усиления мер ответственности не только по соображениям гуманизма, но и потому еще, что при помощи ужесточения наказания не решить задач уголовной политики. Упрощенство же прояв-

ляется и в уповании лишь на централизованные и чисто юридические средства решения проблем. От правоохранительных органов, уголовной политики ждут активной борьбы с преступностью, но не учитывают возможности этих органов. Считается, что чем больше у них полномочий, чем они более независимы от общества, тем эффективнее будет работать и успешнее бороться с преступностью. Хотя и в системе уголовной юстиции имеются деформации, ошибки, коррупция, не профессионализм. В настоящее время повышен интерес к там называемым «коррупционным» делам, деятельности в борьбе с преступностью государства и правоохранительных органов привлечь внимание общества не столько с позиций, кто виноват в создавшемся положении, хотя и это важно, сколько драматичностью ситуации, когда бессильными оказываются правоохранительные органы, не сумевшие обеспечить соблюдение законности, провести и завершить достаточно оперативное расследование этих дел, не могут показать обществу, кто по этим делам прав, кто виноват, кто заслуживает наказание, а кто от наказания уходит, все это мягко говоря естественно, вызывает недоверие к правоохранительной и судебной системам [3].

Необходимо подчеркнуть, что преступность состоит из нарушений социальных запретов и актов нарушающих нормы права, именно эта часть нарушений составляет массив преступности и соблюдение законности в уголовной политике во многом зависит от уровня научных исследований уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законодательства, а также в криминологии, криминалистике, судебной статистике. Такой подход является основным условием правильного применения норм действующего законодательства к лицам, совершившим преступления и фундаментальной базой совершенствования уголовной политики, которая является правовой основой борьбы с преступностью и отражающей динамично развивающихся явлений в общественной жизни и отвечать принципам уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова А. И. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М., 2010. 1008 с.
2. Глава правления АЮР предлагает убрать из УК предпринимательское мошенничество. URL: <https://pravo.ru/news/242759/> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Краснов: в 2022 году ущерб от преступлений вырос до 494 млрд руб. URL: <https://pravo.ru/news/242296/> (дата обращения: 01.02.2023).
4. Налоговое полугодие: новеллы и главные решения. 04.08.2022 г. URL: <https://pravo.ru/story/242106/> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Слияние субсидиарной и уголовной ответственности: последствия повышения стандартов доказывания. URL: <https://pravo.ru/241246/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Число корпоративных расследований в бизнесе растет. URL: <https://300.pravo.ru/story/2200940/> (дата обращения: 01.02.2023).

УДК 343.85

Ищук Ярослав Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
yar-vyatka@yandex.ru

Небогатикова Екатерина Ивановна,
слушатель факультета подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
swesda_1@mail.ru

Планирование борьбы с коррупцией

В статье внимание уделяется рассмотрению вопроса о криминологическом планировании предупреждения коррупции, а также указывается на проблемы и перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: коррупция, криминологическое планирование, национальный план.

Ishchuk Yaroslav Grigoryevich,
Ph. D. in law, associate professor,
department of criminal policy, Academy
of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Nebogatikova Ekaterina Ivanovna,
student of the faculty of training of heads (chiefs) of the territorial
bodies of the Ministry of internal affairs
of Russia of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Anti-corruption planning

The article focuses on the consideration of criminological planning for weight loss, as well as addressing the problems and prospects for its development.

Keywords: corruption, criminological planning, national plan.

Актуальной задачей современной России является борьба с коррупцией. Именно коррупция создает непосредственную угрозу безопасности граждан и общества в целом, так как снижает общее доверие граждан к чиновникам,

следовательно, и к государству в целом. А также в следствии развитии коррупции происходит замедление развития экономики страны. Центральное место по борьбе с коррупцией отводит и Правительство Российской Федерации.

«Коррупция представляет собой один из серьезных вызовов человеческому развитию, угрозу суверенитету и безопасности государства, устоям человеческой цивилизации» [5, ст. 212]. В 2000 году В. В. Путин указал, что «борьба с коррупцией является важнейшей задачей государства в направлении того, чтобы сделать нашу страну экономически привлекательной и политически развитой. Без борьбы с коррупцией никакого прогресса в сфере экономики невозможно, его не будет. И поэтому это была и остается одной из приоритетнейших задач государства» [7].

Эффективная антикоррупционная политика является отправной точкой для успеха в борьбе с коррупцией, подобные проекты включают компоненты, касающиеся разработки и осуществления антикоррупционных стратегий и планов действий.

Планирование борьбы с преступлениями, в том числе и коррупционными – это сложный процесс, требующий всестороннего анализа и обобщения различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на данный вид преступности, в ходе которого вырабатывается перспективный план борьбы с преступностью с указанием не только конкретных и определенных целей, и задач, а также необходимые мероприятия и средства для их реализации.

Любой план можно рассматривать, как повторение будущих мероприятий в объективной действительности. В связи с чем планирование мер борьбы с преступностью необходимо строить в тесной взаимосвязи с прогнозированием не только в ходе выполнения плана мероприятий, а также и прогнозированием вероятных последствий его выполнения. Данные прогнозы должны сопровождаться аналитической информацией, которая впоследствии будет служить основой окончательного решения по определенным позициям прогноза и составления перспективного плана. Правильно составленный прогноз – это основа выработки необходимых мероприятий, средств и методов борьбы с преступностью, а также изменений в будущем, исходя из нежелательных тенденций преступности, имевших место в прошлом. В своих трудах Г. А. Аванесов писал, что «план представляет собой комплекс целей и задач на заданный период с указанием способов их решения, а прогноз показывает, как найти эти способы и определить сами задачи» [1, с. 371].

Криминологическому планированию должны быть присущи такие черты, как объективность, научность, обоснованность, что невозможно достичь без криминологического прогнозирования, та как именно прогнозирование дает нам осуществить выбор необходимых эффективных направлений борьбы с преступностью, как в настоящем, так и в будущем. В свою очередь данные прогнозы должны содержать информацию о изменении преступности в будущем в зависимости от всех внешних и внутренних факторов социальной действительности.

Как писал В. Н. Кудрявцев, что сначала необходимо прогнозировать результаты взаимодействия социальных факторов, а только потом устанавливать влияние этого взаимодействия на преступность в будущем [3, с. 86]. Таким об-

разом мы можем сказать, что именно с помощью прогнозирования решаются задачи, включающие в себя описание состояния преступности, в которой мы окажемся в будущем, но и научное описание необходимых мер воздействия, которые мы можем применять к данным преступлениям.

В результате составления криминологического прогноза определяются обстоятельства, несущие как положительные, так и отрицательные преобразования преступности в будущем. На основе чего создаются перспективные планы борьбы с преступностью. В таких планах отражается информация по подготовке и проведению мероприятий, с учетом наиболее приемлемого расчета сил и средств, сроках реализации перспективного плана в целом и отдельных его мероприятий. Перспективные планы определяются не только на благополучный вариант прогноза, но и должны предвидеть резервные пути действий в случае возникновения непредсказуемых обстоятельств.

Таким образом, планирование предупреждения преступлений является достаточно сложным процессом, который требует от исполнителя организации по составлению перспективных криминологических планов по профилактике преступлений огромного опыта, знаний, умений и компетенций в области криминологического прогнозирования, юриспруденции и науки управления.

В начале 2008 Президент Д. А. Медведев указал на необходимость принятия специального антикоррупционного плана¹ и 31 июля 2008 г. был утвержден Национальный план противодействия коррупции (Пр-1568) [4] (далее – План). В первую очередь необходимость принятия Плана была продиктована сохранением избыточного администрирования со стороны государства, затруднениями в работе общественных механизмов и др. причинами.

Национальный план противодействия коррупции – один из наиболее важных программных документов, который определяет на ближайшие годы вектор развития профилактики, противодействия и борьбы с коррупцией в Российской Федерации. В дальнейшем он получил форму обновляемого программного документа.

Важной задачей документа является усиление координации по противодействию коррупции в России всех органов государственной власти и местного самоуправления. Данный документ определяет договоренность сторон о том, как будет происходить сотрудничество по вопросам противодействия коррупции.

Первый национальный план противодействия коррупции определил три основных направления противодействия коррупции:

- ликвидация условий для возникновения коррупции;
- стимулирование антикоррупционного поведения;
- создание антикоррупционного стандарта поведения [2].

План включал четыре раздела: (1) «Меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции», (2) «Меры по совершенствованию государственного управления в целях предупреждения коррупции», (3) «Меры по повышению профессионального уровня юридических кадров и правовому про-

¹ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20080721/114555154.html> (дата обращения: 15.04.2023).

свещению», (4) «Первоочередные меры по реализации настоящего Национального плана». Стратегическое значение первого Плана заключалось в том, что именно в рамках его реализации был принят пакет федеральных законов, направленных на обеспечение противодействия коррупции в России.

Национальная стратегия противодействия коррупции была утверждена совместно с Национальным планом противодействия коррупции на 2010–2011 гг. одним Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460. Первое же упоминание о том, что План принимается в целях реализации Стратегии, появилось только в Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы, утвержденным Указом Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297.

Как программный документ стратегического значения Национальный план противодействия коррупции характеризуется двумя особенностями:

1. Обновляемостью. План принимается на два года. Всего было принято 7 Национальных планов противодействия коррупции в 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018 и 2021 г. Действующим является Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024, утвержденный Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 (далее – Антикоррупционный план). Компетенцией по составлению Плана наделен Совет при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией;

2. Преемственностью. Значительный объем действующего Антикоррупционного плана является продолжением ранее исполненных Национальных планов. Содержание документа образует перечень мероприятий антикоррупционного характера с указанием форм, средств, сроков реализации, конкретных исполнителей и параметров ожидаемых результатов [6, с. 71].

Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы (далее – План на 2021–2024 гг.) особое внимание уделяет совершенствованию системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, повышению эффективности порядка отчетности государственных и муниципальных служащих при предоставлении сведений о доходах и расходах об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сообщений о склонении к коррупции.

План на 2021–2024 гг затрагивает многие аспекты противодействия коррупции. В документе определены 16 направлений антикоррупционной деятельности, разбитых на поручения, в том числе:

- совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, которые установлены в разных сферах деятельности;
- предотвращение конфликта интересов;
- определение достоверности сведений о доходах и расходах;
- развитие института ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов;
- совершенствование мер административного и уголовного воздействия;
- защита информации ограниченного доступа, полученной в ходе борьбы с коррупцией.

Особого внимания заслуживают отдельные предложения по разработке следующих мер:

- установление обязанности кандидату на должность атамана Всероссийского казачьего общества предоставлять сведения о доходах и расходах;
- возложение на депутатов законодательных органов обязанности по уведомлению органов прокуратуры обо всех случаях обращения к ним лиц в целях склонения к совершению коррупционных преступлений;
- наделение высших должностных лиц субъектов РФ возможностью направления запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- подготовка в образовательных организациях специалистов по программе магистратуры «Антикоррупционная деятельность»;
- установление запрета на поступление на федеральную госслужбу граждан, освобожденных от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности;
- возложение на руководителей обязанности по принятию мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов у подчиненных;
- уточнение понятий «конфликт интересов», «личная заинтересованность», «иные близкие отношения», «лица, находящиеся в близком родстве или свойстве»;
- разработка методических рекомендации по вопросам проведения антикоррупционных проверок;
- предоставление Центральным банком Российской Федерации, информации, содержащейся в Центральном каталоге кредитных историй;
- совершенствование правового регулирования вопросов, связанных с выявлением и пресечением преступлений коррупционной направленности, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права, цифровая валюта;
- проведение обучающего семинара для представителей средств массовой информации.

Для борьбы с коррупционными преступлениями в России необходимо применять не только меры, направленные на пресечение данных преступлений, но и на создание необходимых условий, в которых невозможно было бы совершить данные преступления, а также создавать такие меры, чтобы каждый чиновник понимал, что ни одно преступление не останется безнаказанным.

С учетом уровня коррупционной зараженности граждан следует включать мероприятия, направленные на повышение их правовой грамотности и выработки нетерпимости к проявлению коррупции, начиная со школьных программ.

Эффективность проведения антикоррупционных мероприятий зависит от комплексности их проведения и задействования не только органов власти, но и институтов гражданского общества. Коррупция постоянно изменяется, появляются новые формы коррупционных деяний, в следствии чего существует необходимость постоянного анализа данного явления и его детерминантов и соответственно, обновление антикоррупционных планов. Таким образом криминологическое прогнозирование при планировании борьбы с коррупцией играет концептуальную, стратегическую роль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление : учеб. пособие. Горький : Тип. изд-ва ЦК КП Армения, 1975. 371 с.
2. Антикоррупционная этика и служебное поведение : науч.-практ. пособие / Н. А. Абузярова, М. В. Залоило, В. И. Кузнецов и др. ; под ред. И. И. Кучерова, А. М. Цирина. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 124 с.
3. Кудрявцев В. Н. Проблема причинности в криминологии // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 86.
4. Национальный план противодействия коррупции : утвержден Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Российская газета. 2008. 5 августа.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ч. 2. Ст. 5351
6. Организация противодействия коррупции в современной России : курс лекций / Я. Г. Ищук, Ю. В. Трунцевский, А. П. Фильченко [и др.] ; под общ. ред. Я. Г. Ищука. М. : Академия управления МВД России, 2023. 157 с.
7. Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24138> (дата обращения: 14.03.2023).

УДК 343.9.018

Акимова Наталия Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Всероссийский государственный университет юстиции
г. Москва, Российская Федерация
a.n.w@mail.ru

Гилязутдинов Ринат Камильевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Всероссийский государственный университет юстиции
г. Москва, Российская Федерация
grk65@mail.ru

Проблемы достоверности уголовной статистики как фактор, препятствующий осуществлению эффективной уголовной политики

В статье представлен аналитический обзор состояния преступности в России за период 2012–2022 гг. Авторы обращают внимание на несоответствие выводов, содержащихся в официальных источниках, реальной ситуации в стране, подтверждая свои умозаключения данными официальной статистики и результатами исследований других авторов. В качестве вывода позиционируется точка зрения, согласно которой искаженные данные

официальной статистической отчетности негативно влияют на эффективность современной уголовной политики страны.

Ключевые слова: статистика, аналитические материалы, преступность, уголовная политика, достоверность.

Akimova Natalia Viktorovna,
doctor of jurisprudence, associate professor
professor of criminal law and criminology,
All-Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

Gilyazutdinov Rinat Kamilyevich,
candidate of law sciences associate
professor of criminal process and criminalistics,
All-Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

Problems of reliability of criminal statistics as the factor interfering implementation of effective criminal policy

The state-of-the-art review of a condition of crime in Russia during 2012–2022 is presented in article. The authors pays attention to discrepancy of the conclusions which are contained in official sources, a real situation in the country, confirming the conclusions with data of official statistics and results of researches of other authors. As a conclusion the point of view according to which the distorted data of official statistical reporting have negative effect on efficiency of modern criminal policy of the country is positioned.

Keywords: statistics, analytical materials, crime, criminal policy, reliability.

На сегодняшний день, достоверность аналитических материалов и статистических данных официальной отчетности приобретает особую актуальность, поскольку при ближайшем рассмотрении нередко не выдерживает никакой критики.

Так, проведенное исследование состояния преступности в стране за период 2012–2022 гг. позволяет констатировать, что не смотря на вполне удовлетворительные обобщенные данные официальной статистики, заявления о контролируемости ситуации и весьма оптимистичные прогнозы на ближайшую перспективу, реальность, на наш взгляд, все же выглядит не столь благостно, как позиционируется.

Для начала обратимся к сравнительной характеристике состояния криминальной ситуации в субъектах РФ за последние десять лет.

Анализ темпов прироста числа зарегистрированных преступлений показал, что устойчивого снижения уровня преступности не наблюдается ни в одном регионе страны, показатели каждого из них относительно стабильны максимум 2 года. Более того, полученные данные заставляют задуматься о достоверности показателей в целом, поскольку как минимум странно выглядит информация, согласно которой большинство субъектов, демонстрирующих наи-

лучшие показатели противодействия преступности, уже в следующем году находятся в первых рядах среди отстающих.

В этой связи весьма показателен состояние дел, например, в Чеченской республике, где в 2015 г. отмечалось снижение числа зарегистрированных преступлений на 2,1 %, и она занимала четвертую строчку в рейтинге субъектов с наименьшим числом зарегистрированных преступлений. В 2016 г. их количество увеличилось на 8,7 % и она оказалась на втором месте среди субъектов с наибольшим числом зарегистрированных преступлений. 2018 г. – снижение на 15,8 % и вновь четвертая строчка среди лидеров, а в 2019 г. – прирост 13,5 % и заслуженное третье место среди отстающих. 2020 г. – опять снижение числа зарегистрированных преступлений на 16,9 % и почетное третье место за успешную борьбу с преступностью. И такое положение вещей в большей или меньшей степени характерно для большинства регионов страны [1, с. 6].

Республика Адыгея:

- 2015 г. – прирост 22,6 %;
- 2017 г. – снижение 13,5 %;
- 2019 г. – прирост 14,7 %;
- 2020 г. – снижение 12,4 %.

Республика Алтай:

- 2015 г. – прирост 22,3 %;
- 2019 г. – снижение 7,3 %;
- 2020 г. прирост 11,6 %.

Магаданская область:

- 2013 г. – прирост 7,9 %;
- 2014 г. – снижение 11,7 %;
- 2018 г. – прирост 6,5 %;
- 2020 г. – снижение 8,2 %.

Калужская область:

- 2017 г. – прирост 8,9 %;
- 2019 г. – снижение 7,9 %;
- 2020 г. – прирост 10,3 %.

Наряду с весьма популярными рассуждениями о поступательном снижении уровня преступности в стране в целом, целесообразно отметить, что ряд показателей говорит о неблагоприятных изменениях ее характера. В частности, увеличивается доля преступлений с высокой степенью общественной опасности. Так, в 2012 г. с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище было зарегистрировано 7,2 % разбойных нападений, в 2019 г. – 11,4 %, в 2020 г. – 12,5 %.

Наблюдается тенденция увеличения удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений: 2019 г. – 24,4 %; 2020 г. – 27,6 %; 2021 г. – 27,9 %. В 2022 году имело место снижение количества данных деяний на 0,6 % и составило 27,3 %, однако был зафиксирован их рост в общественных местах на 4,7 %. При этом, количество убийств и покушений на убийство – увеличилось на 10,9 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 2,2 %.

Аналогичная ситуация складывается и относительно ряда иных показателей. Так, например, среди преступников постоянно увеличивается удельный вес ранее судимых лиц: 2017 г. – 28,3 %, 2022 г. – уже 30,8 %.

Растет количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами: в 2016 г. их было зарегистрировано 12,1 тыс.; в 2019 г. – 15,6 тыс.; в 2020 г. – 17,0 тыс.; в 2021 г. – 21,4 тыс., в 2023 г. – 26,0 тыс., а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 5,0 % в 2016 г. до 10,5 % в 2022 г. [4].

Нельзя не отметить и увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2019 г. их было зарегистрировано почти на 70 % больше, чем в 2018 г. и составило 294,4 тыс.; в 2020 г. их количество возросло на 73,4 % (510,4 тыс.), достигнув в 2022 г. 522,1 тыс. преступлений, что привело к увеличению их удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений с 14,5 % в 2019 г. до 26,5 % в 2022 г., при этом немаловажно, что больше половины таких преступных деяний (52,1 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких.

На сегодняшний день также наблюдается неблагоприятная динамика относительно преступлений террористического характера и экстремистской направленности: по итогам 2022 года их количество увеличилось на 4,5 и 48,2 % соответственно, составив 2233 преступления террористического характера и 1566 преступлений экстремистской направленности [4].

В январе 2023 г. на 49 % возросло количество преступлений, совершаемых с использованием оружия и взрывчатки по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В частности, в г. Москве, например, прирост составил 533 %. В пятерку лидеров вошли также Белгородская, Брянская, Курская области и Бурятия [3].

Важной составляющей объективной характеристики криминальной сферы современного российского общества является констатация высочайшего уровня коррупции, распространившейся практически на все общественные отношения и демонстрирующей устойчивую тенденцию к росту, что подтверждается данными официальной статистики и указывает на отсутствие позитивных системных изменений в сфере государственного противодействия данному негативному явлению. Так, в 2018 г. было выявлено 30 495 преступлений коррупционной направленности, а в 2022 г. этот показатель составил уже более 35 340 учетных единиц.

Исходя из вышеизложенного, а также опираясь на труды ряда исследователей, обоснованно считающих, что фактическая преступность, с учетом всевозрастающей латентности, в несколько раз превышает зарегистрированную и имеет устойчивую тенденцию к росту [2; 5], полагаем, что говорить о стабилизации криминальной ситуации в стране несколько преждевременно.

Таким образом, проведенная нами аналитическая работа показала, что информативная картина состояния криминальной сферы страны, представленная статистическими данными официальной отчетности, не вполне соответствует действительности, что с неизбежностью влечет за собой необоснованные

прогнозы в сфере планирования и прогнозирования мер по стабилизации сложившейся криминогенной обстановки, выступая в качестве немаловажного фактора, препятствующего осуществлению эффективной уголовной политики и самым серьезным образом влияющего на перспективы ее развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акимова Н. В. Криминальная сфера российского общества: эволюция и идейные основы государственного противодействия : монография. М. : Проспект, 2021. 347 с.
2. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
3. В России выросло количество преступлений с оружием и взрывчаткой. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/04/oruzhie/> (дата обращения: 19.03.2023).
4. Статистика и аналитика. Состояние преступности // ФКУ ГИАЦ МВД России : сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 05.04.2023).
5. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011. 1122 с.

УДК 343.9

Кузнецова Ирина Федотовна,

следователь, отдел по расследованию
преступлений на территории обслуживания
отдела полиции № 2 Следственного управления
УМВД России по г. Ростову-на-Дону
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ya.zxcv8@yandex.ru

Коррупция: понятие и состояние противодействия

В данном исследовании рассмотрены данные о коррумпированности государств, понятие коррупции и коррупционного преступления, а также вопросы противодействия им.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, противодействие преступности.

Kuznetsova Irina Fedotovna,

department for the investigation of crimes
in the service area of the police
department No. 2 of the Investigation
Department of the Ministry of Internal
Affairs of Russia for the city of Rostov-on-Don
Rostov-on-Don, Russian Federation

Current problems of counteraction to corruption crimes

In this study, data on the corruption of states, the concept of corruption and corruption crimes, as well as issues of countering them are considered.

Keywords: *corruption, corruption crime, crime counteraction.*

О большом вреде коррупции говорят практически все на протяжении длительного времени. При этом как простые граждане, так и государственные деятели, а также представители науки с уверенностью заявляют, что коррупция подвергает опасности не только национальную безопасность, но и причиняет огромный ущерб социальному и экономическому развитию страны. По данным исследований, ущерб от коррупционных преступлений измеряется миллиардами и имеет тенденцию к росту [1, с. 26–40].

Проблема большой распространенности коррупции актуальна не только в Российской Федерации, ей уделяет внимание и международное сообщество. Так, в 2003 году Генеральная Ассамблея ООН приняла соответствующую конвенцию, которая регламентирует положения о мерах противодействия коррупции и о механизмах борьбы с ней [7]. Помимо этого, Международная организация «Transparency international» ежегодно публикует сведения об уровне коррумпированности государств. 28 января 2021 года данной организацией был опубликован отчет, согласно которому, Россия находится на месте 129 месте из 180. Помимо этого Transparency international отмечает, что в 2020 году коррупция очень негативно сказалась на системе здравоохранения, что вызвано пандемией COVID-19 [2].

По своей сути коррупция представляет собой социальное явление, которое разлагает законные методы и средства регулирования общественных отношений, подрывает авторитет власти, существование демократических институтов и веру в справедливость.

Несмотря на то, что в научной среде и на законодательном уровне вопросы коррупции обсуждаются постоянно, общепринятого определения данного термина нет.

Рассмотрим законодательную позицию: закрепленное в Федеральном законе «О противодействии коррупции» определение, сложно назвать таковым, это скорее перечень деяний, совершаемых для определенной выгоды [3, с. 3]. Так, статья 1 указанного закона говорит о том, что коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение тех же деяний от имени или в интересах юридического лица.

Справочные материалы ООН по борьбе с коррупцией закрепили положение о том, что коррупция – это отсутствие порядочности и честности, а также

использование своего положения или злоупотребление им для получения личной выгоды [4]. Но данное понятие трудно признать достаточным, так как оно отражает лишь поверхностные характеристики коррупции.

Продолжая исследование международного опыта, необходимо обратиться к соответствующей Конвенции Совета Европы 1999 года, которая под коррупцией понимает прямую или косвенную просьбу, или дачу взятки (или любого преимущества), которые искажают добросовестное выполнение должностных обязанностей [5]. Стоит отметить, что, несмотря на то, что многие страны подписали данную Конвенцию, в научном сообществе России его поддержало незначительное количество ученых, если быть точнее, то только 11 % согласились с таким определением.

Борьба с коррупцией в настоящий момент приоритетным направлением правоохранительной деятельности. Подтверждением данной позиции может являться тот факт, что в Российской Федерации в 2008 году был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», периодически принимаются Национальные стратегии противодействия коррупции, соответствующие Национальные планы и другие нормативные акты, которые рассматривают коррупцию как основную угрозу обществу и государству.

В данном исследовании необходимо отметить особую значимость уголовно-правовых средств противодействия коррупции. Так, в действующем Уголовном кодексе закреплено значительное количество составов преступлений коррупционной направленности, которые призваны сдерживать распространение рассматриваемого явления. Следует отметить отсутствие в теории уголовного права единого мнения относительно понятия коррупционного преступления, что, безусловно, порождает трудности учета таких деяний, а, как следствие, порождает высокий уровень латентности и формирование неэффективных мер борьбы.

Конвенция ООН в статье 2 говорит о том, что под коррупционным правонарушением стоит понимать такое, которое связано с подкупом должностных лиц, использование последними своего положения с целью приобретения какого-либо преимущества [6, с. 485].

Обращаясь к национальному законодательству, стоит обратить внимание на Указание Генеральной прокуратуры России № 35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 года в перечне 23 закрепило признаки таких противоправных деяний, которые и помогут выявить необходимое определение. К ним относятся: наличие специальных субъектов; наличие связи деяния со служебным положением субъекта, выражающее в отступлении от его прямых прав и обязанностей; совершение деяния только с прямым умыслом; наличие корыстного мотива [8].

В доктрине уголовного права наряду с вышеперечисленными признаками выделяются:

- нанесение деянием значительного ущерба интересам государства и органам власти;
- ущемление законных прав и свобод физических и юридических лиц, которые охраняются законом [3, с. 3].

Таким образом, для устранения существующих проблем предлагается на законодательном уровне закрепить легальное определение понятия «коррупционное преступление», которое может быть сформулировано следующим образом: это запрещенное настоящим Кодексом виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на авторитет власти и законные интересы общества, которое выражается в использовании лицом своих полномочий (должностных, служебных или иных), дающим право осуществлять определенные функции с целью получения выгоды для себя или третьих лиц, а равно и обещание или предоставление указанному лицу подобной выгоды, чтобы это лицо использовало свои полномочия с целью получения материальных и/или нематериальных преимуществ в свою пользу или пользу третьих лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аслаханов А. А. Коррупция в России. Пути борьбы // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2007 г.). М. : Научный эксперт, 2007. С. 36–40.

2. Международная организация Transparency international : официальный сайт. URL: <https://transparency.org.ru/research/index-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (дата обращения: 14.04.2022).

3. Ситникова А. И. Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе // Материалы науч.-практ. конф., Орел, 21 мая 2010 г. Орел : Изд-во редакции «Образование и общество», 2010. С. 3.

4. Справочник материалов по борьбе с коррупцией // Официальный интернет-сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. 2004. URL: http://www.unodc.org/pdf/9dec04/resourceguide_r.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

5. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 04.11.1999. URL: <http://www.consultant.ru/edu/highschool/links/> (дата обращения: 14.04.2022).

6. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. Т. 1. Общая часть. М. : Юрайт, 2011. 1002 с.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции № 58/4 от 21.11.2003. URL: <http://www.consultant.ru/edu/highschool/links/> (дата обращения: 14.04.2022).

8. Указание Генеральной прокуратуры России №35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 года (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании отчетности». URL: <http://www.consultant.ru/edu/highschool/> (дата обращения: 14.04.2022).

УДК 343.8

Гусева Дарья Алексеевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
dashaguseva969@mail.ru

Удалов Михаил Александрович,
заместитель начальника Управления
ФСИН России по Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
udalov-ik1@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

**Риск рецидива при условно-досрочном освобождении лиц,
неоднократно осужденных за совершение
тяжких и особо тяжких преступлений против личности**

В статье приведен анализ проблем, связанных с риском рецидива преступлений у лиц, неоднократно судимых за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, которым ранее удовлетворялось ходатайство об условно-досрочном освобождении. Авторами изучены: статистические данные о количестве лиц, совершивших такие преступления против личности и, которым удовлетворялось ходатайство об условно-досрочном освобождении, однако в течение оставшейся не отбытой части наказания они вновь совершают преступления, представлены результаты анкетирования осужденных, отбывающих наказание в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Костромской области. Авторы, на основании проведенного исследования предлагают внести изменений в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в статью 5 Федерального закона «О probation в Российской Федерации».

***Ключевые слова:** преступление, наказание, тяжкое преступление, особо тяжкое преступление, осужденные, условно-досрочное освобождение, рецидив, риск рецидива.*

Guseva Darya Alekseevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Udalov Mikhail Aleksandrovich,
deputy head of the Department
of the Federal penitentiary service
of Russia for the Kostroma region
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor,
head of the department of criminal law
disciplines, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Risk of recidivism during parole of persons repeatedly convicted of committing grave and especially grave crimes against the person

The article provides an analysis of the problems associated with the risk of recidivism of crimes among persons repeatedly convicted of grave and especially grave crimes against the person, who previously satisfied the application for parole. The authors studied: statistical data on the number of persons who committed such crimes against the person and who were granted the application for parole, however, during the remaining unserved part of the sentence they commit the crime again, the results of a survey of convicts serving sentences in one of the correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kostroma region are presented. The authors, on the basis of the study, propose to amend Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Article 5 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation".

Keywords: *crime, punishment, serious crime, especially serious crime, convicts, parole, recidivism, risk of recidivism*

Реализация правовых предписаний условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания является одним из значимых элементов современной уголовной и уголовно-исполнительной политики цивилизованного государства, отражающей ее прогрессивный характер.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев в своем докладе по итогам 2021 г. отметил, что за этот год судами назначалось наказание в виде лишения свободы 28 % осужденных, из которых 72 % уже имели судимость, при этом 42 % имели 2 и более неснятые или непогашенные судимости. В то же время, в течение 2021 г. ходатайства об условно-досрочном освобождении удовлетворялись судами в 54 % случаев [1].

В то же время из его доклада по итогам работы за 2022 г. следует, что наказание в виде лишения свободы назначено 29 % осужденных, из которых 71 % имели судимость. Большинство лиц, которым назначена данная мера наказания совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Также он отметил, что удовлетворено 51% ходатайств об условно-досрочном освобождении [2].

Как нам представляется, сказанное свидетельствует об особой актуальности проблем рецидива преступлений лиц, в отношении которых суды уже принимали решение об их условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания, а также вопроса связанного со снижением риска их рецидива так как их возвращение к законопослушному образу жизни является одной из целей наказания, обеспечивающей безопасность общества.

Результаты проводимых исследований обуславливают вывод о том, что у данной категории лиц рецидив преступлений является распространенным явлением.

Общероссийские сведения о судимости лиц в период с 2020 по 2022 годы свидетельствуют о том, что за 2020 г. осуждено 530998 человек, в числе которых 212051 человек, на момент их осуждения, уже имели неснятую или непогашенную судимость, а 50 835 человек повторно осуждены за совершение тяжких преступлений и 13300 человек осуждены повторно за совершение особо тяжких преступлений; за 2021 г. осуждено 565 523 человек. В том числе 220 858 осужденных, на момент рассмотрения дела в суде, имели неснятую или непогашенную судимость, из них 53081 человек осуждены повторно за совершение тяжких преступлений и 13909 человек за совершение особо тяжких преступлений; за 2022 г. осуждено 578 751 человек. В том числе 222 974 осужденных на момент рассмотрения дела в суде имели неснятую или непогашенную судимость, из них 52 988 человек осуждены повторно за совершение тяжких преступлений и 13 946 человек осуждены повторно за совершения особо тяжких преступлений. [3]

Так же согласно статистическим данным за 2020 г. 15 947 осужденным удовлетворены ходатайства об условно-досрочном освобождении; в 2021 г. удовлетворено 15 064 ходатайства, в 2022 г. ходатайства об условно-досрочном освобождении удовлетворены 13035 осужденным.

При анализе аналогичных данных УФСИН России по Костромской области за тот же период, мы наблюдаем тенденцию к снижению числа удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении. Так, в 2020 г. удовлетворено 24 ходатайства; в 2021 г. – 23 ходатайства; за 2022 год – 12 ходатайств об условно-досрочном освобождении.

Как видно из приведенных данных за анализируемый нами период прослеживается тенденция, хоть и незначительного, но снижения рецидива тяжких и особо тяжких преступлений. Однако наряду с этим мы наблюдаем и снижение уровня удовлетворения судами ходатайств об условно-досрочном освобождении неоднократно судимых лиц и, в первую очередь, отбывающих наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Анализ данных о совершении повторных преступлений, лицами, будучи условно-досрочно освобожденными из обследуемого исправительного учреждения, свидетельствует о том, что за 2022 год такими лицами совершено 7 преступлений, из которых 3 преступления небольшой тяжести и 4 тяжких.

В свое время И. М. Платонова и А. С. Евстегнеев проводили исследование, касающиеся риска рецидива при условно-досрочном освобождении при совершении насильственных преступлений.

В ходе проведенного ими исследования установлено, что: «по состоянию на 01.10.2011 год всего из исправительных учреждений Костромской области условно-досрочно был освобожден 151 человек из них, совершивших тяжкие преступления – 65 человек, особо тяжкие – 35. При этом 67 условно-досрочно освобожденных, во время испытательного срока вновь совершили умышленные преступления. Среди которых 43 – за тяжкие и особо тяжкие преступления» [4, с. 164]

На основании проведенных исследований И. М. Платонова и А. Е. Евстегнеев пришли к следующему выводу: «значительная часть лиц, условно-

досрочно освобожденных от отбывания наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе и против личности, в течение непродолжительного срока опять совершают аналогичные преступления и возвращаются в места лишения свободы» [4, с. 163].

Таким образом, нам представляется сомнительной возможность предоставления равного права на подачу очередного ходатайства об условно-досрочном освобождении лицу, неоднократно судимому за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, который несколько раз использовал право на условно-досрочное освобождение, с осужденным, не имеющим рецидива.

Как следует из научных источников, вопрос о целесообразности удовлетворения ходатайств об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания осужденному при наличии опасного или особо опасного рецидива, является достаточно дискуссионным. Так как лицо при наличии опасного или особо опасного рецидива, будучи условно-досрочно освобожденным от дальнейшего отбывания наказания, как показывают результаты исследований, обладает весьма высокой степенью вероятности вновь совершить аналогичное преступление.

Такой наш вывод подтверждается и результатами интервьюирования сотрудников исправительных учреждений УФСИН России по Костромской области, в которых отбывают наказание в виде лишения свободы лица, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Так, они высказывали согласие с нашим предложением о целесообразности изменения редакции ч. 3 ст. 79 УК РФ, касающейся осужденных с опасным или особо опасным рецидивом, которые неоднократно использовали свое право на условно-досрочное освобождение, и при отбытии очередного наказания снова получили такое право. Так, ими высказаны следующие предложения: для того чтобы осужденный получил возможность реализовать свое право на очередное условно-досрочное освобождение, следует, каждый раз увеличивать срок фактического отбывания ими наказания, после которого им может быть предоставлено право на очередное условно-досрочное освобождение.

Так, если осужденный с опасным или особо опасным рецидивом отбывает наказание в исправительном учреждении, который ранее освобождался условно-досрочно, может получить право на очередное условно-досрочное освобождение только после фактического отбытия не менее трех четвертей срока наказания, назначенного судом за данное преступление, а за особо тяжкое преступление не менее четырех пятых срока наказания, назначенного судом за данное преступление. То есть лицо, повторно совершившее тяжкое преступление, в настоящее время, получает право на условно-досрочное освобождение при фактическом отбытии не менее половины назначенного срока, но так как оно имеет опасный рецидив, то оно, чтобы получить право на условно-досрочное освобождение должно отбыть три четверти всего срока наказания, назначенного судом. Таким образом, возможность получения права на условно-досрочное освобождение несколько отодвигается. В связи с этим мы предлагаем дополнить часть 3 статьи 79 УК РФ пунктом «е», изложив его в следующей редакции: «При очередном совершении преступления лицом, ранее освобожденным от наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, в том числе и против личности, в течение непродолжительного срока опять совершающим аналогичные преступления и возвращающимся в места лишения свободы, срок фактического отбывания наказания увеличивается на срок, назначенный судом за данное преступление».

давшимся условно-досрочно следующее условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

- не менее трех четвертей срока наказания – при простом рецидиве;
- не менее четырех пятых срока наказания – при опасном рецидиве;
- не менее пяти шестых срока наказания – при особо опасном рецидиве».

Мы полагаем, что это предложение обяжет осужденных серьезнее относиться к праву на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания, а также уменьшит риск рецидива преступлений.

Наряду с интервьюированием сотрудников УФСИН России по Костромской области, мы провели анонимное анкетирование осужденных Федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 1 Управления федеральной службы исполнения наказаний», касающееся риска рецидива преступлений при условно-досрочном освобождении.

Так, на вопросы: «Обращались ли Вы в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении?» и «Было ли оно удовлетворено?», нами получены следующие результаты: 31,6 % респондентов ответили, что обращались с ходатайством об условно-досрочном освобождении, и оно было удовлетворено. В тоже время, такому же количеству респондентов (31,6 %) ходатайство не было удовлетворено; 26,3 % осужденных не обращались с таким ходатайством и 10,5 % осужденных никак не ответили на данный вопрос.

По вопросу, сколько раз осужденный отбывал наказание в местах лишения свободы к моменту подачи в суд ходатайства об условно-досрочном освобождении и каков результат рассмотрения ходатайства? Выяснилось, что все лица, подававшие ходатайство об условно-досрочном освобождении ранее неоднократно отбывали наказание в исправительных учреждениях. В частности, были удовлетворены ходатайства об условно-досрочном освобождении в отношении 10,5 % осужденных которые ранее находились в местах лишения свободы 3 раза; в отношении 10,5 % осужденных, которые ранее находились в местах лишения свободы 2 раза; 5,26 % осужденных отбывали наказание 1 раз; столько же (5,26 %) осужденных, в графе сколько раз они находились в исправительном учреждении, указали «иное», в то же время указали, что ходатайств ходатайство об условно-досрочном освобождении им было удовлетворено, но, сколько раз находились в исправительном учреждении, не указали.

Ходатайство об условно-досрочном освобождении не было удовлетворено: 15,8 % осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы – 3 раза; 10,5 % осужденных, отбывавших наказание – 2 раза; 5,26 % осужденных указавшего «иное», не указав, сколько находился в исправительном учреждении.

Как видно из представленных данных, что высок уровень риска рецидива преступлений при условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания осужденных с опасным или особо опасным рецидивом.

Об февраля 2023 г. принят федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», который «призван регулировать вопросы социальной адаптации осужденных как на этапе отбывания наказания, так и после их освобождения». В данном Федеральном законе определены основные меры,

направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию лиц отбывающих и отбывших наказание, которые направлены на оказание им помощи в трудоустройстве, социальной и психологической помощи, а также осуществление контроля и надзора за лицами, в отношении которых применяется пробация [5].

Внимательное изучение этого закона вскрыло некоторые неточности, нуждающиеся, как нам представляется, в своевременной корректировке.

При его изучении мы выявили несогласованность определений «исполнительной пробации», касающейся категории лиц, в отношении которых должна она применяться.

Так, в п. 2 ст. 5 указано, что исполнительная пробация может применяться только при исполнении наказания, не связанного с изоляцией осужденных от общества, а также применения к ним иных мер уголовно-правового характера.

В то же время в п. 2 ч. 1 ст. 11 этого закона указано на то, что данный вид пробации может применяться и в отношении лиц, которые освобождены условно-досрочно от отбывания наказаний в виде лишения свободы или принудительных работ.

В целях устранения данного пробела, мы предлагаем п. 2 ст. 5 настоящего Федерального закона изложить в следующей редакции:

«исполнительная пробация – вид пробации, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), при условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера».

Подводя итог сказанному мы полагаем, что нашим государством применяются определенные меры по минимизации риска рецидива у осужденных с опасным и особо опасным рецидивом, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, а также полагаем, что предложенные изменения, будут способствовать эффективному разрешению вопросов, связанных с риском рецидива преступлений у осужденных в целом, а также у условно-досрочно освобождающихся от дальнейшего отбывания наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева Вячеслава Михайловича по итогам работы судов за 2021 год. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30781/ (дата обращения: 14.03.2023).

2. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева Вячеслава Михайловича по итогам работы судов за 2022 год. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения: 14.03.2023).

3. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за первую половину 2021 и первую половину 2022 года за совершение тяжких

и особо тяжких преступлений. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.03.2023).

4. Платонова И. М., Евстегнеев А. С. Отмена условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в случаях совершения насильственных преступлений и рецидива // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. Кострома : КГТУ, 2013. С. 162–165.

5. Федеральный закон от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/b6eaf9082a44621507f30f06e59fba59d8048763/ (дата обращения: 16.03.2023).

УДК 343.9.018

Мартыненко Эдуард Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности Института
международного права и правосудия,
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
edusmart@mail.ru

Проблемы правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью

В статье рассматриваются проблемы правоохранительной деятельности на одном ее направлении – направлении, связанном с борьбой с преступностью и делается вывод о том, что проблемы правоохранительной деятельности связаны, в первую очередь, с недостатками законодательной техники нормативных правовых актов в сфере борьбы с преступностью и с неумением сотрудников правоохранительных органов применять эти акты в точном соответствии с их смыслом.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, уголовная политика, борьба с преступностью, законодательная техника.

Martynenko Eduard Vladimirovich,
candidate of law associate professor
of the department of criminal law disciplines,
Moscow StateLinguistic University
Moscow, Russian Federation

Problems of law enforcement in the field of combating crime

The article deals with the problems of law enforcement in one of its areas - the direction associated with the fight against crime and concludes that the problems of law enforcement are asso-

ciated primarily with shortcomings in the legislative technique of normative legal acts in the field of combating crime and with the inability of employees law enforcement agencies apply these acts in strict accordance with their meaning.

Keywords: *law enforcement, criminal policy, crime control, legislative technique.*

Парадоксальная ситуация. В толковом словаре есть понятие «правоохранительная деятельность», которая определяется как вид государственной деятельности, которая осуществляется с целью охраны специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка. Есть Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 «Правоохранительная деятельность». Есть основная образовательная программа 40.02.02 «Правоохранительная деятельность (специализация – административная деятельность)». Но нет ни одного закона, который бы давал понятие правоохранительной деятельности и определял круг ее субъектов. Правоохранительную деятельность обычно связывают с деятельностью по борьбе с преступностью, которую осуществляют правоохранительные органы, закона о которых тоже нет (каждый из правоохранительных органов имеет собственную нормативную правовую базу).

Представляется, что понятие правоохранительной деятельности значительно шире, чем деятельность по борьбе с преступностью. Эту деятельность осуществляет больший круг субъектов, чем деятельность по борьбе с преступностью. Даже в органах внутренних дел, которые являются главными правоохранительными органами по борьбе с преступностью, далеко не все подразделения борются с преступностью. Есть, например, кадровые службы, имеющие совершенно другое предназначение. Так, Главное управление по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУРЛС МВД России) является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области кадрового обеспечения системы МВД России, организации профессиональной подготовки кадров МВД России, обеспечения в соответствии с международными договорами Российской Федерации подготовки кадров для правоохранительных органов зарубежных стран [1].

А раз нет законодательного определения правоохранительной деятельности, то за ее разработку берутся теоретики права. В науке есть не мало ее определений. Так под правоохранительной деятельностью понимают деятельность всех государственных органов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан, их реализацию, законность и правопорядок [2]; деятельность, направленную на реализацию права и прав личности [3].

Правоохранительная деятельность многообъектна. Одним из видов этой деятельности является борьба с преступностью. Эта борьба не может проводиться

произвольно. Для того, чтобы получить желаемый результат, необходимо определить цель борьбы с преступностью, иметь кадровое, финансовое, методическое, ресурсное обеспечение. По сути, борьба с преступностью должна быть поставлена на научные «рельсы», езда по которым должны привести к достижению поставленной цели.

Первая проблема современной борьбы с преступности – это отсутствие концепции борьбы с преступностью и как следствие, отсутствие цели борьбы с преступностью. А ведь такая цель была поставлена в советский период времени. Пускай она нам теперь кажется иллюзорной, но она была и все средства государства были направлены на ее достижение. Так, одним из указаний Коммунистической Партии Советского Союза (далее – КПСС) было искоренение всяких правонарушений, ликвидация преступности, устранении причин, ее порождающих. Для этого Центральный Комитет КПСС принял постановление об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями. В постановлении отмечается, что в нашей стране в соответствии с решениями XXV съезда КПСС, положениями Конституции СССР последовательно проводится курс на дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка. Осуществлены важные меры по совершенствованию законодательства, улучшению деятельности правоохранительных органов, развитию активности общественности и повышению ее роли в охране правопорядка [4].

С учетом исторического опыта, представляется необходимым разработать концепцию правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью. В данной концепции, прежде всего, необходимо определить цель этой борьбы. Например, если основная идея государства – минимизировать количество совершаемых преступлений, уменьшить количество судимых, то на ее реализацию должны быть направлены правовые, организационные и иные ресурсы. Так, например, в пояснительной записке к проекту федерального закона о введении судебного штрафа [5] сказано, что его введение создаст условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тысяч человек, что в свою очередь будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость. Данные изменения требуют расширения рабочих мест, трудоустройство лиц, освобожденных от уголовной ответственности и т. д.

Если цель борьбы с преступностью – защита личности, общества и государства от преступлений, то концепция должна содержать, например, идеи возмещения ущерба потерпевшим [6].

Отсутствие концепции борьбы с преступностью сказывается на нормативном правовом регулировании этой борьбы и, прежде всего, на Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), который давно уже превратился в «лоскутное одеяло [7] из-за сотен изменений и дополнений, внесенных в него с момента его вступления в силу в 1997 году.

Однако неверным будет сказать, что вообще отсутствуют какие-либо идеи борьбы с преступностью. Нет, они есть, но это касается отдельных преступлений. Так, например, идеи борьбы с коррупцией воплощены в законе «О противодействии коррупции» [8]. Идеи борьбы с терроризмом – в закон «О противодействии терроризму» [9].

Подводя итог, можно констатировать, что в современной России отсутствует концепция борьбы с преступностью в целом, хотя и существуют концептуальные идеи борьбы с отдельными видами преступлений, такими, например, как терроризм, коррупция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Положение о Главном управлении по работе с личным составом: приказ МВД России от 29 июня 2022 г. № 480. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/> (дата обращения: 20.04.2023).

2. Комаров М. В. Правоохранительная деятельность в Вооруженных силах Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование : дис. канд. ... юрид. наук. М., 2002. 184 с.

3. Свечников Н. И. Сущность правоохранительной деятельности // Lex Russica. 2016. № 7. С. 29.

4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр. М. : Политиздат, 1981. Т. 13. С. 462–463.

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/onli> (дата обращения: 20.04.2023)

6. Проект закона Кыргызской Республики «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных органов, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30460356 (дата обращения: 20.04.2023).

7. Коробеев А. И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса // Независимая газета. 2013. 5 февраля.

8. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ : в ред. от 06.02.2023 № 12-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.04.2023).

9. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ : в ред. от 26.05.2021 № 155-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 20.04.2023).

УДК 343.85

Москвитина Мария Михайловна,
научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России
г. Москва, Российская Федерация
admin.database.info@gmail.com

Кряжева Светлана Геннадьевна
старший научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России
г. Москва, Российская Федерация
kryazheva_sg@mail.ru

К вопросу о постпенитенциарной преступности

В статье представлена часть научного исследования, направленного на изучение личности осужденных, отбывающих наказание за преступления, совершенные после освобождения из исправительных учреждений, а также факторов, способствующих совершению ими повторных преступлений. Приводится теоретический обзор других авторов по данному вопросу. Делаются выводы о проблематике профилактики и предотвращения постпенитенциарной преступности.

Ключевые слова: *постпенитенциарная преступность; осужденные; повторная преступность; профилактика; уголовно-исполнительная система.*

Moskvitina Maria Mikhailovna
researcher of SRC-2 of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russian Federation

Kryazheva Svetlana Gennad`evna
senior researcher of SRC-2 of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russian Federation

On the question of post-penitentiary crime

The article presents a part of scientific research aimed at studying the personality of convicts serving sentences for crimes committed after release from correctional institutions, as well as the factors contributing to the commission of repeated crimes by them. A theoretical review of other authors on this issue is given. Conclusions are made about the problems of post-penitentiary crime prevention and avoidance.

Keywords: *post-penitentiary crime; convicts; re-offending; prevention; penal system.*

В настоящее время профилактика постпенитенциарной преступности является актуальным направлением уголовно-исполнительной политики. Преступления, совершенные после освобождения из исправительных учреждений, представляют значительную общественную опасность и свидетельствуют об антисоциальной направленности и криминальной зараженности лиц, освобождающихся из мест лишения свободы [3]. Способствовать повторной преступно-

сти лиц, освободившихся из исправительных учреждений, могут: алкоголь, сомнительные знакомства, токсичность окружения, трудности поиска работы и получения образования, различные семейные проблемы [2].

Е. В. Распопин выделяет три группы причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы [7]. Первая группа – негативные особенности поведения самого бывшего осужденного (лень, праздность, вредные привычки, безответственное поведение и т. п.). Вторая группа – негативные особенности поведения окружающих людей, с которыми контактирует бывший осужденный (неправильный круг общения, старые связи и знакомые, отсутствие поддержки и т. п.). Третья группа – неблагоприятные социально-экономические условия (трудности трудоустройства, тяжелое материальное положение и т. п.).

Противодействие повторной преступности должно представлять собой совокупность мер по борьбе с причинами совершения повторных преступлений и теми условиями, которые способствуют их возникновению. Это комплексная работа не только внутри исправительных учреждений, но и после освобождения.

В рамках анализа повторной преступности среди лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы ФКУ НИИ ФСИН России было проведено эмпирическое исследование во всех территориальных органах ФСИН России, направленное на выявление качественных и количественных характеристик таких осужденных.

В исследовании приняли участие 2674 осужденных, из них 83,5 % – мужчины и 16,5 % – женщины. Выборка состояла из осужденных, отбывавших наказание в исправительной колонии два и более раз.

Долевое распределение осужденных по возрастам выглядит следующим образом: от 18 до 20 лет – 0,8 %; от 21 до 25 лет – 4,9 %; от 26 до 35 лет – 35 %; от 36 до 45 лет – 38,9 %; от 46 до 55 лет – 16,2 %; от 56 до 60 лет – 2,9 %; старше 60 лет – 1,3 %.

А. И. Ушатиков и Б. Б. Казак утверждали, что возраст имеет связь с характером преступления, т. е. одни преступления свойственны одному возрасту, а другие – другому [1]. Исследование Л. В. Смирнова и В. С. Харламова показало, что подавляющее количество впервые осужденных находятся в возрасте от 18 до 29 лет, а большинство осужденных за рецидив преступлений – в возрасте от 30 до 39 лет. Поведение постпенитенциарных рецидивистов в возрасте до 30 лет в определенной степени связано с дефектами ценностных ориентаций и социальной незрелостью лиц молодого возраста [8]. Криминолог Франц фон Лист утверждал, что чем раньше человек совершает преступление, за которое его помещают в места лишения свободы, тем больше вероятность того, что он вновь совершит преступление. В нашем исследовании большинству осужденных (31,7 %) было от 18 до 20 лет, когда они начали отбывать наказание впервые, 24,6 % были в возрасте от 21 до 25 лет, от 26 до 35 лет – 16,9 %, от 36 до 45 – 3,3 %, от 46 до 55 – 0,2 %, от 56 до 60 – 0,1 %. Отдельно следует отметить, что почти четверть осужденных, принявших участие в исследовании (23 %) начали отбывать свое первое наказание в возрасте до 18 лет, т. е., будучи несовершеннолетними. Криминальное поведение в возрасте свыше 50 лет зависит, прежде всего, от состояния здоровья, возникших патологий из-за злоупотреб-

ления алкоголем и другими психоактивными веществами, личной неустроенностью. Как пишет А. М. Смирнов, злостные рецидивисты старшего возраста часто оказывают негативное влияние на остальных сужденных, могут передавать свой криминальный опыт приемникам [8].

В нашем исследовании наибольшее количество осужденных (27,4 %) имело 2 судимости; 3 судимости имело 25,8 %; 4 – 17,2 %; 5 – 11 %; 6 – 5,7 %; 7 – 5,4 %; 8 – 2,4 %; 9 – 1,3 %; 10 – 1,2 %; 11 – 0,8 %; от 12 и выше – 1,8 %. Стоит обратить внимание, что от 3 и более судимостей рассчитывалось с учетом наказаний, не связанных с лишением свободы.

Период, следующий сразу после освобождения осужденного из исправительной колонии, является самым опасным, так как у освободившегося лица, особенно после длительного срока наказания, зачастую отсутствуют адаптивные алгоритмы поведения, где нужно самостоятельно регулировать свою деятельность и свой распорядок дня. Таким образом, большинство осужденных совершили повторное преступление после освобождения из предыдущего учреждения в течение первого года, а именно – 37,3 %. Более чем через год после освобождения повторное преступление совершили 62,7 %, из них: от 1 до 3 лет – 32,9 %, от 4 до 6 лет – 23,2 %, от 7–10 лет – 4,2 %, более 10 лет – 2,4 %.

В ходе исследования было выявлено, что после освобождения из предыдущего исправительного учреждения 62 % осужденных столкнулись с проблемой трудоустройства, 44 % – с отсутствием денег, 31,4 % столкнулись с проблемой неприятия обществом, 31 % не имели четких планов на жизнь. С проблемой отсутствия жилья после освобождения столкнулось 29,8 %, у 27 % отсутствовала поддержка семьи и близких людей, у 22 % имелись заболевания. Кроме того, 21,1 % отметили, что после освобождения столкнулись с трудностью получения образования.

Также мы попытались выяснить, какие факторы способствовали совершению ими постпенитенциарного преступления. Осужденные ответили следующим образом: отсутствие работы – 42,2 %; измененное состояние сознания под действием алкоголя или наркотиков – 36 %; неблагоприятное финансовое состояние – 31,1 %; отрицательное влияние окружающих – 26,7 %; случайность – 25,8 %; личностные особенности – 24,8 %; поиск острых ощущений – 17,4 %; альтруистические соображения – 16,3 %; семейные трудности – 16,8 %; отсутствие постоянного места жительства – 15 %; низкий образовательный уровень или его отсутствие – 13,2 %; блатная романтика – 12,6 %; правовая неосведомленность – 12,1 %; давление со стороны – 8,5 %.

Для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, устройство на работу, бесспорно, является сложной проблемой, так как наличие судимости, во-первых, является противопоказанием для ряда сфер деятельности, во-вторых, работодатель зачастую не хочет принимать в коллектив человека с судимостью по ряду причин, в частности, опасаясь его недобросовестности и неблагонадежности, в-третьих, сам осужденный после освобождения может негативно относиться к трудовой деятельности и быть незамотивированным трудоустроиваться [4, 5].

Не только правоохранительные органы должны участвовать в профилактике совершения повторных преступлений, но и общественные объединения и

социальные институты. Немалое участие в процессе профилактического воздействия играют средства массовой информации, которые уже несколько десятилетий всесторонне романтизируют «блатную» идеологию [6], романтизируют образ героя, ведущего криминальный образ жизни, выставляя его протагонистом, уже тем самым невольно вызывая у зрителей эмпатию; демонстрируют сотрудников правоохранительных органов, методы работы и образ жизни которых мало чем отличаются от криминально зараженных персонажей; оправдывают криминальную субкультуру как норму современной действительности. Таким образом, еще одна общесоциальная мера предупреждения преступности – целенаправленная осознанная политика государства по пресечению «антивоспитания», идущего от некоторых СМИ.

Проблема профилактики и предотвращения постпенитенциарных преступлений является сложной и комплексной, а работа в данном направлении должна включать в себя организационно-правовые меры на федеральном уровне, взаимодействие территориальных органов ФСИН России с местными органами самоуправления на уровне субъектов Российской Федерации, организационные и психолого-педагогические меры непосредственно в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях территориальных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казак Б. Б., Ушатиков А. И. Пенитенциарная психология (психология тюремной среды). Рязань, 1998. С. 21.
2. Кряжева С. Г., Москвитина М. М. Наркотическая и алкогольная зависимости как детерминанта совершения повторных преступлений // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11–15.
3. Кряжева С. Г., Москвитина М. М., Новиков А. В. Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в воспитательных колониях // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1А. С. 309–318.
4. Маликова Н. Б., Москвитина М. М. О некоторых аспектах трудоустройства условно осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 1(40). С. 46–52.
5. Москвитина М. М. К вопросу о трудоустройстве условно осужденных // Организационное и правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительных инспекций на современном этапе : сб. материалов заочного круглого стола, Москва, 26 июня 2020 г. М., 2020. С. 158–160.
6. Новиков В. В., Москвитина М. М. Социально-психологические причины привлекательности блатной романтики для несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 9. С. 14–18.
7. Распопин Е. В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 7. С. 90–94.
8. Смирнов Л. В., Харламов В. С. Личность постпенитенциарного рецидивиста // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 143–152.

УДК 343.9

Питулько Ксения Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
lokhi@yandex.ru

Сергеева Анжелика Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
anzh-sergeeva@yandex.ru

Система преступлений экстремистской направленности, связанных с проявлениями идеологии нацизма: принципы построения

В статье рассматриваются параметры систематизации криминальных проявлений идеологии нацизма. На основе таких признаков, как целостность, синергичность, эмерджентность, иерархичность, авторами выстроена система, объединенная субординационными и координационными связями, которая может быть востребована в нормотворческой деятельности.

***Ключевые слова:** преступление, систематизация, экстремизм, идеология нацизма, экстремистская деятельность.*

Pitulko Ksenia Viktorovna,
PhD in law, associate professor,
Saint Petersburg' institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Sergeeva Anzhelika Anatolyevna,
PhD in law, associate professor,
Saint Petersburg' institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

The system of extremist crimes related to the manifestations of the ideology of nazism: principles of construction

The article discusses the parameters of systematization of criminal manifestations of the ideology of Nazism. On the basis of such features as integrity, synergy, emergence, hierarchy, the authors have built a system united by subordination and coordination links, which can be in demand in rule-making activities.

***Keywords:** crime, systematization, extremism, ideology of Nazism, extremist activity.*

В основе криминальных проявлений идеологии нацизма лежит сформировавшееся у субъекта мировоззрение, в котором доминируют представления о взаимоотношениях внутри социума, характерные для тоталитарного общества, организованного в соответствии с провозглашенным на государственном уровне признанием национальной исключительности и превосходства одной общности людей над другими. Непосредственно криминальные проявления идеологии нацизма могут заключаться в совершении преступлений экстремистской направленности, сопряженных с посягательством на отдельные этнические, расовые или социальные группы, либо с пропагандой соответствующих идей.

Следует отметить, что учеными уже обращалось внимание на дисбаланс в определении тождества экстремизма и экстремистской деятельности [6, с. 13], вследствие чего сложился компромиссный подход к названным дефинициям. Он заключается в признании экстремизма правовой категорией, включающей в себя установленный перечень противоправных деяний соответствующей направленности, за совершение которых предусмотрен специфический комплекс мер государственного принуждения [3, с. 251–263]. До устранения правовой неопределенности в действующем законодательстве такой подход представляется приемлемым.

Далее необходимо учитывать, что в научной литературе неоднократно предпринимались попытки систематизировать все преступления экстремистской направленности. В связи с этим следует привести основные подходы, которые могут быть полезными для систематизации тех деяний, которые связаны с криминальными проявлениями идеологии нацизма.

Так, С. В. Борисов исходит из того, что в основе признания экстремистской направленности преступления лежит наличие особого мотива, непосредственно указанного в соответствующих статьях Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Согласно такому подходу, преступления экстремистской направленности представляют собой систему уголовно наказуемых деяний, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды к каким-либо социальным группам в связи с их национальной или расовой принадлежностью, идеологией, отношением к религии [2, с. 7–21]. Эта позиция представляется основанной на буквальном толковании положений УК РФ и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Примерно аналогично рассуждает Д. И. Леньшин, разделяя преступления экстремистской направленности на деяния, в которых экстремистский мотив выступает квалифицированным видом другого преступления, и деяния, признаваемые экстремизмом в соответствии с федеральным законом [5, с. 10].

Более широкий подход (С. В. Землюков, Д. П. Потапов) предполагает систематизацию преступлений экстремистской направленности на следующие группы: преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, в составах которых прямо указан экстремистский мотив; преступления, посягающие на иные виды общественных отношений, в составах которых такой мотив прямо указан в качестве квалифицирующего признака; преступления, экстремистская сущность которых прямо следует из текста ст. 1 Фе-

дерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». В рамках этой классификации обособлен состав геноцида (ст. 357 УК РФ) как высшей формы проявления экстремизма [4, с. 132–136]. Недостатком этой классификации представляется отсутствие субординационных и координационных связей внутри выстроенной системы. Иными словами, остается непонятным, какими признаками все названные преступления связаны между собой.

Таким образом, выстроенные учеными системы преступлений экстремистской направленности основаны на социально-философском понимании экстремизма, либо на анализе криминализированных проявлений экстремистской деятельности в Особенной части УК РФ. В целом такой подход может быть востребован при построении системы преступлений экстремистской направленности, связанных с криминальными проявлениями идеологии нацизма, но с некоторыми уточнениями.

Среди свойств систем отмечают целостность, синергичность, эмерджентность, иерархичность [1, с. 170–179]. Каждое из них может быть исследовано на примере системы преступлений экстремистской направленности, связанных с криминальными проявлениями идеологии нацизма.

Целостность связывается с наличием границ, которыми в системе рассматриваемых преступлений являются понятия экстремизма и экстремистской деятельности. Это позволяет разграничить преступления экстремистской направленности, совершенные в сочетании с проявлениями идеологии нацизма, от иных деяний, при совершении которых могут быть установлены похожие признаки (например, проявления т.н. «бытового антисемитизма», немотивированной юдофобии). Кроме того, по признаку целостности может быть уточнена та часть экстремистского мотива, которая основана именно на приверженности субъекта к идеологии нацизма. Например, в 2011 г. в г. Москве были осуждены шестеро уроженцев Кавказа, напавших в вагоне метро на двух молодых людей славянской внешности. Нападение сопровождалось выкрикиванием националистических лозунгов, а сами потерпевшие были сторонниками одного из русских националистических движений (группировка скинхедов «Белые волки»). Действия нападавших были квалифицированы по ст. 213 УК РФ по признаку национальной вражды, т. е. с учетом экстремистского характера преступления. Однако факт проявления идеологии нацизма в данном случае отсутствует, хотя преступление и явилось следствием непримиримого отношения друг к другу молодежных группировок, образованных на национальной почве.

Синергичность – это возможность интеграции отдельных частей в единую систему, благодаря чему возникает возможность их комплексного восприятия. В контексте особенностей преступлений экстремистской направленности, связанных с криминальными проявлениями идеологии нацизма, это означает возможное сочетание в действиях субъекта элементов пропаганды идеологии нацизма, возбуждения ненависти или вражды, призывов к экстремистской деятельности и непосредственного участия в насильственных преступлениях экстремистской направленности. Например, деятельность вышеупомянутой группировки «Белые волки» получила уголовно-правовую оценку и по признакам возбуждения ненависти и вражды, и по фактам совершения нападений на лиц

неславянского происхождения и национальности. О приверженности к идеологии нацизма говорила даже дата создания экстремистского сообщества – день рождения А. Гитлера. Членами сообщества было совершено шесть убийств, при этом в ходе совершения преступления велась видеозапись, которая впоследствии размещалась в открытом доступе в сети Интернет. В данном случае размещение записей с места убийств имело двойное предназначение – распространение идеологии нацизма, а также пропаганда необходимости совершения действий, запечатленных на видеоизображении.

Эмерджентность характеризует несводимость сумм свойств отдельных компонентов системы. Соответственно, в силу этого свойства преступления экстремистской направленности, связанные с проявлениями идеологии нацизма, по характеру и степени общественной опасности могут различаться и – как следует из положений уголовного законодательства – посягать на различные объекты. Кроме того, такие преступления могут сочетаться и с иными деяниями общеуголовной направленности. Так, приговором Московского городского суда в 2022 г. были осуждены лица, признанные виновными в посягательствах на жизнь потерпевших неславянской национальности, а также в завладении их имуществом. О том, что данные преступления одновременно являлись проявлениями идеологии нацизма, можно сделать вывод, исходя из наличия в личных вещах осужденных предметов с нацистской атрибутикой, а также из позиционирования осужденными себя как скинхедов.

Иерархичность подразумевает выстраивание отдельных элементов внутри системы, а также существование определенной надсистемы, частью которой она выступает.

Применительно к рассматриваемым преступлениям можно выделить две таких надсистемы. Первая – надсистема преступлений экстремистской направленности, известных уголовному законодательству России, совершаемых при наличии различных мотивов указанной природы. Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, экстремистский мотив отграничивается от личной неприязни и хулиганских побуждений. Кроме того, преступления экстремистской направленности – с учетом п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ – могут совершаться не только во взаимосвязи с проявлениями идеологии нацизма. В данном случае можно привести следующий пример: в ряде европейских государств (Франция, Германия) в 2014–2015 гг. неоднократно выявлялись случаи осквернения захоронений на еврейских кладбищах, совершенные представителями мусульманского меньшинства по религиозным мотивам. Экстремистская направленность этих действий не вызывает сомнений, но с проявлениями идеологии нацизма они не имеют ничего общего, хотя в ее основе и лежит, в том числе, ненависть к лицам еврейской национальности. Аналогичный случай был выявлен в апреле 2015 г. в Крыму, где было осквернено и разграблено массовое захоронение жертв нацизма, однако эти действия тоже не были связаны с проявлениями идеологии нацизма, а совершались с корыстной целью.

Вторая надсистема, в которой отражается критерий иерархичности, – социальная система, в которой именно эти посягательства характеризуются устойчивой повторяемостью, а равно сочетанием с соответствующими административными

правонарушениями. Таковой выступает молодежная среда, в условиях которой радикальные настроения могут быстро распространяться из-за возрастной внушаемости, стремления к самоутверждению, идеалистических представлений о социальной справедливости и необходимости жизни в четко выстроенной системе координат, прежде всего, связанной с устойчивым общением в группе.

Исходя из того, что экстремизм представляет собой системное социальное явление, преступления экстремистской направленности выступают совокупностью общественно опасных деяний, отражающих его идеологическую (мотивационную), обеспечительную (организационную) и деятельностную составляющую. Например, в 2014 г. городским судом г. Санкт-Петербурга были осуждены к длительным срокам лишения свободы участники националистической группировки «Невоград». Экстремистское сообщество было создано для совершения насильственных преступлений в отношении уроженцев Азии, Африки, Кавказа, а также лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Участники сообщества придерживались взглядов относительно исключительности представителей русской национальности и совершали, по собственным показаниям, расовую и социальную «зачистку».

С учетом изложенного, систему преступлений экстремистской направленности, связанных с криминальными проявлениями идеологии нацизма, можно определить как совокупность общественно опасных деяний, совершаемых лицами, придерживающимися положений идеологии нацизма, направленных на ее пропаганду, утверждение или распространение, искажение сведений или осквернение памяти о Великой Отечественной войне, либо на причинение вреда иным интересам, охраняемым уголовным законом (жизни и здоровью отдельных лиц, общественной безопасности, общественной нравственности, основам конституционного строя и безопасности государства).

При этом преступления экстремистской направленности, совершаемые под влиянием идеологии нацизма, могут быть разделены на несколько групп.

В первую группу следует включить такие составы, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ). Названные деяния составляют идеологическую основу части преступлений экстремистской направленности, совершаемых приверженцами нацистских идей.

Вторая группа преступлений – организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности (ч. 4 ст. 150 УК РФ). Указанные деяния отражают организационный (обеспечительный) компонент, благодаря которому в деятельность экстремистских сообществ, созданных на основе принадлежности их членов к последователям идеологии нацизма, вовлекаются новые субъекты.

И наконец, третья группа преступлений представляет собой различного рода насильственные посягательства, совершаемые при наличии экстремистского мотива, основанного на идеологии нацизма (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111,

п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ). Примечательно, что только преступления, включенные в первую классификационную группу, имеют наиболее тесную связь с криминальными проявлениями идеологии нацизма, тогда как в двух остальных группах такая связь носит, скорее, координационный характер. Оригинальной структурой обладает состав преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ: помимо идеологической основы, в нем отражается и деятельностный аспект, выраженный в осквернении скульптурных, архитектурных или погребальных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агошкова Е. Б., Ахлибинский Б. В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
2. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики : монография. М. : МЮИ, 2010. 213 с.
3. Варанкина Ю. С., Ларичев В. Д., Скудин А. С. Понятие, признаки и сущность экстремизма // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 251–263.
4. Землюков С. В., Потапов Д. П. Статья 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2, Т. 2. С. 132–136.
5. Леньшин Д. И. преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 204 с.
6. Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2009. 216 с.

УДК 343.01

Тихонова Светлана Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
sstikhonova@yandex.ru

К вопросу о необходимости систематизации юридико-технического инструментария, обеспечивающего эффективную реализацию уголовной политики в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества

В статье рассматриваются проблемы терминологической рассогласованности в описании состава и содержания юридико-технического инструментария, как в общей теории права, так и в отраслевой уголовно-правовой науке, проводится анализ возможно-

стей нормативного закрепления (описания) универсальных и отраслевых императивных юридико-технических инструментов, необходимых для создания качественных вторичных (текущих) уголовных законов. Исследование вариантов предупреждения юридико-технических ошибок, заключающихся в игнорировании данных инструментов в процессе вторичного (текущего) уголовного законоотворчества, позволило автору предложить корректировку Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Ключевые слова: законодательная техника, законопроект, законоотворчество, уголовный закон, юридико-техническая ошибка.

Tikhonova Svetlana Sergeevna,
candidate of juridical sciences, associate
professor National Research
Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University
Nizhniy Novgorod, Russian Federation

To the question of the need to systematize legal and technical tools that ensure the effective implementation of criminal policy in the process of secondary (current) criminal lawmaking

The article examines the problems of terminological inconsistency in the description of the composition and content of legal and technical tools, both in the general theory of law and in the branch of criminal law science, analyzes the possibilities of normative consolidation (description) of universal and branch imperative legal and technical tools necessary to create high-quality secondary (current) criminal laws. The study of options for preventing legal and technical errors, consisting in ignoring these tools in the process of secondary (current) criminal lawmaking, allowed the author to propose an adjustment of the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Keywords: legislative technique, draft law, lawmaking, criminal law, legal and technical error.

Известно, что юридическая техника является самостоятельной научно-прикладной отраслью юридических знаний, имеющей предметом своего исследования практико-преобразовательную деятельность по разработке документальных форм правовой регламентации во всех отраслях права. Однако до настоящего времени в отечественной правовой науке не решен вопрос о составе юридико-технического инструментария и о наименовании отдельных типов юридико-технических инструментов, которые рассматриваются, то, как «категории» [17, с. 445–456], то, как «критерии» [10, с. 24], то, как «элементы» [5, с. 25]. Встречается даже упоминание «законов законодательной техники» [16, с.40] и «условий законодательной техники» [13, с. 45]. По-разному толкуется, например, «юридико-технический прием»: то, как «средство достижения прагматического результата» [1, с. 154], когда он совпадает по содержанию с юридико-техническим средством [10, с. 159], то, как «способ построения нормативных предписаний» [8, с. 47], когда он совпадает по содержанию с юридико-техническим способом [4, с. 106] или методом [6, с. 53–54]. В результате многолетней апробации различных юридико-технических способов (методов) в законотворческой практике определяются наиболее оптимальные из них, в связи с чем им присваивается статус *юридико-технической рекомендации* ли-

бо *юридико-технического требования (правила)*. Однако какие из юридико-технических способов (методов) являются рекомендательными, какие – императивными, в настоящее время вопрос, не решенный в отечественной правовой науке однозначно.

Соглашаясь с тем, что «для качественного улучшения уголовного законодательства необходима продуманная законотворческая деятельность» [13, с. 46], без которой невозможна эффективная реализация уголовной политики, нельзя не отметить, что сохраняющаяся до настоящего времени неопределенность юридико-технического инструментария выступает здесь существенным препятствием. Казалось бы, бесспорная истина: «чтобы не допускать ошибки в правотворчестве, законодателю надо прочно усвоить правила законодательной техники» [7, с. 151]. Однако как этого добиться? Где можно ознакомиться с перечнем соответствующих «правил» субъектам законотворческого процесса и всем иным заинтересованным лицам? Поэтому, требуя от законодателя «искусно владеть законодательной техникой» [10, с. 3], отечественная правовая наука должна предложить соответствующий систематизированный инструментарий, в частности, инструментарий вторичного (текущего) уголовного законодательства, включающий как *универсальные* (общие, межотраслевые) инструменты, так и сугубо *отраслевые* (специальные). Кроме того, императивные юридико-технические инструменты следовало бы закрепить (описать) нормативно.

В настоящее время нерешенность нормативного регулирования требований (правил) законотворческой техники признается существенной проблемой, в связи с чем в среде отечественных правоведов продолжается обсуждение вопроса о необходимости принятия «закона о законах» [18, с. 473], предназначенного в том числе для закрепления (описания) императивных юридико-технических инструментов. В 2021 г. группой ученых *Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ* подготовлен инициативный проект данного закона. Однако, в целом поддерживая идею его разработчиков, хотелось бы настоятельно рекомендовать им существенно изменить и дополнить главу 5 [11, с. 44–48], которая призвана раскрыть содержание юридико-технических требований (правил) и принципов, систематизировав весь императивный универсальный юридико-технический инструментарий, а также добавив к нему отраслевой.

Основываясь на диалектической теории познания мира, можно утверждать, что в основе возникновения, существования и развития любых явлений лежат определенные противоречия. Юридико-технический инструментарий отраслевого законодательства не является исключением. Фактически он развивается в диалектическом единстве и борьбе двух универсальных юридико-технических принципов – *принципа экономии текста закона* и *принципа формальной определенности закона*.

Определение приоритетного принципа во многом зависит от мировоззренческих предпочтений субъектов законодательства и представителей науки в текущем периоде. В настоящее время популяризация принципа формальной определенности закона Конституционным Судом РФ приводит к его невольной абсолютизации субъектами законотворческого процесса и представителями на-

учной общественности в ущерб принципу экономии текста закона, не упоминающемуся в решениях данной судебной инстанции. В результате даже императивные юридико-технические инструменты, обеспечивающие реализацию принципа экономии текста закона, в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества просто игнорируются.

Однако принципы экономии текста закона и формальной определенности закона при всей их противоположности не должны приводить к взаимоисключению в практике вторичного (текущего) уголовного законотворчества, каковое с неизбежностью приводит к потере качества принимаемых уголовных законов. Напротив, целесообразно искать юридико-технический инструментарий, в равной мере обеспечивающий реализацию каждого из них. В этой связи целесообразно официальное разъяснение юридико-технического равенства данных универсальных принципов, которое могло бы быть представлено в «законе о законах» вместе с легальной дефиницией каждого из указанных принципов и с описанием системы императивных юридико-технических инструментов низшего уровня, которыми обеспечивается реализация каждого из них.

Игнорирование таких нормативно закрепленных (описанных) систематизированных императивных юридико-технических инструментов в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества можно было бы в перспективе рассматривать в качестве *юридико-технической ошибки* законодателя, требующей скорейшего исправления.

Вопрос о том, возможно ли привлечение субъектов законотворческого процесса к ответственности за законотворческие, в том числе юридико-технические ошибки, продолжает дискутироваться в отечественной правовой науке. Одни ученые отвергают такую возможность [10, с. 11, 85, 87, 100], полагая, что нужно терпеливо дожидаться, «когда законотворческая деятельность будет отвечать самым высоким стандартам правовой культуры» [9, с. 24] («культуры юридической техники» [3, с. 37], «культуры правотворческой деятельности» [12, с. 304]). Другие, напротив, считают, что необходимо разработать механизм «реальной дифференцированной юридической и нравственной ответственности за правотворческие ошибки» [2, с. 93]. Применительно к юридико-техническим ошибкам в уголовно-правовой сфере, скорее, имеет смысл вести речь о разработке алгоритма их предотвращения и исправления в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества в зависимости от обстоятельств их обнаружения.

Обнаружение юридико-технической ошибки на этапе принятия вторичного (текущего) уголовного закона, казалось бы, предполагает возврат законопроекта субъекту права законодательной инициативы для исправления уже в момент его подачи. Однако в действительности выявление юридико-технических ошибок на данном этапе является весьма затруднительным, поскольку требует специальных знаний у проверяющих лиц – проведения экспертизы. Экспертные заключения обязательно поступают на законопроект, но даются они уже на этапе подготовки к рассмотрению законопроекта в первом чтении в соответствии с ч. 2 ст. 112 *Регламенты Государственной Думы Федерального Собрания РФ* (далее – Регламент) [14]. При этом различаются юриди-

ко-техническая и лингвистическая экспертизы, для каждой из которых в п.«б» ч. 3 ст. 112 и ч. 7 ст. 121 Регламента соответственно представлен список вопросов, ставящихся перед экспертами. Согласно действующим положениям *Регламента* заключения экспертов по качеству законопроектов обладают исключительно рекомендательным статусом. Для исправления данного положения, позволяющего игнорировать результаты экспертиз, имело бы смысл внести коррективы и в ч. 6–7 ст. 112 *Регламента*, обязывая субъекта права законодательной инициативы исправлять законопроект с учетом замечаний экспертов.

Обнаружение юридико-технической ошибки на этапе действия кодифицированного уголовного закона – наиболее часто встречающаяся ситуация. Для упорядочения процесса исправления таких ошибок представляется, что в случае возникновения необходимости внесения какого-либо содержательного изменения или дополнения в кодифицированный уголовный закон нормативные предписания, затрагиваемые данным нововведением, должны проходить дополнительную экспертную оценку (речь идет о тех же экспертизах, предусмотренных *Регламентом*) на предмет наличия в них ранее «пропущенных» юридико-технических ошибок, подлежащих попутной юридико-технической «чистке». Закрепление положений о такой «чистке» в *Регламенте* должно привести к постепенной ликвидации юридико-технических ошибок в кодифицированном уголовном законе без ущерба для законодательного процесса.

Предложенная модель правового регулирования, о котором автор настоящего исследования стал писать еще в 2009 г. [15, с. 266], призвана в перспективе исключить юридико-технические ошибки при принятии вторичных (текущих) уголовных законов, без чего невозможна эффективная реализация уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов В. М., Власенко Н. А., Давыдова М. Л. Рецензия на учебное пособие А.С. Григорьева «Юридическая техника» М. : Юрайт, 2020. 183 с. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3(55). С.151–155
2. Баранов В. М. Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 85–100
3. Болдырев С. Н. Правовая культура общества и культура юридической техники // Философия права. 2011. №1. С.36–40
4. Васильев А. В., Догадайко Е. Ю. Теория права и государства в схемах и определениях : учеб. пособие. М. : Изд-во РАГС при Президенте РФ, 2007. 178 с.
5. Голещихин В. С. Юридико-технические дефекты конституционных поправок 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12(133). С. 24–34
6. Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. 208 с.

7. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007. 510 с.
8. Кругликов Л. Л. О понятии законодательной техники в уголовном праве и ее средствах // Проблемы уголовного права и криминологии : материалы выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений РФ, г. Нижний Новгород, 11–14 сентября 2013 г. / отв. ред. Г. О. Петрова. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2013. С. 30–47
9. Лазарева Н. Ю. О некоторых проблемах отечественного уголовного законодательства // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : материалы Всерос. науч.-теор. конф., 19 мая 2017 г., г. Ростов-на-Дону : в 2 ч. / отв. ред. Е. В. Безручко. Ростов н/Д : Изд-во РЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 21–26.
10. Малышева И. В. Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007. 170 с.
11. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во ИЗиСП, 2021. 96 с.
12. Петручак Л. А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование : дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2012. 453 с.
13. Попова С. А., Грузинская Е. И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 43–50.
14. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, утв. постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П (в ред. от 28 февраля 2023 г.). URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 13.03.2023).
15. Тихонова С. С. Интеграция юридического образования и юридико-технической науки как направление повышения качества профессиональной подготовки студентов уголовно-правовой специализации // Проблемы качества юридического образования в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Нижний Новгород, 19–20 ноября 2009 г. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2010. С. 259–269.
16. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. М. : Новый юрист, 1997. 583 с.
17. Чашин А. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Дело и сервис, 2008. 687 с.
18. Червяковский А. В. Закон о нормативных правовых актах как юридическая инновация: опыт России и государств ближнего зарубежья // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 470–474.

УДК 343.231

Хилюта Вадим Владимирович,
доктор юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
tajna@tut.by

Бурак Никита Игоревич,
студент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
burak_nikita@outlook.com

Противоправность как комплексный признак преступления

В статье анализируется противоправность как признак преступления. Постулируется комплексность противоправности. Указывается на то, что противоправность преступления производна от общественной опасности деяния. Делается вывод о том, что противоправность и запрещенность соотносятся как общее и частное. Предлагается замена «состава преступления» на «структуру противоправности», поскольку противоправность формулирует структуру элементов преступления. Авторами указывается на такой неотъемлемый характер преступления, как нарушение объективного права и субъективных прав. Делается вывод о комплексном, объективном и формальном характере противоправности как признака преступления.

***Ключевые слова:** уголовное право, преступление, признаки преступления, противоправность, общественная опасность, запрещенность, состав преступления.*

Khiluta Vadim Vladimirovich
doctor of law, associate professor,
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Burak Nikita Igorevich,
student, Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Illegality as a complex sign of a crime

The article analyzes illegality as a sign of a crime. The complexity of illegality is postulated. It is indicated that the illegality of the crime is derived from the public danger of the act. It is concluded that illegality and prohibition are correlated as general and particular. It is proposed to replace the “corpus delicti” with the “structure of illegality”, since illegality formulates the structure of the elements of the crime. The authors point out such an inherent nature of the crime as the violation of objective law and subjective rights. The conclusion is made about the complex, objective and formal nature of illegality as a sign of a crime.

***Keywords:** criminal law, crime, signs of crime, illegality, public danger, prohibition, corpus delicti.*

Уголовное право – это уникальная отрасль права, регулирующая негативную сторону общественной жизни. Тем не менее, ее важность не нивелируется данным фактом, а наоборот – лишь увеличивается. Оттого насколько точно, лаконично и единообразно и понимаемо сформулирует свою мысль законодатель о том, что есть преступление, зависят не только судьбы отдельно взятых граждан, но и стабильность всего общества в целом. Таким образом, необходимость правильно сформулированного уголовно-правового запрета, а также явлений тесно с ним связанных, неоспорима важна как для общества, так и государства.

Буквальное прочтение признака противоправности указывает на то, что преступлением признается лишь такое деяние, которое прямо запрещено уголовным законом. Часть 1 ст. 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) говорит об этом следующее: «...деяние, запрещенное настоящим Кодексом». Противоправность (противозаконность) – это формальный признак преступления, означающий, что отнесение того или иного деяния к числу преступлений происходит путем принятия соответствующего закона. В этом качестве противоправность представляет собой объективный признак преступления, так как прямым образом отражает соотношение деяния (поведения лица) с правовой нормой.

Следует сказать, что признак противоправности изменчив, и уголовно-правовой запрет во многом зависит от конкретных исторических и социально-экономических условий развития общества, его культурных предпочтениях и ментальным отношением к пониманию права.

Однако противоправность как форма выражения преступления непосредственным образом связана с общественной опасностью (так как ее выражает или формулирует) и нормой уголовного права, запрещающей преступное поведение. В этой связи резонно замечание В. М. Хомича о том, что уголовная противоправность – не формальная юридическая конструкция признаков, посредством которых в уголовном законе деяние определяется как общественно опасное, а материально-правовая (производная из мира человеческих актов поведения и их отражения в законе) система объективных и субъективных признаков, посредством которых идентифицируется и оценивается деяние на предмет конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом [5, с. 217]. Иначе говоря, противоправность устанавливается путем соотнесения признаков общественно опасного деяния с признаками состава преступления, предусмотренного диспозицией уголовно-правовой нормы [4, с. 27].

Противоправность как признак преступления может толковаться как нарушение предписаний иных отраслей права либо же, как нарушение самой уголовно-правовой нормы, в которой и содержатся определенные правила поведения. Отсюда нередко и выводятся различные положения о том, что противоправность предполагает точное описание признаков всех запрещенных в уголовном законе деяний под страхом наказания, включает в себя охранительный и регулятивный механизм уголовного права (преступность устанавливается только уголовным законом и только за деяние человека, а не образ его мыслей; противоправность обеспечивается государственным принуждением; существует также запрет аналогии в уголовном праве). Однако в таком случае противо-

правность характеризует не деяние, а преступление в целом, его объективные и субъективные признаки.

Существуют мнения, сводящие общественную опасность (материальный признак) к формализму, т. е. указание на то, что деянием причиняется вред (или создается таковая угроза) охраняемым законом общественным отношениям [3, с. 32; 2, с. 33]. Мы не согласны с данным тезисом, поскольку общественная опасность не сводится формально к «охраняемым уголовным законом объектам». Ибо общественная опасность деяния может существовать вне закона, однако наносить существенный вред соответствующим общественным отношениям (даже тем, которые еще не охраняются законом). Ввиду этого мы не можем утверждать, что определение общественной опасности начинается в ее конечном результате – законодательном указании. Общественная опасность есть самостоятельный от закона указатель для криминализации деяний.

Общественная опасность есть прообраз противоправности. Законодатель путем эмпирического оценивания общественно опасного деяния криминализует или декриминализует соответствующее поведение (деяние), т. е. придает ему правовой окрас. Таким образом, деяние признается противоправным в силу признания его общественно опасным законодателем, что олицетворяет материально-формальную связь общественной опасности и противоправности как признаков преступления.

Однако нельзя сводить противоправность лишь к законодательному оформлению общественной опасности, т. е. запрещенности общественно опасного деяния, поскольку противоправность представляет собой более широкую уголовно-правовую категорию. Связь общественной опасности и противоправности как признаков преступления можно назвать запрещенностью. Запрет представляет собой лишь законодательное определение того или иного деяния общественно опасным. Противоправность состоит из запрещенности (уголовно-правового запрета), но им не всецело не охватывается.

Таким образом, противоправность как форма преступления непременно связана с общественно опасным поведением, составляющим содержание преступления, и нормой уголовного права, в которой отражается суть запрета. В силу этого противоправность указывает на наличие в конкретной норме уголовного закона объективных и субъективных признаков преступления и описывает их. Противоправность должна в этом случае отображать структуру общественно опасного поведения. Следовательно, отдельные элементы не могут продуцировать общественную опасность, а отображают только объективные и субъективные признаки противоправности. Чтобы стать элементами преступления, они сами должны обрести свойства общественной опасности. С этой точки зрения состав преступления, о котором так часто говорят, характеризует не преступление, а противоправность деяния (поведения лица). Ввиду того, что противоправность выражается в конкретном составе преступления, именно состав преступления и предопределяет содержание уголовной противоправности.

Дело в том, что в отличие от понятия «состав преступления» понятие «преступление» характеризует не его отдельные элементы, а в целом акт преступного поведения, раскрывает его социальную сущность и юридическое зна-

чение. Это означает, что именно противоправность отражает объективные и субъективные признаки преступления, как единственного и достаточного основания уголовной ответственности. Механическое разделение человеческого поведения (поступка) на несвязанные между собой элементы фактически ведет к противопоставлению деяния и личности. Уголовно-правовой запрет эклектически содержит в себе описание объективных и субъективных признаков преступления.

По той причине, что именно противоправность описывает элементы общественно опасного деяния, нам представляется разумным указывать не на «состав преступления», поскольку преступление есть единый акт преступного поведения, а на «структуру противоправности». Абсолютно все элементы, которые сегодня именуется признаками преступления не образуют эфемерный «состав», а образуют единую структуру, позволяющую признать или нет деяние противоправным, а значит и преступным.

Таким образом, противоправность как признак преступления эклектически включает в себя описание элементов общественно опасного деяния, запрещенного законодателем. Описание элементов такого деяния следует именовать «структура противоправности».

Некоторые авторы указывают на то, что понятие преступления необходимо изложить как *виновное совершение общественно опасного деяния, признаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному УК* [1, с. 1340–1341]. Мы не согласны с данным тезисом, поскольку состав преступления не описывает преступление в целом как акт – он описывает его отдельные элементы. Сам факт соответствия деяния, предусмотренного УК составу преступления, не дает во всех случаях результат в виде уголовной ответственности. Противоправность понятие более широкое, нежели состав преступления.

Противоправность не охватывается одним лишь уголовным законом – она также указывает и на нарушение иных правовых норм. К задачам УК относятся охрана общественных отношений, указанных в УК, от преступных посягательств. Сам факт того, что определенные общественные отношения подпадают под правовую защиту, свидетельствует об их трансформации в правоотношения. Также факт правовой охраны общественных отношений уголовным законом не нивелирует возможности их правового регулирования иными актами законодательства. Таким образом, противоправность указывает также и на то, что преступлением нарушается не только уголовно-правовой запрет, но и иное объективное право, о чем свидетельствует наличие бланкетных норм в уголовном законе.

Преступлением всегда нарушается чье-либо субъективное право. Так, лицо, чьим субъективным правам нанесен вред, признается потерпевшим. Конечно, бывают преступления, где явно неизвестно какому лицу или лицам причинен вред, т. е. не выделяется потерпевший или потерпевшие, но это не означает, что его или их нет вообще, поскольку любым преступлением нарушается право целого общества и каждого отдельного гражданина в частности. Так, например, по уголовным делам об экологических преступлениях обычно не привлекаются потерпевшие, но это не значит, что их нет. Экологические преступления нару-

шают субъективное право каждого на благоприятную окружающую среду. Конечно, данный момент явно не выделяется, но, тем не менее, о нем не следует забывать. Таким образом, преступлением всегда нарушаются чьи-либо субъективные права, а оттого можно сказать, что противоправность несет в себе также и указание о нарушении данных субъективных прав преступлением.

Подводя итог, отметим, что противоправность содержит в себе выражение воли законодателя о закреплении общественно опасного деяния таковым в уголовном законе. Однако противоправность не сводится лишь к одному уголовно-правовому запрету, т. е. признаку запрещенности. Запрещенность является неотъемлемым элементом противоправности, олицетворяющим древнеримский принцип *nullum crimen, sine lege*. Состав преступления – это эфемерное образование. Все элементы преступления тесно связаны между собой, а также обозначены формальным образом, т. е. в уголовном законе, что позволяет говорить о наличии не «состава преступления», а именно «структуры противоправности». Любое преступление посягает на объективное право, поскольку уголовным законом лишь охраняются общественные отношения, в то время как они могут регулироваться иными нормативно-правовыми актами, о чем свидетельствует наличие бланкетных норм в Особенной части УК. Нельзя забывать, что преступление посягает и на субъективные права даже тогда, когда это невозможно понять эмпирически. Таким образом, нами утверждается, что противоправность – это комплексный, объективный и формальный признак преступления, который призван не только на уровне уголовного закона, но и иных актов законодательства, содержательно раскрыть признаки преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванчин А. В. Состав преступления как воплощение признака уголовной противоправности // *Lex Russica (Русский закон)*. 2012. Т. 71, № 6. С. 1331–1341.
2. Нешатаев В. Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020. № 1. С. 27–32.
3. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избранные лекции. М., 2010. 276 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12, № 1. С. 70–81.
5. Хомич В. М. Преступление, а не состав преступления есть основание уголовной ответственности // *Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. Международн. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26–27 сентября 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]*. Новополюцк, 2019. Т. 1. С. 209–223.

УДК 343.45

Хохлова Елена Васильевна,
аспирант, Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
khokhlova1975@bk.ru

К вопросу об общедоступности персональных данных для цели применения статьи 137 УК РФ

Работа подготовлена под научным руководством канд. юрид. наук, доцента М. Н. Урда в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Раскрываются проблемы понимания персональных данных как общедоступной информации в целях правильной квалификации их сбора или распространения в контексте ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» УК РФ. Показана различная юридическая оценка использования персональных данных, размещенных в сети «Интернет» их обладателем или с его согласия. Исследуется понятийный аппарат, характеризующий открытую информацию в целях формирования единообразного правоприменения по делам о преступлениях, связанных с персональными данными. Предложена в качестве теоретического положения презумпция согласия на сбор и иное использование сделанных общедоступными персональных данных, кроме случаев их распространения.

Ключевые слова: *персональные данные, общедоступность, открытый доступ, общедоступные источники персональных данных, тайна, социальные сети, судебная практика.*

Khokhlova Elena Vasilyevna,
graduate student, Southwest State University
Kursk, Russian Federation

On the issue of public availability of personal data

The problems of understanding personal data as publicly available information are disclosed in order to correctly qualify their collection or distribution in the context of Art. 137 “Violation of privacy” of the Criminal Code of the Russian Federation. A different legal assessment of the use of personal data posted on the Internet by their owner or with his consent is shown. A conceptual apparatus is being investigated that characterizes open information in order to form uniform law enforcement in cases of crimes related to personal data. Proposed as a theoretical provision is the presumption of consent to the collection and other use of personal data made publicly available, except for the cases of their distribution.

Keywords: *personal data, public availability, open access, publicly available sources of personal data, mystery, social media, judicial practice.*

В условиях стремительного развития информационных технологий в центре внимания ученых находится вопрос о том, становятся ли персональные данные, размещенные на сайтах или в социальных сетях самим их обладателем или по его воле, общедоступными, и в каких случаях сохранность тайны личных данных в интернет-ресурсах нарушена противоправно. Как показывает ус-

тоявшаяся судебная практика, сбор или распространение чужих персональных данных квалифицируется по ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» УК РФ. Условия их ненаказуемости разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)». Он указал, что не может повлечь уголовную ответственность соби́рание или распространение о частной жизни гражданина в случаях, если сведения *«ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле»* [7].

Наукой же эти условия, исключаящие уголовную ответственность, трактуются различно: имеются несколько подходов к юридической оценке деяний, совершенных в отношении персональных данных, сделанных общедоступными. Так, по мнению С. А. Стяжкиной, если доступ к информации не ограничен, нет никаких препятствий к ознакомлению с ней, то и лицо не может осознавать противозаконность своих действий [16, с. 540]. Согласен с таким выводом и В. Л. Новиков [3, с. 44]. Другие авторы принимают во внимание способы защиты обнародованных персональных данных. Например, Н. И. Пикуров предлагает использовать пароль для входа в качестве критерия отсутствия согласия лица на использование его персональных данных, размещенных на онлайн площадках. Его взлом «указывает на то, что взломщик осознает, что получает доступ к информации о частной жизни, которая охраняется потерпевшим от доступа третьих лиц» [11, с. 53].

Правоприменительной практикой термину «общедоступность» также придается разный, взаимоисключающий смысл. Примером служит решение Арзамасского городского суда Нижегородской области по иску К. к АО «ФОРУС Банк» об уничтожении персональных данных и взыскании компенсации морального вреда. Суд не принял доводы ответчика о том, что согласие пользователя на обработку общедоступных персональных данных в любых не противоречащих закону целях не требуется, поскольку информация с телефонным номером размещена самим истцом в сети Интернет на общедоступных сайтах. В мотивировочной части он сослался на то, что «телефонный номер истца был размещен в сети Интернет в целях оказания юридических услуг, в то время как ответчик воспользовался персональными данными истца с другой целью, что требует его согласия» [12]. Апелляционным определением Нижегородский областной суд отказал в удовлетворении жалобы ответчика на тех же основаниях [1]. Напротив, Московский районный суд г. Твери, отказывая в удовлетворении иска со ссылкой на п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», указал, что информация, размещаемая ее обладателями в сети Интернет является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных. По мнению суда, общедоступными являются и персональные данные, полученные из официальной Картотеки Арбитражных Дел «Арбитр». Отсюда их получение ответчиком из открытых интернет-источников не требует согласия истца [13]. Текст приведенных судебных решений с очевидностью свидетельствует, что в одних случаях соци-

альные сети и другие интернет-ресурсы признаются общедоступными, что не требует согласия пользователя на обработку персональных данных из них, а в других – общедоступность не признается.

Для уяснения категории общедоступности следует проанализировать синонимичные понятия, характеризующие свободный доступ к персональным данным, и только после этого давать юридическую оценку позиции судов. В трудах по праву и в законодательстве активным применением в отношении персональных данных отличаются *следующие термины*:

1. «*Открытый доступ*» (англ. *open access*). В международном праве он впервые упоминается на конференции Будапештской инициативы свободного доступа в 2002 г. применительно к научным исследованиям в сети Интернет (книги, статьи, диссертации и проч.). В ее Декларации открытый доступ определяется как «открытые для всех публикации в Интернете, которые можно читать, разгружать, копировать, распространять, распечатывать, находить или присоединять к полным текстам соответствующих статей, использовать для составления указателей, вводить их как данные в программное обеспечение или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических преград, за исключением тех, которые регулируют доступ к собственно Интернету» [2]. Иначе говоря, открытый доступ к научно-исследовательским публикациям в сети Интернет разрешает их любое использование со ссылкой на автора, за исключением внесения изменений в чужие работы;

2. *Общедоступная информация*, которая по закону делится на две группы: общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен (ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 29.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], далее – Закон об информации). Исходя из понимания общеизвестности, ею будет обладать информация, известная широкому кругу лиц, и доступная для ознакомления в общедоступных и проверяемых источниках (данные государственной статистики, сведения о научных открытиях и др.). А потому она может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных законом ограничений в отношении распространения такой информации (ч. 2 ст. 7 Закона об информации). Комментируя эту норму, Л. К. Терещенко определяет режим общедоступной информации как максимально возможную свободу не только доступа, но и использования информации [17, с. 17]. А. И. Савельев отмечает, что она устанавливает презумпцию открытости информации: любая информация, кроме той, к которой ограничен доступ, является общедоступной. А значит «любое лицо без указания причин и целей может получать такую информацию и использовать по своему усмотрению, с соблюдением установленных законом ограничений на ее распространение» [15, с. 53]. Очевидно, что общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен, не могут быть приравнены к персональным данным;

3. *Общедоступная информация, размещаемая в форме открытых данных* (ч. 4 ст. 7 Закона об информации). Концепция открытых данных тесно связана с идеей открытого правительства, прозрачность деятельности которого обеспе-

чивается информационно-телекоммуникационными технологиями в целях взаимодействия с населением, для ознакомления и последующего использования информации заинтересованными лицами. Открытыми данными признается, например, информация, создаваемая и аккумулируемая государственными органами и органами местного самоуправления о своей деятельности (Минфин, МВД, Росстат и др.), размещаемая в сети Интернет в формате, допускающем ее последующую обработку без вмешательства человека [10]. Правительством РФ определяется перечень информации, которая подлежит размещению в форме открытых данных [8]. Ссылаясь на ч. 4 ст. 7 Закона об информации, М. А. Рожкова верно отмечает, что общедоступная информация, размещаемая в форме открытых данных, является разновидностью общедоступных данных, которую выделяет то, что она размещена в сети Интернет [14];

4. *Общедоступные источники персональных данных* (ст. 8 Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных», далее – ФЗ № 152 [4]). По замыслу законодателя, к ним относятся справочники, адресные книги, открытые любому человеку, и создаваемые по инициативе оператора, а не в силу обязанности по закону раскрыть или опубликовать определенную информацию (как в случае с открытыми данными). В прежней редакции ФЗ № 152 для обозначения этих ресурсов применялся термин «общедоступные персональные данные», определяемый как «персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен с согласия субъекта персональных данных либо на которые в соответствии с федеральными законами не распространяется требование соблюдения конфиденциальности». После внесения поправок произошла его замена на «общедоступные источники персональных данных». Исходя из смысла, заложенного в эту норму, речь идет, к примеру, о справочнике работников учреждения и т. п. в целях информационного обеспечения трудовой деятельности, однако она не действует в отношении их персональных данных, не связанных с работой. В ст. 8 ФЗ № 152 оговаривается, что фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии могут включаться в них с письменного согласия их владельца, и он же является источником иных персональных данных, на что однозначно указывает слово «сообщаемые».

5. *Персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения*. Этот новый термин, применяемый в значении общедоступной информации, был дефинирован в 2020 г. в подпункте 1.1 ст. 3 ФЗ № 152 [5]. Персональные данные, разрешенные их субъектом для распространения – это персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в порядке, предусмотренном ФЗ № 152. В пояснительной записке к законопроекту внесение поправок объяснялось необходимостью ограничения неконтролируемого использования персональных данных человека, размещенных им на сайтах и в других открытых источниках. По мысли депутатов, это касается случаев распространения чужих персональных данных «в целях, отличных от цели их первоначального распространения, а равно с ориентиром на

иные целевые аудитории» [6]. Согласно новой статье 10.1 ФЗ № 152 оператор персональных данных для их распространения (например, размещение на сайте компании) обязан получить отдельное от иных согласие (ранее он мог распространять персональные данные (публиковать или передавать третьим лицам) при письменном согласии владельца ПД на их обработку). Если обладатель персональных данных дал свое согласие только на обработку его данных, то оператор может их хранить, уточнять, использовать и др., но не наделен правом передавать кому-либо еще (п. 4 ст. 10.1 ФЗ № 152), за исключением государственных структур (военкомат, полиция, Следственный комитет, ФНС, ФСС, ПФР и т. д.).

Проанализировав содержание терминов, думается, что размещение любой личной информации в социальных сетях, на сайтах объявлений, знакомств предполагает, что пользователь свободно, своей волей и в своем интересе выражает согласие на то, что они доступны для сбора и ознакомления неопределенным кругом лиц. Он же отвечает за безопасность своих персональных данных, поскольку сам выбирает условия доступа к своей личной странице и решает, какие сведения о себе и кому он желает продемонстрировать. Режим приватности (закрытый профиль) своей страницы с персональными данными, установление пароля и другое ограничение доступа к ней будут подтверждать желание субъекта личных данных сохранять их конфиденциальность. Отсюда для вменения вины в совершении преступления правоприменителю следует руководствоваться презумпцией согласия на ознакомление и сбор чужих персональных данных, обнаруженных самим их обладателем или по его воле и находящимся в свободном доступе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 11.10.2016 по делу № 33-12355/2016. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/26195/ (дата обращения: 04.02.2023).

2. Декларация Будапештской инициативы «Открытый доступ». URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/translations/russian-translation> (дата обращения: 24.12.2022).

3. Новиков В. Л. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.

4. О персональных данных : Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451; Рос. газета. 2022. 20 июля.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» : Федер. закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ // Рос. газета. 2021. 11 янв.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» в части установления особенностей обработки общедоступных персональных данных» : пояснительная записка к проекту федерального закона № 1057337-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057337-7> (дата обращения: 19.01.2023).

7. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ УК РФ)» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

8. О Перечнях информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети Интернет в форме открытых данных : распоряжение Правительства РФ от 10.07.2013 № 1187-р // Справочно-правовая система «Гарант».

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 29.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Рос. газета. 2006. 29 июля; Рос. газета. 2023. 9 янв.

10. Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных : постановление Правительства РФ от 10.07.2013 № 583 (ред. от 10.11.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (часть II), ст. 4107; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 8027.

11. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.

12. Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 14.06.2016 по делу № 2-2307/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YTC0pcVgf4o8/> (дата обращения: 04.02.2023).

13. Решение Московского районного суда г. Твери от 18.07.2018 по делу № 2-1265/18. URL: <https://судебныерешения.рф/34454176> (дата обращения: 24.10.2022).

14. Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» – что это такое и как они между собой связаны? // Закон. ру. 2021. 13 янв.

15. Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М. : Статут, 2015. 318 с.

16. Стяжкина С. А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2019. № 29. С. 538–544.

17. Терещенко Л. К. Правовой режим информации. М. : Юриспруденция, 2007. 54 с.

Ярошенко Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
судья, Нижегородский областной суд
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
olga.yaroshenko.74@bk.ru

Особенности уголовной политики Российской Федерации в сфере преступлений против общественной нравственности

В статье рассмотрены уголовно-правовые аспекты характеризующие понятие и значение уголовной политики в сфере преступлений против общественной нравственности на современном этапе. Автором сформулированы концептуальные принципы уголовной политики с учетом новых реалий общества, а именно законность, равенство граждан перед законом, справедливость, гуманизм, неотвратимость уголовной ответственности. Предполагается, что уголовная политика имеет место только там, где действует уголовное законодательство, однако развитие общества и происходящие в нем современные процессы существенно меняют вектор регулируемых правоотношений. Результативность правоохранительной деятельности на современном этапе напрямую зависит от состояния и эффективности нормативных правовых актов, определяющих уголовную политику в государстве в целом и возможности регулирования конкретных правоотношений, к которым относится общественная нравственность.

Ключевые слова: уголовная политика, защита прав и свобод граждан, государственная политика, нравственность.

Yaroshenko Olga Nikolaevna,
PhD in law, associate professor,
judge, Nizhny Novgorod regional court
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Features of the criminal policy of the Russian Federation in the field of crimes against public morality.

The article deals with criminal law aspects characterizing the concept and significance of criminal policy in the field of crimes against public morality at the present stage. The author formulated the conceptual principles of criminal policy, taking into account the new realities of society, namely the rule of law, equality of citizens before the law, justice, humanism, the inevitability of criminal liability. It is assumed that criminal policy takes place only where criminal legislation is in force, however, the development of society and the modern processes taking place in it significantly change the vector of regulated legal relations. The effectiveness of law enforcement at the present stage directly depends on the state and effectiveness of regulatory legal acts that determine criminal policy in the state as a whole and the possibility of regulating specific legal relations, which include public morality.

Keywords: criminal policy, protection of the rights and freedoms of citizens, state policy, morality.

На современном этапе большинство проблем правоохранительной деятельности связаны с содержанием и правовым значением уголовной политики. Следует отметить, что под уголовной политикой понимается определенная государственная политика (доктрина) борьбы с преступностью, выраженная в соответствующих директивных актах и законах, а также это научная теория и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний представляющий особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям [1].

Хочется отметить, что в настоящее время российская уголовная политика является индивидуальной и самобытной и ей приходится развиваться независимо от влияния недружественных ей стран.

Полагаем, что ключевыми направлениями уголовно-правовой политики России следует признать активизацию национального механизма противодействия деятельности террористических и экстремистских организаций, направленную на расширение международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом и экстремизмом и повышение эффективности мер по защите прав российских граждан за рубежом [2].

Представляется неоспоримым тот факт, что достижениями научно-технического прогресса пользуются не только законопослушные граждане, но и криминальная часть общества. С развитием науки, современных технологических возможностей, кибер преступности, возникновением новых средств и способов совершения преступлений преступность стала принимать, больше латентный характер.

Достойным противодействием современной преступности может стать усиление составляющей роли современной уголовной политики, развитие и совершенствование науки и правоохранительной деятельности.

На современном этапе реализация общих целей уголовной политики должна быть нацелена на обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью и на достижение минимизации уровня социальной напряженности в обществе. Важным является, что успешность уголовной политики в государстве предполагает снижение числа заключенных, сокращение рецидивной преступности, уменьшение экономических издержек сдерживания преступности с одновременным повышением уровня защиты прав и интересов пострадавших от преступления лиц.

В целях реализации уголовной политики с учетом требований правовой определенности и правовой стабильности на законодательном уровне следует зафиксировать не допускающие расширительного толкования признаки и границы поведения, признаваемого преступным; обеспечить адекватность уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии современной преступности; гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечить их безопасность, создать условия для максимально полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд, компенсацию причиненного преступлением вреда; модернизировать систему уголовно-правовых последствий совершения

преступления с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социальных и превентивных задач; достичь качественного улучшения реального состояния преступности, в том числе снижения объема и уровня общественной опасности отдельных ее видов (террористической, организованной, насильственной, корыстной, преступности несовершеннолетних).

Выполнение указанных целей возможно благодаря обновлению источников федеральной правовой базы и совершенствованию системы правоохранительных органов, осуществляющих обязанности по противодействию преступности, создания условий для более успешной реализации их полномочий и компетенции, а также осуществления современных методик деятельности, направленных на повышение эффективности их деятельности и обеспечение взаимодействия и координации. Также необходимо всячески способствовать усилению мотивации участия граждан в оказании содействия правоохранительным органам в реализации правоохранительной деятельности и противодействии преступности.

Многие положения и принципы уголовной политики распространяются и на преступления против общественной нравственности, с учетом специфики их совершения, уголовно-правовой квалификации, ответственности и основных направлений противодействия таких преступлений.

Следует отметить, что преступления против общественной нравственности, это общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, посягающие на состояние физического, психического и социального благополучия граждан и на принятые в обществе правила поведения человека, основанные на идеалах добра, долга, чести и совести.

Объектом преступлений против общественной нравственности предусмотренных ст. 240, 241, 242 и 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную нравственность в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества [3].

В сфере регулирования общественных отношений обеспечивающих общественную нравственность основными направлениями уголовной политики, выступают следующие:

- законодательная разработка и практическая реализация норм уголовного закона в сфере защиты общественной нравственности и личной свободы человека;

- регулирование общественных отношений обеспечивающих безопасность физического, психического и социального благополучия и уголовно-правовой охраны прав и свобод граждан в обществе;

- толкование уголовно-правовых норм и выработка основных положений и особенностей квалификации преступлений против общественной нравственности в целях совершенствования уголовного законодательства регулирующего данную сферу правоотношений;

- криминологическая характеристика, количественный и качественный уровень преступности в сфере общественной нравственности;

– проблемы и уголовно-правовые аспекты противодействия вовлечения в занятие проституцией, получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, организации занятия проституцией, незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов, незаконного изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, использования несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов;

– исследование уголовно-правовых аспектов и формулирование предложений, направленных на совершение уголовного законодательства об ответственности за преступления против общественной нравственности;

– на законодательном уровне определение ключевых правовых понятий: «сексуальные действия с зависимыми лицами», «содействие занятию проституцией», «сексуальные домогательства», «созращение несовершеннолетних», «сутенерство», «детская порнография», «вовлечение заведомо несовершеннолетнего в порнобизнес», «угроза нравственности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста»;

– установление способов и мер по предупреждению преступлений против общественной нравственности.

Данные направления уголовной политики тесно взаимосвязаны с правильной и точной квалификацией норм закона. Невозможно не согласиться, что неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм [4].

Уголовная политика представляет собой, отношение власти, государства к преступности. Главный вопрос, что является преступлением, а что нет, какое наказание должно быть определено за это или за другое преступление [5].

Такие вопросы являются наиболее распространенными в условиях развития общественных отношений и возникновения новых видов угроз в обществе. Актуальное значение приобретают на современном этапе поиск адекватных средств уголовно-правовой охраны общественной нравственности, а именно физического, психического и социального благополучия граждан в обществе.

При таких обстоятельствах именно уголовный закон является самым чувствительным к изменению функций государства, который неразрывно связан с уголовным процессом, оперативно-розыскной деятельностью, регулирующей порядок реализации норм материального права. Так, например на основании ФЗ № 78 от 18.03.2023 внесены изменения в ст. 199, 198 УК РФ в части санкции за совершение данных преступлений, в п. 7 ст. 24 УПК РФ установлены новые основания для отказа от возбуждения уголовного дела и прекращения дела, в случае уплаты в полном объеме суммы недоимки, суммы штрафа определяемых законодательством о налогах и сборах. Положения ФЗ № 88 от 18.03.2023 установили уголовную ответственность по ст. 189 УК РФ за незаконный экспорт из РФ и передачу товаров или технологий военной техники, незаконное выполнение работ, либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль и многие другие положения уголовного закона.

Уголовно-правовая политика является важным элементом государственной политики и в значительной мере ее характеризует. Кроме того, она выступает в качестве исключительного регулятора общественных отношений и играет важную роль в наиболее ответственные, переломные периоды функционирования государства, когда на первый план выдвигаются отдельные направления его деятельности.

В настоящее время приоритетными для государства становятся укрепление Вооруженных Сил и повышение их боеготовности, но невозможно не обращать внимание на физическую безопасность граждан, их психическое, нравственное и социальное благополучие.

Для полноценного функционирования уголовной политики в стране необходимо взаимодействие всех органов власти в целях разрешения ключевых проблем правоохранительной деятельности. Важным звеном является теоретическая и научная база, которая не может быть отдельно от правоприменительной практики. Также это внесение предложений по совершенствованию уголовно, уголовно-процессуального закона регулирующих данные общественные отношения, создание алгоритмов квалификации конкретных противоправных деяний, выработка правил разграничения конкретных групп преступлений между собой и отграничения от иных преступлений против личности, предложение мер общесоциального и криминологического характера направленных на предупреждение преступлений против общественной нравственности.

Считаем, что решение актуальных проблем правоохранительной деятельности на современном этапе, это не просто их осмысление и понимание, это конкретная работа всех действующих институтов уголовного процесса. Правовой механизм реализации уголовной политики должен функционировать с учетом прогнозирования реальных и возможных рисков и угроз национальной безопасности, включая изменения состояния, структуры и динамики преступности, уголовная политика должна качественно реагировать на происходящие изменения, в том числе посредством совершенствования уголовно-правовых норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. 2-е изд. М., 2004. С. 303.
2. Ярошенко О. Н. Правовая модель противодействия терроризму: направления развития. // Вопросы российского международного права. 2019. Т. 9. С. 171–178.
3. Нудель С. Л. Категория «нравственность» в контексте задач уголовного законодательства // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 53–60.
4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 137–138.
5. Александров А. И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 35.

УДК 343.72

Божко Екатерина Николаевна,
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
lkatyabozhko@mail.ru

Думкин Егор Семенович,
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
egor3000pro@mail.ru

Уманец Вера Сергеевна,
старший преподаватель, кандидат юридических наук,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация
verasergeevna8@rambler.ru

Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемы квалификации и предупреждения

В статье рассматривается мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемы квалификации и предупреждения. Необходимо выяснить причину увеличения преступлений ст. 159.3 УК РФ, проблему квалификации данного состава преступления, рассмотреть практику решений и расследований уголовных дел данной категории преступлений, а также воспроизвести план действий, способствующих не стать жертвой мошенников.

***Ключевые слова:** мошенничество, использование электронных средств платежа, хищение денежных средств.*

Bozhko Ekaterina Nikolaevna,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Dumkin Egor Semenovich,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Umanets Vera Sergeevna,
senior lecturer, Ph. D. Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Fraud using electronic means of payment: problems of qualification and prevention

The article deals with fraud using electronic means of payment: problems of qualification and prevention. It is necessary to find out the reason for the increase in crimes of Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the problem of qualification of this corpus delicti, to consider the practice of solving and investigating criminal cases of this category of crimes, as well as to reproduce an action plan that helps not to become a victim of fraudsters.

Keywords: *fraud, use of electronic means of payment, theft of funds.*

XXI век – это век цифровых и информационных технологий, способствующих усовершенствованию каждого государства. К сожалению, вместе со всеми сферами деятельности развиваются и преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. С каждым годом мошенничество с использованием электронных средств платежа только увеличивается, о чем свидетельствует статистика и анализ Центрального Банка РФ за 2022 год [4, с. 3]. Российская Федерация установила за прошедший год рекорд по переводам денежных средств мошенникам в размере 14 миллиардов рублей, что является значительной суммой для нашего государства. Однако стоит уточнить, что жертвам банковских преступников удалось вернуть лишь около 620 миллионов рублей, хотя в 2021 году вернули 920 миллионов рублей, что приводит в недоумение и возмущение.

На практике возникают трудности квалификации преступлений с использованием электронных средств платежа: п. «г» ч. 3 ст. 158 УК и ст. 159.3 УК РФ, однако разъяснения Верховного суда Российской Федерации способствуют законному и обоснованному вынесению решения всех нижестоящих судов. В 2020 году судебная коллегия Восьмого кассационного суда общей юрисдикции изменила приговор Свердловского областного суда от 2 апреля 2018 г. по делу № 22-2232/2018 [2, с. 7], где преступление осужденного Ф., связанные с хищением имущества ФИО, было переквалифицировано с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Ф, тайно завладел банковской картой ФИО с целью хищения денежных средств с банковского счета, несколько раз осуществлял расчет в кафе и магазинах, производя операции по списанию денежных средств, принадлежащих ФИО, в результате чего сумма похищенного составила 9310 рублей 90 копеек. Позже Верховный суд РФ в своем определении обозначил, что данной деяние стоит расценивать как кража с банковского счета, в отношении электронных денежных средств, и речи о мошенничестве в данном составе преступления быть не может. Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В случае мошенничества, с одной стороны преступник приобретает имущество потерпевшего, обманывая его, а другой – собственник имущества на добровольной основе передает свое имущество [1, с. 96–98]. Соответственно, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, когда виновное лицо использует электронные средства платежа одновременно с обманом или злоупотреблением доверия человека с умыслом списания денежных средств со счета потерпевшего, его действия будут квалифицированы по ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Если же происходит оплата бесконтактным способом путем умолчания информации о незаконном владении платежной картой или иным

средством платежа, то деяние подлежит квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [5, с. 60–63].

К причинам возрастания преступлений по ст. 159.3 следует относить:

- правовую неграмотность граждан, самой уязвимой категорией населения являются пожилые люди;
- высокий уровень профессиональной подготовки мошенников;
- эмоциональную неустойчивость, страх и панику;
- усовершенствование и появление новых способов обмана граждан.

В нашем государстве около 100 миллионов граждан являются клиентами Сбербанка в связи с этим данный российский финансовый конгломерат активно оказывает помощь в борьбе с мошенниками: находит надежные способы решения такой глобальной проблемы и при необходимости оказывает экстренную помощь гражданам, анализируя как можно больше преступлений с незаконным завладением денежных средств. Например, в личном кабинете «Онлайн Сбербанк» появилась графа «Безопасность» где гражданам предоставляется информация для борьбы с мошенниками: как не дать себя обмануть, что делать если ввели в заблуждение, где встречаются мошенники и т. д. Также популярна операция по «заморозению» личного счета клиента в связи подозрительными операциями, хотя порой их совершает именно владелец электронной карты денежных средств, но работники Сбербанка стали более бдительными и всячески стараются оградить граждан от преступлений, поэтому предпринимаются такие меры. Как известно мошенники совершают преступные деяния в отношении электронных средств платежа различными способами, список которых с каждым годом только увеличивается: собирают всю информацию о владельцах электронных карт, а после звонят и предлагают финансовую помощь, трудоустройство или иную услугу, являющуюся актуальной для гражданина, предоставляют вредоносные ссылки пользователям сети «Интернет», чтобы в дальнейшем получить доступ к логину и паролю, входят в доверие к гражданам и получают все необходимые данные карты: номер карты, дата выпуска, имя и фамилия пользователя, а также трехзначный CVC-код и т. д. Соответственно имеется цель- завладеть электронным средством платежа, путем соблюдения четкой стратегии: обманом путем, заблуждением войти в доверие к человеку и реализовать задуманное деяние. Нельзя ответить однозначно откуда мошенники могут получать информацию о гражданах РФ, одна из версий была опубликована в источниках СМИ, об неоднократной утечке данных клиентов из Сбербанков преступникам, и спустя некоторое время эти сведения действительно подтвердились. На сегодняшний день банки, после успешного устранения всплесков атак на серверы, уверенно гарантируют конфиденциальность информации о каждом обратившемся к ним гражданине, но сомнения у населения по этому поводу закрадываются до сих пор.

Несмотря на все способы защиты граждан от мошенничества, необходимо тщательно информировать общество о плане действий, если они стали жертвами мошенников:

- не поддаваться панике и стараться рационально оценить ситуацию;

- не сообщать неизвестным лицам личную информацию по телефону или в сети «Интернет», касаясь электронных карт, паролей, логинов, кодов и т. д.;
- если с вами связался «представитель банка», являющийся на самом деле мошенником, то старайтесь минимизировать диалог и как можно скорее узнать цель звонка, и если подозрительный разговор будет касаться вашего банковского счета, карт и т. д., то лучше обратитесь в ближайший, чтобы получить достоверную информацию о персональной проблеме;
- если вы осознали, что стали жертвой мошенников, как можно быстрее обратитесь в банк и орган внутренних дел.

Такие преступления, как мошенничество с использованием электронных средств платежа, во многих регионах, к сожалению, остаются не раскрытыми в связи с определенными обстоятельствами: недостаточная техническая оснащенность органов внутренних дел, профессионализм маскировки преступников в данной сфере, слишком позднее обращение граждан в соответствующий орган власти о совершившихся преступлениях и т. д. По этой причине пострадавшим не возвращаются их украденные денежные средства, но в 2023 году В. В. Путин поручил кабинету министров и Центральному Банку РФ в ближайшее время разработать специальный механизм, который позволит всем жертвам мошенничества иметь право на денежную компенсацию в размере украденной суммы [3, с. 1].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что количество преступлений по ст. 159.3 УК РФ только возрастают и к тому же увеличиваются виды данных деяний, но в государстве начинают приниматься и реализовываться различные меры, обеспечивающие безопасность общества, и при необходимости планируется возвращать все похищенные денежные средства потерпевшим, что будет являться некой гарантией государства для каждого обратившегося гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзюменко Р. И Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа // Молодой ученый. 2022. № 3. С. 94–96.
2. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2020 г. по делу № 77-38/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=10589#y1545YT69SB9rnJx> (дата обращения: 7.03.2023).
3. В. В. Путин поручил создать механизм выплаты компенсаций жертвам мошенников. URL: <https://turbo.ria.ru/20230113/kompensatsii-1844633897.html> (дата обращения: 7.03.2023).
4. Россияне сдали мошенникам рекордные 14 млрд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/15/63eb5da89a794701b759621f> (дата обращения: 7.03.2023).
5. Степанова М. А., Царёв Е. В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемы квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2022. № 3. С. 60–63.

УДК 343.7

Ена Полина Денисовна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
polinaena483@gmail.com

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы квалификации действий лица, совершившего кражу безналичных денежных средств

В статье анализируется законодательство Российской Федерации, а также рассматриваются отдельные дискуссионные аспекты составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. На основании проводимых исследований, предлагаются пути разрешения рассмотренных несогласований и изменения некоторых положений действующего уголовного законодательства, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против собственности.

Ключевые слова: кража, хищение, мошенничество, Уголовный кодекс Российской Федерации, квалификация, ущерб, банковская карта.

Ena Polina Denisovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor, head of the department of criminal
law disciplines, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of qualification of actions of the person who committed the theft of non-cash funds

The article analyzes the legislation of the Russian Federation, as well as examines certain debatable aspects of the corpus delicti provided for in paragraph “d” of part 3 of article 158 of the Criminal code of the Russian Federation and Article 159.3 of the Criminal code of the Russian Federation. On the basis of the research, it is proposed ways to resolve the considered inconsistencies and change some provisions of the current criminal legislation establishing criminal liability for crimes against property.

Keywords: theft, embezzlement, fraud, the Criminal Code of the Russian Federation.

В настоящее время достаточно распространенным является расчет безналичными денежными средствами, с использованием телекоммуникационных технологий, что не осталось без внимания преступников, которые различными способами похищают денежные средства со счетов собственников. В связи с участившимися случаями таких хищений законодатель принял дополнительные меры уголовно-правовой охраны денежных средств, хранящихся на банковских счетах, а также электронных денежных средств. Одним из таких новшеств стало введение в часть 3 статьи 158 УК РФ пункта «г» в следующей редакции: «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ настоящего Кодекса)»[1].

Таким образом законодатель, под угрозой уголовного наказания запретил совершать кражу с банковского счета, а также электронные денежные средства. Как мы видим из законодательной формулировки данной нормы, законодатель указал правоприменителю на необходимость разграничения таких составов как кража средств с банковских счетов, а также электронных денежных средств от преступления, запрещенного статьей 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» [1] при квалификации действий виновного лица, совершившего хищение безналичных денежных средств.

Актуальность исследования названного в заголовке вопроса обуславливается наличием затруднений при осуществлении квалификации деяний, совпадающих с признаками хищения безналичных денежных средств, совершаемых с использованием современных инновационных технологий, внедряемых в современную финансово-кредитную сферу. отечественной экономики, активное эксплуатирование преступным элементом, совершающим посягательства на имущество физических и юридических лиц на принципиально новой основе, а именно на высокотехнологичной основе.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в главу 21 внесены изменения. В частности, часть 3 статьи 158 УК РФ дополнилась новым квалифицирующим признаком, запрещающим кражу денежных средств с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. При этом законодатель указал на некоторое исключение, заключающееся в том, что это деяние станет таковым «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ настоящего Кодекса». Внося в часть 3 статьи 158 данное дополнение законодатель внес изменения и в часть 1 статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Анализ текстов пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ и части 1 статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации указывает на их схожесть между собой. К совпадающим признакам анализируемых составов преступлений мы относим: единство объекта преступления, совпадение, в некоторой степени, признаков предмета преступного посягательства, а также характеристика их субъективной стороны, где вина проявляется в форме прямого умысла.

В анализируемых составах преступлений родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленного зако-

ном порядка осуществления экономической деятельности, а также функционирование экономики, связанные с ее финансово-кредитной сферой. При анализе видового объекта анализируемых преступлений мы также наблюдаем совпадение, т. е. это общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны права собственности по владению, пользованию и распоряжению им. Непосредственным объектом как кражи с банковского счета, так и мошенничества с использованием электронных средств платежа вступают общественные отношения в сфере охраны права собственности конкретного лица на свободное владение, пользование и распоряжение собственным имуществом или имуществом находящемся в правомерном владении, пользовании и распоряжении им.

Предметом преступного посягательства, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются электронные денежные средства и денежные средства, размещенные на банковском счете. Предметом мошенничества, совершаемого с использованием платежных карт, с учетом действующей на сегодняшний день редакции ст. 159³ УК РФ, следует признавать только безналичные денежные средства, находящиеся на банковском счете держателя карты. Именно безналичные денежные средства обладают всеми признаками предмета в преступлениях против собственности. Из чего мы можем сделать вывод, что помимо непосредственного объекта данные составы схожи и по предмету преступного посягательства.

Как мы указали выше, в перечисленных составах преступления совпадают признаки субъективной стороны, характеризующиеся виной в форме прямого умысла, когда виновное лицо осознает общественную опасность своего противоправного поведения, предвидит неизбежность уменьшения наличного фонда денежных средств, содержащихся на банковском счету у собственника и желает наступления такого уменьшения наличного фонда денежных средств.

Отличие признаков субъекта указанных в состав является возраст привлечения к уголовной ответственности в силу ч. 2 ст. 20 УК РФ за совершение кражи к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее ко времени совершения преступлений четырнадцатилетнего возраста, в то время как за мошенничество с использованием электронных средств платежа уголовная ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста.

Однако, как нам представляется, основным критерием разграничения кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничества с использованием электронных средств платежа, как форм хищения чужого имущества, является объективная сторона этих преступлений, а именно в способах их совершения. Как можно видеть из диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ способом совершения кражи является тайное хищение чужого имущества, следовательно, способом совершения деяния, запрещенного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ будет тайное хищение чужих денежных средств с банковского счета, а равно аналогичное деяние, совершенное в отношении этих средств, но, как указал законодатель, данное деяние будет считаться кражей при условии, что в нем будут отсутствовать признаки мошенничества с использованием средств платежа, запрещенного ч. 1 ст. 159³ УК РФ. Для определения способов совершения мошенничества нам необходимо обратиться

к диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, где указано, что «мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием», следовательно, способ совершения анализируемого нами мошенничества заключается в хищении чужого имущества или в приобретении права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием электронных средств платежа.

На первый взгляд, разница между каждым из анализируемых составов преступлений очевидна и проблем при квалификации возникать не должно. Однако, как нам представляется, не все так однозначно и просто. Так, согласно разъяснениям, приведенным в п. 25.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следует, что «Тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [3].

По пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ квалифицируются действия лица и в том случае, когда оно тайно похитило денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства, использовав необходимую для получения доступа к ним конфиденциальную информацию владельца денежных средств (например, персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольную информацию, пароли).

При анализе текста данного постановления мы не обнаружили разъяснений, касающихся отграничения данного вида кражи от мошенничества с использованием электронных средств платежа. Мы не обнаружили такого разъяснения и при анализе постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где Высшая судебная инстанция нашего государства приводя, в пунктах 2 и 3, общие разъяснения, относящиеся к совершению мошенничества путем обмана и путем злоупотребления доверием, фактически ничего не говорит о квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа, т. е. высшая судебная инстанция Российской Федерации не дает никаких специальных разъяснений по разграничению анализируемых нами составов преступлений [4].

Подводя итог сказанному и на основании проведенного нами исследования, мы приходим к выводу, что в изученных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации отсутствуют четкие рекомендации нижестоящим судам по отграничению кражи денежных средств с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств от мошенничества с использованием электронных средств платежа, что, по нашему мнению, является упущением, требующим своего устранения.

Подробное изучение уголовно правовой характеристики составов преступлений, обозначенных законодателем в п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ

обуславливает наш вывод о том, что кража денежных средств с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств является самостоятельным составом преступления, который следует исключить из положений ст. 158 УК РФ, а Уголовный кодекс Российской Федерации дополнить новой статьей 158.2 «Кража с использованием информационных технологий», содержание которой мы предлагаем изложить в следующей редакции:

«Статья. 158.2 Кража с использованием информационных технологий

1. Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса) –,

наказывается штрафом в размере до ста пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шестнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот часов, либо исправительными работами на срок до полутора лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

2. Кража, предусмотренная частью 1, совершенная:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с причинением крупного ущерба гражданину –,

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. Кража, предусмотренная частью 1 и 2, совершенная:

а) должностным лицом, сотрудником банка;

б) в особо крупном размере –,

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

Примечание. 1. Годовое обслуживание карты, расценивать как сумму ущерба, если уже выплачена полная стоимость, но не менее 1000 рублей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2023). URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3e3dca/ (дата обращения: 14.04.2023).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения: 14.04.2023).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26106/> (дата обращения: 14.04.2023).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 24.05.2023).

УДК 343.54

Жердев Вадим Анатольевич,
студент, Российский государственный
университет туризма и сервиса
г. Пушкино, Российская Федерация
vadimzerdev4194@gmail.com

Кузьмина Ангелина Игоревна,
студент, Российский государственный
университет туризма и сервиса
г. Пушкино, Российская Федерация
gelyaka2020@gmail.com

Паршин Николай Михайлович,
доцент, Российский государственный
университет туризма и сервиса
г. Пушкино, Российская Федерация
n.m.parshin@yandex.ru

Уголовно-правовая характеристика насильственных половых преступлений

В статье проведен обзорный анализ уголовного законодательства, устанавливающий уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Дается понятие полового преступления, приводится анализ уголовно-правовых норм, которые обеспечивают охрану половой свободы личности. Рассматривается и разбирается состав статей уголовного кодекса Российской Федерации, которые посвящены насильственным половым преступлениям. В статье поднимается проблема совершения половых преступлений, предлагаются и обосновываются пути и спо-

события решения данной проблемы, приводятся методы борьбы с насильственными половыми преступлениями.

Ключевые слова: половое преступление, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, состав преступления.

Zherdev Vadim Anatolyevich,
student, Russian State University
of tourism and service
Pushkino, Russian Federation

Kuzmina Angelina Igorevna,
student, Russian State University
of tourism and service
Pushkino, Russian Federation

Parshin Nikolay Mikhailovich,
associate professor, Russian State University
of tourism and service
Pushkino, Russian Federation

Criminal and legal characteristics of violent sexual crimes

The article provides an overview analysis of criminal legislation establishing criminal liability for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. The concept of sexual crime is given, the analysis of criminal law norms that ensure the protection of sexual freedom of the individual is given. The composition of articles of the Criminal code of the Russian Federation, which are devoted to violent sexual crimes, is considered and analyzed. The article raises the problem of committing sexual crimes, suggests and justifies ways and means of solving this problem, provides methods of combating violent sexual crimes.

Keywords: sexual crime, rape, violent acts of a sexual nature, compulsion to sexual acts, corpus delicti.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит главу 18 под названием «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», в которую входит пять статей. В них перечислены так называемые половые преступления, для которых характерны такие общие черты, как прямой умысел, необязательность сексуального мотива, субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее в зависимости от деяния четырнадцати, шестнадцати и восемнадцати лет, а также объект посягательства – половая свобода личности и половая неприкосновенность. Конкретного определения этих преступлений нет, однако разные ученые юристы давали свои разъяснения по поводу этого термина. Так, например, по мнению А. В. Корнеевой, это «умышленные действия против охраняемых уголовным законом половой неприкосновенности и половой свободы, а также нравственного и физического развития несовершеннолетних и причиняющие вред конкретным лично-

стям» [3, с. 81]. Данное понятие наиболее полно описывает половые преступления, однако стоит отметить и признак общественной опасности деяния.

Что же такое половая неприкосновенность и половая свобода? Оба определения, хотя и не имеют четкого пояснения, защищаются Конституцией РФ. Половая неприкосновенность – обеспеченные с правовой точки зрения безопасность от сексуального посягательства и запрещенность совершения интимных деяний в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Половая свобода же относится к восемнадцатилетним половозрелым людям и означает безопасный выбор партнера, а именно право невмешательства в интимную сферу личности, самостоятельного и добровольного решения вопроса о любовнике, о форме сексуальных отношений.

Половые преступления можно разделить в зависимости от нескольких критериев, однако в статье обратимся к классификации по способу посягательства – насильственные и ненасильственные – и рассмотрим именно первый вид.

Насильственные половые преступления являются одними из самых тяжелых форм преступлений. Они являются травматическими и влияют на здоровье жертвы, вызывая чувство стыда, ущемления и депрессивного настроения, при этом нанося вред не только ей, но и обществу в целом. Принято считать, что к таким преступлениям относятся статьи 131, 132 и 133, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и понуждение к действиям сексуального характера, соответственно. Все эти положения прямо связаны с насилием – поведением, которое может причинять физический, эмоциональный или психологический вред другому человеку в различных областях жизни, включая домашнюю среду, общественную сферу и мирную жизнь. Всемирная организация здравоохранения определяет насилие как «преднамеренное действительное или в виде угрозы применение физической силы или власти, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины» [2, с. 5].

Согласно ст. 131 УК РФ изнасилование – это половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [4, с. 59]. Из определения следует, что объективной стороной данного преступления является вступление в половую связь вопреки желанию и с применением насилия.

Уголовная ответственность наступает в случаях, когда подобная угроза является как средство для преодоления сопротивления со стороны потерпевшего и если у него были основания бояться осуществления этой угрозы.

Потерпевшим может быть только лицо женского пола. При изнасиловании совершеннолетней женщины основным объектом преступления является ее половая свобода. При изнасиловании малолетней, несовершеннолетней или находившейся в беспомощном состоянии объектом преступления является половая неприкосновенность.

Квалифицирующие признаки указаны в ч. 2, 3, 4 статьи 131, а именно: преступление, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также совершенное с особой жестокостью

по отношению к потерпевшей или к другим лицам; повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием; несовершеннолетней; повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия; повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей; потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста [4, ст. 131].

Статья 132 устанавливает ответственность за такие деяния, как:

1. Мужеложство, под которым понимается насильственный сексуальный контакт между мужчинами;
2. Лесбиянство, подразумевающее интимную связь между женщинами с применением насилия;
3. Иные насильственные действия сексуального характера к потерпевшей/потерпевшему, означающие удовлетворение половой потребности посредством принудительного воздействия, не характеризующегося как соитие;
4. Иные насильственные действия сексуального характера к другим лицам;
5. С использованием беспомощного состояния жертвы.

Эти деяния как раз-таки формируют объективную сторону преступления, где объектом являются половая неприкосновенность и свобода личности, сформированный уклад в интимной сфере, нравственное развитие потерпевшего. Главная разница между статьями 131 и 132 в том, что в первом случае говорится о мужчине как субъекте при естественном половом сношении с женщиной, а во втором – о лицах любого пола, достигших 14 лет, при имитации полового сношения или других различных формах удовлетворения половой страсти. Основным состав данного преступления считается оконченным в момент начала сексуального контакта – формальный. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки такие же, как и в предыдущей статье.

Объективная сторона преступления, указанного в статье 133, заключается в понуждении к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера посредством шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или другой зависимости потерпевших лиц. Понуждение подразумевает под собой совершенное как в устной, так и в письменной форме, выраженное как в действиях, так и в бездействии, прямое или косвенное психическое воздействие на потерпевшего, чтобы он согласился на вступление в сексуальный контакт, независимо от его воли. При этом данное преступление не охватывает воздействие силой на жертву. Шантаж – это угроза раскрыть тайну, скрытую информацию. «Утрата имущества должна существенно затрагивать материальные интересы потерпевших лиц, чтобы выступить в качестве серьезного побуждающего фактора при разрешении вопроса о нежелательном для них сексуальном контакте» [1, с. 28]. К иной зависимости можно отнести отношения студента и преподавателя.

Состав считается оконченным с момента выражения требования совершить насильственные действия. А субъектом является лицо мужского или женского пола, достигшее 16 лет.

К квалифицирующим признакам преступления относится то же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (ч. 2 ст. 133 УК РФ).

Стоит отметить, что не относятся к преступлениям действия, совершенные с лицом, согласившимся на вступление в контакт добровольно, либо путем обмана или злоупотребления доверием.

В настоящее время проблема совершения половых преступлений особенно актуальна. Одним из путей решения данной проблемы является развитие и использование технологий, благодаря которым государственные органы смогут анализировать образцы поведения, профили и данные правонарушителей, чтобы определить потенциальных преступников, что в будущем поможет предотвратить сексуальные преступления. Еще одним немаловажным способом является использование образовательных программ, которые повысят осведомленность граждан о текущих проблемах половых преступлений, ведь большая часть преступлений происходит из-за низкого просвещения населения. Это создаст безопасную зону как для взрослых, так и для детей. Введение изменений в законодательстве – один из самых эффективных методов борьбы с преступностью. Новые нормативно-правовые акты, положения ужесточат наказание для преступников в области половой свободы личности и уменьшат их доступ к жертвам. А сеансы групповой терапии, направленные на лечение травмы лиц, столкнувшихся с половыми преступлениями, помогут им вернуться к повседневной жизни. Данные способы помогут в превенции преступлений и сделают общество более безопасным.

В целом, насильственное половое преступление является очень тяжелой проблемой, которая нуждается в серьезном внимании общества и правоохранительных органов. Необходимы соответствующие действия по защите жертв, не только на законодательном уровне, но и в общественном сознании, чтобы избежать повторения таких тяжелых преступлений в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова О. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Уголовное право. 2014. № 5. С. 28.
2. Насилие и его влияние на здоровье : доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Круга. М., 2003. 349 с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1999. 544 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2023). Ст. 131. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3e3dca/ (дата обращения: 24.04.2023).

УДК 343.851.5

Иванова Елена Сергеевна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник прокурора города Костромы, старший преподаватель
кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

Профилактическое значение Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей

В статье рассматриваются ключевые особенности организации деятельности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Указываются категории лиц, помещаемые в данные учреждения и сроки их содержания. Уточняется круг задач ЦВСНП и формы профилактического воздействия. Делается вывод о возможности повышения эффективности деятельности ЦВСНП путем расширения задач ЦВСНП, увеличения круга лиц, помещаемых в ЦВСНП, осуществления комплексной работы с несовершеннолетними и их родителями, совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ЦВСНП.

Ключевые слова: *центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, несовершеннолетние правонарушители, профилактика правонарушений.*

Ivanova Elena Sergeevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant prosecutor of the city of Kostroma,
senior lecturer of the department of judicial
and law enforcement activities of the law,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Preventive value of the temporary detention center for juvenile offenders

The article considers the key features of the organization of activities of temporary detention centers for juvenile offenders. The categories of persons placed in these institutions and the terms of their detention are indicated. The range of tasks of the TDCFJO and forms of preventive action are specified. It is concluded that it is possible to increase the efficiency of the TDCFJO by expanding the tasks of the TDCFJO, increasing the circle of persons placed in the TDCFJO, carrying out

comprehensive work with minors and their parents, and improving the professional training of the TDCFJO employees.

Keywords: *temporary detention centers for juvenile offenders, juvenile offenders, crime prevention.*

В 2020 году количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в Российской Федерации, составило 203 898 человек, в 2021 году – 198 900, в 2022 году – 170 458 человек. В 2020 году было выявлено 33 575 несовершеннолетних, совершивших преступления, 2021 году – 29 126 несовершеннолетних, в 2022 году – 26 305 несовершеннолетних [10]. Как мы можем видеть, численность несовершеннолетних правонарушителей в последние годы стабильно снижается.

В настоящее время профилактика правонарушений несовершеннолетних является одной из важнейших задач органов исполнительной власти и местного самоуправления. Проблемами несовершеннолетних в Российской Федерации занимается целый ряд органов и учреждений, одними из которых являются Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП).

ЦВСНП являются структурными подразделениями территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях. В соответствии с Инструкцией по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей основными задачами ЦВСНП являются:

- обеспечение круглосуточного приема и временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений;

- проведение индивидуальной профилактической работы с доставленными несовершеннолетними, выявление среди них лиц, причастных к совершению преступлений и общественно опасных деяний, а также установление обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению, информирование об этом соответствующих органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений.

- доставление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществление в пределах своей компетенции других мер по устройству несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП [9].

В ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» перечислены категории лиц, которые могут быть помещены в ЦВСНП. К ним относятся несовершеннолетние:

- направляемые по приговору или решению суда в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

- временно ожидающие рассмотрения судом вопроса о помещении их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

- самовольно ушедшие из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;
- совершившие правонарушение или преступление до достижения установленного законом возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность при наличии установленных законом обстоятельств;
- совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность в установленных законом случаях [7].

Основаниями помещения несовершеннолетних в ЦВСНП могут быть только приговор или решение суда. Материалы о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП рассматриваются судом с участием несовершеннолетнего, его родителей (законных представителей), адвоката, прокурора, представителей ЦВСНП или представителей подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. В рассмотрении материалов также могут участвовать представители комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и органа опеки и попечительства [7].

Срок содержания несовершеннолетних в ЦВСНП не может превышать 30 суток, и лишь в исключительных случаях этот срок может быть продлен решением суда еще на 15 суток [7]. Отдельные категории несовершеннолетних могут быть помещены в ЦВСНП на срок до 48 часов на основании постановления руководителя органа внутренних дел или уполномоченного сотрудника [8].

В 2020 году в ЦВСНП Российской Федерации содержалось 8390 несовершеннолетних, в 2021 году число таких несовершеннолетних возросло до 9127, а в 2022 году – до 9542 человек. В ЦВСНП УМВД России по Костромской области в 2020 году содержалось 43 несовершеннолетних, а в 2021 и 2022 годах – по 44 несовершеннолетних, при том, что ЦВСНП рассчитан на одновременный прием 20 человек [5]. Исходя из этого можно сделать вывод, что возможности ЦВСНП не используются в полном объеме.

Очень часто суды не удовлетворяют ходатайства органов внутренних дел о помещении несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП.

М. Ю. Семенец отмечает, что отчасти проблемы помещения несовершеннолетних в ЦВСНП связаны с отсутствием единой судебной практики по данному вопросу, субъективной позицией отдельных судей о помещении в центры подростков, имеющих стойкое противоправное поведение [11, с. 61]. Многие исследователи сходятся во мнении, что основной причиной отказов является субъективное мнение судебного корпуса о ЦВСНП как о следственном изоляторе ФСИН, либо изоляторе временного содержания ОВД. Так, А. А. Толкаченко считает помещение несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП «по существу уголовно-правовой репрессией» [12, с. 87]. О. Н. Жидковская и Л. М. Трофимов отмечают, что аналогичный взгляд о ЦВСНП, как о месте отбывания наказания, сформировался и у некоторых представителей органов системы профилактики (КДН и ЗП, опеки и попечительства), данная мера воспитательного воздействия является для них исключительной [13, с. 61].

Вместе с тем, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» относит ЦВСНП

к учреждениям системы превенции [7]. Организация профилактической и воспитательной работы нацелена на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений подростками, развитие положительных склонностей и интересов, реабилитацию личности подростка, приобретение нравственного опыта, а также формирование новых положительных знаний, умений, навыков, приобщение к учебе и труду.

Сотрудники ЦВСНП проводят как общепрофилактическую, так и индивидуальную работу, которая включает в себя правовое, патриотическое, духовно-нравственное воспитание, проведение мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, развитие творческих способностей. Для этого используются такие формы, как лекции, беседы с воспитанниками на правовую и нравственную тематику, показ телепередач и видеофильмов, разъяснение законодательства, приглашение представителей прокуратуры и суда для выступления перед несовершеннолетними [14, с. 167–168].

Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними проводится с учетом возраста, поведения, общественной опасности ранее совершенных правонарушений, а также других обстоятельств, имеющих значение для применения эффективных мер профилактического воздействия.

В деятельности ЦВСНП немаловажная роль должна отводиться психологическому сопровождению несовершеннолетних. С целью коррекции девиантного поведения несовершеннолетних, снятия психологического напряжения, возникшего в результате помещения подростков в ЦВСНП, формирования навыков и умений, способствующих более эффективной адаптации в социуме и коррекции самооценки могут использоваться методы развития воображения, мышления, арт-терапии, психосинтеза, игровой терапии, гештальт-терапии и др. [6, с. 311].

Мы полностью согласны с мнением А. К. Дубровина, что главная особенность деятельности ЦВСНП заключается в применении восстановительного подхода, выступающего альтернативой карательного. Для успешной реализации восстановительного подхода необходимо проводить всестороннюю аналитическую работу, позволяющую определить, в каких условиях рос и развивался ребенок; проводить работу с подростком и его семьей, направленную на подготовку к принятию сложившихся условий и осознанию наличия проблемной ситуации, а также осуществлять совместный поиск ключевых путей выхода из нее [3, с. 167].

Важным фактом успешности профилактической работы, проводимой сотрудниками ЦВСНП является срок содержания несовершеннолетнего в ЦВСНП. Ж. Д. Яценко отмечая важное значение срока, в течение которого несовершеннолетние находятся в ЦВСНП, для получения положительного результата, который хотелось бы видеть после нахождения несовершеннолетнего в ЦВСНП, обращает внимание на то, что суды при решении вопроса о помещении стараются этот срок максимально сократить, а это значит, что несовершеннолетний находится в ЦВСНП минимально короткий срок, не позволяющий проводить профилактическую работу надлежащим образом и в полном объеме

[14, с. 168]. Л. С. Буторина считает, что суд в своем решении должен ограничиваться формулировкой до 30 суток, поскольку принять решение о том, отпали или нет основания содержания несовершеннолетнего в ЦВСНП, могут должностные лица центра, непосредственно осуществляющие с подростком профилактическую работу, с учетом его личности [2, с. 168].

Многие исследователи сходятся во мнении, что возможности ЦВСНП как субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних используются не в полной мере. Так, А. А. Беженцев считает, что деятельность ЦВСНП вполне может быть углублена и расширена: кроме работы с подростками-делинквентами, уже совершившими общественно вредное деяние, она может включать работу с безнадзорными – вероятными потенциальными правонарушителями в будущем [1, с. 25].

Расширение круга лиц, помещаемых в ЦВСНП, предлагалось в проекте федерального закона № 679268-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел», внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания 17 декабря 2014 года. Предлагалось внести изменения, предусматривающие помещение в ЦВСНП в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетних, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой, средней тяжести или тяжких преступлений, за исключением преступлений, указанных в части пятой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Законопроектом также предлагалось установить минимальный возраст, с которого возможно помещение несовершеннолетних в ЦВСНП – 9 лет. Однако законопроект после многолетнего рассмотрения и внесения поправок был окончательно отклонен 21 июля 2020 года [4].

Таким образом, помещение несовершеннолетнего правонарушителя в ЦВСНП и проведение с ним всесторонней профилактической работы, дает возможность для несовершеннолетнего встать на путь исправления, осознав противоправность своего поведения, вернуться к законопослушной жизни. Расширение задач ЦВСНП, увеличение круга лиц, помещаемых в ЦВСНП, комплексная работа с несовершеннолетними и их родителями, совершенствование профессиональной подготовки сотрудников ЦВСНП позволит снизить преступность несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беженцев А. А. Административная деятельность центров временного содержания органов внутренних дел для несовершеннолетних правонарушителей: значение для правоохранительной практики // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1(3). С. 22–27.

2. Буторина Л. С. Некоторые проблемы административно-правового регулирования помещения несовершеннолетних правонарушителей в центры вре-

менного содержания и пути его совершенствования // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12(55). С. 166–169.

3. Дубровин А. К. Особенности организации деятельности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей по предупреждению повторных преступлений со стороны несовершеннолетних // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 6, № 10. С. 165–168.

4. Законопроект № 679268-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/679268-6> (дата обращения: 15.04.2023).

5. Количество беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, выявленных сотрудниками подразделений органов внутренних дел по работе с несовершеннолетними // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Официальные статистические показатели. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36183> (дата обращения: 15.04.2023).

6. Мироненкова О. Л. Деятельность центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 8–10 октября 2019 года / под ред. Коврова В. В. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 309–312.

7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 : текст с изменениями и дополнениями на 21 ноября 2022 года : принят Государственной Думой 21 мая 1999 года : одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2023).

8. Об утверждении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановление о помещении несовершеннолетних на срок до 48 часов в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел : Приказ МВД России от 09.04.2013 № 198 : текст с изменениями и дополнениями на 25 июня 2019 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2023).

9. О мерах по совершенствованию деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел : Приказ МВД РФ от 02.04.2004 № 215 : текст с изменениями и дополнениями на 30 августа 2006 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2023).

10. Содержалось несовершеннолетних в ЦВСНП (количество) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Официальные статистические показатели. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36203> (дата обращения: 15.04.2023).

11. Семенец М. Ю. Историко-правовой аспект особенностей правового регулирования деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 8 ноября 2016 г.). Рязань : РРОО ССАМ «Созвездие», 2016. С. 58–62.

12. Толкаченко А. А. Межотраслевые аспекты современной уголовной политики // Российское правосудие. 2015. № 3. С. 74–81.

13. Трофимов Л. М., Жидконожкина О. Н. Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних с использованием возможностей центров содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2017. № 4. С. 40–44.

14. Яценко Ж. Д. О профилактической деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы полицейского права : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск, 2021. С. 166–168.

УДК 343.97

Коврижных Кристина Андреевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
christinakovrizhnykh28@gmail.com

Ветошкина Екатерина Дмитриевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Волго-Вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
science@msalkirov.ru

Детерминанты насильственной преступности

Данная научная статья исследует детерминанты насильственной преступности, определяя основные факторы, влияющие на ее возникновение и распространение. В статье рассматриваются результаты эмпирических исследований, проведенных в России, и анализируются связи между демографическими факторами, такими как возраст, пол и социальный статус, и насильственной преступностью. Авторы также рассматривают влияние социальных институтов, таких как образование, семья и массовая культура, на формирование мировоззрения и поведения людей.

Ключевые слова: *насильственная преступность, детерминанты, социально-экономические детерминанты, социально-психологические детерминанты, культурно-нравственные детерминанты.*

Kovrizhnykh Christina Andreevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Vetoshkina Ekaterina Dmitrievna,
associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Determinants of violent crime

This scientific article explores the determinants of violent crime, identifying the main factors influencing its occurrence and spread. The article examines the results of empirical studies conducted in Russia and analyzes the relationship between demographic factors, such as age, gender and social status, and violent crime. The authors also consider the influence of social institutions, such as education, family and mass culture, on the formation of people's worldview and behavior.

Keywords: *violent crime, determinants, socio-economic determinants, socio-psychological determinants, cultural and moral determinants.*

Насильственная преступность является одной из наиболее серьезных и опасных проблем в современном обществе. Она наносит вред не только жертвам, но и обществу в целом, вызывая чувство беспокойства, тревоги и неуверенности в своей безопасности. В свете этого, изучение детерминантов насильственной преступности является важной задачей для криминологии и социологии. В ней, как в фокусе, соединяются элементы экономики и социальной психологии, юриспруденции и политики, научной теории и социальной практики [5, с. 44].

Детерминанты представляют собой факторы, которые могут повлиять на вероятность совершения насильственных преступлений. Они включают в себя социальные, психологические, экономические, культурные и другие аспекты, которые могут быть связаны с преступностью. Изучение этих факторов помогает понять причины насильственной преступности и разработать эффективные стратегии для ее предотвращения и борьбы. В данной статье мы рассмотрим основные детерминанты насильственной преступности и их влияние на вероятность совершения насильственных преступлений.

Насильственная преступность, как и любой другой вид преступности, носит социальный характер, т. е. порождается в первую очередь общественными отношениями. Негативные проявления в жизни общества являются направляющим фактором поведения людей и складываются из межличностных, семейных, бытовых и других отношений, связанных в первую очередь с уровнем жизни членов общества, поэтому социально-экономические факторы играют основополагающее значение в детерминировании насильственной преступности.

Социально-экономические детерминанты насильственной преступности связаны:

- с ухудшением или стагнацией уровня жизни населения; (до 10,5 % жителей страны находятся за чертой бедности);
- процессами расслоения в обществе и увеличением разрыва между богатыми и бедными, что подтверждается отсутствием постоянного источника доходов у 55–60 % насильственных преступников [1, с. 147];
- социальной незащищенностью значительной части населения;
- негативными тенденциями в брачно-семейных отношениях (утрата ценности института брака и семьи);
- развитием миграционных процессов [3, с. 2];
- проблемами в финансировании и реализации государственных программ в области социальной политики (спорта культуры, образования, поддержки малообеспеченных слоев населения и т. п.);
- ухудшением качества гуманитарного образования, недостаточной развитостью и доступностью досуговой сферы, в том числе спортивной, и т. п.

Эти факторы усиливают психическое напряжение в обществе влекут общий упадок общественных отношений.

Определенной спецификой, применительно к насильственной преступности, обладает комплекс социально-психологических детерминант, который проявляется в негативных изменениях общественной психологии, порожденных углубляющейся криминализацией. Данные изменения выражаются в следующих явлениях:

- повышенный порог терпимости в обществе к проявлениям насилия, которые стали расцениваться как обыденные события, не вызывающие должной реакции со стороны государства и, следовательно, вполне допустимые;
- наличие психологической напряженности в обществе;
- недоверие к органам власти;
- повышенный уровень агрессии и нетерпимости;
- неуверенность в завтрашнем дне [2, с. 27].

Так, исследователи отметили рост домашнего насилия в период режима самоизоляции, введенного в связи с пандемией COVID-19 в апреле 2020 г.

Культурно-нравственные детерминанты насильственной преступности отмечаются серьезными деформациями в духовно-нравственной сфере значительной части населения, обусловленных разрушением системы правового и нравственного воспитания и проявляются:

- с преобладанием эгоистических ориентиров в жизнедеятельности;
- недостатками культурно-нравственного и морального воспитания в семье, воспитательных, спортивных и образовательных учреждениях;
- формированием и пропагандой культа силы и культа насилия в произведениях массовой культуры (в художественных фильмах и других произведениях), медиапространстве (в сетевых компьютерных играх, сообществах социальных сетей и других интернет-приложениях и т. п.);

- наличием длительных традиций насилия (государственного, общественного, семенного и т. п.);
- поддержании и развитии отрицательных традиций (пьянство, распущенность, грубость, агрессивность и т. п.) в неформальных группах, а также в учебных и трудовых коллективах [4, с. 447];
- распространением идеалов субкультуры преступного мира (например, молодежная криминальная субкультура АУЕ) и др.

Изучая организационное управление, следует отметить что они проявляются в недостатках правоохранительной деятельности и это является одним из ведущих факторов детерминации насильственной преступности.

Среди организационно-управленческих причин и условий насильственной преступности можно выделить:

- недостатки в профилактической деятельности правоохранительных органов;
- упразднение или существенную утрату авторитета системы общественного контроля, включающего товарищеские суды и народные дружины, сложности в развитии служб медиации, социальной помощи и поддержки населения;
- несоответствием реальной нагрузки разработанным рекомендациям и положениям;
- кадровый голод;
- недостатки в организации технических систем безопасности и т. п.

Все это приводит к низкой эффективности работы правоохранительных органов, а у населения – чувства незащищенности и стремления противостоять преступности самостоятельно [1, с. 148].

Из детерминант правового характера следует выделить, прежде всего:

- чрезмерную бюрократизацию правовой сферы, способствующую стремлению отдельных лиц решать свои проблемы самостоятельно;
- правовые пробелы в регулировании оборота гражданского оружия, которые существенно облегчают возможность реализации преступниками своего замысла. Это проявляется, например, в относительной доступности травматического оружия, что в условиях отсутствия в российском обществе культуры гражданской самозащиты привело к динамике роста преступлений, совершенных с использованием оружия;
- отсутствие должного уровня правовой пропаганды, формирующей у населения уважение законов, общих представлений об отечественном праве, в том числе в части ответственности за насильственные преступления;
- отсутствие детального правового регулирования системы профилактики правонарушений, в том числе насильственных преступлений, и в первую очередь домашнего насилия, и т. п.

Политические детерминанты насильственной преступности могут быть различными в зависимости от контекста, но некоторые из наиболее значимых факторов включают в себя:

- распространенность в обществе различных полярных социально-политических взглядов и течений;

- острые противоречия в политической сфере;
- разрыв между органами власти и населением;
- сложившаяся ситуация на Украине;
- развитие экстремистских идей и т. д.

В заключение можно отметить, что изучение детерминант насильственной преступности имеет большое значение для понимания причин и механизмов данного явления. В ходе исследования было выявлено, что факторы, влияющие на возникновение насильственной преступности, могут быть различными, включая социально-экономические, демографические, психологические, культурные и другие.

При этом необходимо отметить, что детерминанты насильственной преступности могут проявляться в различных социокультурных и экономических условиях. Таким образом, решение проблемы насильственной преступности требует комплексного подхода, включающего в себя как социально-экономические меры, так и психологическую и культурную работу с населением.

Более того, изучение детерминант насильственной преступности имеет практическое значение для разработки эффективных мер по предотвращению данного явления. В результате данного исследования можно сделать вывод, что основные направления работы должны включать в себя обеспечение социальной защиты и поддержки населения, создание благоприятных условий для жизни и развития, а также проведение мероприятий по профилактике насильственной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология : учебник для вузов / В. И. Авдийский, Л. А. Букалерева [и др.] ; под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 301 с. URL: <https://urait.ru/bcode/510960> (дата обращения: 22.03.2023).

2. Борисова С. Е. Психологические особенности личности преступника // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 26–32

3. Кейдунова Е. Р. Детерминация и основные направления предупреждения насильственных преступлений // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 5(183). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-i-osnovnye-napravleniya-preduprezhdeniya-nasilstvennyh-prestupleniy> (дата обращения: 22.03.2023).

4. Криминология : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 1132 с. URL: <https://urait.ru/bcode/517394> (дата обращения: 22.03.2023).

5. Проблемы криминологической детерминации / Н. Ф. Кузнецова ; под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.

УДК 343.8

Кокоринова Екатерина Михайловна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
ekaterina.kokorinova@yandex.ru

Марьева Наталья Валерьевна,
помощник начальника Управления
Федеральной службы исполнения наказаний
России по Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
marjeva44@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Перспективы совершенствования порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами

В статье рассматриваются проблемы поиска средств повышения эффективности противодействия женской рецидивной преступности. В статье представлены результаты анализа (изучения) статистических данных о возрасте женщин, при котором они наиболее часто совершают преступления с признаками рецидива. В статье обосновывается целесообразность законодательного урегулирования вопросов профессионального образования осужденных женщин включив в образовательные программы обучение осужденных женщин новым профессиям.

***Ключевые слова:** преступление, женщины, осужденные, рецидив, противодействие, образование, профессии.*

Kokorinova Ekaterina Mikhailovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Maryeva Natalia Valerievna,
assistant to the head of the department
of the Federal penitentiary service
of Russia for the Kostroma Region
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor,
head of the department of criminal law disciplines,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prospects for improving the order of serving a sentence of imprisonment by convicted women

The article deals with the problems of finding means to increase the effectiveness of countering female recidivism. The article presents the results of the analysis (study) of statistical data on the age of women at which they most often commit crimes with signs of recidivism. The article substantiates the expediency of legislative regulation of the issues of vocational education of convicted women by including training of convicted women in new professions in educational programs.

Keywords: *crime, women, convicts, recidivism, opposition, education, professions.*

Актуальность рассматриваемых нами вопросов обуславливается тем, что совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является одним из направлений реформы в процессе развития правового демократического государства, обеспечивающего возможность достижения целей уголовного наказания в виде лишения свободы, назначенного осужденным женщинам, посредством применения к ним различных по содержанию средств воздействия, способствующих их исправлению, предупреждению рецидива преступлений и восстановлению социальной справедливости. Проанализировав статистические данные [1], мы приходим к выводу о том, что с каждым годом количественный показатель женской преступности сокращается, но не смотря на это, актуальность рассматриваемых вопросов не снижается в виду значительного числа рецидива преступлений, допускаемых женщинами, что обуславливает целесообразность дальнейшего их изучения в целях выработки направлений совершенствования действующего законодательства, регулирующего деятельность подразделений уголовно-исполнительной системы и способствующего предупреждению рецидива преступлений со стороны женщин.

Проводимые исследования обосновывают вывод о том, что возраст осужденных женщин во многом предопределяет их жизненные потребности, цели, круг интересов, образ жизни, что, в свою очередь, не может не сказываться на обусловленности их преступного поведения. Результаты нашего исследования показали, что женщины, как правило, начинают свою преступную деятельность в зрелом возрасте, нередко в следствие стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств. Так, изучив статистические данные, мы приходим к выводу о том, что наибольшей криминальной активностью обладают женщины в возрасте от 30 до 49 лет. Совершаемые ими преступления характеризуются повышенной раздражительностью, излишним проявлением агрессии и корыстной мотивацией и связаны с неудовлетворением своей жизнью. Такой наш вывод обосновывается ответами осужденных женщин на вопросы при анкетировании. Женщинам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, или уже от-

бывшим такое наказание, сложно реализовать свои благие намерения, сохранить семью и социально полезные связи. Среди осужденных женщин преобладает процент одиноких, попавших, перед совершением преступлений, в сложные жизненные ситуации. Например, являясь единственным кормильцем детей, у женщины возникают трудности с обеспечением достойной жизни детям [2].

Обозначенные факторы, в совокупности, так и или иначе, влияют на рецидив женской преступности. Анализ судебной практики, подтверждает вывод о том, что большинство женщин-рецидивисток совершают новые умышленные преступления все в том же возрасте от 30 до 49 лет.

Давая характеристику преступницам корыстной направленности, следует отметить то, что они, в первую очередь, руководствуются мотивацией, направленной на удовлетворение своих корыстных потребностей, а их кредо – получение материальных благ любым путем, в том числе и незаконным, посредством совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

В любом обществе и в любом возрасте женщины хотят выглядеть красиво, носить лучшую одежду и обладать ценными вещами. Женщины с такими потребностями нередко совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления и зачастую неуважительно относятся к эмоциональным переживаниям других людей. В то же время, некоторые из них решаются на совершение преступлений в сфере экономики. При этом большинство совершаемых преступлений против собственности мотивированы их нахождением в тяжелом материальном положении. Такое материальное положение существенным образом сказывается на поведении женщин, мотивирует и подталкивает их на совершение корыстных либо корыстно-насильственных преступлений, совершение которых способствует разрешению материальных проблем.

И этот вывод мы делаем на основе результатов анкетирования осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Костромской области.

Для женщины-рецидивистки, как и для преступника-рецидивиста вообще, необходимы более серьезные правовые средства исправительного и воспитательного воздействия, чтобы в процессе отбывания наказания в исправительном учреждении, можно было бы разрушить ее антисоциальную жизненную позицию, изменить негативные взгляды и привычки на позитивные, а также на исполнение обязательств по возмещению причиненного вреда потерпевшим [3, с. 238].

В этой связи, как нам представляется, одним из важнейших направлений уголовной политики должно стать совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей порядок и условия исполнения наказаний, которая стала бы способствовать сокращению рецидива преступлений у осужденных женщин.

Одной из диспозитивных мер уголовно-исполнительной системы являются меры, направляемые на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных, т. е. меры по обеспечению их возвращения к обычной жизни, после освобождения из мест лишения свободы.

Как известно, в период отбывания наказания, осужденные женщины, привлекаются к обучению и к труду, что является наиболее действенным сред-

ством их исправления, а также элементом их занятости в течение всего срока отбывания наказания в исправительном учреждении.

Результаты проводимых исследований, в том числе и проведенных нами, указывают на то, что к одной из проблем нормального процесса ресоциализации и социальной адаптации следует отнести обеспечение занятости осужденных работой по специальности. В исправительных учреждениях, в виду невозможности обеспечить осужденных женщин работой по специальности они получают дополнительное профессиональное образование по таким специальностям, как швея, повар и раскройщик. Те профессии, которым обучают в уголовно-исполнительной системе, несомненно, важны для самих учреждений пенитенциарной системы, но швея, раскройщик, и ряд других специальностей вряд ли будут так необходимы при их выходе на свободу, поэтому, мы считаем целесообразным обучать осужденных дополнительным специальностям, пусть не столь востребованным в исправительном учреждении, но позволят им трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы.

В связи с этим, предлагаем дополнить пунктом 4 главу 13 Распоряжения Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» [4], посвященной совершенствованию производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы и повышению уровня занятости осужденных, обеспечивающим увеличение количества осужденных женщин, привлекаемых к труду посредством совершенствования производственно-хозяйственной деятельности, направленной на улучшение условий труда и системы их профессионального образования, включив в образовательные программы обучение осужденных женщин, например, таким профессиям, как флорист, мастер ногтевого сервиса, парикмахер и др., наиболее востребованным на свободе специальностям.

Как нам представляется, такая образовательная программа актуализирует институт профессионального образования уголовно-исполнительной системы, что, в свою очередь, обеспечит возможность максимально полезно ликвидировать вакуум незанятого времени у отдельных категорий осужденных женщин и позволит им, пройдя обучение новым профессиям, повысить эффективность процесса их ресоциализации и социальной адаптации, а также возможность не только собственного материального обеспечения после освобождения из мест лишения свободы, но и своих близких, что, в свою очередь, значительно понизит уровень женской рецидивной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. 2021–2022 г. URL: <https://pda.fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 10.02.2023).

2. Статистические данные Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2020–2021 гг. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 10.02.2023).

3. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение. М. : Контракт, 2014. 238 с.

4. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 10.02.2023).

УДК 343.8

Крюкова Елизавета Евгеньевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
liza.kryukova65@gmail.com

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы назначения и исполнения исправительных работ несовершеннолетним

В статье, на основе анализа действующего уголовного и трудового законодательства Российской Федерации, регулирующие особенности назначения наказания несовершеннолетним в виде исправительных работ, исследуются актуальные проблемы при назначении данного вида наказания несовершеннолетним, обращается внимание на некоторые несоответствия законодательных предписаний, касающихся назначения этого вида наказания данной категории осуждаемых и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, наказание, суд, назначение наказания, исправительные работы, Трудовой кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, действующее законодательство.*

Kryukova Elizaveta Evgenievna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor,
head of the department of criminal law disciplines,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problems of assignment and execution of correctional labor by minor

The article, based on the analysis of the current criminal and labor legislation of the Russian Federation regulating the peculiarities of sentencing minors in the form of correctional labor, examines the current problems in the appointment of this type of punishment to minors, draws attention to some inconsistencies in the legislative prescriptions concerning the appointment of this type of punishment to this category of convicts and suggests ways to resolve them.

Keywords: *minor, punishment, court, sentencing, correctional labor, Labor Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, current legislation.*

Изучение статистических данных, практики назначения и исполнения наказаний, а также научных источников, посвященных исследованию этих вопросов проявляет несколько важных аспектов. Результаты такого изучения способствуют уяснению, какие меры уголовного наказания наиболее часто назначаются судами, какова эффективность их применения для профилактики преступлений среди подростков и какие факторы могут способствовать предотвращению рецидива преступлений. В этой связи представляется верным высказывание о том, что одной из существенных особенностей эффективности назначенного наказания является его индивидуализация, предполагающая учет всех данных о личности несовершеннолетнего, характере его преступных действий, о причинах, побудивших к совершению преступления [5]. Благодаря учету всех этих обстоятельств, наказание должно исправить подростка и побудить его к социально-полезному поведению в будущем.

Как нам представляется, вопросы эффективности исправительного воздействия на несовершеннолетних посредством применения к ним наказаний, назначаемых судом за совершение различных преступлений указывают на особую актуальность исследуемой темы. Такой вывод мы делаем в связи с тем, что исправительные работы позволяют осужденному несовершеннолетнему находиться в привычной для него среде, не терять связь с родными и близкими, осужденный обладает некоторой свободой действий и передвижения.

Анализ практики назначения наказания в виде исправительных работ обуславливают наш вывод о том, что они назначаются в том случае, если суд придет к выводу о том, что исправление осуждаемого несовершеннолетнего возможно без его изоляции от общества с помощью общественно-полезного труда.

Общий порядок назначения наказания в виде исправительных работ установлен положениями статьи 50 УК РФ. Что же касается назначения такого наказания несовершеннолетнему осужденному, то здесь следует руководствоваться, в первую очередь, положениями части 4 статьи 88 УК РФ и общими положениями, приведенными в статье 50 УК РФ.

Как видно из предписаний части 4 статьи 88 УК РФ, «исправительные работы назначаются несовершеннолетним осужденным на срок до одного года» [1]. Однако в данном случае законодатель не приводит никаких ограничений по минимальному сроку, который может быть назначен и, по возрасту осужденного несовершеннолетнего, которому может быть назначено такое наказание. В определенной мере урегулирование этого вопроса осуществляется посредст-

вом положений статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации. В то же время, в связи с обеспечением единообразного подхода судов к толкованию положений данной нормы трудового законодательства Высшая судебная инстанция Российской Федерации в пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 (в редакции от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» дала следующее разъяснение: «23. Суд, назначая несовершеннолетнему наказание в виде исправительных работ, должен иметь в виду, что данный вид наказания может быть применен лишь к той категории несовершеннолетних осужденных, исправление которых возможно с помощью общественно полезного труда без изоляции от общества. При этом следует учитывать, как назначенное наказание может повлиять на учебу несовершеннолетнего, его поведение в быту, семье.

Назначение наказания в виде исправительных работ в соответствии с частью 4 статьи 88 УК РФ возможно и в отношении несовершеннолетнего, проходящего обучение в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования, кроме тех случаев, когда его исполнение может реально препятствовать продолжению обучения, например при очной форме обучения.

По общему правилу исправительные работы могут быть назначены несовершеннолетнему, достигшему возраста 16 лет, на срок от двух месяцев до одного года, а в случаях, предусмотренных частями второй и третьей статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации, и несовершеннолетнему, достигшему возраста 15 и 14 лет соответственно.

При назначении несовершеннолетнему наказания в виде исправительных работ, суду надлежит обсудить возможность его исправления без реального отбывания этого наказания» [3].

Действительно, Трудовой кодекс Российской Федерации, в статье 63, допускает заключение трудового договора с лицом, достигшим возраста четырнадцати лет. А именно, из положений части 4 названной статьи следует: «С письменного согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, либо с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы» [2]. Однако не в уголовном, не в трудовом законодательствах, а также и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации ничего не сказано, можно ли, а если можно, то как назначать такое наказание осуждаемому несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 15 лет, если он оставил общеобразовательную организацию до получения основного общего образования или отчислен из указанной организации, но продолжает получать общее образование в иной форме обучения, что, по нашему мнению, является упущением законодателя и Выс-

шей судебной инстанции Российской Федерации, требующим своего разрешения, например, по образцу, как это сделано в части 2 данной статьи относительно несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста.

Другим несогласованием, по нашему мнению, является то, что законодатель не определил нижнего порога, с которого может начинаться отсчет срока исправительных работ для несовершеннолетних, однако в соответствии с названным Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 наказание в виде исправительных работ в отношении несовершеннолетних может быть назначено на срок от двух месяцев до одного года, а размер удержания в доход государства составляет от 5 до 20 % из заработка осужденного [3]. Как мы видим, минимальный срок исправительных работ и процент удержания из заработка несовершеннолетнего осужденного полностью соответствуют мере наказания взрослых осужденных. В то же время, при соотношении минимальных и максимальных мер аналогичных видов наказания, предусмотренных как для взрослых, так и для несовершеннолетних, можно заметить их разницу между минимальными и максимальными мерами наказаний, как минимум в два раза. На наш взгляд, такое положение с возможностью назначения наказания в виде исправительных работ не отвечает принципам справедливости, гуманизма и индивидуализации наказания.

Как нам представляется, из-за недостаточной регламентации и определенных ограничений, исправительные работы не нашли реального применения при назначении наказания. Согласно данным судебной статистики Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации наказание в виде исправительных работ применяется в редких случаях [4].

На наш взгляд, наказание в виде исправительных работ сочетает в себе воспитательный и карательный элемент, несовершеннолетний осужденный приобретает определенные трудовые навыки, необходимые ему в будущем. Наказание в виде исправительных работ носит характер не только исправительного воздействия, но и, как нам представляется, нравственного перевоспитания несовершеннолетнего осужденного, помогает ему понять противозаконность, противоправность преступления, которое он совершил. К тому же несовершеннолетние намного легче поддаются воспитательному воздействию, в отличие от взрослых. При правильной регламентации, данный вид наказания может оказать должное воздействие на несовершеннолетнего и способствовать его исправлению.

Поэтому представляется целесообразным изменить редакцию ч. 4 статьи 88 УК РФ, изложив ее в следующем образом:

«4. Исправительные работы назначаются несовершеннолетним осужденным, в том числе и получающим образование по всем формам обучения, на срок от одного месяца до одного года. Из заработной платы осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от двух с половиной до десяти процентов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2022). М. : Омега-Л, 2023. 335 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 24.03.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 № 1 (в редакции от 28 октября 2021 г. № 32) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 23.04.2023).
4. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Наказание, его цели и эффективность / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie12337.html/> (дата обращения: 25.04.2023).

УДК 343.4

Присухина Яна Анатольевна,

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yanaprisuhina@icloud.com

Орловская Ирина Викторовна,

старший преподаватель,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
irinorlovskaya@yandex.ru

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

В статье затрагиваются проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за оборот специальных технических средств, которые предназначены для негласного получения информации. Также рассматривается вопрос о видах таких специальных технических средств.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, специальные технические средства, личная безопасность, безопасность информации.

Prisukhina Yana Anatolyevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of bringing to criminal responsibility for illegal trafficking of special technical means intended for the secret receipt of information

The article touches upon the problems of bringing persons to criminal responsibility for the circulation of special technical means that are intended for secretly obtaining information. The question of the types of such special technical means is also considered.

Keywords: *crime, criminal liability, special technical means, personal security, information security.*

Новый национальный приоритет – информационная безопасность, ввиду изложенного все большую актуальность приобретает проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, которые осуществляют незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Ответственность за совершение указанного деяния предусмотрена статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Анализ судебной практики, согласно данным сайта «Судебная статистика РФ» за 2021 год, позволяет констатировать, что по ст. 138.1 УК РФ было осуждено всего лишь 60 человек. Из них 39 человек получили наказание в виде штрафа и 1 человек был оправдан [5]. В 2022 году по вышеуказанной статье был осужден 81 человек, из них 54 человека получили наказание в виде штрафа [6].

В современном мире число и разнообразие технических средств увеличивается с каждым днем. Сами по себе смартфоны, умные часы, видеорегистраторы и иные средства, не могут стать средствами негласного получения информации, если же они специально под это не зашифрованы. Но если установить программу слежения на смартфон, то он уже сможет являться специальным техническим средством для негласного получения информации.

Общественная опасность специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, обусловлена ее техническими характеристиками, которые позволяют осуществлять сбор и фиксацию информации ограниченного доступа из легального поля ее обращения без согласия на то ее законного владельца, что создает угрозу общественным отношениям.

Однако анализ законодательства свидетельствует о том, что если же использовать специальное техническое устройство с целью личной безопасности для себя или своей семьи, без цели посягательства на конституционные права иных граждан, то это не будет квалифицироваться как уголовно-наказуемое деяние [2]. Но в этом случае практически невозможно доказать истинную цель использования такого технического средства: использовалось оно для безопас-

ности члена семьи или же для тотального контроля, нарушая конституционные права человека. В соответствии с этим возникает проблема квалификации исследуемого деяния.

Для того чтобы признать лицо виновным в совершении данного преступления нужно доказать, что когда производился незаконный оборот специальных технических средств, умысел был направлен именно на негласное получение информации. Например, лицо продавало умные часы заведомо зная, что они будут использованы для негласного получения информации. В таком случае лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 138.1 УК РФ [1]. Однако доказать умысел лица на совершение преступления крайне сложно.

Если на это посмотреть с другой стороны, то не гуманно привлекать к уголовной ответственности всех лиц, которые осуществляли оборот специальных технических средств, даже не подозревая о том, что такое устройство может использоваться для негласного получения информации. Необходимо качественно произвести исследование умысла лица на совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ [1]. Так как ошибка может привести к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности.

Проблемой остается и высокая латентность преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 138.1 УК РФ. Так, имеют место случаи когда специальные технические средства для негласного получения информации изготовлены кустарным способом, и в данном случае выявить такое производство и изъять специальное техническое устройство практически невозможно. В основном такие устройства используются теми же лицами, которые их и изготовили. Ввиду изложенного в течение продолжительного периода времени лицо использует такие устройства и незаконно добывает охраняемую Законом информацию.

Примером может послужить дело № 1-4/2018 от 27 февраля 2018 г. Гражданин Б. на почве ревности решил собрать сведения в отношении своей бывшей сожительницы Н., которые составляют ее личную тайну. Гражданин Б., не имея законных оснований установил специальное техническое средство (микрофон) внутри дверной коробки входной двери квартиры, в которой проживала гражданка Н. и подобным образом осуществлял сбор, путем прослушивания, сведений о частной жизни гражданки Н., составляющие ее личную тайну [4].

Следует отметить, что с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно с 1996 года, произошел научно-технологический прогресс, значительно изменились сами технические устройства, оборот таких устройств вырос. В настоящее время смартфон есть у каждого человека, а в практически любом современном смартфоне имеется камера, диктофон. То есть любой смартфон может стать специальным техническим средством для негласного получения информации. В связи с этим при квалификации деяния нужно проводить обширный анализ умысла, который был направлен на совершение преступления с использованием специального технического средства.

С каждым годом происходит внедрение современных технологий, появляются технические средства с новейшими возможностями. Проблема законодательства состоит в том, что оно не успевает настолько быстро изменяться, насколько меняется техническая составляющая. В соответствии с Постановле-

нием Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214, в настоящее время обязательному лицензированию в Российской Федерации подлежат только ввозимые и вывозимые специальные технические средства для негласного получения информации [3].

В связи с этим предлагается подвергать обязательному лицензированию абсолютно все технические устройства (в том числе и созданные в России, технически доработанные и др.), в том числе и те, оборот которых осуществляется внутри страны, которые по своему виду не имеют никаких признаков, свидетельствующих о том, что данное устройство может вести, например, скрытую видео и (или) аудио запись, но фактически обладают такими свойствами. Таким техническим устройством, например, может служить обычная мягкая игрушка, у которой вместо глаз встроены камеры, которые визуально не видно. В Российской Федерации такие устройства будут отнесены к устройствам, с помощью которых можно негласно получать информацию, а лица осуществляющие их оборот будут подлежать уголовной ответственности, независимо от умысла, потому что человек, который занимается оборотом таких устройств, должен понимать с какой целью такие устройства могут использоваться другими лицами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.05.2023).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 25.12.2018 № 46 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 02.05.2023).

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию» от 10.03.2000. № 214 (ред. от 26.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26436/9afc6e3bbe0f832375733e209c81f1eb4e0c362d/ (дата обращения: 02.05.2023).

4. Приговор Мамонтовского районного суда (Алтайский край) № 1-4/2018 от 27.02.2018 по делу № 1-4. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aBaCsDi0IFbN/> (дата обращения: 09.05.2023).

5. Статистическая информация с сайта «Судебная Статистика РФ» за 2021 год. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 02.05.2023).

б. Статистическая информация с сайта «Судебная Статистика РФ» за 2022 год. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 02.05.2023).

УДК 343.7

Соловьева Ангелина Дмитриевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
gelkasol77@mail.ru

Яснева Елена Васильевна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

Некоторые проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ)

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), а также пути их решения в виде предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

***Ключевые слова:** преступление, имущественный ущерб, обман, злоупотребление доверием, проблемы квалификации, упущенная выгода.*

Solovieva Angelina Dmitrievna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some problems of qualification of causing property damage by deception or abuse of trust (Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation)

The article discusses some problematic issues of qualification of causing property damage by deception or abuse of trust (Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as ways to solve them in the form of proposals to improve criminal legislation and law enforcement practice.

***Keywords:** crime, property damage, deception, abuse of trust, qualification problems, lost profit.*

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, среди всех преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за последние годы, удельный вес преступлений против собственности составляет более 55 % [3–7], среди них доля причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием сравнительно невелика. Это объясняется, в том числе, высокой латентностью рассматриваемого посягательства.

Актуальность темы заключается в том, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] не дает детальной характеристики объективных и субъективных признаков причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, что приводит к неоднозначному толкованию признаков состава этого преступления, нередко влекущему ошибки в квалификации, и затрудняет правоприменение. Кроме того, в судах первой и апелляционной инстанциях достаточно часто происходит переквалификация деяния с причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием на мошенничество и обратно.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие основные выводы. С момента внесения в УК РФ [1] такого преступления, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, и до наших дней, не только практики, но и ученые не пришли к единому мнению относительно самостоятельности злоупотребления доверием как способа совершения преступления. Нами было изучено 50 приговоров районных судов за последние 3 года по обвинению в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, из них 30 % приговоров содержат именно формулировку «путем обмана и злоупотребления доверием», указывая на то, что преступление совершено одновременно при помощи двух этих способов, однако такого не должно быть, исходя из разделительного союза «или» между способами в самой норме закона. Изучив судебную практику и позиции ученых, мы приходим к выводу, что злоупотребление доверием является составной частью обмана и не может самостоятельно выступать как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ [1]. В связи с этим, мы предлагаем исключить из диспозиции статьи слова «или злоупотребления доверием», и изложить первую часть ст. 165 УК РФ [1] в следующей редакции «Причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере». Аналогичные изменения необходимо внести и в пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2]. Полагаем, что такое изменение позволит устранить все трудности в квалификации преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ [1] в части указания способа совершения деяния, в том числе это может уменьшить количество обжалуемых приговоров.

В судебной и следственной практике возникают затруднения при отграничении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения от смежных составов. Это объясняется

недостаточной разработанностью научно обоснованных критериев в разграничении смежных составов преступлений. Несмотря на внешнюю схожесть мошенничества и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием у них есть и различия. Большинство ученых выделяют для отграничения такие признаки объективной стороны преступления – как механизм извлечения незаконной имущественной выгоды и общественно опасное последствие. Обязательным признаком мошенничества является последствие в виде реального ущерба, т. е. расходы, которые произвело или должно будет произвести лицо, чье право было нарушено. Деяние, предусмотренное ст. 165 УК РФ влечет последствие в виде упущенной выгоды, т. е. неполученных доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. В целях устранения проблем квалификации и учитывая, что одним из главных критериев разграничения является общественно-опасное последствие, мы предлагаем внести изменения в диспозицию части 1 ст. 165 УК РФ [1], и изложить ее в следующей редакции: «Причинение имущественного ущерба в виде упущенной выгоды собственнику или иному владельцу имущества путем обмана при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере».

Множество ошибок в разграничении мошенничества и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием происходит из-за неправильного установления собственника или иного владельца имущества, а также факта нахождения имущества в его фонде.

Для устранения проблем в квалификации, мы предлагаем дополнить абзац п. 22 Постановления Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2] следующим предложением: «Обратить особое внимание судов на то, что в преступлении, предусмотренном ст. 165 УК РФ, имущество только должно было поступить в наличные фонды собственника, но не поступило из-за противоправных действий виновного». Полагаем, что данные изменения позволят уменьшить существующие противоречия и ошибки в разграничении ст. 165 УК РФ и 159 УК РФ [1].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 03 апреля 2023 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.2023).

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.04.2023).

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.04.2023).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.04.2023).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.04.2023).

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 05.04.2023).

УДК 343.27

Сорокина Надежда Петровна,
студент, Волго-вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
NadyaSor0909@yandex.ru

Ветошкина Екатерина Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
Волго-вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
science@msalkirov.ru

Историческая память Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны

В статье проводится анализ уголовно-правовых норм, касающихся защиты исторической памяти Российской Федерации. Актуальность рассмотрения данной темы подтверждается увеличением количества посягательств на исторические факты об исторических периодах России, о ее знаменитых гражданах и о народе государства в целом. Дается критическая оценка законодательных решений. Примерами из судебной практики иллюстрируется применение норм Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Выявлено отсутствие в законодательных актах государства понятия «историческая память», что препят-

ствует наиболее правильному применению норм уголовного права в рассматриваемой сфере правоотношений.

Ключевые слова: историческая память, фальсификация, УК РФ, законодательство, объект уголовно-правовой охраны, защита.

Sorokina Nadezhda Petrovna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Vetoshkina Ekaterina Dmitrievna,

candidate of law, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

**The historical memory of the Russian Federation as an object
of criminal law protection**

The article analyzes the criminal law norms relating to the protection of the historical memory of the Russian Federation. The relevance of the consideration of this topic is confirmed by the increase in the number of encroachments on historical facts about the historical periods of Russia, about its active citizens and the people of the state as a whole. A critical assessment of legislative decisions is given, the application of the considered norms of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) is illustrated by examples from practice. The absence of the concept of “historical memory” in the legislative acts of the state is revealed, which prevents the most correct application of the norms of criminal law in the considered sphere of legal relations.

Keywords: historical memory, falsification, Criminal Code of the Russian Federation, legislation, object of criminal law protection, protection.

Единство народа невозможно без общих воспоминаний, передающихся из поколения в поколение. Как указывают исследователи, историческая память – это индивидуальная память одного субъекта, которая со временем трансформируется в коллективную путем формирования общественного сознания лицами, которые в прошлом пережили определенные события [7, с. 131]. С помощью этих лиц информация передается следующим поколениям. Такая преемственность способствует формированию исторической памяти народов государства.

Исторические события и историческая память являются составляющими историко-культурного наследия государства, обеспечение безопасности культурного наследия является элементом национальной безопасности государства. Таким образом, можно утверждать, что обеспечение защиты исторической памяти также будет являться составной частью национальной безопасности государства и объектом уголовно-правовой охраны.

Основным нормативным правовым актом, формирующим систему охраны исторической памяти государства, является Конституция РФ. Хотя в Основном законе и других нормативных актах не содержится понятие «историческая

память», но отдельно слово «память» в тексте основного закона упоминается несколько раз:

- «...память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» (преамбула Конституции РФ);
- «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (ч. 3 ст. 44);
- «...сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» (ч. 2 ст. 67.1);
- «...память защитников Отечества» (ч. 3 ст. 67.1).

Помимо положений Конституции РФ, в систему актов, обеспечивающих защиту исторической памяти входят «Стратегия национальной безопасности» (2021 г.), «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ, «О днях воинской славы и памятных датах России» от 3.03.1995. №32-ФЗ, «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 19.05.1995. № 80-ФЗ, «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ, «О Знамени Победы» от 07.05.2007 № 68-ФЗ, закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993. № 4292-1 и др.

Политическая ситуация в мире показывает, что в последнее время участились случаи фальсификации исторических фактов, искажения исторической памяти о событиях, участницей которых являлась Российская Федерация, а ранее СССР. Нападкам подвергаются исторические факты по поводу оценки итогов и последствий Великой Отечественной войны. Обозначенные выше положения Конституции РФ, появившиеся в июле 2020 г. после вступления в силу Закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, положили начало формированию в государстве правового режима исторической памяти о событиях Второй Мировой и Великой Отечественной войн и появлению новых нормативных актов, регулирующих охрану памяти об этих исторических периодах. Целями указанного правового режима являются противодействие «внешним силам» в попытках вытеснения Российской Федерации с мировой арены и недопущение дестабилизации обстановки внутри государства.

Поддержку в продвижении и развитии политики памяти выразил Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на заседании Российского организационного комитета «Победа», заявив: «Память, которая бережно передается у нас из поколения в поколение, - самая прочная гарантия того, что мы все вместе никогда не позволим переиначить значение и итоги Победы, умалить подвиг советских людей, которые отстояли Родину и спасли народы Европы, понесли невосполнимые – и не только боевые – потери» [2].

Предотвращение попыток фальсификации исторической памяти – одна из задач по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры. За нарушение положений вышеуказанных законов предусмотрена юридическая ответственность.

В 2014 году, после внесенных Федеральным законом № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменений в УК РФ, статьей 354.1 была установлена ответственность за деяния, связанные с реабилитацией нацизма. Норма закрепила наказание за отрицание фактов, признанных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично.

Например, проводимая в честь Дня Победы акция «Бессмертный полк» ежегодно становится объектом преступного посягательства. В частности, в 2020 году, когда акция проводилась в онлайн-формате, двое молодых людей «оформили и направили заявки с фотографией А. Гитлера для публичной демонстрации на сайте «Бессмертный полк онлайн» в целях реабилитации и героизации фашистского лидера». Лица признаны виновными по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ [8, с. 156].

В 2021 году от распространения заведомо ложных сведений стали защищаться и ветераны Великой Отечественной войны, а также появились новые квалифицирующие признаки, ужесточающие ответственность за совершенные деяния: совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за 2021 год по ст. 354.1 УК РФ осуждено 30 человек, из них: 21 – по ч. 1; 2 – по ч. 2; 7 – по ч. 3; 0 – по ч. 4 [4]. Средний возраст виновных лиц – от 18 до 24 лет. Примером трансформации исторического сознания молодежи может служить приговор, вынесенный Московским городским судом в декабре 2021 года. 19-летний гражданин Ю. осужден по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ к четырем годам колонии общего режима. Было установлено, что «Ю., находясь на объекте мемориального значения – Аллее Славы ветеранов Великой Отечественной войны – жителей района Измайлово г. Москвы, совершил действия, оскорбляющие память защитников Отечества, унижающие честь и достоинство ветерана Великой Отечественной войны, – осквернил стенд, посвященный ветерану Великой Отечественной войны гвардии-лейтенанту Фролову А. А., награжденному Орденом Великой Отечественной войны I степени, многочисленными медалями, в том числе «За оборону Москвы». Свои преступные действия он снял на камеру мобильного телефона, после чего разместил в социальной сети» [9, с. 60].

Увеличение на территории России количества преступлений, связанных с посягательствами на объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества, повлекло введение в УК РФ в 2020 году статьи 243.4. Такие деяния напрямую связаны с искажением исторических фактов, в честь которых установлены вышеуказанные объекты историко-культурного наследия.

Необходимо отметить, что п. «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ регулируются посягательства на предметы, установленные в память о Великой Отечественной войне. По мнению К. В. Шевелевой, непосредственным объектом данного пре-

ступления необходимо считать общественную нравственность, а в качестве дополнительного выделять историческую память. Это обусловлено особой общественной опасностью рассматриваемого преступления: варварское отношение к предметам культурного наследия, увековечивающих военные события, лишает следующие поколения достоверной информации о событиях истории, в честь которых были установлены мемориальные объекты, что может в дальнейшем иметь негативные последствия для государства [8, с. 157]. За 2021 год по ст. 243.4 УК РФ осуждено 4 человека, все по ч. 2 указанной статьи [4].

Исследованная судебная практика по ст. 243.2 УК РФ («Незаконные поиск и (или) изъятие археологических объектов из мест залегания») отличается разнообразными способами посягательств. Например, в 2022 году житель поселка Гвардейское был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 243 УК РФ (повреждение объекта культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации) и п. «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ (повреждение воинских захоронений, а также памятников, увековечивающих память погибших при защите Отечества). Мужчина повредил Братскую могилу жертв фашистского террора, в которой захоронено около 26 тыс. мирных жителей и военнослужащих. С целью извлечения материальной выгоды, мужчина с использованием принесенного с собой инвентаря неоднократно осуществлял поиск ценных предметов в братской могиле (в ходе обыска по месту жительства лица были обнаружены монеты старинного образца) [1].

Необходимо отметить, что некоторые статьи КоАП РФ и УК РФ, регулирующие защиту исторической памяти, непосредственно связаны. Так, например, протокол об административном правонарушении по ст. 20.3.1 КоАП РФ будет вынесен в случае совершения лицом действий, направленных «на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» [3]. К уголовной ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ, в свою очередь, будет привлечено лицо, которое ранее уже привлекалось к административной ответственности «за аналогичное деяние в течение одного года» [6].

Аналогичная ситуация складывается при рассмотрении ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ. В уголовном законодательстве прямо указывается, что лицо привлекается к ответственности за неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской или экстремистской атрибутики, или символики, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ.

Исходя из анализа уголовного законодательства, можно сделать вывод, что в УК РФ продолжает формироваться группа составов преступлений, обеспечивающих охрану исторической памяти Российской Федерации. Это свидетельствует о том, что историческая память в полной мере является объектом

уголовно-правовой охраны. Тем не менее, автором выделен пробел в законодательстве относительно закрепления термина «историческая память». Понятие не закреплено ни в одном из действующих нормативных актов государства. Данное положение неприемлемо, особенно в ситуации, когда под вопрос ставится российская историческая идентичность. В научных трудах указывается, что понятие «историческая память» не поддается однозначной расшифровке [7, с. 131], но некоторые отечественные исследователи определили его понятие и содержание. Так, например, Л. П. Репина считает, что «в основе всякого описания истории есть историческое сознание, которое объединяет настоящее и прошлое, которые, в свою очередь, затем проецируются в будущее» [5, с. 119].

В заключение хотелось бы отметить, что законодательство, устанавливающее способы защиты исторической памяти государства, динамично развивается. Норм права в данной области общественных отношений становится все больше и больше, а имеющиеся ранее получают детализацию. Это обусловлено введением режима государственной политики памяти, однако ее общие контуры еще четко не оформлены, поэтому имеют место некоторые проблемы в конкретизации и правоприменении рассмотренных положений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вступил в законную силу приговор по уголовному делу о повреждении Братской могилы жертв фашистского террора. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/search?article=78298960 (дата обращения: 05.04.2023).

2. Заседание Российского организационного комитета «Победа». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63591> (дата обращения : 05.04.2023).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : текст с изм. и доп. вступил в силу 28.02.2023 г. : [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. Москва, 2001. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.2023).

3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики. URL: <http://www.cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 05.04.2023).

4. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания : пособие для вузов. М. : Дрофа, 2004. 288 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. вступил в силу 29.12.2022 г. : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3e3dca/ (дата обращения: 05.04.2023).

6. Шамсунов С. Х. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука.

2022. № 2(58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-istoricheskoy-pamyati-narodov-rossiyskoy-federatsii-o-sobytyah-vtoroy-mirovoy-i-velikoy-otechestvennoy> (дата обращения: 05.04.2023).

7. Шевелева К. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как объект уголовно-правовой охраны // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2(68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-kak-obekt-ugolovno-pravovoy-ohrany> (дата обращения: 05.04.2023).

8. Шевелева К. В. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-protivodeystvii-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 05.04.2023).

УДК 328.185

Шишкин Эдуард Сергеевич,

студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
davinchi1960@mail.ru

Фоминых Сергей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
fsm.79@mail.ru

Коррупция как социальное явление

Статья посвящена исследованию коррупции в современном обществе. Проанализированы разные подходы к определению коррупции, а также сферы, в которых она проявляется. Обозначены тенденции ее развития и формы коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: Коррупция, социальное явление, взятка, государство, влияние, общество.

Shishkin Eduard Sergeevich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Fominykh Sergey Mikhailovich,
candidate of law, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Corruption as a social phenomenon

The article is devoted to the study of corruption in modern society. Analyzed different approaches to the definition of corruption, and the areas in which it manifests itself.

Keywords: *Corruption, social phenomenon, bribe, state, influence.*

В настоящее время нет ни одного государства, в котором была искоренена коррупция. Правда, в некоторых странах ее процент достаточно низок, тогда как в других, наоборот, высок. Существует множество значений понятия «коррупция», так как в каждом отдельном случае она может проявляться по-своему.

С правовой точки зрения под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [4]. Данное определение коррупции было закреплено еще в 2008 году Федеральном законе «О противодействии коррупции».

По мнению И. Д. Фиалковской, «можно рассматривать коррупцию в широком и узком смысле. В широком смысле коррупция связана с нарушением должностным лицом своих обязанностей ради материального вознаграждения, а в узком со взяточничеством и чиновничьим предпринимательством» [5]. Как нам представляется, коррупция – это своего рода синтез общих политических, социальных и экономических проблем какого-либо конкретного государства.

Социологическое понимание коррупции связывает совершение коррупционных действий с социальными институтами и социальной средой, в которой они совершаются. Во многих случаях коррупционные действия осуществляются под воздействием социальных институтов и социальной среды независимо от их приоритетности и желаний должностных лиц, и других участников коррупционных действий. Часто нормы таких социальных институтов являются не правовыми, а неформальными, не всегда даже соответствующими нормам морали и нравственности. Коррупцией в социологическом понимании обычно считается использование неформальных связей и отношений при решении политических, государственных и муниципальных проблем в личных или корпоративных интересах [2].

Конкретно в социальной сфере из-за коррупции снижается уровень доверия к власти. В обществе формируется представление о безнаказанности пре-

ступников, соответственно, люди не чувствуют себя защищенными. Если говорить о нынешней ситуации, когда государство находится в какой-то степени в стадии преломления экономических, политических, психологических и социальных устоев, то это не может не настораживать, потому что нестабильность в стране равна росту коррупции. А коррупция и ее безнаказанность приводят к тому, что это становится обыденностью для граждан. Если что-то становится обыденностью, значит входит в норму для всех. Следовательно, это приводит к деградации социальных отношений, а правовые институты перестают работать.

Обычно ученые и криминологи исследуют не всю социальную сферу, поскольку ее всю охватить невозможно, что обусловлено большим числом составляющих ее компонентов. Поэтому проблемы административно-правового регулирования противодействия коррупции в социальной сфере они рассматривают в основных, наиболее подверженных коррупции областях социальной сферы – образовании, здравоохранении, иногда частично затрагивают социальную защиту населения. При этом особое внимание уделяется именно образованию и здравоохранению, поскольку, анализ зарубежного законодательства, литературы и средств массовой информации позволяет сделать вывод, что, когда ведется речь о коррупции в социальной сфере, под нею понимают именно коррупцию в образовании и здравоохранении.

К типичным формам коррупционных правонарушений в социальной сфере относят: изготовление и сбыт поддельных документов об образовании; совмещение государственной и муниципальной службы с учредительством и замещением должностей в коммерческих организациях [3].

Некоторые типы социальных отношений также могут способствовать коррупциогенному поведению. Так, отношение дарения возникло в первобытном обществе. Единство и защищенность племени обеспечивались непосредственными и постоянными связями между его членами. В силу этого предметы употребления переходили из рук в руки посредством актов дарения. Это самый древний вид отношений, но он сохраняется до сих пор. Отношения дарения могут, модифицируясь, охватывать большие группы, так возникает клиентизм, или блат [1].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что социальная сфера представляет собой своеобразную сферу общественных отношений, возникающих между гражданами и должностными лицами или руководителями общественных организаций по поводу их социальных потребностей в сфере общественной жизни (образование, здравоохранение и т. д.).

Отметим еще раз, что коррупция является, прежде всего, социальным явлением, которое порождается условиями жизни человека в обществе. Проблема коррупции является общечеловеческой проблемой, а в ее решении необходимо межгосударственное сотрудничество. Список отрицательных последствий коррупции огромен, что делает жизненно необходимым для страны борьбу с данным явлением. Необходимо отметить, что в борьбе с коррупцией необходим системный подход. Несмотря на то, что многие считают, что коррупцию нельзя искоренить до конца, поскольку она служит индикатором здоровья общества, данное направление требует продолжительных и долговременных усилий. Вре-

менные непоследовательные действия не приведут к желаемому результату по снижению кардинально высокого уровня коррупции в нашей стране. Необходимо всеми силами способствовать формированию в кратчайшие сроки нетерпимого отношения всего социума к коррупционному поведению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амиантова И. С. Противодействие коррупции : учеб. пособие для среднего профессионального образования. М. : Юрайт, 2023. 149 с.

2. Бычкова С. Г. Социальная статистика : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2022. 864 с.

3. Окутина Н. Н. Предупреждение коррупционной преступности : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. 296 с.

4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.03.2023).

5. Фиалковская И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография. Казань : Бук, 2019. 174 с.

СЕКЦИЯ 4

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.133

Рябинина Татьяна Кимовна,
доктор юридических наук,
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
tatyanakimovna-r@yandex.ru

Спорные вопросы о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами по уголовному делу

В статье рассматриваются вопросы о праве судьи при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству корректировать списки лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, как в сторону их расширения, так и возможности исключить кого-либо из них. Автором отстаивается позиция о том, что судья как лицо, наделенное властными полномочиями по организации разбирательства уголовного дела, вправе принимать такое решение.

Ключевые слова: *назначение и подготовка судебного заседания, стороны, правосудие, независимость и беспристрастность судьи.*

Ryabinina Tatiana Kimovna,
doctor of law,
Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Controversial issues about summoning persons to the court session according to the lists, submitted by the parties in the criminal case

The article discusses the issues of the judge's right to adjust the lists of persons to be summoned to the court session in the preparation of a criminal case for trial, both in the direction of their expansion and the possibility of excluding any of them. The author defends the position that a judge, as a person with authority to ensure the effective investigation of a criminal case, has the right to make a decision concerning the determination of the circle of persons subject to subpoena.

Keywords: *appointment and preparation of the court session, participants in the trial, justice, independence and impartiality of the judge.*

Приняв решение о назначении судебного заседания, судья обязан рассмотреть ряд вопросов, связанных с подготовкой к предстоящему судебному разбирательству, решение которых обеспечивает его организацию, создает ус-

ловия для правильного рассмотрения дела по существу в судебном заседании, а значит для установления всех обстоятельств по делу и вынесения законного, обоснованного приговора или другого судебного решения. Поэтому важность проведения подготовительных действий обусловлена не только их организационным значением, как верно отмечает М. Т. Аширбекова, но и властно-организующим воздействием суда, характеризующим судебное производство как публичную деятельность [1, с. 190].

Одним из вопросов, решаемых на данном этапе судопроизводства, является вопрос о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами. Обязанность сформировать круг лиц, подлежащих вызову в суд, лежит на следователе (дознатель), проводившем по уголовному делу предварительное следствие (дознание) (ст. 220, 225 УПК РФ). По уголовному делу, по которому было проведено предварительное следствие, список прилагается отдельно к обвинительному заключению. По уголовному делу, по которому проводилось дознание, список лиц, подлежащих вызову в суд, указывается непосредственно в обвинительном акте или постановлении. Дискуссионным в теории и практике является вопрос, вправе ли судья вызвать лиц, не указанных в нем (причем как допрошенных, так и не допрошенных в ходе предварительного расследования), или, напротив, отказаться от вызова лиц, чьи показания, на его взгляд, не имеют существенного значения для дела. Неоднозначное отношение к такому полномочию судьи со стороны и ученых, и практиков обусловлено отсутствием в законе его урегулирования.

С одной стороны, следует отметить, что, конечно, в стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию иногда трудно определить, кого же конкретно необходимо вызвать в судебное заседание, поскольку лишь в результате непосредственного, устного, состязательного исследования материалов дела можно оценить важность показаний тех или иных участников процесса [8]. Поэтому на практике могут иметь место случаи как необоснованного расширения круга лиц, вызываемых в суд, что осложняет процесс, влечет за собой непроизводительную работу суда, отрывает граждан от работы, так и, наоборот, необоснованного сужения этого круга, ведущего к волоките, неоднократному отложению дела слушанием, что чревато серьезными отрицательными последствиями. Кроме того, в подобных случаях может иметь место неполнота, односторонность судебного разбирательства. Необоснованный отказ от вызова тех или иных свидетелей и экспертов ведет зачастую к недопустимой судебной волоките.

По мнению некоторых ученых, единоличное решение судьи о сокращении или расширении списка вызываемых в суд свидетелей при назначении судебного заседания нарушает принцип состязательности и свидетельствует об определенной позиции судьи, поскольку он принимает на себя обвинительную или защитительную функции, так как заранее дает показаниям свидетелей предварительную оценку, что может привести к существенному нарушению прав сторон [13, с. 36–40; 2, с. 626]. Поэтому судья должен ответственно подходить к этому, казалось бы, простому вопросу, а не ограничиваться формаль-

ным решением о вызове в суд лиц, указанных в приложении к обвинительному заключению либо в обвинительном акте.

Но, с другой стороны, разве не навязывает следователь или дознаватель суду свою версию в процессе доказывания в суде, определяя предмет исследования определенных им доказательств? Понятно, что список лиц со стороны защиты может быть сформирован самими участниками с этой стороны, т. е. в первую очередь обвиняемым, его защитником, законным представителем (ч. 4 ст. 217 УПК РФ), но что касается списка лиц со стороны обвинения, то, поскольку закон этот вопрос обходит стороной, он составляется самим следователем (дознавателем), и совершенно очевидно, что не всегда в интересах стороны обвинения указывать в списке всех без исключения лиц. Более того, закон не предоставляет потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям права при ознакомлении с материалами оконченого уголовного дела заявить ходатайство о вызове конкретных свидетелей, экспертов, специалистов в судебное заседание для допроса и подтверждения их позиции, как это предусмотрено для обвиняемого и его защитника (ч. 4 ст. 217 УПК РФ), хотя согласно ч. 2 ст. 216 УПК РФ ознакомление данных лиц с материалами дела проводится в порядке, установленном ст. 217 и 218 УПК РФ. Совершенно очевидно, что такое противоречие необходимо исключить, предоставив указанным выше лицам возможность формировать список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, еще на этапе досудебного производства.

Вместе с тем, повлиять на изменение или дополнение такого списка сторонами уже после направления уголовного дела в суд возможно, если кто-либо из участников процесса заявит ходатайство о вызове в судебное заседание свидетеля или другого лица, чьи показания имеют для него значение, используя для этого предварительное слушание. Так, законом установлено, что предварительное слушание проводится с соблюдением требований глав 33, 35 и 36 УПК РФ (ч. 1 ст. 234 УПК РФ), т. е. в том числе и по правилам, предусмотренным для судебного разбирательства, в подготовительной части которого стороны вправе заявить ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов.

Закон прямо не предоставляет судье права по собственной инициативе, без учета мнения сторон, изменять список лиц, как, кстати, и не запрещает решать такой вопрос, за исключением вызова в суд эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования; педагога, если имеется необходимость допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля; переводчика, если участник уголовного судопроизводства не владеет языком, на котором ведется судопроизводство [3, с. 317; 6], причем данные вопросы относятся как к созданию необходимых условий для проведения судебного разбирательства, в том числе обеспечения прав участников судебного разбирательства, так и к процессу доказывания. Поэтому судье, отвечающего за надлежащую организацию судебного разбирательства, следует предоставить право корректировать список лиц, подлежащих вызову в судебное разбирательство, но делать это он вправе до принятия решения о назначении судебного заседания, в том числе и по ходатайству сторон, с обсуждением на предварительном слушании обнов-

ленного списка, что должно повлечь дополнение перечня оснований проведения предварительного слушания следующим: «необходимость изменения списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание». Такое полномочие вполне соответствует статусу суда как органу правосудия. Более того, формулировка закона о том, что судья при назначении судебного заседания разрешает вопрос о вызове лиц по спискам, представленным сторонами, свидетельствует в пользу того, что судья не дублирует тот список, который сформировал следователь или дознаватель, а вправе его изменить, причем как в сторону его расширения, так и сокращения¹.

Поэтому ч. 7 ст. 234 УПК РФ предлагаем сформулировать следующим образом: «Ходатайства сторон об изменении списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, об истребовании дополнительных доказательств или предметов подлежат удовлетворению, если они затрагивают их интересы и имеют значение для уголовного дела». Совершенно очевидно, что своевременное, до рассмотрения дела по существу, разрешение столь важного вопроса является еще одной из существенных гарантий и обеспечения прав сторон, и эффективного осуществления правосудия [1, с. 325].

Особое внимание при решении судьей вопроса о вызове в суд лиц по спискам, представленным сторонами, следует обратить на то, указаны ли в этом списке несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, поскольку последние рекомендации Пленума Верховного Суда РФ сводятся к тому, что, с учетом положений ч. 6 ст. 281 УПК РФ судья не вызывает в судебное заседание несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, в том числе и в случаях, когда стороны включили их в списки лиц, подлежащих вызову. При этом судья обязан обеспечить несовершеннолетнему потерпевшему возможность реализации его права на участие в судебном заседании путем уведомления его через законного представителя о времени и месте рассмотрения дела. Вопрос же о необходимости вызова в судебное заседание этих лиц может быть решен в ходе судебного разбирательства в соответствии с требованиями ст. 281 УПК РФ [6]. Наряду с этим на судье лежит обязанность по обеспечению участия в судебном заседании, при наличии ходатайства законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, адвоката в качестве представителя такого потерпевшего (ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ, с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом РФ [7], рекомендует также извещать лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, о месте, дате и времени судебного заседания для того, чтобы осуществить свое право на заявление ходатайств (о личном ознакомлении с материалами уголовного дела, о личном участии в судебном заседании и др.) или реализовать иные права, гарантированные уголовно-процессуальным законом [5].

¹ Из опрошенных автором практических работников 80,6 % судей, 76,1 % прокуроров и 76,8 % адвокатов согласны с введением такой процедуры.

Судья обязан сделать секретарю судебного заседания или помощнику судьи распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в его постановлении о назначении судебного заседания, обеспечить своевременное вручение им судебных повесток, а также принять иные меры по подготовке судебного заседания (ст. 232 УПК РФ). Повестки вручаются адресату под расписку, а в случае его временного отсутствия – кому-либо из совместно проживающих с ним взрослых членов семьи, представителю жилищно-коммунальной службы по месту жительства или администрации по месту работы. Подсудимый, находящийся под стражей, вызывается в судебное заседание через администрацию места содержания под стражей.

В юридической литературе совершенно верно обращается внимание на важность и значение исполнения отданных судьей распоряжений, имеющих организационно-распорядительный характер, означающий реализацию принятого судьей процессуального решения, но, по сути, представляющих собой властное волеизъявление судьи, направленное на обеспечение правосудия по находящемуся в его производстве уголовному делу. Эффективность таких распоряжений зависит не только от их содержания, но и от формы выражения (устной либо письменной) [4, с. 26]. Судебная практика свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев судьи отдают распоряжения в устной форме, что не всегда способствует четкой организации и эффективной подготовке предстоящего судебного разбирательства, поэтому следует поддержать предложение о закреплении в законе именно письменной формы распоряжения. Содержательная часть распоряжения судьи по исполнению решения о назначении судебного заседания представляет собой перечень действий, которые необходимо выполнить соответствующему сотруднику аппарата суда. Реквизиты такого распоряжения могли бы включать: заголовок, наименование суда, место и дату составления документа, текст документа, подпись судьи, отметку об исполнении распоряжения [4, с. 27].

При назначении судебного заседания судье следует также принимать во внимание серьезное новшество, введенное Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ [12] в ст. 241 УПК РФ (ч. 6¹), касающееся участия подсудимого в судебном заседании. Как известно, в целях непосредственного исследования доказательств судом, а также обеспечения состязательных начал на стадии судебного разбирательства, обязательно личное участие подсудимого. Однако в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205–206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ, по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи. Таким образом, судья в случае принятия такого решения обязан принять меры к обеспечению такой видеотрансляции.

Еще раньше Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ [11] УПК РФ был дополнен статьей 278¹ о возможности принятия судом решения о допросе потерпевшего и свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи. Такая потребность возникает в первую очередь в случаях необходимости получения показаний лиц, находящихся на территории других государств, на основании договоров о взаимной правовой помощи, как по объективным причинам делающим невозможным их личное присутствие для дачи показаний на территории запрашивающей стороны (например, большие затраты на переезд и проживание, состояние здоровья и другие факторы), так и при нежелании покидать территорию государства, что может быть связано с политическими мотивами, недоверием к правоохранительной системе запрашивающего государства и т. д. Важна такая процедура и по отношению к иногородним лицам [10, с. 24; 9, с. 58]. Таким образом, судья в случае принятия такого решения обязан принять меры к обеспечению видеотрансляции.

Подытоживая, следует заметить, что судья, принимающий широкий комплекс властных решений на всем протяжении судопроизводства, должен иметь право при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, наряду с решением ряда организационно-распорядительных вопросов, корректировать списки лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аширбекова М. Т. О разрешении судом вопросов в порядке ст. 228 УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения Ю. Д. Лившица. Челябинск : Изд-во ЮурГУ, 2009. С. 190–192.

2. Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации постатейный. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 992 с.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002. 896 с.

4. Костовская Н. В. Распоряжение судьи как форма реализации организационно-распорядительных функций // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 25–28.

5. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 от 7 апреля 2011 г. (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 3 марта 2015 г. № 9) (п. 13). URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

6. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 (п. 8). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

7. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 13-П от 20 ноября 2007 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

8. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ...д-ра юрид. наук. Курск, 2021. 545 с.

9. Сильнов М. А., Герман А. С. Практика применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 56–59.

10. Терехин В. А., Федюнин А. Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 22–24.

11. Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 13. Ст. 1686.

12. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 251-ФЗ «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30, ч. 1. Ст. 4252.

13. Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе : практ. пособие М. : Юрайт, 2000. 501 с.

УДК 343.6

Стешич Елена Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
esteshich@mail.ru

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела: архаика или потребность современности

В работе анализируются перспективы реформирования начала досудебного производства в России с возможным отказом от стадии возбуждения уголовного дела в процессе чего формулируется вывод о том, что соответствующий исторический опыт имеет и положительные особенности для правосудия. Между тем, перед обращением к нему следует преодолеть ряд организационно-управленческих вопросов, касающихся штатной численности, оптимизации труда сотрудников правоохранительных органов (не только органов предварительного расследования) и обеспечения эффективного, заинтересованного взаимодействия в целях борьбы с преступностью.

Ключевые слова: стадии уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, борьба с преступностью.

Steshich Elena Sergeevna,

doctor of law, associate professor,
professor of the department of management
of crime investigation bodies, Academy of Management
of the Ministry of internal affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Refusal from the stage of initiation of a criminal case: archaic or the need of modernity

The paper analyzes the prospects for reforming the beginning of pre-trial proceedings in Russia with a possible rejection of the stage of initiation of criminal proceedings, in the process of which the conclusion is formulated that the relevant historical experience has positive features for justice. Meanwhile, before applying to him, it is necessary to overcome a number of organizational and managerial issues related to staffing, optimizing the work of law enforcement officers (not only preliminary investigation bodies) and ensuring effective, interested cooperation in order to combat crime.

Keywords: *stages of criminal proceedings, initiation of criminal proceedings, struggle.*

Обобщение результатов следственной работы изолированно и в комплексе показателей состояния преступности в стране является значимым делом в плане укрепления национальной безопасности. В ежегодных обзорах о состоянии преступности, с которыми можно ознакомиться на сайтах правоохранительных органов, как правило, ставится акцент на динамике зарегистрированных преступлений. Так, согласно официальным данным, общее число преступлений в России с 2010 по 2022 гг. снизилось на 24 % (с 2,6 млн до 2 млн), а за последний год на 1,9 %. Тем самым отмечается благоприятная статистическая картина преступности, связываемая с повышением раскрываемости преступлений и высокой предупредительной деятельностью правоохранительных органов. В литературе высказывается и иное мнение о том, что значительных успехов в борьбе с преступностью достигнуть, к сожалению, не удастся и часть преступлений находится в плоскости искусственной и естественной латентности. Одним из аргументов, авторами приводится кратное расхождение между числом зарегистрированных преступлений и ежегодно поступаемых в полицию заявлений (сообщений) о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, объем которых растет: с 2013 по 2022 год вырос на 22 % (с 28,4 до 34,7 млн). Одновременно, обращает на себя внимание тот факт, что удельный вес заявлений, по которым возбуждены уголовные дела остается неизменным с тенденцией к снижению (с 6,2 % в 2013 г. до 5,5 % в 2022 году), что свидетельствует о противоречивой картине: с одной стороны, число официально зарегистрированных преступлений снижается, а с другой – число поступающих заявлений о совершении преступлений растет. Имеющиеся данные могут свидетельствовать о росте числа потерпевших от события, имеющего при-

знаки преступления, но так и не получившего уголовно-правовой оценки в рамках возбужденного уголовного дела.

Собственно на этот глобальный вопрос – проблему реального состояния защищенности охраняемых государством интересов граждан в своем недавнем выступлении обратила внимание Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук Татьяна Москалькова, которая отметила: «Ко мне в прошлом году поступило 4592 обращения от потерпевших или считающих себя потерпевшими от преступлений. Больше всего граждане жалуются на отказ в возбуждении уголовного дела – 1864 жалобы... Только по нашим ходатайствам в 2022 году прокурорами отменено 348 решений об отказе в возбуждении уголовного дела...». Поскольку в ходе проведения доследственной проверки, по результатам которой принимается решение о возбуждении уголовного дела, следователи и дознаватели совершают большое количество нарушений, по мнению Уполномоченного целесообразно отказаться от этапа проведения доследственной проверки и начинать производство с проведением всех следственных действий сразу после получения заявления о преступлении [7].

Нужно сказать, что в академической науке, стадия возбуждения уголовного дела особенно интересовала в связи с разработкой законодательства новых союзных республик. Переходной период послужил отправной точкой для анализа имеющегося опыта и обращению к компаративным исследованиям, касающимся отказа от стадии возбуждения уголовного дела и незамедлительного начала предварительного расследования [2, с. 7–10; 7, с. 41–46].

Сторонники сохранения действующего порядка возбуждения уголовного дела полагали, что доследственная проверка все же необходима для установления наличия или отсутствия условий для возбуждения уголовного дела. «Практика возбуждения уголовных дел при малейших поводах к этому привела бы к резкому росту количества необоснованно возбужденных дел, что повлекло бы, с одной стороны, нарушение принципа законности уголовного процесса, а с другой – излишнюю работу правоохранительных органов» [1, с. 77–80; 3; 5, с. 144–120; 6, с. 52; 8, с. 73–79; 9, с. 47–51; 10, с. 42–46].

Высказанное на самом высоком уровне предложение встретило острую реакцию и со стороны адвокатского сообщества. Так, адвокат, д. ю. н. Людмила Айвар, полагает, что «если уголовное дело возбуждено, возбудить его – вообще по щелчку, без проблем, а прекратить уголовное дело практически невозможно. И люди, попадающие в эту историю, пытаются в судах доказать свою невиновность. С учетом того, что у нас и суды имеют обвинительный уклон, и оправдательных приговоров у нас 0,01 только в мировых судах и в судах присяжных, которые отменяются влегкую, то это гораздо ухудшит положение наших граждан» [4].

Проведенный нами на базе Ростовского юридического института МВД России (2022 г.) и Академии управления МВД России (2023 г.) экспертный опрос (в качестве экспертной группы выступили 70 обучающихся из числа сотрудников органов предварительного расследования из 26 субъектов Российской Федерации) показал мнение более половины о том, что стадия доследст-

венной проверки должна быть сохранена. Так, по мнению 56 % опрошенных, все действия, составляющие эту стадию, совершаются до возникновения уголовного дела и обеспечивают законное и обоснованное решение вопроса о начале производства по уголовному делу. Помимо этого, создаваемый «фильтр» исключает повышенную нагрузку на органы предварительного расследования. Вторая, меньшая половина (44 %) опрошенных высказалась о том, что исключение стадии возбуждения уголовного дела положительно скажется на достижении целей уголовного судопроизводства, поскольку в практике доследственной проверки не являются исключением проблемы чрезмерного расширения времени проверки, дублирования проведения следственных действий, несвоевременного и ненадлежащего реагирования органов предварительного расследования на выявление признаков преступлений, укрытие их от учета, в том числе путем вынесения незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, списание сообщений о преступлениях в номенклатурные дела под видом неподтвердившейся информации о происшествиях.

По нашему убеждению, предложение об отказе от доследственной проверки имеет теоретико-прикладной интерес в первую очередь в связи с потребностью оптимизации сроков производства расследования при возможности безусловного сохранения его качества. В ходе реформирования не стоит отказываться от имеющегося положительного опыта зарубежных стран. На постсоветском пространстве новый процессуальный институт применяется с 2015 года в республике Казахстан. Нужно сказать, что на сайте Генеральной прокуратуры республики Казахстан имеется подробная информация о результативности защиты прав граждан в условиях применения новых уголовно-процессуальных норм [11].

Тем самым, реформирование досудебного судопроизводства путем возможного исключения стадии возбуждения уголовного дела следует рассматривать как исторический опыт, имеющий и положительные особенности для правосудия. Между тем, перед обращением к нему следует преодолеть ряд организационно-управленческих вопросов, касающихся, прежде всего, штатной численности и оптимизации труда сотрудников правоохранительных органов (не только органов предварительного расследования) и обеспечения эффективного, заинтересованного взаимодействия (внутреннего и внешнего) в целях борьбы с преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буланова Н. В., Яловой О. А. Отказаться от стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 77–80.

2. Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7–9.

3. Гаспарян Н. Гордиев узел доследственной проверки. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/gordiev-uzel-dosledstvennoy-proverki/> (дата обращения: 04.03.2023).
4. Гордеев В. Москалькова предложила возбуждать дела без доследственной проверки. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/02/2023/63f649079a794778816c62b2> (дата обращения: 04.03.2023).
5. Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114–120.
6. Добровлянина О. В. Основные содержательные черты и этапы досудебного производства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 3. С. 48–57.
7. Каретников А. С., Коретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Законность. 2015. № 1. С. 41–46.
8. Синькевич Н. А., Поступаленко С. И. Проблемы доследственной проверки в современном уголовно-процессуальном законодательстве // BENEFICIUM. 2020. № 4(37).
9. Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 47–51.
10. Шадрин В. С., Мухаметжанов А. О. Начальный этап досудебного производства: проблемы осуществления в России и результат реформирования в Казахстане // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 42–46.
11. Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 12 января 2023 «Об утверждении Инструкции по организации надзора за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror?lang=kk> (дата обращения: 04.03.2023).

УДК 343.9.01

Жбанков Виктор Андреевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Российская таможенная академия
г. Люберцы, Российская Федерация
viktor.zhbankov@mail.ru

Важнейшее направление развития криминалистики и совершенствования практики расследования преступлений

В статье отмечается, что ввиду всеобщей цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества и использования преступными сообществами достижений научно-

технического прогресса в этой области важнейшим направлением развития криминалистики, а также практики расследования преступлений является разработка теоретических и практических рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; цифровизация; киберпреступления; компьютерные преступления; теория компьютерно-технического обеспечения.

Zhbankov Victor Andreevich,
doctor of law, professor, honored
lawyer of the Russian Federation,
professor of the department of criminal law disciplines,
Russian Customs Academy
Lyubertsy, Russian Federation

The most important direction of development of criminalistics and improvement of practice of crime investigation

The article notes that in view of general digitalization of all spheres of life of a society and use by criminal communities of achievements of scientific and technological progress in this area, the most important direction of development of criminalistics, as well as practice of crime investigation is to develop theoretical and practical recommendations for collection, research and use of computer information for disclosure, investigation and prevention of crimes.

Keywords: criminalistics, digitalization, cybercrime, computer crime, theory of computer hardware.

В настоящее время происходит стремительное становление, развитие и совершенствование глобальных телекоммуникационных и компьютерных систем, разработка программного и аппаратного обеспечения электронно-вычислительных машин, цифровизация и компьютеризация всех сфер жизнедеятельности общества. При этом повышение доступности цифровых технологий, увеличение скорости передачи информации, относительная простота использования Интернета и ряд других факторов создали новые возможности в сфере коммуникации, бизнеса и т. д.

Все это не осталось без внимания преступного сообщества, вследствие чего возникло новое понятие «киберпреступность», под которой понимают систему преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных [4, с. 46–49].

В разработке средств и методов борьбы с киберпреступностью особая роль принадлежит криминалистике, ибо она в рамках своего предмета как никакая другая наука является каналом, через который данные других отраслей научного знания поступают в уголовное судопроизводство. Следует отметить, что криминалисты активно откликнулись на вызов времени: разработку средств и методов борьбы с киберпреступностью, о чем свидетельствуют работы

В. Б. Вехова, Е. П. Ищенко, В. А. Мещерякова, А. В. Нестерова, Е. Р. Россинской, Н. Г. Шурухнова и других ученых.

К настоящему времени сформировалась определенная система криминалистических знаний, относящихся к криминалистическому понятию киберпреступлений и их классификации, а также включающих информацию по раскрытию, расследованию и предупреждению данных преступлений. Однако о месте новых знаний в системе науки криминалистики среди ученых нет единой точки зрения. Так, некоторые из них предлагают сформировать новую науку «электронную» [1, с. 40–46] или «цифровую» [9, с. 357–362] криминалистику.

Мы не разделяем данную позицию и придерживаемся точки зрения Е. Р. Россинской, считающей, что рассматриваемую систему знаний в теоретическом аспекте надо разрабатывать в рамках «...новой частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой являются закономерности возникновения движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел» [6, с. 34].

Важнейшим направлением исследования киберпреступности является разработка криминалистической классификации киберпреступлений. В криминалистике их выделяют в особую группу: группу компьютерных преступлений. Так, А. С. Шаталов, подчеркивает, что «в криминалистическом аспекте киберпреступления (или компьютерные) преступления – это общественно опасные деяния для подготовки, совершения, сокрытия, а соответственно предотвращения, выявления, раскрытия и расследования которых применяют разного рода компьютерные технологии и (или) используется информационно-телекоммуникационная сеть Интернет» [8].

Компьютерные преступления весьма разнообразны. В литературе отмечается, что с помощью информационных технологий могут быть совершены как «традиционные» преступления (мошенничество, кражи, незаконный оборот наркотиков и т. д.), так и новые виды (противоправное проникновение в компьютерные сети с использованием вредоносных «тройных» программ с целью хищения денежных средств и т. д.) [6, с. 340–341]. В рамках данных групп преступлений их дальнейшая классификация может быть осуществлена по различным основаниям: предмету преступного посягательства, способу совершения деяний, свойствам личности преступников, орудиям и средствам совершения преступлений, роли компьютерной техники в механизме преступного деяния и т. д.

Анализ практики расследования преступлений, показывает, что следователям и дознавателям все чаще приходится иметь дело, с электронными носителями информации. В соответствии с п. 3.1.9 ГОСТ 2.051–2013 электронный носитель информации – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Круг данных объектов достаточно широк и постоянно пополняется. К ним, в частности, можно отнести персональные компьютеры, сетевые средства, серверы, коммуникационные средства (мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, мобильные станции и т. д.), микропроцессорные уст-

ройства (умные холодильники, пылесосы, телевизоры, станки с программным управлением, транспондеры, круиз-контролеры и т. д.), периферийное (вспомогательное) оборудование (принтеры, сканеры, плоттеры, мониторы, клавиатуры и т. д.). Все они являются носителями и производителями цифровых следов и, как показывает практика расследования преступлений, являются самыми распространенными объектами судебной компьютерно-технической экспертизы [7, с. 338–342].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 отмечается, что к числу компьютерных устройств могут быть отнесены любые электронные устройства, способные выполнять функции по приему, обработке, хранению и передаче информации, закодированной в форме электрических сигналов (персональные компьютеры, включая ноутбуки и планшеты, мобильные телефоны, смартфоны, а также иные электронные устройства, в том числе физические объекты, оснащенные встроенными вычислительными устройствами, средствами и технологиями для сбора и передачи информации, взаимодействия друг с другом или внешней средой без участия человека), произведенные или переделанные промышленным либо кустарным способом [5].

Таким образом, при расследовании любого преступления может возникнуть ситуация, связанная с обнаружением, изъятием и исследованием компьютерной информации, для разрешения которой следователю, дознавателю необходимы соответствующие знания, умения и навыки в этой области.

Между тем, проведенное нами исследование показало, что практические работники правоохранительных органов имеют слабые знания при расследовании и раскрытии компьютерных и других преступлений и действуют нередко «...интуитивно „как бог на душу положит“, что в принципе быть не может» [3, с. 20].

К сказанному можно добавить, что в ряде случаев работники правоохранительных органов вообще не действуют ввиду отсутствия у них соответствующих познаний.

Проведенный нами анализ обвинительных заключений о контрабанде наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров членами организованных преступных формирований показал, что условия деятельности структурных подразделений преступных сообществ обуславливает необходимость использования Всемирной глобальной компьютерной сети Интернет, телефонной связи, включая и мобильную, однако цифровая информация использовалась только по 60 % уголовных дел. В процессе опроса сотрудников правоохранительных органов установлено, что 18 % из них не имеют представления о цифровых следах, а 20 % имеют слабые знания. При этом установлено, что практические работники имеют очень слабые представления по вопросам, связанным с назначением судебной компьютерно-технической экспертизы. Данные экспертизы были назначены только по 10 % назначенных уголовных дел. При этом у 18 % опрошенных следователей и дознавателей отсутствовали какие-либо знания о возможностях судебной компьютерно-технической экс-

пертизы, а у 22 % об особенностях оформления направляемых на нее материалов [2, с. 105–112].

В заключение отметим, что разработка частной криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и практических рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению киберпреступлений на ее основе является важнейшим направлением в развитии науки криминалистики в современных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вехов В. Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-н/Д, 2017. С. 40–46.

2. Жбанков В. А., Барченкова Я. В. Судебная компьютерно-техническая экспертиза при расследовании таможенных преступлений // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 2. С. 105–112.

3. Комаров И. М. Некоторые проблемные вопросы «цифровизации» в криминалистике // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика : сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVI / Министерство науки и высшего образования РФ ; Алт. гос. ун-т ; отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 118–120.

4. Нестерович С. А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования. 2018. № 8(44). С. 46–49.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

6. Россинская Е. Р. Некоторые вопросы инновационного развития криминалистической науки (к юбилею профессора Н. П. Яблокова) // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч.-практ. ст. / под общ. ред. проф. И. М. Комарова. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 340–345.

7. Ростовцев А. В. Электронные носители информации как объекты криминалистического исследования // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы : Междунар. науч.-практ. конф., Тула – Хюэ, 9–10 июня 2022 г. Тула : Изд-во ТулГУ, 2022. С. 338–342.

8. Шаталов А. С. Использование современных информационных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и тенденции // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сб. материалов науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 311–319.

9. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях цифровизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апреля 2018 г. Минск, 2018. С. 357–362.

УДК 343.1

Иванов Александр Юрьевич
преподаватель кафедры ОРПиСЭ,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников Министерства
внутренних дел Российской Федерации
Тюмень, Российская Федерация
aivanov538@mvd.ru

Сотрудники охранно-конвойных подразделений МВД РФ и иные лица как участники следственных действий

В статье рассматриваются процессуальный статус, роль и функции сотрудников охранно-конвойных подразделений МВД РФ и иных участников следственных действий в уголовном судопроизводстве. Отражены проблемы включения или не включения в протокол следственного действия некоторых участников следственного действия. Выражена законодательная инициатива о введении в УПК РФ статьи, закрепляющей процессуальный статус участников следственных действий, формально не являющихся участниками уголовного судопроизводства, но вступающих в правоотношения со следователем или дознавателем в связи с производством следственных действий.

Ключевые слова: *уголовный процесс, предварительное расследование, следственные действия, участник следственного действия, процессуальный статус.*

Ivanov Aleksandr Yurievich
lecturer, department of organization
of crime investigation and Forensic
Examinations, Tyumen advanced training
institute of the Ministry of the interior
of the Russian Federation
Tyumen, Russian Federation

Employees of security and escort units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and other persons, as participants in investigative actions

The article deals with the procedural status, role and functions of employees of security and escort units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and other participants in investigative actions in criminal proceedings. The problems of inclusion or non-inclusion in the

protocol of the investigative action of some participants in the investigative action are reflected. A legislative initiative was expressed to introduce an article into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that fixes the procedural status of participants in investigative actions who are not formally participants in criminal proceedings, but who enter into legal relations with the investigator or interrogating officer in connection with the production of investigative actions.

Keywords: *criminal process, preliminary investigation, investigative actions, participant in an investigative action, procedural status.*

Следственные действия по уголовным делам производятся в соответствии с требованиями УПК РФ, в котором указаны основные принципы и требования для их проведения. Однако, как и большинство законов, УПК РФ содержит ряд коллизий и пробелов, которые приводят к самопроизвольному трактованию некоторых требований правоприменителями и как следствие к различной практике в проведении следственных действий.

В соответствии с пунктом 3 части 3 статьи 166 УПК РФ в протоколе следственного действия указывается фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности. Также в соответствии с частью 10 указанной статьи протокол должен содержать запись о разъяснении участникам следственных действий их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий [2, с. 296]. Таким образом, уже в названной статье содержится такое понятие как «участник следственного действия», термин которого не раскрыт ни в пятой статье (основные понятия, используемые в УПК РФ), ни во втором разделе УПК РФ (Участники уголовного судопроизводства).

В большинстве случаев требование пункта 3 части 3 статьи 166 УПК РФ на практике выполняется, например, при проведении обыска в качестве участвующих в следственном действии лиц указываются оперуполномоченный и специалист, при осмотре места происшествия указывается эксперт, при проведении показаний на месте также указывается оперуполномоченный. Но как видно указанные участвующие лица относятся к участникам уголовного судопроизводства, перечень которых закреплен во втором разделе УПК РФ и, кроме того, они, как правило, являются сотрудниками правоохранительных органов. Вместе с тем, в практике бывают случаи, когда для проведения того или иного следственного действия следователь привлекает лиц, статус которых в УПК РФ не предусмотрен, например, для принудительного вскрытия какого-либо помещения при проведении обыска против воли собственника данного помещения следователь может привлечь сотрудников силовых подразделений, обладающих определенными навыками и имеющих необходимую технику, например, МЧС РФ или Росгвардии. Возникает вполне логичный вопрос, обязан ли следователь указывать в протоколе следственного действия данные всех лиц, осуществляющих вскрытие помещения. Законодательно данный момент не урегулирован, что порождает ряд противоречий в практическом применении. Если на данную ситуацию посмотреть со стороны защиты, то, безусловно, адвокат и подозреваемый (обвиняемый) желали бы, чтобы данные каждого лица были

зафиксированы в протоколе следственного действия, поскольку это можно использовать для обжалования действий конкретного лица в дополнение к обжалованию всего следственного действия, также, данных лиц в перспективе можно было бы пригласить в суд для дачи пояснений с целью выявления нарушений при проведении следственного действия и исключения его результатов из доказательств. Подобная ситуация описана в жалобе адвоката И. Ю. Павлова в Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга по факту проведения обыска в офисе Мемориала по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 23, кв. 103 следователем М. Г. Калгановым [1]. Напротив, со стороны обвинения и непосредственно следователя, отражение в протоколе следственного действия данных подобных участников следственного действия может значительно затруднить процесс проведения самого следственного действия, поскольку вскрытие двери необходимо лишь на начальном этапе обыска, соответственно при проникновении в помещение помощь сотрудников МЧС РФ или Росгвардии не требуется, и они могут быть «распущены». Если же следователь включает указанных лиц в протокол как участников, то как итог на данных лиц распространяется обязанность участвовать во всем следственном действии и в соответствии с частью 7 статьи 166 УПК РФ засвидетельствовать данное участие путем подписания протокола по окончанию следственного действия. В зависимости от сложности обыска он может длиться несколько часов, в то время как на вскрытие двери может потребоваться до 20 минут. Таким образом, указание в протоколе каждого сотрудника МЧС или Росгвардии является не целесообразным как для следователя, так и для самих сотрудников. Вместе с тем не указывая сотрудников МЧС или Росгвардии в протоколе вовсе, возникает логичный вопрос, кто тогда вскрывал дверь? Не сам же следователь или оперуполномоченный осуществляли данный процесс гвоздодером или углошлифовальной машинкой. В теории это конечно не запрещено, но все же на практике маловероятно, поскольку у следователя и оперуполномоченного при проведении данного следственного действия совершенно иные обязанности. Кроме того, не указывая сотрудников МЧС или Росгвардии в протоколе обыска, следователь тем самым предоставляет защите лишние поводы для подачи жалоб на данное следственное действие. Как показывает практика, среди сотрудников МЧС или Росгвардии, привлекаемых для подобных мероприятий, присутствует лицо, возглавляющее процесс вскрытия, и следователи указывают данное лицо как участника следственного действия. Данный вариант вполне логичен и обоснован, поскольку лицо указывается как представитель силовой структуры, принимавшей участие лишь во вскрытии двери, указанное лицо отвечает за действия всех привлеченных сотрудников силового подразделения, кроме того оно сможет без вреда для своей службы остаться до конца проведения следственного действия, в то время как исполнители после вскрытия могут быть отправлены для выполнения иных задач. Кроме того, при поступлении жалоб со стороны защиты на проведенное подобное следственное действие, лицо проводящее проверку по жалобе с большей долей вероятности не усмот-

рит нарушения закона в действиях следователя. Так, для наглядности следует привести пример из практики расследования уголовного дела, связанного с мошенничеством в особо крупном размере посредством получения денежных средств в качестве займа. В процессе расследования уголовного дела возникла необходимость в проведении обыска в одной из квартир г. Тюмени, для чего была получена соответствующая санкция суда. Хозяин квартиры, имеющий на дату проведения обыска статус обвиняемого, отказался добровольно открыть дверь, в связи с чем следователем было принято решение вскрыть дверь против воли собственника квартиры для чего была приглашена группа специалистов в количестве 4 человек из числа сотрудников Росгвардии. В качестве участвующего в следственном действии лица был указан сотрудник, возглавляющий прибывшую группу. В результате процесс вскрытия двери занял около 30 минут, после чего 3 сотрудника Росгвардии были распущены, в то время как сам обыск по времени продлился еще 1,5 часа. В поступивших в последующем со стороны защиты жалобах на действия следователя в том числе было отражено, что не все участники следственного действия были указаны в протоколе обыска, однако надзорным органом нарушений со стороны следователя установлено не было, поскольку было указано лицо, возглавляющее прибывших сотрудников Росгвардии [5].

Таким образом, представляется логичным и наиболее верным решением указывать в протоколе обыска лицо, возглавляющее группу сотрудников МЧС или Росгвардии, привлеченных для вскрытия дверей или помещений.

Не менее дискуссионной является ситуация, когда в следственном действии принимают участие сотрудники охранно-конвойных подразделений МВД РФ (далее по тексту ОКП МВД РФ). С целью обеспечения выполнения всех задач уголовного судопроизводства со стороны лица, которое по версии следствия причастно к совершению расследуемого преступления, следователь (дознатель) вправе избрать в отношении него меру пресечения. Меры пресечения, избираемые в отношении подозреваемых или обвиняемых закреплены в статье 98 УПК РФ, а основания для их избрания в статье 97 УПК РФ. Наиболее жесткой мерой пресечения и вместе с тем наиболее распространенной на территории РФ после подписки о невыезде и надлежащем поведении, является заключение под стражу (статья 108 УПК РФ), поскольку она ограничивает право гражданина на свободу, предусмотренное статьей 22 Конституции РФ. Исходя из этого избрание меры пресечения в виде заключения под стражу может производиться лишь на основании судебного решения, что закреплено в пункте 2 статьи 22 Конституции РФ, а также в ряде статей УПК РФ. Помимо создания ряда неудобств для подозреваемого (обвиняемого) при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, государство возлагает на себя обязанности по обеспечению указанного лица всеми условиями для исполнения ограничений. Кроме материальных затрат, которые государство несет на строительство и содержание следственных изоляторов (СИЗО) и изоляторов временного содержания (ИВС), на питание и одежду, также государство вынуждено осущест-

влять охрану указанных граждан как внешнюю (от посягательств на жизнь и здоровье заключенных со стороны лиц, находящихся на свободе), так и внутреннюю (недопущение попыток побега с территории СИЗО или ИВС, недопущение внутренних конфликтов между следственно-задержанными). Для обеспечения указанных условий в правоохранительной системе России создано ОКП МВД РФ. Поскольку СИЗО или ИВС в общем смысле нельзя отнести к исправительным учреждениям, а их назначение больше связано с обеспечением процесса расследования уголовных дел и судебного следствия, соответственно одной из основных задач ОКП МВД РФ является обеспечение наиболее эффективного, быстрого и продуктивного участия, следственно-арестованных в процессе предварительного расследования по уголовным делам. В статье 28 федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ закреплено, что по указанию следователя (дознателя) обеспечивается конвоирование заключенного под стражу к месту проведения следственных действий или же на территории СИЗО (ИВС) предоставляется оборудованное помещение для проведения необходимых следственных действий. При конвоировании следственно-задержанного к следователю, на сотрудников ОКП МВД РФ также распространяется обязанность по охране субъекта, что приводит к тому, что сотрудники обязаны присутствовать при проведении с участием подозреваемого (обвиняемого) каждого следственного действия. Таким образом, возникает вполне актуальный вопрос, надлежит ли следователю указывать сотрудников ОКП МВД РФ в протоколе следственного действия как его участников. К факторам, выступающим за включение в протокол относится то обстоятельство, что сотрудники ОКП МВД РФ наряду со следователем являются сотрудниками правоохранительных органов, кроме того, само присутствие данных лиц при следственном действии может оказывать на подозреваемого (обвиняемого) психологическое воздействие, которое может привести либо к отказу от дачи показаний, либо к самооговору и как итог последующему отказу от данных показаний в суде с мотивировкой оказания психологического давления со стороны правоохранительных органов. Ну и безусловно в зависимости от модели поведения защитника, не включение сотрудников ОКП МВД РФ в протокол следственного действия, может спровоцировать подачу жалоб на действия следователя.

К факторам, выступающим за невключение в протокол сотрудников ОКП МВД РФ относятся: во-первых, сотрудники ОКП МВД РФ не являются участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными в разделе втором УПК РФ, их права и обязанности в уголовно-процессуальном законодательстве не урегулированы, а как указано выше, следователь при производстве следственного действия участвующим лицам должен разъяснить их права и обязанности, при этом не ясно какой статус прописывать сотрудникам ОКП МВД РФ в протоколе следственного действия и какие права и обязанности разъяснять. Во-вторых, сотрудники ОКП МВД РФ помимо доставления следственно-задержанных к следователю, выполняют аналогичную работу по доставлению заключенных в суды, где также присутствуют на судебных заседаниях, однако

в протокол судебного заседания как участники судебного процесса не вносятся, что не является нарушением закона и как следствие не является основанием для подачи жалоб.

Из вышеприведенных ситуаций, которые при расследовании уголовных дел встречаются достаточно часто, видно, что уголовно-процессуальное законодательство РФ требует корректировки и дополнений в части введения дополнительной статьи или пункта с дачей определения иного участника следственного действия, поскольку раздел второй УПК РФ (участники уголовного судопроизводства) отражает не весь перечень прав и обязанностей лиц, которые могут быть привлечены следователем для производства следственного действия. Среди ученых уже давно выработана позиция об участниках следственного действия как о различных государственных органах, их должностных лицах, а также физических и юридических лицах, вступающих в определенные уголовно-процессуальные отношения в качестве носителей предусмотренных законом полномочий, прав, обязанностей и ответственности, вытекающих из назначения и содержания этих правоотношений [3, с. 20–25].

В статье 128 УПК РСФСР была закреплена обязанность следователя привлекать для раскрытия и расследования преступлений помощь общественности. С. А. Шейффер подобную категорию лиц определяет, как вспомогательных участников следственного действия при этом он указывает о необходимости включения данных лиц в протокол следственного действия в качестве участников и фиксации их действий, поскольку они выполняются на основе предписаний уголовно-процессуального закона и по предложению следователя, т. е. носят процессуальный характер [6, с. 134–159].

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ обязанность следователя привлекать помощь общественности не закреплена, что, по нашему мнению, создает затруднения следователю провести следственное действие в соответствии с планом. Дело в том, что по своей сути практически любое следственное действие является принудительным мероприятием, возлагающим на его участников определенные обязанности. Следователь, как инициатор следственного действия, является его руководителем и, обладая властными полномочиями, вправе требовать от участников следственного действия выполнения того или иного действия (от свидетеля или потерпевшего дачи показаний, от эксперта обработки того или иного предмета на наличие следов преступления, от переводчика перевода речи или текста и т. д.) [4]. Указанные требования косвенно отражены в УПК РФ как в статье, предусматривающей полномочия следователя, так и в статьях, указывающих обязанности и права участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, отсутствие в УПК РФ нормы, регламентирующей права и обязанности иных участников следственного действия, может привести к их банальному отказу от участия в следственном действии по причине нежелания, по аналогии с правом, а не обязанностью гражданина РФ принять участие в следственном действии в качестве понятого. Таким образом, сотрудники ОКП МВД РФ, привлекаемые следователем для дос-

тавки следственно-задержанного для проведения следственного действия вправе попросту отказаться его сопровождать для проведения проверки показаний на месте, либо прервать допрос в 18:00 по причине окончания их рабочего времени. На практике в настоящее время подобные случаи мало вероятны, поскольку взаимоотношения между следователем и сотрудниками ОКП МВД РФ выстраиваются через взаимоотношения соответствующих руководителей. Вместе с тем, гораздо эффективнее было бы урегулировать данные взаимоотношения посредством внесения изменений в УПК РФ в части включения такого участника уголовного судопроизводства как иной участник следственного действия с отражением его прав и обязанностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Информационно-аналитический портал об общественно-политической жизни России и мира «Полит.ру». URL: <https://polit.ru/article/2009/03/20/pavlov> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.
3. Россинский С. Б. О понятии, сущности и системе участников следственных действий // Юридическое образование и наука. 2017. № 8. С. 20–25.
4. Старцев А. Е., Хижняк Д. С. Участники следственных действий // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 320–325.
5. Уголовное дело № 11701710053000294.
6. Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001. 208 с.

УДК 343.9

Нестеров Андрей Олегович,

начальник, организационно-зональный отдел
следственного управления Управления
Министерства внутренних дел
России по Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
anesterov60@mvd.ru

О некоторых аспектах организации работы по возмещению ущерба, причиненного в результате совершения преступления

В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального и гражданского законодательства в части принятия мер, направленных на возмещение ущерба, причиненного в результате совершенного преступления. Раскрывается полнота принимаемых мер по возмещению ущерба, их достаточность и эффективность.

Ключевые слова: преступление, ущерб, изъятие, арест, имущество, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Nesterov Andrey Olegovich,
chief, Organizational and zonal Department
of the Investigative Department of the Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kostroma, Russian Federation

The article deals with the norms of criminal procedure and civil legislation in terms of taking measures aimed at compensating for damage caused as a result of a crime committed. The completeness of the measures taken to compensate for the damage, their sufficiency and effectiveness is disclosed.

Keywords: crime, damage, seizure, arrest, property, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Конституцией Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [1]. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

Так, статьей 52 Конституции Российской Федерации установлено, что права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Указанная норма начала свое действие в 1993 году, вместе с этим уголовно-процессуальное законодательство, которое закрепило данное обязательство государства в лице его органов власти, закреплено Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», которым введена статья 162.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в последующем изменена Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») [5].

В соответствии с данной статьей, если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер по конфискации имущества в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] либо за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого или имущества подозреваемого, обвиняемого, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, и имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответст-

венность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество.

Таким образом, законодатель официально закрепил за органами расследования, помимо существующей ранее в статье 21 Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации обязанности осуществления уголовного преследования, обязанность по возмещению вреда, причиненного преступлением, механизм которого может быть осуществлен путем добровольного и принудительного возмещения.

Добровольное возмещение заключается в самостоятельной передаче похищенного имущества или его эквивалента, являющегося равным или соответствующим этому имуществу.

Касаемо принудительного возмещения вреда рассмотрим наиболее часто применяемые – изъятие похищенного имущества и арест.

Под изъятием понимается действие, означающее отъем, отчуждение, удержание чего-либо из владения кого-либо. То есть в данном случае происходит передача похищенного имущества принудительно.

Если добровольное возмещение заключается в самостоятельной передаче похищенного имущества или его эквивалента, являющегося равным или соответствующим этому имуществу, а изъятие, как способ принудительного возмещения, отличается только наличием воли субъектов отношений по изъятию имущества, то механизм принудительного возмещения в виде ареста сложнее, обладает упорядоченной законодательно процедурой и значительным набором средств для его осуществления.

Итак, второй способ принудительного изъятия имущества – арест, являющийся мерой процессуального принуждения, не ограничен положением статьи 115 Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации и через применение норм иного законодательства позволяет существенно расширить перечень случаев и имущества, при которых и за счет которых могут быть приняты меры, обеспечивающие возмещение ущерба.

Согласно статье 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

То есть законодатель установил, что, во-первых, имущество может быть наложено не только для обеспечения приговора в части гражданского иска или по сути возмещения самого ущерба, но и в целях обеспечения взыскания штрафа, во-вторых, данные взыскания могут быть наложены не только на имущество подозреваемых или обвиняемых, т. е. лиц непосредственно совершивших

преступления в различной форме соучастия, но и иных лиц, которые сами преступных действий не совершали.

Раскрывая первое направление принудительных мер в виде ареста, следует указать, что одним из видов наказания, предусмотренных статьей 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, является штраф, который содержится в санкциях статей особенной части, в том числе по преступлениям, в результате совершения которых имущественный вред не причинен.

Например, статьи 171 (незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в крупном размере) или 228 (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества).

Применимо к данным статьям, являющимся малой частью норм особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых допустимо применять штраф как вид наказания, следовательно, в чьем производстве находится уголовное дело, полномочен без наличия гражданского иска обращаться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого, что позволяет применять обеспечительные меры с начальной стадии расследования – возбуждение уголовного дела.

Применимо ко второму направлению взыскания путем ареста законодатель расширил перечень лиц, на имущество которого оно может быть обращено.

Статьями 1068 и 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] установлено, что юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, а также в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

Возвращаясь к статье 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, лицу, проводящему расследование, допустимо наложить арест на имущество лиц, указанных в приведенных статьях гражданского законодательства.

К примеру, работником, являющимся водителем организации, при исполнении своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей, нарушены правила дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, повлекшие по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть человека, что образует состав преступления, предусмотренного ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При расследовании уголовного дела по указанному факту, следователю допустимо, при наличии гражданского иска, обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста не только на имущество лица, совершившего преступление,

но и имущество его работодателя, которым в данном случае является организация – юридическое лицо.

Применяя нормы гражданского законодательства допустимо существенно расширить перечень имущества, на которое может быть обращено взыскание.

На основании статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага.

То есть, под имуществом следует понимать – материальные и нематериальные объекты гражданских прав, которые по общему правилу могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому.

В данном случае, расследуя уголовное дело, допустимо применять арест как меру процессуального принуждения не только в отношении вещей, имеющих свои качественные, измерительные, оценочные и иные характеристики, но и имущественные права, объекты интеллектуальной собственности и т. д.

Раскрывая правовые позиции данных норм законодательства имущественные взыскания могут быть применены, например к дебиторской задолженности, т. е. к задолженности перед организацией и физическим лицом или простыми словами на сумму долга и обязательств.

Таким образом, применяя нормы уголовно-процессуального законодательства в совокупности лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, обладает существенными полномочиями и средствами для принятия мер по возмещению вреда, причиненного преступлением, являющимися его обязанностью в соответствии с требованиями статьи 162.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом изменений, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФЗК, от 30 декабря 2008 года № 7-ФЗК, от 05 февраля 2014 года № 2-ФЗК, от 01 июля 2020 года № 11-ФЗК). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.05.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 19.05.2023).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 01 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9097 (дата обращения: 19.05.2023).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 19.05.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 19.05.2023).

УДК 343.13

Костерин Владимир Владимирович,
Департамент правового обеспечения
внешнеэкономической деятельности,
«Управляющая компания «Группа ГАЗ»
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
kosterinvladimir@yandex.ru

К вопросу о сущности обвинения в смешанном типе уголовного процесса России

Следственный порядок выдвижения публичного обвинения противоречит принципу состязательности и является несправедливым. Предлагается перейти на судебный порядок выдвижения обвинения, что надлежащим образом обеспечивало бы право на защиту обвиняемого.

Ключевые слова: выдвижение обвинения, следственный порядок, состязательность, право на защиту, справедливость.

Kosterin Vladimir Vladimirovich,
Department of legal support of foreign economic
activity “Management company “GAZ Group”
Nizhny Novgorod, Russian Federation

To the question of the nature of the accusation in the mixed type of criminal process in Russia

The investigative procedure for bringing a public charge is contrary to the principle of competition and is unfair. It is proposed to switch to a judicial procedure for bringing charges, which would properly ensure the right to defense of the accused.

Keywords: accusation, investigative order, competitiveness, right to defense, justice.

Целью статьи является формулирование авторского позиции относительно обвинения, существующую форму выдвижения которого, по мнению автора, надо менять.

В отечественной уголовной процессуалистике нет недостатка в определениях обвинения [3, с. 17; 5, с. 11–12; 8, с. 25]. Общеизвестно то, что институт обвинения является одним из центральных в уголовно-процессуальном праве.

Большинство авторов, следуя законодательной дефиниции обвинения (пункт 22 статьи 5 УПК РФ) определяют сущность обвинения через термин «утверждение», а именно: обвинение – это утверждение, делаемое обвинителем о совершении обвиняемым лицом преступления. Принципиально при этом важно, во-первых, то, кто делает данное утверждение, какой субъект выдвигает обвинение. Это может быть или судебный обвинитель, или следователь – орган предварительного расследования. Во-вторых, принципиально важно то, где делается утверждение о совершении обвиняемым, инкриминируемого ему преступления: или перед судебным органом или во внесудебном порядке. Наконец, в-третьих, важно и то, какие правовые последствия порождает выдвижение обвинения. В обвинительном процессе выдвижение обвинителем обвинения перед судебным органом начинает процесс. Все что было до выдвижения обвинения – предварительное, досудебное производство – не имеет правового, доказательственного значения, пока не будет представлено или исследовано в судебном заседании.

В сущности, обвинения выделяют процессуальный, материальный и фактический аспекты [8, с. 87]. С уголовно-правовым или материальным аспектом связывают реализацию уголовной ответственности или привлечение к уголовной ответственности [3, с. 29]. И хотя сегодня сторонников такой трактовки уголовно-правового значения выдвижения обвинения не так много, в советское время это была официальная позиция судебной власти [9, с. 278].

При этом часто путаются фактический и материальный аспекты обвинения [2, с. 329–335], хотя это совершенно разные явления. Под фактической стороной обвинения надо понимать обвинительные доказательства или доказательства, обосновывающие обвинение.

Несмотря на различие, между фактической и уголовно-правовой сторонами обвинения, разумеется есть взаимосвязь. Как нам представляется, наиболее правильно эта связь объяснена О. В. Левченко, который пишет, что «формула обвинения» есть смысл статьи (статей) уголовного кодекса, проинтерпретированный обвинителем и предлагаемый суду (но также и стороне защиты) в качестве правовой основы для разрешения уголовного дела по существу [7].

Особняком стоит исковая трактовка обвинения, распространенная в досоветский период, и возродившаяся в работах некоторых авторов нашего времени [1, с. 35–47]. Она наиболее точно отражает сущность обвинения в состязательном (обвинительном) процессе.

На наш взгляд, в обвинении наиболее ярко проявляется типовая сущность уголовного процесса. Каждому из трех типов уголовного процесса присуща своя форма выдвижения, изменения обвинения.

В состязательном или обвинительном процессе, где функции обвинения и суда разделены, обвинение выдвигается обвинителем, публичным или частным, перед судом. Судебная форма выдвижения и изменения обвинения в худшую

сторону является на наш взгляд, наиболее оптимальной формой обвинения. Оптимальной в плане баланса частного и публичного интересов. Суд выступает

В смешанном уголовном процессе, каковым является современный российский уголовный процесс уголовно-процессуальный порядок выдвижения обвинения также носит смешанный характер. Процедура его выдвижения начинается с вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Затем следует предъявление обвинения в порядке, предусмотренном главой 23 УПК РФ. Следующий этап выдвижения обвинения связан с утверждением прокурором обвинительного заключения и направлением уголовного дела в суд. И наконец, завершается выдвижение обвинения вынесением судом постановления о назначении судебного заседания по делу, что означает предание обвиняемого суду по обвинению, выдвинутому стороной обвинения в лице прокуратуры и органа предварительного расследования. Для всей этой многоэтапной, сложной процессуальной схеме минимально обеспечено право обвиняемого защищаться против выдвигаемого обвинения на равных со стороной обвинения перед судом. Поэтому такую модель выдвижения обвинения мы считаем неправильной.

Мы являемся сторонниками исковой трактовки сущности обвинения, а именно: обвинение есть публичный уголовный иск, который предъявляется публичным или частным обвинителем перед судом против обвиняемого. Именно по исковой модели мы и предлагаем реформировать процедуру выдвижения обвинения.

В литературе уже высказываются близкие к этой позиции предложения по изменению порядка выдвижения обвинения [6, с. 98–105]. Однако эти позиции исходят из неизменности следственной формы досудебного производства по уголовному делу.

Мы занимаем более радикальную позицию, которая изложена в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» [4, с. 92]. Основываясь на ней, мы можем сказать, что сущность обвинения заключается в правопритязании обвинителя к суду на признание права на применение уголовного закона к обвиняемому, в случае подтверждения в суде доказательствами основания для этого.

Мы являемся сторонниками перехода на судебный порядок выдвижения обвинения. Публичное обвинение должно выдвигаться прокурором перед следственным судьей с участием стороны защиты. При признании следственным судьей обоснованности обвинения уголовное дело должно направлять в суд по подсудности для разрешения по существу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

2. Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. А. Лазаревой. Самара, 2010. Вып. 5. С. 329–335.

3. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. 136 с.
4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М., 2015. 302 с.
5. Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности : учеб. пособие. Харьков, 1978. 78 с.
6. Ковтун Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1. С. 98–105.
7. Левченко О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. М., 2022. 176 с.
8. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. 383 с.
9. Судебный контроль в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / И. А. Давыдов и др., под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. 847 с.

УДК 343.131

Черков Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
с. н. с., доцент кафедры государственного управления,
Луганский государственный университет им. В. Даля
г. Луганск, Российская Федерация
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Черкова Марина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент,
с. н. с., доцент кафедры государственного управления,
Луганский государственный университет им. В. Даля
г. Луганск, Российская Федерация
marina.cher.80@mail.ru

Реализация принципа состязательности в уголовном процессе: отдельные аспекты

В статье рассматриваются вопросы комплексного и всестороннего подхода к познанию проблем и поиску адекватных путей совершенствования реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

***Ключевые слова:** стадия, уголовное судопроизводство, принцип состязательности, ходатайство, обжалование, гарантии, реализация прав, права человека.*

Cherkov Vladimir Aleksandrovich,
PhD in law, associate professor,
associate professor of the department
of public administration,
Lugansk State Volodymyr Dahl University
Lugansk, Russian Federation

Cherkova Marina Yuryevna,
PhD in law, associate professor,
associate professor of the department
of public administration,
Lugansk State Volodymyr Dahl University
Lugansk, Russian Federation

Implementation of the adversarial principle in criminal proceedings: certain aspects

The article is devoted to the questions of an integrated and comprehensive approach to understanding the problems and finding adequate ways to improve the implementation of the principle of adversarial parties at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Keywords: *stage, criminal proceedings, adversarial principle, petition, appeal, guarantees, realization of rights, human rights.*

Одним из фундаментальных базовых принципов уголовного судопроизводства является принцип состязательности сторон, а необходимость построения процесса в соответствии с ним обусловлена основополагающими международными документами (ст. 10, 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 года, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года). Представляется, что состязательный процесс – наиболее подходящий и соответствующий современным реалиям, где защита прав и свобод человека – одна из основных, приоритетных задач государства, социальная направленность которого обязывает в рамках судопроизводства обеспечить равноправие сторон в реализации их возможностей предоставления доказательств и формирования предмета доказывания, избрания способов защиты противоборствующих интересов, максимально оперативного и эффективного достижения истины за счет активных и равнозначных позиций сторон. Состязательный процесс свойственен развитому демократическому обществу и правовому государству. Состязательность процесса предполагает форму его организации с четким разграничением функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу с учетом их процессуального равноправия и реализации активности сторон обвинения и защиты, которая позволяет им самостоятельно отстаивать свои права, свободы, законные интересы, правовые позиции, способами, предусмотренными законодательством; участия в споре путем полемики перед независимым и незаинтересованным в исходе дела су-

дом, что в целом гарантирует объективное, всестороннее и полное рассмотрение дела с вынесением законного и обоснованного решения. Такие интересы сторон противоположны, исходя из основных процессуальных функций и направления деятельности участников уголовного процесса. Сама по себе состязательность лишь определяет положение сторон в процессе, однако не решает тех процессуальных проблем, которые возникают при ее декларативном провозглашении. Ее сущность состоит в паритетности сторон в реализации предоставленных им прав и обязанностей в ходе уголовного производства. Рассматриваемый принцип успешно реализуется в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран мира, составляя одну из основных гарантий прав обвиняемого.

Данная тема волнует многих ученых и является камнем преткновения в спорах как практиков, так и ученых-процессуалистов, и мы придерживаемся позиции тех исследователей, которые, признавая важность рассматриваемого принципа и необходимость распространения его действия абсолютно на всех стадиях уголовного судопроизводства, убеждаются в его декларативности и слабой жизнеспособности на стадии предварительного расследования, обретающего свое значение и присутствие только лишь в стадии судебного рассмотрения дела, и то, зачастую, в суде первой инстанции. Гарантия стабильности сторон в уголовном процессе обеспечивается осуществлением уголовного преследования исключительно стороной обвинения; обеспечением обвиняемому права на защиту; осуществлением правосудия только судом. Если сузить указанные гарантии исключительно до стадии предварительного расследования, то здесь состязательность проявляется в предоставлении подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 46, 47 УПК РФ); исключительности полномочий суда в принятии решений о возможном ограничении конституционных прав личности (ст. 106–108, 114–115 УПК РФ); наделении возможностью судебного порядка обжалования действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование (ст. 125 УПК РФ); наделении сторон правом ходатайства об исключении доказательства (ст. 235 УПК РФ). Кроме того, состязательность обеспечивается и совокупным объемом прав участников судопроизводства, которые формально можно объединить в два блока, в зависимости от активности сторон в их реализации: пассивные права (право подозреваемого/обвиняемого знать, в чем он подозревается/обвиняется; ознакомления с материалами дела, с доказательствами, ходатайствами и жалобами других участников процесса, а также результатами их рассмотрения; другие права, имеющие больше информативный оттенок), а также активные права (право отстаивания своей и оспаривания противоположной позиции; право представления своих доказательств, участия в исследовании прочих; право задавать вопросы другим участникам процесса; право заявлять ходатайства; право обжалования действий (бездействия) органов и должностных лиц, а также судебных решений, и т. д.). Ранее мы выяснили, что состязательность изначально была присуща англосаксонской правовой системе, но с развитием государственности и права в разных уголках планеты на сегодняшний день состязательный процесс признан наиболее демократичным и желанным, естественно,

с учетом политических, экономических, социальных особенностей государств, заимствующих эту модель у Туманного Альбиона.

Стремление построения состязательного процесса, установления истины по делу являются неоспоримыми гарантиями справедливого, качественного правосудия. Законодательное закрепление состязательности сторон и обеспечение гарантий ее соблюдения на стадии предварительного расследования является прогрессивным шагом к достижению задач уголовного судопроизводства. Ведь на сегодняшний день, права предусмотрены, а ресурс для сбора доказательственной базы – у каждой из сторон различен. Они реальны для стороны, представляющей публичные интересы. Для оппонента же – лишь диспозитивны. Как известно, в досудебных стадиях осуществляется поиск, выявление, сбор, проверка, оценка фактических данных относительно совершенного деяния, которые в последствии станут/либо по какой-либо причине не станут доказательством по делу, их процессуальное оформление и придание соответствующего статуса. Предназначением досудебных стадий является, прежде всего, сбор первичных материалов для дальнейшего судебного разбирательства; роль суда урезана, поскольку сводится лишь к легализации проведения ряда процессуальных действий, а также рассмотрению жалоб (ст. 29, 125, 125¹ УПК РФ). До момента возбуждения уголовного дела, в ходе проверки поводов и оснований для его возбуждения, наделение участников проверочных действий определенным процессуальным статусом и возможность уже на проверочном этапе привлечь защитника для допроса лица позволят скоординировать деятельность лиц, оказавшихся в поле зрения правоохранительных органов. Защита станет весомым противовесом даже в случае предварительного, неопределенного характера обвинения [1, с. 252–253]. Полномочия сторон расширяются после принятия решения о возбуждении уголовного дела и начала предварительного расследования. Так, сторона обвинения наделена широким спектром полномочий на производство следственных действий и мероприятий, предусмотренных главами 24–27 УПК РФ и принятием решений относительно судьбы уголовного дела. Расширяются полномочия суда, помимо санкционирования некоторых следственных действий и разрешения жалоб, он принимает решения о применении к подозреваемому/обвиняемому мер принуждения. И вот с этого момента начинаются вопросы относительно полномочий защиты по вовлечению в процесс доказывания. Нам представляется интересным мнение, согласно которому правом на самостоятельный сбор доказательственной базы участник процесса наделается когда УПК позволяет ему совершать действия, направленные на обнаружение и закрепление сведений, информации, а также признает результаты указанных действий доказательствами по уголовному делу [2, с. 55]. Именно доказательственная деятельность составляет основу, стержень всей процессуальной деятельности участников на данной стадии разрешения конфликта, а ее эффективность напрямую зависит от степени и эффективности вовлеченности стороны в процесс доказывания. Как нам известно, сторона защиты не является полноправным соперником стороны обвинения, а на досудебной стадии так безусловно; она лишена многих прав и полномочий, которыми ее оппонент обладает в силу своего процессуального статуса, даже несмотря на то, что законо-

датель включил сторону защиты в круг субъектов доказывания, наделив ее правом собирать доказательства, однако не регламентировал процессуальную форму реализации предоставленного спектра прав. Ей больше свойственна функция отрицания, опровержения предмета обвинения. Однако реальными субъектами сбора доказательств так и остались государственные органы, наделенные властными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства – следствие, дознание, прокуратура. Только им доступны основные способы сбора доказательств, все иные участники процесса в той или иной мере обладают лишь правом (с учетом законодательно оговоренных ограничений данного права) участия в процессе доказывания. При существующем распределении процессуальных прав и возможностей справедливость соревнования ставится под вопрос. Только последовательное закрепление и реализация принципа состязательности на всех без исключения стадиях уголовного процесса позволит отечественному правосудию избавиться от обвинительного уклона. Отношения сторон обвинения и защиты должны базироваться, по нашему мнению, не на конфликте и споре, а скорее на конкуренции, взаимодействии противоположных интересов. Решающее значение для реализации принципа состязательности имеют объем и соотношение процессуальных прав и возможностей сторон. Для справедливого разрешения дела недостаточно только разделения функций обвинения и защиты, очень важно, чтобы сторона защиты имела равнозначную возможность противостоять стороне обвинения. Размышляя о затронутой проблеме очевидно, что противоборствующим сторонам необходим реальный объем полномочий, который позволит им вести честное состязание. Сегодня сторона обвинения наделена таким широким кругом полномочий, дающим возможность направлять и контролировать ход дела, что ставит сторону защиты в зависимость от «процессуального настроения» своего оппонента. Не случайно стороны провозглашены равноправными не по отношению друг к другу, а лишь перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). «В настоящее время не реализованный на досудебных стадиях уголовного судопроизводства принцип состязательности остается правовой идеей, хотя и закреплённой нормативно, но не обеспеченной функционально» [3, с. 149].

Конституционный, общепроцессуальный принцип должен стать не ориентиром, а основой деятельности всей правоохранительной системы. «Основное направление совершенствования российского уголовного процесса заключается в развитии конституционного принципа состязательности, а не в его сворачивании. Предстоит еще немало сделать для его полного воплощения в нашем уголовном судопроизводстве, в обеспечении органически связанного с ним равенства прав участников уголовного судопроизводства» [4, с. 57–59].

Таким образом, все обозначенные моменты требуют комплексного и всестороннего подхода к познанию имеющейся проблемы и поиску адекватных путей совершенствования реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые приведут действующее законодательство в соответствие с международными стандартами, а также фактическими реалиями, поскольку обеспечение фактической состязательно-

сти – одна из первоочередных задач законодателя при построении демократического судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьев Ю. В. Равенство прав участников уголовного процесса на первоначальном этапе расследования уголовного дела // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2(25). С. 252–253.
2. Тишутина И. В. Защитник в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 2(77). С. 55. URL: https://esiirk.mvd.ru/upload/site133/document_file/nauka/277compressed.pdf (дата обращения: 10.02.2023).
3. Азаренок Н. В. Обусловленности состязательности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 149.
4. Ляхов Ю. А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 57–59.

УДК 343.13

Афанасьева Карина Александровна,
студент, Юго-Западный
государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
karina-afanaseva-02@mail.ru

Чистилина Дарья Олеговна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
darya-chistilina@yandex.ru

Проблемные аспекты проведения допроса свидетеля в рамках предварительного расследования уголовного дела

В настоящей статье рассматриваются проблемные аспекты проведения допроса свидетеля, а также рекомендации по устранению недостатков и совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в рамках предварительного расследования уголовного дела. Акцентируется внимание на необходимости использования следователем психологических закономерностей, не нарушающих процессуальные права и обязанности свидетелей в ходе данного следственного действия. Исследуются факторы, позволяющие органу предварительного расследования выстроить необходимую линию поведения при производстве допроса и добиться получения требуемой информации, которая в дальнейшем будет использоваться для установления какого-либо из подлежащих доказыванию фактов.

Ключевые слова: допрос, следователь, свидетель, предварительное расследование, уголовное дело, следственное действие.

Afanasyeva Karina Aleksandrovna,
student, Southwestern State University
Kursk, Russian Federation

Chistilina Daria Olegovna,
candidate of law, associate professor
of the department of criminal procedure
and criminalistics, Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Problematic aspects of witness interrogation in the framework of preliminary investigation of a criminal case

This article discusses the problematic aspects of witness interrogation, as well as recommendations for elimination and improvement of criminal procedural legislation within the framework of preliminary investigation of a criminal case. Emphasis is placed on the need for an investigator to use psychological patterns that do not violate procedural rights and obligations of witnesses during this investigative action. Factors are investigated which allow an organ of preliminary investigation to build a necessary line of conduct during the interrogation and to obtain the required information, which later is used to determine any of the facts liable to be proved.

Keywords: *interrogation, investigator, witness, preliminary investigation, criminal case, investigative action.*

Одним из самых распространенных следственных действий как во время действия УПК РСФСР 1960 года, так и в настоящее время является допрос. Именно во время дачи показаний свидетелями следователь получает значимую информацию для уголовного дела с целью установления истины. В связи с этим можно говорить о том, что допрос является основным и важным способом формирования доказательственной базы.

Следователь вправе вызвать на допрос в качестве свидетеля любого гражданина, которому известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по расследуемому уголовному делу (ст. 56, 79 УПК РФ) [1].

В качестве свидетелей могут быть допрошены граждане, наблюдавшие событие преступления, его отдельные обстоятельства либо знающие о них со слов других лиц. Кроме того, свидетель обязан указать источник своей осведомленности, если информация получена им от третьего лица или данные факты не будут иметь значения для дела.

Тем не менее, данное следственное действие относится к довольно сложной психологической процедуре, в которой не каждый следователь сможет правильно и в полном объеме допросить лиц. В этом случае происходит «психологическая борьба» следователя и свидетелей, при этом у каждой из сторон имеются свои интересы. Так, одна сторона пытается добиться правдивой информации, а другая должна ее предоставить, но в некоторых ситуациях, свидетели намеренно дают ложные показания. Мотивы могут быть различными: нежелание участвовать в ходе производства по уголовному делу в качестве свидетеля, так как считают это простой тратой времени, боязнь мести за предоставленную

информацию следователю, боязнь сказать что-то лишнее, ведь за ложные показания предусмотрена уголовная ответственность, либо проявление сострадания по отношению к подозреваемому. Все аспекты и причины нежелания давать показания, профессиональный следователь должен обязательно выявить и учитывать при допросе свидетеля [3, с. 31–34].

Так, иногда сложность допроса заключается в кажущейся его простоте. Качественное производство допроса требует не только знания уголовно-процессуального законодательства и его применения, но и также житейского опыта, умение интерпретировать разные виды воздействия на свидетеля с учетом его индивидуально-возрастных особенностей. Как отмечал Н. И. Порубов: «допрос – это искусство, требующее высокого мастерства и способностей» [6, с. 129]. Отсюда следует, что следователь, при осуществлении следственных действий, олицетворяет в себе психолога, интеллектуала и профессионала.

Однако проблема допрашиваемых лиц заключается не только в том, что свидетели не всегда дают правдивые показания. Нередко лица, стремящиеся к объективной истине, добросовестно заблуждаются и делают ошибки, которые нужно своевременно обнаружить и учесть при оценке доказательств. Причиной тому является человеческая память, которая построена таким образом, чтобы постоянно оптимизировать свою работу, поэтому мы часто слышим о том, что у человека есть несколько видов памяти. На способность лица запоминать влияет большое количество факторов, к примеру, наследственность, состояние здоровья, характер деятельности и другое. Поэтому перед началом допроса следователь должен выявить эти обстоятельства, установив тип памяти допрашиваемого.

На практике нередко встречаются ситуации? в которых следователь не позволяет допрашиваемому рассказать об известных ему фактах и обстоятельствах дела, но это является грубым нарушением. Важным условием, которое должен соблюдать следователь, судья в ходе допроса свидетеля, слушая его свободное изложение произошедших событий, является умение слушать допрашиваемого, не торопить и не перебивать, и наблюдать за его жестами, мимикой в процессе свободного рассказа [5, с. 38]. При этом, согласно п. 2 ст. 189 УПК РФ – задавать наводящие вопросы строго запрещено, в остальном следователь свободен при выборе тактики допроса. Однако на практике рекомендуется применять уточняющие вопросы. Грань между наводящим и уточняющим вопросом достаточно тонкая, но она существует. Так, наводящий вопрос уже содержит в себе ответ на заданный вопрос. Уточняющий вопрос позволяет более полно раскрыть уже озвученную информацию, а также подтвердить ее новым ответом [4, с. 40].

Для высококвалифицированного следователя важно заранее подготовить план допроса. Как справедливо отмечал А. В. Репин: «Эффективное проведение допроса невозможно без предварительной его подготовки» [7, с. 107]. Расследуемое событие должно воспроизводиться последовательно в системе причинно-следственных связей. При этом вопросы следует задавать в очередности от общего к частному, от первичного синтеза к анализу. Желательно также, чтобы

все вопросы были взаимосвязаны: один вопрос вытекал из другого и подготавливал постановку следующего.

Немаловажной проблемой является жесткое психологическое давление в ходе следственного действия на свидетеля. Давление могут использовать в тех случаях, когда не хватает определенной доказательственной базы и необходимо собрать как можно больше фактов о произошедшем событии. К примеру, согласно п. 5 ст. 189 УПК свидетель имеет полное право явиться на допрос вместе с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи. Довольно часто активность профессионального юриста на допросе является основной причиной раздражения следователя, так как именно он мешает получить «подходящие» ответы и не даст в полной мере надавить на свидетеля. Поэтому следователи пытаются сделать все, чтобы поговорить с данным лицом один на один. Также одним из примеров может послужить угроза уголовной ответственности со стороны следователя, говоря об имеющемся у них полномочии привлечь лицо в качестве обвиняемого. Для избегания этого, естественно, нужно пойти на сотрудничество с органами расследования и дать «нужные» показания. В данной ситуации нужно быть морально подготовленным и не поддаваться никаким манипуляциям, а также помнить о том, что следователь за принуждение к даче показаний несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 302 УК РФ [2].

Следующий проблемный аспект допроса связан с практической частью разъяснения процессуальных прав и обязанностей свидетеля. К сожалению, довольно часто следователи уклоняются от разъяснения прав участвующим в допросе лицам, заставляя их поставить свои подписи в графе протокола. Данный механизм распространен среди необразованных и малограмотных лиц, которые даже и близко не задумываются о наступлении возможных правовых последствий. Орган предварительного расследования может перевернуть ситуацию наоборот: крайне быстро зачитать соответствующие права и обязанности, не разъясняя их сути. Подобная крайность, видимо, и является результатом недопонимания следственными работниками замысла ч. 5 ст. 164 УПК, они действуют по принципу: «маслом кашу не испортишь» [8, с. 116].

Как итог допроса, следователь, проводивший следственное действие, должен предложить свидетелю ознакомиться с соответствующим протоколом. Допрашиваемый, в свою очередь, обязан расписаться на каждой странице или же данный процессуальный документ не будет иметь юридической силы. Важным моментом является то, что нужно крайне внимательно изучить содержание протокола, так как нередко показания записываются в неполном объеме, что может ухудшить положение другого лица, но быть выгодным для стороны обвинения.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в современной России все же существует некоторые проблемы, связанные с производством предварительного расследования, а особенно с взаимодействием органов расследования с лицами, обладающими значимой для расследования информацией. Для преодоления имеющихся препятствий рекомендуется усилить процессуальный контроль руководителей следственных органов за законностью выполнения следователем процессуальных обязанностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.04.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.04.2023).
3. Козявин А. А., Чистилина Д. О. Гражданский контроль и гражданское содействие в сфере борьбы с преступностью // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 31–34.
4. Конин В. В., Сидоренко Е. В. Факторы, влияющие на результативность допроса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 38–45.
5. Корнеева О. А., Воробьев П. Г. О свободном рассказе при допросе свидетеля // Адвокатская практика. 2009. № 6. С. 37–40.
6. Порубов Н. И. Профессиограмма следственной деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 182 с.
7. Репин А. В. К вопросу о понятии и сущности контакта, устанавливаемого следователем в ходе допроса // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2(14). С. 180–185.
8. Россинский С. Б. Об этических проблемах допроса на предварительном следствии // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 113–119.

УДК 343.1

Бушуев Кирилл Олегович,

студент Нижегородский государственный университет

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

bushuev_kirill@bk.ru

Агеев Александр Николаевич,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного и процессуального права,

Нижегородский государственный университет

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ageev.a.n@jur.unn.ru

Актуальные проблемы взаимодействия представителя потерпевшего и государственного обвинителя в суде

В статье рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия представителя потерпевшего и государственного обвинителя в судебных стадиях уголовного процесса. Выявлены основные проблемы, которые препятствуют эффективной деятельности государственного обвинителя при взаимодействии с представителем потерпевшего, в связи с чем предложены основные рекомендации по оптимизации этого процесса для

обеспечения реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, представитель потерпевшего, адвокат, уголовное судопроизводство.

Bushuev Kirill Olegovich,

student of Nizhny Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Ageev Alexander Nikolaevich,

Ph. D., Associate Professor of the Department
of Criminal and Procedural Law,
Nizhny Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Actual problems of interaction between the victim's representative
and the public prosecutor in court**

The article deals with the actual problems of interaction between the representative of the victim and the public prosecutor in the judicial stages of the criminal process. The main problems that hinder the effective activity of the public prosecutor when interacting with the victim's representative are identified, in connection with which the main recommendations for optimizing this process are proposed to ensure the implementation of the principle of protecting human and civil rights and freedoms in criminal proceedings.

Keywords: state prosecution, prosecutor, victim's representative, lawyer, criminal proceedings.

Раскрывая терминологические аспекты и устанавливая понятийный аппарат, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) утверждает очевидное положение – государственным обвинителем является должностное лицо, которое от имени государства поддерживает обвинение по уголовному делу (под которым, в свою очередь, понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом) [1].

Действительно, в науке ни раз подчеркивалось, что роль государственного обвинителя в первую очередь в том, чтобы выступать от имени государства, что является выражением публичного интереса [2, с. 113]. Однако, более подробно рассматривая сущность и значение участия государственного обвинителя в судопроизводстве, можно сказать, что помимо сугубо обвинительных функций, прокурор также выполняет и правозащитную.

Так, в актах Организации Объединенных Наций не раз подчеркивалось, что лица, которым в результате совершения преступления был причинен тот или иной вред, помимо доступа к правосудию и возможности компенсировать причиненный ущерб, также должны быть обеспечены и квалифицированной юридической помощью на протяжении всего судебного разбирательства [3], в свете чего, большинством авторов отмечается ключевая роль государственного обвинителя в рамках защиты прав потерпевшего [4, с. 30].

Однако в последнее время все более актуальным становится реализация такого права потерпевшего, как право на представителя. Причем, если право на законного представителя не вызывает никаких критичных проблем (что можно обусловить их «пассивной позицией», которая ни раз подчеркивалась в науке [5, с. 87]), то вот участие на стороне потерпевшего представителя по договору может внести существенные изменения в тактику всего государственного обвинения.

При том, нельзя сказать о том, что участие представителя потерпевшего по договору (как правило, адвоката) является редкостью – в ходе конференции «Совершенствование уголовной политики и повышение гарантий прав потерпевших», прошедшей в Совете Федерации в 2020 году, представителями Федеральной палаты адвокатов было отмечено, что порядка 10 % всех потерпевших обращаются за юридической помощью и хотят того, чтобы наряду с государственным обвинителем, их права и законные интересы защищали в суде адвокаты [6].

Однако каков круг проблем, которые возникают в подобных случаях? Представляется, что основные проблемы могут быть сведены к следующим основным аспектам:

1. Необходимость существенного изменения тактики поддержания государственного обвинения;
2. Возможные расхождения позиции государственного обвинителя и представителя потерпевшего;
3. Общее неравенство процессуального положения представителя потерпевшего и государственного обвинителя.

Сущность первой проблемы сводится к тому, что Приказ Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (далее – Приказ № 376) в пункте 3 в обязательном порядке требует от государственных обвинителей продумывать тактику своих действий и «заблаговременно» готовиться к судебному заседанию [7]. По этому поводу, в литературе отмечается, что на практике подготовка сводится к определению тактических приемов, изучению специальной литературы, правового материала, следственной и судебной практики, обобщение аналогичных ситуаций и т. д. [8].

Однако, если рассмотреть и сам Приказ № 376, и большинство научных работ на соответствующую тематику, можно отметить, что ни обязательных требований, ни тактических рекомендаций на тему взаимодействия государственного обвинителя и представителя потерпевшего нет. Фактически, в данном случае прокурору приходится «с нуля» создавать конкретный план своих действий без каких-либо методических рекомендаций, что может усугубиться тем, что представитель потерпевшего может появиться в деле на том моменте, когда тактика поддержания государственного обвинения уже выстроена. В этом случае государственный обвинитель, в противовес требованию Приказа № 376 не сможет «заблаговременно» выстроить тактику, поскольку, фактически, создавать план дальнейших действий придется заново.

Это же обнаруживает и фундаментальный недостаток УПК РФ в рассматриваемом вопросе: если участие адвоката обвиняемого имеет четкий момент своего возникновения, закрепленный в статье 49 УПК РФ, то момент возникновения адвоката (представителя) потерпевшего никак Кодексом не определяется. Иными словами, государственный обвинитель никак не может спрогнозировать данный момент и выстроить тактику «заблаговременно», как от него требует этого Приказ № 376.

Вторая проблема в первую очередь сводится к фундаментальной роли рассматриваемых участников уголовного судопроизводства. Так, и государственный обвинитель, и представитель потерпевшего, фактически, ставят своей целью закрепленную УПК РФ «защиту прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений».

Для этого, в силу ст. 389.1 УПК РФ, и государственный обвинитель, и представитель потерпевшего наделены правом апелляционного обжалования судебного решения.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 3.15 Приказа № 376 государственный обвинитель должен будет принести возражение на апелляционную жалобу, принесенную представителем потерпевшего. Возникает логическое противоречие: оба этих субъекта, фактически, защищают потерпевшего и совершают все возможные процессуальные действия для обеспечения компенсации его нарушенных прав, однако в случае если представитель потерпевшего (и сам потерпевший) будет не согласен с объемом этой компенсации, государственный обвинитель будет выступать уже против них. Это не только вызывает противоречие в рамках поставленных перед ними целей участия в процессе, но и существенно влияет на авторитет Прокуратуры Российской Федерации как одного из самых главных правозащитных органов.

Это же подкрепляется и самим неравенством представителя потерпевшего и государственного обвинителя в рамках их процессуальных прав. Так, очевидно, что государственный обвинитель должен представить суду свою позицию, касательно наказания подсудимого. Вместе с тем, несмотря на возможность участия в прениях, в силу статей 42 и 292 УПК РФ представитель потерпевшего, участвуя в прениях, не может высказывать предложения по виду и мере наказания для подсудимого.

То есть, имея ограниченные права по защите потерпевшего, его представитель может повлиять на наказание осужденного только путем обжалования приговора. Однако тут он столкнется с возражениями прокурора, несмотря на то, что цель их участия одинакова, что ведет к фактическому расколу на стороне обвинения.

Закончить анализ проблематики взаимодействия представителя потерпевшего и государственного обвинителя в суде следует выделением перспективных направлений совершенствования правового и научного материала по данному вопросу.

Так, представляется, что минимизировать негативное влияние вышеуказанных проблем можно следующими путями:

1. На основании полного анализа всех уголовных дел, в которых потерпевший имел своего представителя в суде, необходимо дополнить и расширить требования к руководителям органов прокуратуры при назначении государственного обвинителя. Представляется, что поручать государственное обвинение по подобным делам следует наиболее опытным сотрудникам прокуратуры, поскольку только они смогут эффективно выстроить тактику своего участия в процессе в подобных сложных условиях.

2. Поскольку наиболее опытные сотрудники прокуратуры могут минимизировать вероятность конфликта с представителем потерпевшего, а также заранее обсудить с ним свою позицию по ключевым вопросам дела, представляется также необходимым закрепить обязательность обсуждения с представителем потерпевшего позиции стороны обвинения по уголовному делу.

Поскольку актуальный УПК РФ не содержит запрета на общение государственного обвинителя с потерпевшим и его представителем, представляется, что это будет крайне эффективным для построения тактики поддержания государственного обвинения и минимизировать число обжалований приговоров со стороны представителя потерпевшего.

Наконец, в связи с актуальностью исследуемой проблематики, хочется понадеяться, что научным сообществом будут разработаны практические рекомендации по поддержанию государственного обвинения по подобным делам, однако это требует долгой и кропотливой работы, в которой принять участие следует и ученым-юристам, и прокурорским работникам, и представителям адвокатского сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?Docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 17.03.2023).

2. Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами : монография. М., 2016.

3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

4. Яковлев Н. М. Обеспечение поддержания государственного обвинения в состязательном уголовном процессе как важнейшей функции в правозащитной деятельности органов прокуратуры // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 29–36.

5. Новиков В. Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. 223 с.

6. Адвокаты предложили усилить защиту потерпевших // Российская газета. Федеральный выпуск. 2022. № 165(8219).

7. Приказ Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». URL:

<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=65194754> (дата обращения: 17.03.2023).

8. Кириллова Н. П. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 341 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511206> (дата обращения: 17.03.2023).

УДК 343.1

Кравченко Виктория Александровна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
v.kravchenko.2003@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

**Генезис законодательного регулирования статуса
следователя-криминалиста как участника
уголовного судопроизводства в отечественном уголовном процессе**

В статье рассматривается история развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальный статус прокурора-криминалиста, следователя-криминалиста.

Ключевые слова: прокурор-криминалист, следователь-криминалист, Следственный комитет Российской Федерации, полномочия, процессуальный статус.

Kravchenko Victoria Aleksandrovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolievna,
candidate of Law, Associate Professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Genesis of legislative regulation of the status of a criminalist investigator
as a participant in criminal proceedings in the domestic criminal process**

The article deals with the issue of legislative regulation of the legal status of a criminalist investigator as a participant in criminal proceedings. The author analyzes the powers of the inves-

tigator-criminalist and the prosecutor-criminalist, the problems of the formation of the institute of the investigator-criminalist are considered.

Keywords: *prosecutor-criminologist, investigator-criminologist, Investigative Committee of the Russian Federation, powers, procedural status.*

Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» статья 5 УПК РФ дополнена пунктом 40.1, который ознаменовал появление в уголовном процессе новой процессуальной фигуры «следователя-криминалиста».

Но так ли уж она нова? Представляется, что нет. Следователь-криминалист стал процессуальным правопреемником «прокурора-криминалиста», который был в советском уголовном процессе.

Данный шаг законодателя был оправдан и обусловлен объективной неизбежностью, связанной с реформой Следственного комитета при Прокуратуре РФ, в результате которой прокуроры-криминалисты лишились своих процессуальных полномочий. Это привело к тому, «что сотни наиболее опытных следственных работников предварительного следствия лишились своего процессуального «оружия»» [18, с. 25–26]. Сложившаяся ситуация вызвала «необходимость иметь такого субъекта уголовного процесса, который при сохранении функций прокурора-криминалиста был бы уполномочен осуществлять и процессуальную деятельность» [3, с. 44].

По мнению О. П. Темираева, «это объясняется спецификой работы Следственного комитета РФ и необходимостью оперативного подключения следователя-криминалиста к расследованию преступлений на наиболее важных этапах, как порой единственной возможностью эффективно тактико-методически и организационно помочь следователю и проконтролировать его работу» [18, с. 25–26].

Следуя завету выдающегося русского юриста и судебного деятеля А. Ф. Кони, «только перед тем ясно и определенно рисуется завтрашний день, кто не забыл уроков, примеров и заветов дня вчерашнего» [6, с. 148], считаем актуальным рассмотреть генезис законодательного регулирования статуса следователя-криминалиста, как участника уголовного судопроизводства.

Данный процессуальный институт в отечественное законодательство был введен Указанием Генерального Прокурора СССР Р. А. Руденко от 19.10.1954 № 3/195 «О работе прокурора-криминалиста» [13, с. 116]. Однако, по мнению А. В. Горовацкого, задолго до этого в Прокуратуре СССР были приняты ведомственные нормативные акты, «послужившие предпосылкой для создания института прокуроров-криминалистов» [2, с. 12]. К их числу автор относит Указание Генерального Прокурора СССР от 30.12.1949 г. № 23/245 «О применении в следственной практике научно-технических средств», в котором придавалось особое значение оснащению следователей научно-техническими средствами и их использованию при расследовании преступлений, а также Приказ Генерального Прокурора СССР № 191 от 31.05.1951 г. «О мероприятиях по внедрению в следственную работу научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане», где детально регулировался порядок обучения сле-

дователей их эффективному применению для успешного раскрытия и расследования преступлений [2, с. 12].

Полагаем, что действительно предпосылками такой функции прокуратуры стала совокупность факторов достижений научно-технического прогресса в криминалистике: совершенствование технико-криминалистических средств, используемых для обеспечения процесса расследования преступлений, применение новых, более совершенных тактических приемов и методов при проведении следственных действий, разработка методик расследования отдельных видов и групп преступлений. Эти факторы органично вписываются в «хронологию формирования и развития отечественной и зарубежной криминалистики, криминалистических научных и экспертных учений» [1, с. 326].

По мнению Д. С. Костенко, «..определенные технические наработки в первой половине XX века создавали возможности для использования применения научно-технических средств (в том числе следственных чемоданов, фотолабораторий и др.), следовательно, и необходимость в наличии таких специалистов» [7].

Согласно Инструкции о работе прокурора-криминалиста [13, с. 116], они оказывали помощь следователям в расследовании тяжких преступлений, применяли научно-технические средства и тактические приемы при расследовании, осуществляли методическую работу, внедряли в практику научные рекомендации, прошедшие апробацию, а также передовой опыт раскрытия и расследования преступлений. Н. А. Колоколов полагает, что прокурор-криминалист был своего рода комиссаром (уполномоченным) территориального прокурора при проведении прокурором-криминалистом важнейших следственных действий [5, с. 29–30].

Подготовка прокуроров-криминалистов профессиональным основам расследования преступлений осуществлялась на специальных двухмесячных курсах, после окончания которых, они были направлены в прокуратуры республик, краев и областей, где им были обеспечены необходимые условия для выполнения возложенных на них обязанностей.

Качественному, своевременному и эффективному использованию технико-криминалистических средств в процессе криминалистического обеспечения предварительного расследования уделялось постоянное внимание в приказах и указаниях Генерального прокурора СССР. Так, например, в Приказе от 30 декабря 1965 г. № 125 «Об улучшении работы следственного аппарата органов прокуратуры и усилении прокурорского надзора за следствием и дознанием» отмечалось, что причинами недостатков и нарушений законности в процессе предварительного следствия являются «низкий уровень научных исследований в области криминалистики и слабая обеспеченность следственных аппаратов научно-техническими средствами» [8, с. 125]. Аналогичные вопросы рассматривались и в Указании Генерального прокурора СССР от 20 ноября 1970 г. № 3д-27-70 «О задачах органов прокуратуры по дальнейшему внедрению научно-технических средств в следственную практику» [14, с. 458–462].

В 90-х годах в связи с резким ростом криминогенной активности, стабильной тенденцией ежегодного увеличения статистики преступлений и ухудшения оперативной обстановки в городах и районах страны, Генеральным про-

курором РФ был издан Приказ от 30 ноября 1993 года г. № 39 «Об улучшении организации работы по внедрению технико-криминалистических средств и научно обоснованных методов в расследование преступлений» [11]. Это было связано с тем, что имеющиеся на вооружении прокуроров-криминалистов технико-криминалистические средства использовались не эффективно, уровень профессионализма специалистов не отвечал вызовам и угрозам того времени, кадровый потенциал службы криминалистики не в полной мере использовал научные достижения тактики и методики расследования преступлений, не учитывал современные возможности экспертных исследований и различного рода криминалистических учетов. В п. 1 этого Приказа прокурорам предлагалось «разработать и осуществить конкретные меры по улучшению организации работы по внедрению технико-криминалистических средств и научно обоснованных методов в расследовании преступлений. Рассматривать эту деятельность как необходимое и важное условие выполнения требований закона о полном и всестороннем расследовании преступлений, коренного улучшения качества предварительного следствия» [11].

Положение о прокурорах-криминалистах в органах прокуратуры РФ, утвержденное Приказом Генерального прокурора РФ 30 ноября 1993 г. содержало перечень обязанностей прокуроров-криминалистов, в которые входило: оказание практической, консультативной и иной помощи прокурорско-следственным работникам в организации предварительного следствия по уголовным делам, в том числе в проведении отдельных следственных действий; применение технико-криминалистических средств, познаний специалистов, подготовке и назначении сложных экспертиз, использовании возможностей криминалистических учетов и правовой информатики; внедрение в следственную практику средств, криминалистической техники и научных методов расследования преступлений; организация взаимодействия с криминалистическими службами других правоохранительных органов, экспертными и научно-исследовательскими учреждениями, высшими юридическими учебными заведениями; изучение следственной практики, разработка мер по ее совершенствованию, анализ использования возможностей криминалистики и судебной экспертизы при расследовании, внедрение на этой основе положительного опыта следственной работы, апробированных практикой рекомендаций по методике и тактике следствия; учет и анализ нераскрытых тяжких преступлений, подследственных органам прокуратуры; информационно-аналитическое обеспечение работы по раскрытию умышленных убийств; контроль за обеспечением сохранности, интенсивным и правильным использованием технико-криминалистических средств, передвижных криминалистических лабораторий и другого оборудования и др. [10].

27 января 1997 г. Генеральным прокурором РФ издан приказ № 4 «Об улучшении организации работы прокуроров-криминалистов», которым утверждено Положение о прокурорах-криминалистах в органах прокуратуры Российской Федерации [15, с. 135–141] и определены обязанности прокуроров-криминалистов, которые включали «осуществление организационных и практических мер по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных

в условиях неочевидности, технико-криминалистическое, научно-методическое и программно-прикладное обеспечение предварительного следствия по уголовным делам, подследственным органам прокуратуры, взаимодействие с экспертными учреждениями и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, ведущими оперативно-справочные и оперативно-розыскные учеты» [4, с. 44].

В соответствии с п. 1. названного документа «деятельность прокурора-криминалиста призвана обеспечить: осуществление совместно с другими подразделениями прокуратур, в которых работают прокуроры-криминалисты, целенаправленных организационных и практических мер по обеспечению всестороннего, полного и объективного расследования, а также предупреждения тяжких преступлений, дела которых подследственны прокуратуре; внедрение в практику расследования и раскрытия преступлений, прокурорского надзора за предварительным следствием, современных возможностей криминалистики и судебной экспертизы, научных рекомендаций, передового опыта; повышение профессионального уровня прокурорско-следственных кадров [10].

Заместитель Генерального прокурора СССР О. В. Сорока в своем выступлении на Всесоюзном совещании Прокуратуры СССР подвел итог 30-летию деятельности прокуроров-криминалистов: «Институт прокуроров-криминалистов играет значительную роль в раскрытии преступлений, обеспечении высокого качества следствия, повышении профессионального мастерства следователей и активности следственного аппарата, дальнейшего совершенствования организационных и тактических основ предварительного следствия, в связи с чем имеет исключительно важное значение» [17, с. 6–8].

Федеральным законом от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и ФЗ «О Прокуратуре РФ», при Прокуратуре РФ был создан Следственный комитет, куда полностью перешла Служба криминалистики и прокуроры-криминалисты. Задачи, направления деятельности, полномочия и служебный функционал остались прежними.

15 января 2011 года Следственный комитет при Прокуратуре РФ прекратил свое существование в связи со вступлением в силу Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации» [20] и образованием Следственного комитета РФ.

В п. 14. Указа Президента от 14 января 2011 г. «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» [19], устанавливается перечень должностей, среди которых указывается следователь-криминалист и старший следователь-криминалист.

11 августа 2011 года Председатель Следственного комитета РФ издает приказ № 124 «Об организации работы следователей-криминалистов в системе Следственного комитета РФ», в котором определяет их как «организационные, так как осуществление криминалистической деятельности; внедрение достижений науки, техники, положительного опыта, разработка методики и тактики расследования преступлений; формирование учетов, баз данных криминалистической информации и их ведение; анализ нераскрытых преступлений прошлых лет; криминалистическое сопровождение предварительного следствия;

обобщение следственной практики; внедрение в следственную практику новых технико-криминалистических средств и средств программного обеспечения; обеспечение надлежащего функционирования передвижных криминалистических средств и т. п. и процессуальные функции, закрепленные в УПК РФ» [9].

Приказом Председателя СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» выделено «четыре основные направления деятельности: криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета; производство предварительного расследования; выполнение отдельных функций процессуального контроля; дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений» [12].

Приказом Минтруда России № 183 от 23 марта 2015 г. утвержден «профессиональный стандарт «Следователь-криминалист», в котором раскрыты необходимые знания, умения, навыки, которыми должен обладать следователь-криминалист».

В настоящее время служба криминалистики Следственного комитета России находится на переднем крае инновационных разработок технического, технологического, психофизиологического, информационно-коммуникационного и других направлений современной науки, а следователи-криминалисты заслуженно носят звание «элиты следствия» и «гвардейцев ведомства», чья роль неопределима при расследовании и раскрытии преступлений, проведении качественного предварительного следствия по уголовным делам [16, с. 3].

На сегодняшний день перспективными направлениями работы следователей-криминалистов являются: технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений с использованием криминалистической и специальной техники, исследования и анализ снимков дистанционного зондирования Земли, Интернет-ресурсов, биллинговой информации; использование средств и методов прикладной психологии при расследовании преступлений – как с помощью гипнорепродукции, так и с применением когнитивного интервью; организация и производство современных видов экспертиз и исследований на основе новейших научных достижений (молекулярно-генетические, компьютерно-технические, судебно-медицинские, психофизиологические, фоноскопические, строительно-технические и др.); активная работа по внедрению в следственную практику инновационных средств расследования, позволяющих сделать «прорыв» в технологиях криминалистического сопровождения расследования преступлений и отечественной криминалистики [16, с. 3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. 336 с.
2. Горовацкий А. В. Прокурор-криминалист в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 182 с.
3. Гурин А. Процессуальный статус прокурора-криминалиста // Законность. 2008. № 11. С. 44–46.

4. Дмитриев Е. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности военных следственных органов // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2009. № 1(3). С. 39–48.
5. Колоколов Н. А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 29–30.
6. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. Правовые воззрения. М., 1967. 544 с.
7. Костенко Д. С. Следователь-следователю – криминалисту не товарищ? // Научный компонент. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledovatel-sledovatelyu-kriminalistu-ne-tovarisch> (дата обращения: 29.03.2023).
8. Метелкина Г. А., Ширяев И. Н. Советская прокуратура : сб. док. /отв. ред. К. С. Павлицев, С. А. Шишков. М. : Юрид. лит., 1981. 288 с.
9. Меретуков Г. М. Некоторые аспекты криминалистической деятельности следователя-криминалиста Следственного комитета Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kriminalisticheskoy-deyatelnosti-sledovatelya-kriminalista-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 28.03.2023).
10. Положение о прокурорах-криминалистах в органах прокуратуры Российской Федерации : утв. Генеральной прокуратурой РФ 23 января 1997 г. URL: <file:///C:/Users/Acer/Downloads/5171893.pdf> (дата обращения: 27.03.2023).
11. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 ноября 1993 г. № 39 «Об улучшении организации работы по внедрению технико-криминалистических средств и научно обоснованных методов в расследование преступлений». URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5171908> (дата обращения: 01.04.2023).
12. Приказ Председателя СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-sk-rossii-ot-08082013-n-53-ob-organizatsii/> (дата обращения: 03.04.2023).
13. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / сост. Г. Р. Гольст, Н. Я. Гуревич, Л. М. Козак [и др.]. М., 1958. 412 с.
14. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. Ч. 1. М., 1976. 551 с.
15. Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. М., 1999. 635 с.
16. Скобелин С. Ю. Следователи-криминалисты на службе Следственного комитета Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству (Москва, 7 февраля 2019 года) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. 508 с.
17. Следственная практика. Вып. 148. М., 1985. 208 с.
18. Темираев О. П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. 2012. № 18. С. 24–27.

19. Указ Президента РФ от 14 января 2011 г. «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109295/?ysclid=lg6lqk574c958160422 (дата обращения: 02.04.2023).

20. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/?ysclid=lg6lfz5g1v522809689 (дата обращения: 06.04.2023).

УДК 347.922.6

Кузьмина Екатерина Николаевна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет,
помощник прокурора города Костромы Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

Титов Евгений Евгеньевич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
evgtksu@gmail.com

Гражданский иск прокурора в уголовном процессе

Данная статья посвящена развитию института гражданского иска в уголовном процессе в России, а также участию прокуратуры в защите интересов отдельных категорий граждан и государства посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе. Кроме того, через анализ истории развития уголовного и гражданского законодательства России рассматриваются актуальные проблемы темы, возникшие по мере развития института гражданского иска в уголовном процессе.

***Ключевые слова:** гражданский иск, прокурор, история российского права, уголовное право, гражданское право, актуальные проблемы института.*

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
senior Lecturer, Kostroma State University,
Assistant Prosecutor of the City of Kostroma
Kostroma, Russian Federation

Titov Evgeniy Evgenevich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

A civil claim of the prosecutor in the criminal process

This article is devoted to the development of the institution of civil action in criminal proceedings in Russia, as well as the participation of the Prosecutor's office in protecting the interests of certain categories of citizens and the state by filing a civil action in criminal proceedings. In ad-

dition, through the analysis of the history of the development of criminal and civil legislation of Russia, the current problems of the topic that have arisen with the development of the institution of civil action in criminal proceedings are considered.

Keywords: *civil suit, prosecutor, history of Russian law, criminal law, civil law, actual problems of the Institute.*

В России введение института гражданского иска в уголовном деле связано с реформой судебной системы в 1864 году. Вместе с изменением судебного процесса и судебной системы были приняты новые законодательные акты, в том числе и устав уголовного судопроизводства [2]. Так, упоминание гражданского иска в уголовном процессе содержалось уже на первой странице нормативно-правового акта в разделе «общие положения», а именно в ст. 6, 7 устава уголовного судопроизводства. Так, например, потерпевший от преступления или проступка, но не пользующийся иском при подаче иска о вознаграждении во время производства уголовного дела. Однако если истец не подавал иск до окончательного разрешения уголовного дела, то он терял право на рассмотрение иска в уголовном порядке, но по-прежнему мог обратиться в гражданский суд для рассмотрения иска в гражданском порядке [1]. При раскрытии данной темы следует также обратиться не только к законодательству того времени, но и к конкретным гражданским искам в уголовном процессе, которые можно найти в научных работах ученых. В них содержатся подробности об особенностях гражданского иска в уголовном процессе. Достаточно подробно об особенностях производства и разрешения гражданского иска в уголовном процессе XIX в. рассказывается в статье О. В. Александровой [5]. Так, в статье рассматривается случай из судебной практики, в котором костромские крестьяне, обвинявшиеся ранее в порубке леса, были освобождены от уголовной ответственности в связи с отсутствием умысла. По этой причине гражданский иск о возмещении ущерба за вырубку леса не был удовлетворен судом. Это объясняется тем, что иск о вознаграждении подлежит рассмотрению в уголовном порядке только в тех случаях, когда он вытекает из преступного деяния. Стоит добавить, что иски могли быть не удовлетворены и в тех случаях, когда уголовное дело передавалось в иную инстанцию для рассмотрения дела по существу, а также в тех случаях, если подсудимый был оправдан по коллективному вопросу о виновности. Что касается роли прокуратуры, то прокуроры имели право и обязанность защищать имущественные интересы государства, являясь при этом стороной обвинения в уголовном процессе, о чем говорится в автореферате Д. К. Бокова на соискание ученой степени кандидата юридических наук [6]. В статье В. М. Деревской [9] и вовсе говорится о том, что задача прокуратуры по уставу гражданского судопроизводства состояла не в защите интересов конкретных лиц или ведомств, а в защите самой силы закона, что так же соответствует интересам государства. Возвращаясь к диссертации Д. К. Бокова, стоит также упомянуть и о роли прокурора в защите интересов государства в уголовном процессе в период советской власти. В советский период происходит огосударствление права и собственности, гражданский иск прокурора в уголовном процессе приобретает огромную роль, поскольку возникает необходимость защиты имущественных интересов государства при причинении

ущерба в результате преступлений, деятельности революционных масс на местах. Исходя из перечисленных фактов, следует сделать вывод о том, что до 1993 г. гражданский иск прокурора в уголовном процессе преимущественно выполнял функцию защиты имущественных интересов государства, а также был призван поддерживать силу закона, в чем государство так же было заинтересовано.

На сегодняшний момент у прокурора имеется право предоставлять гражданские иски в защиту интересов не только государства, но и отдельных категорий граждан в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, о чем говорится в ч. 3 ст. 44. уголовного процессуального кодекса Российской Федерации [4]. К этим категориям граждан относятся: несовершеннолетние, недееспособные или ограниченно дееспособные. также гражданский иск в уголовном процессе имеет следующие особенности: его подсудность определяется подсудностью уголовного дела (т. е. нет необходимости начинать отдельное гражданское дело для рассмотрения иска), гражданский иск в уголовном процессе не облагается судебной пошлиной, допускается произвольная форма обращения, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый по уголовному делу, учет фактов аморального или противоправного поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, при определении размера компенсации.

Несмотря на совершенствование института гражданского иска в уголовном праве, а также на повышение роли прокурора в данном процессе, появились и новые проблемы, которые требуют решения. Так, например, по мнению Н. О. Никурадзе [10] одной из проблем гражданского иска в уголовном процессе в российском праве является отсутствие системной регламентации (т. е. отсутствие отдельной статьи, главы регламентирующей институт гражданского иска в уголовном процессе). В статье в качестве примера приводится опыт Республики Казахстан. В уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан существует статья 166, регулирующая порядок рассмотрения гражданских исков о возмещении имущественного и морального вреда в уголовном процессе и целая глава 20, посвященная самому институту гражданского иска в уголовном процессе [3]. Кроме того, существует и отдельная часть в статье, посвященная полномочиям прокурора в подаче гражданского иска в уголовном процессе. Согласно ст. 58 уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан: Прокурор вправе предъявить подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или лицу, которое несет имущественную ответственность за их действия, иск в защиту интересов: 1) потерпевшего, не способного самостоятельно воспользоваться правом на предъявление и отстаивание иска, в силу своего беспомощного состояния, зависимости от подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или по иным причинам; 2) государства.

Таким образом, опыт страны ближнего зарубежья имеет определенные преимущества перед российским законодательством, а именно: более доступное донесение прав для лиц, не имеющих юридического образования, определение более широкого круга лиц, гражданские права которых могут быть защищены действиями прокурора. Стоит отметить и то, что существования от-

дельных статей и глав, посвященных гражданскому иску в уголовном процессе присущи не только казахскому законодательству, но и ряду стран СНГ, таких как: Азербайджан, Армения, Беларусь, Кыргызстан, Туркменистан, о чем говорится в статье М. В. Бубчиковой [8].

Также одной из проблем реализации гражданского иска в уголовном праве является отсутствие конкретной формы обращения, о чем в статье говорилось ранее. Так, гражданский иск может быть подан как в устной, так и в письменной форме. Иначе говоря, в произвольной форме. Это усложняет определение требований истца, а также усложняет определение критериев законности. В такой ситуации на помощь может прийти тот же опыт стран ближнего зарубежья. Возвращаясь к уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан, стоит рассмотреть ч. 5 ст. 167, в которой устанавливается форма подачи иска. Иск подается или в письменной форме, или в форме электронного документа, соответствующего требованиям, предъявляемым к искам, рассматриваемым в порядке гражданского судопроизводства.

Также в статье Д. К. Бокова «Некоторые особенности гражданского иска в защиту интересов государства в уголовном процессе» [7] отмечается проблема возможности выбора прокурором модели пассивного поведения при рассмотрении причинения имущественного вреда, причиненного государством путем преступного посягательства. Так, автором предлагаются различные классификации, по которым предлагается рассмотрение прокуратурой гражданских исков в уголовном процессе: в зависимости от стадии уголовного процесса, в ходе которого предъявлены иски, в зависимости от характера уголовно-правового объекта посягательства когда иски классифицируются по конкретным главам Особенной части УК РФ, по природе происхождения, имущества, подлежащего взысканию в пользу государства и по статусу предъявления.

Подводя итог, следует сделать вывод, что взаимодействие института гражданского иска в уголовном процессе и прокуратуры в Российской Федерации имеет определенные проблемы, некоторые из них уже решены странами СНГ. Опираясь на опыт прошлого, российское законодательство должно становиться более сложным по структуре, но более совершенным, чтобы ликвидировать недочеты, затрудняющие реализацию гражданских прав отдельных категорий граждан и государства при рассмотрении гражданских исков в уголовных делах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3.html> (дата обращения: 06.04.2023).
2. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 06.04.2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 06.04.2023).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

5. Александрова О. В. Особенности производства и разрешения гражданского иска в уголовном процессе по законодательству конца XIX века // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). 2012. № 1. С. 57–59.

6. Боков Д. К. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2012. 32 с.

7. Боков Д. К. Некоторые особенности гражданского иска прокурора в защиту интересов государства в уголовном процессе // Уголовное право. 2011. № 3. С. 77–81.

8. Бубчикова М. В. Гражданский иск в уголовном процессе // Российский судья. 2015. № 9. С. 44–47.

9. Деревскова В. М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4. С. 3–10.

10. Никурадзе Н. О. Гражданский иск в уголовном процессе: актуальные вопросы практической реализации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5(185). С. 174–177.

УДК 343.13

Малеева Екатерина Сергеевна,
студент, Юго-Западный
государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
maleeva.rina@yandex.ru

Чистилина Дарья Олеговна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
darya-chistilina@yandex.ru

Некоторые проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей

В данной статье исследуются некоторые уголовно-процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Анализируются мнения различных правоведов относительно проблемных аспектов современного процесса деятельно-

сти коллегии присяжных заседателей при разрешении вопроса о виновности или невиновности подсудимого, а также вопросы их компетентности при разрешении вышеуказанного вопроса. Обращается внимание на ограниченность прав присяжных заседателей при оценке полученных доказательств. Приводятся статистические данные, связанные с функционированием современного суда с участием присяжных заседателей, а также выявляются проблемы, возникающих при осуществлении правосудия представителями народа.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных заседателей, председательствующий, вердикт, приговор.

Maleeva Ekaterina Sergeevna,
student, Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Chistilina Darya Olegovna,
candidate of law, associate professor
of the department of criminal procedure
and criminalistics Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Some problems of production in court with the participation of jurors

This article examines some of the criminal procedural features of the consideration of criminal cases with the participation of jurors. The opinions of various jurists are analyzed regarding the problematic aspects of the modern process of the jury's activity in resolving the issue of the guilt or innocence of the defendant, as well as questions of their competence in resolving the above issue. Attention is drawn to the limited rights of jurors in assessing the evidence obtained. Statistical data related to the functioning of a modern court with the participation of jurors are given, and problems arising in the administration of justice by representatives of the people are also identified.

Keywords: criminal trial, jury trial, presiding judge, verdict, judgement.

Деятельность суда с участием присяжных заседателей представляет собой такую организацию судебного разбирательства уголовных дел, при которой судейский состав формируется за счет двух самостоятельных элементов: первый – профессиональные судьи, а второй – непрофессионалы (присяжные заседатели).

Отличительной чертой суда с участием присяжных заседателей является то, что разрешение вопроса о виновности отнесено к исключительной прерогативе представителей народа, а не профессиональных судей. Именно в связи с непрофессиональностью присяжного возникает множество споров о проблеме его компетентности при установлении виновности или невиновности лица [8, с. 547–550].

Несомненно, большинство присяжных заседателей не обладают знаниями в области юриспруденции для правовой оценки обстоятельств дела, что определяет особый предмет судебного следствия в вышеуказанном суде. Так, ч. 7 ст. 335 УПК РФ указывает, что в судебном следствии с участием присяжных заседателей могут быть исследованы только те фактические обстоятельства дела, доказательства которых установлены присяжными заседателями в соответ-

ствии с их полномочиями. Можно согласиться с В. А. Власихиной, отметившей узость предмета доказывания, рассматриваемого присяжными заседателями [2, с. 209].

Действительно, объем прав присяжных заседателей при доказывании существенно ограничен. Так, например, они не вправе лично задавать вопросы участникам процесса. Однако они вправе задавать вопросы в соответствии с ч. 4 ст. 335 УПК РФ после допросов всех имеющихся лиц по рассматриваемому уголовному делу в письменном виде через старшину присяжных заседателей. Такой порядок ограничивает перечень получаемой ими первичной информации, необходимой для нормальной процессуальной деятельности.

Отличается и оценка ранее полученных доказательств присяжными заседателями в отличие от оценки, проводимой остальными субъектами доказывания. Стоит согласиться с С. В. Фиксевичем, что оценка достаточности доказательств осуществляется присяжными заседателями из-за иррациональности мышления, преимущественно основанном на внутреннем убеждении, морали, здравом смысле, справедливости. На оценку существенное влияние оказывает содержание поставленных вопросов, которые определяют направление мышления [7, с. 168].

Среди юристов-практиков встречается мнение, что присяжные – это «суд толпы», «суд народа», который принимает решение не столько на основе доказательств, сколько под давлением «театральных приемов» адвокатов или прокуроров [6, с. 46].

Однако С. И. Герасимов придерживается иной точки зрения, отмечая внимательность и заинтересованность присяжных в изучении доказательств. Выводы судебного следствия остаются решающим фактором в судебном разбирательстве, так как именно на этом этапе, когда перед присяжными проходит череда доказательств, складывается объективное, беспристрастное мнение присяжных заседателей [3, с. 710].

Важным является то, что при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, должны учитываться психологические особенности восприятия присяжными заседателями представленных им доказательств, поскольку они часто больше доверяют не показаниям, записанным следователем, а тому, что они непосредственно слышали и видели в зале суда. В целях повышения эффективности судопроизводства в суде присяжных можно предложить, чтобы допросы и дача показаний сопровождалась демонстрацией присяжным заседателям визуальных доказательств. При этом эти доказательства не должны носить шокирующий характер, чтобы не оказывать излишнего эмоционального воздействия на коллегия.

Психологическое отношение присяжных заседателей к выносимому ими вердикту, уровень их ответственности связаны с боязнью осудить невиновного, именно поэтому данный институт имеет такую ценность. Благодаря такой ответственности они тщательно и взвешенно подходят к оценке тех материалов, которые изучаются в ходе разбирательства. Следовательно, суд присяжных призван обеспечить наиболее полную реализацию принципов независи-

мости и гуманизации уголовного процесса, приближая государство к статусу правового.

Именно поэтому такая форма судопроизводства является наиболее привлекательной для подсудимых, объясняется это тем, что вероятность вынесения оправдательного приговора по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей, гораздо больше. Так, во всех судах с участием присяжных заседателей в первой половине 2022 г. были оправданы 28,4 % (166) подсудимых, т. е. примерно каждый третий. Однако очень часто встречающейся проблемой является отмена приговоров судов присяжных в связи с противоречивостью вердикта. Федеральной палаты адвокатов РФ С. А. Насонов, такая статистика свидетельствует о существовании «двойных» стандартов – ведь нарушения уголовно-процессуального законодательства вряд ли могут настолько преимущественно выявляться по делам, завершившимся оправдательным приговором [1].

На практике нередки случаи отказа обвиняемого именно в ходе предварительного слушания от рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей. Так, из 403 ходатайств о рассмотрении дела судом присяжных, поданных обвиняемыми в первой половине 2022 г., 56 (14 %) были отозваны на предварительном слушании [5]. Большая часть отказов обусловлена тем, что подсудимые при выборе осуществления правосудия присяжными руководствовались случайными факторами. Необходимо взвешенное и осознанное принятие решения, полная осведомленность обвиняемого об особенностях судопроизводства с участием присяжных заседателей.

В юридической науке дискуссионным вопросом является выражение особого мнения судьи при вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта о невиновности подсудимого.

Согласно ч. 1 ст. 348 оправдательный вердикт коллегии, вынесенный присяжными заседателями, обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. Возможность формирования судьей в данном случае особого мнения отсутствует, так как в противном случае судья ставил бы под сомнение решение присяжных по вопросу о невиновности подсудимого.

При вынесении обвинительного вердикта складывается иная ситуация. В установленных законом случаях (пункты 4, 5 статьи 348 УПК РФ) председательствующий вправе не согласиться с мнением присяжных:

- 1) при признании отсутствия в деянии состава преступления;
- 2) при недоказанности события преступления или участия в нем подсудимого.

В первом случае судья выносит оправдательный приговор, а во втором – присяжные заседатели распускаются, а дело направляется на рассмотрение в ином составе суда с момента предварительного слушания. Такое постановление не подлежит обжалованию в апелляционном порядке, что говорит о возможности председательствующего в некоторых случаях исключить обязательность вердикта. Вышеизложенное свидетельствует о том, что обвинительный вердикт присяжных заседателей не является абсолютным. М. В. Немытина ут-

верждает, что «эти положения закона ставят под сомнение непоколебимость вердикта присяжных, который судья обязан положить в основу приговора и этим ставится под сомнение роль коллегии присяжных заседателей, поскольку возникает вопрос о том, кто принимает решение – коллегия присяжных заседателей или судья. Ведь роль профессионального судьи в суде присяжных должна быть ограничена правовой квалификацией вердикта присяжных заседателей» [4, с. 55].

Нельзя не согласиться с представителями науки и практиками, что рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей является собой крайне сложный и процессуально-противоречивый механизм.

К сожалению, действующий на сегодняшний день институт присяжных заседателей имеет некоторые проблемы, например, это и безынициативность населения к исполнению их гражданского долга, большое число выносимых присяжными оправдательных вердиктов, порой по непонятным причинам, дороговизна обслуживания судебного процесса при участии присяжных заседателей, затягивание таких процессов, и другие трудности.

В течение всего времени своего существования суд с участием присяжных заседателей выдерживает много критичных замечаний со стороны государственных деятелей, представителей науки, практикующих работников. Однако обладает и поддержкой, отражающейся в толковании его необходимости, значимости, важности для всего судебного процесса. Суд присяжных заседателей связан с выражением такого важного демократического нововведения как общественный контроль за деятельностью судебных учреждений, который способствует открытости судопроизводства и повышению доверия людей к судебной системе в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Насонов С. А. Суд присяжных в России: итоги прошлого года и прогноз на 2023 г. // Адвокатская газета. 2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-proshlogo-goda-i-prognoz-na-2023-g/> (дата обращения: 09.04.2023).
2. Власихина В. А. Доказывание в уголовном судопроизводстве: традиции и современность / под науч. ред. В. А. Власихина. М. : Юрист, 2000. 271 с.
3. Герасимов С. И. Настольная книга прокурора / под науч. ред. С. И. Герасимова. М., 2003. 848 с.
4. Немытина М. В. Российский суд присяжных : учеб. пособие / под науч. ред. М. В. Немытина. М., 1995. 260 с.
5. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2022 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел 2022 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrf.ru/> (дата обращения: 09.04.2023).
6. Носков И. Ю. Общественное мнение и решение судьи по делу // Российский судья. 2014. № 7. С. 45–48.

7. Фиксевич С. В. Оценка доказательств при производстве с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 168 с.

8. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Civil control and civil assistance in criminal proceedings of Russia: pro et contra // SGEM Conference Social science and Arts. Albena : Bulgaria, Bulgarian Academy of Sciences, 2016. P. 547–554.

УДК 343.131

Присухина Яна Анатольевна,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

yanaprisuhina@icloud.com

Яснева Елена Васильевна,

старший преподаватель,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

yasneva.e.v@yandex.ru

Особенности взаимодействия следователя со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия следователя со средствами массовой информации в ходе предварительного следствия. В работе раскрыты некоторые проблемные вопросы, возникающие в ходе взаимодействия, связанные с отсутствием четко сформулированных правовых основ такого взаимодействия.

Ключевые слова: следователь, средства массовой информации, журналист, предварительное следствие, права, запреты, ответственность.

Prisukhina Yana Anatolyevna,

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna,

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Features of the investigator's interaction with the media in the disclosure and investigation of crimes

The article examines the contradictions of the current legislation in the interaction of the investigator with the media during the preliminary investigation. Studies of existing regulatory legal acts allow us to identify these imperfections.

Keywords: investigator, mass media, journalist, preliminary investigation, rights, prohibitions, responsibility.

Мировая практика борьбы с преступностью на примере ведущих стран убедительно свидетельствует, что ни крупные субсидирования государства в программы борьбы с преступностью, ни увеличение штатной численности правоохранительных органов, ни материальная поддержка не имеют серьезного успеха в деле борьбы с преступностью без поддержки населения. Кроме отдельных граждан участвовать в раскрытии преступлений могут и институты гражданского общества – общественные формирования правоохранительной направленности. Следователь может и должен получать от населения нужную ему информацию. С этой целью сотрудникам правоохранительных органов целесообразно использовать и возможности средств массовой информации (далее СМИ). К средствам массовой информации, в соответствии со ст. 2 Закона «О средствах массовой информации» законодатель относит газеты, журналы, радио, телевидение, различные интернет-ресурсы [3]. Мы знаем, что следователи нередко обращаются через СМИ к населению с просьбой сообщить сведения, касающиеся совершенного преступления, розыска лиц, причастных к его совершению и т. д.

Как указывает Д. Н. Лозовский, использование следователем СМИ при расследовании преступлений преследует цель привлечения населения к участию в расследовании преступления. Под помощью населения понимаются целенаправленные действия лиц, способствующие расследованию преступления. Для следователя предпочтительнее помощь населения в форме предоставления информации о совершенном преступлении и причастных к нему лицах с последующим их участием в расследовании в качестве свидетелей [6].

Следует отметить, что основной вид взаимодействия следователя со СМИ – это обращение за содействием при расследовании преступлений. Взаимодействие может быть разовым, может сочетать в себе различные формы обращения посредством пресс-службы, в порядке отдельных поручений либо личного обращения следователя. Если следователь при расследовании преступлений использовал возможности СМИ, его просьбу опубликовали, озвучили, то он по окончании расследования должен выступить в СМИ с итогами. Следователь обращается к СМИ, чтобы через них связаться с населением с целью получения возможно имеющейся информации. Например, очень часто, в сети интернет можно увидеть информацию о розыске лиц, пропавших без вести; о поиске подозреваемых или обвиняемых; о лицах, которые могут располагать какой-либо информацией о преступлении. Соответственно люди, располагающие какой-либо информацией, смогут через СМИ обратиться к следователю. В данной ситуации у следователя появляется огромная возможность получить необходимую информацию или найти очевидцев преступлений.

Еще одной формой взаимодействия следователя и СМИ можно назвать официальное взаимодействие. В этом случае следственный орган дает официальные комментарии СМИ по поводу совершенных преступлений. В соответствии с п. 1.4. Приказа от 11 августа 2011 г. № 127 «Об организации взаимодействия Следственного Комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью», задачами в сфере взаимодействия со СМИ и общественными объединениями является систематическое и оперативное ин-

формирование общественности о результатах деятельности Следственного Комитета России, основанное на принципе открытости и гласности, с учетом паритета интересов государственных органов и общественных объединений при освещении событий, имеющих социальный интерес, строгого соблюдения государственной и иной охраняемой законом тайны [5]. Из этого следует понимать, что следственный орган должен информировать о проведенной работе общественность только в той мере, в какой это представляется возможным. Следователи, в соответствии с законодательством, имеют право сообщать ту информацию, которая никак не сможет повлиять отрицательно на расследование преступления. СМИ из-за этого не всегда могут получить нужную им информацию. Ведь работа журналистов заключается в получении и опубликовании «сенсационных» новостей, которые в уголовном процессе просто не допустимы, так как данная информация может отрицательно сказаться на ходе расследования. В данном случае возникают противоречия, так как СМИ требуется новая и интересная информация, а следователь в свою очередь не может раскрывать подробности материалов уголовного дела. Таким примером может послужить уголовное дело, возбужденное 05.11.2022 года по факту гибели людей в результате пожара в кафе «Полигон», расположенном на ул. Никитская в г. Кострома [8]. Следственное управление СК России по Костромской области на официальном сайте давал комментарии и сообщал ход расследования уголовного дела, не указывая при этом данные подозреваемых в совершении преступления. В свою очередь, на новостных порталах СМИ, были опубликованы сведения о подозреваемых лицах.

Вопрос о возможностях и необходимости использования СМИ в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений неоднократно поднимался и анализировался в юридической литературе. Например, по мнению В. А. Хайменова, очень часто чрезмерная активность СМИ в погоне за сенсацией приводит к вмешательству в расследование, разглашению судебной тайны, подрыву авторитета правоохранительных органов. Искаженная картина о работе сотрудников органов, тенденциозность журналистского подхода, дилетантизм в правовых вопросах – это далеко не полный перечень претензий, предъявляемых журналистам сотрудниками органов. Сотрудники СМИ также предъявляют претензии к правоохранительным органам, когда те стараются «отбиться» от журналистов. Их не устраивает предоставление малозначащей информации, использование которой не отвечает интересам СМИ, правоохранительных органов, а в конечном итоге – интересам общества. Таким образом, в сфере взаимодействия СМИ и правоохранительных органов главным является нахождение золотой середины [7].

Исходя из изложенного, следует констатировать, что взаимодействие следственных аппаратов, оперативных подразделений и СМИ находится еще на недостаточном уровне. Анализируя нормы уголовно-процессуального закона и закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [3] мы видим противоречия в нормах. Так, в соответствии со ст. 47 Закона «О средствах массовой информации», журналист имеет право искать, запрашивать, получать и распространять информацию; посещать государ-

ственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы; производить записи, в том числе с использованием средств аудио- и видеотехники, кино- и фотосъемки, за исключением случаев, предусмотренных законом; посещать специально охраняемые места стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан, а также местности, в которых объявлено чрезвычайное положение. Таким образом, журналист имеет право получать интересующую его информацию. А в соответствии с ч. 2 ст. 161 УПК РФ [1], данные предварительного расследования могут быть преданы гласности только в том объеме, в каком будет признано допустимым. Законодатель в данной норме обусловил особенности предварительного расследования, так как в определенных случаях требуется розыск лиц, причастных к совершению преступления, поиск доказательств или обеспечение сохранности доказательств, которые необходимы для полного и всестороннего расследования и могут быть уничтожены преступниками.

Разглашение данных предварительного расследования может отрицательно сказаться на расследовании уголовного дела, на сохранности доказательств, а также причинить вред потерпевшим, свидетелям и другим участникам уголовного процесса. Помимо УПК РФ, похожие положения содержатся в п. 1.7 Приказа от 11 августа 2011 г. № 127 «Об организации взаимодействия Следственного Комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью», в котором сказано, что при предании гласности материалов о следственной деятельности неукоснительно руководствоваться требованиями законодательства Российской Федерации: лишь с разрешения следователя и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если разглашение сведений не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Полагаем, что причинами противоречий является отсутствие четко сформулированных правовых основ такого взаимодействия. Журналисты, проводя собственное расследование, руководствуются законом «О средствах массовой информации», следователи же действуют на основании норм УПК РФ. Закон «О средствах массовой информации» разрешает журналистам поиск и опубликование информации, а УПК РФ разрешает только в той части, в какой это будет признано допустимым следователем или дознавателем. Кроме того, за разглашение данных предварительного расследования предусмотрена уголовная ответственности по ст. 310 УК РФ [2], однако журналистов невозможно привлечь к уголовной ответственности, так как субъектом преступления по данной статье является лицо, предупрежденное в соответствии со ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших ему известными данных предварительного расследования. И в этом мы видим пробел действующего законодательства.

Остро встает вопрос о деятельности блогеров в сети «Интернет», которая схожа с деятельностью журналистов. Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях

и о защите информации» дается понятие блогера, под которым понимается владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет» [4]. Исходя из этого понятия, блогер не является журналистом и не приравнен к нему, а значит, и закон «О СМИ» на него не распространяется.

Однако некоторые блогеры и граждане, которые ведут странички в социальных сетях, иногда в своих публикациях разглашают данные предварительного расследования. Примером может послужить депутат Самарской Губернской Думы Михаил Матвеев, который в своем блоге выкладывал материалы, связанные с уголовным делом «блогеров-вымогателей» [9], там он публиковал данные предварительного расследования без разрешения следователя. Проблема на сегодняшний день заключается в том, что блогеры, как и журналисты, тоже не несут ответственности по ст. 310 УК РФ.

Для устранения выявленных нами правовых проблем, мы предлагаем:

1. Внести изменения в ст.4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», запретив журналистам разглашение данных предварительного расследования, без разрешения следственного органа.

2. В ст. 59 Закона «О средствах массовой информации» указано, что журналисты несут ответственность за злоупотребление распространения массовой информации, но какую именно ответственность СМИ несут не указано. В связи с этим, предлагаем ввести уголовную ответственность для журналистов, за разглашение информации о ходе предварительного следствия. Также необходимо дополнить статью 310 УК РФ, введя уголовную ответственность не только для тех лиц, которые были предупреждены о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, но и для журналистов, которые опубликовали информацию о данных предварительного расследования.

3. Приравнять деятельность блогеров к деятельности журналиста, так как в данный момент блогер является владельцем страницы сайта в сети «Интернет». Для этого надо внести изменения в ст. 2 Закона «О средствах массовой информации», где дать понятие деятельности блогера, как субъекта СМИ.

Полагаем, что сформулированные нами предложения по изменению законодательства позволят повысить уровень эффективности взаимодействия следователя со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании преступления. Кроме того, взаимодействие может способствовать не только раскрытию и расследованию преступлений, но и оказывать положительное влияние на граждан, развивая их активную гражданскую позицию, что поможет решать задачи уголовного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.04.2023).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.04.2023).

3. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 29.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 07.04.2023).

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.04.2023).

5. Приказ Следственного Комитета Российской Федерации от 11.08.2011 № 127 «Об организации взаимодействия Следственного Комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-sledstvennogo-komiteta-rf-ot-11082011-n/> (дата обращения: 06.04.2023).

6. Лозовский Д. Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 194–196.

7. Хайменов В. А. Некоторые аспекты взаимодействия правоохранительных органов и средств массовой информации в современных условиях при выявлении и расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С. 537–550.

8. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области : официальный сайт. URL: <https://kostroma.sledcom.ru/news/item/1737830/> (дата обращения: 06.04.2023).

СЕКЦИЯ 5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ

УДК 347.237

Бекузарова Юлия Владимировна
доцент кафедры гражданского права,
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
jusmia@mail.ru

Проблемы осуществления и защиты права на общую совместную собственность

В данной статье рассматриваются проблемы осуществления и защиты права на общую совместную собственность супругов, регулирования договорного режима, расторжения брака и т. д. Также рассматривается влияние режима общей совместной собственности на наследственные права.

***Ключевые слова:** брак, супруги, режим имущества, общая совместная собственность, общая долевая собственность.*

Bekuzarova Yulia Vladimirovna,
associate professor, department of civil,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of implementation and protection of the right to common joint property

This article deals with the problems of the implementation and protection of the right to common joint property of spouses, regulation of the contractual regime, divorce, etc. The influence of the regime of common joint ownership on inheritance rights is also considered.

***Keywords:** marriage, spouses, property regime, common joint property, common shared property.*

Гражданам, решившим создать семью, необходимо будет в органах записи гражданского состояния заключить брак [1]. Государственная регистрация брака подразумевает под собой не только личные, но и имущественные отношения, возникающие между супругами [2]. После заключения брака в органах ЗАГС, все имущество, которые супруги наживут будет их общей совместной собственностью. Однако есть имущество, которое законодательством исключает

ется из общей совместной собственности, к нему относятся вещи индивидуального использования, а также имущество, которое имелось у каждого из супругов до государственной регистрации брака или получено по безвозмездным основаниям. Даже если один из супругов не получает доходы, но имеет на это уважительную причину, то это не лишает его права на общее имущество. Рассматривая понятие «право общей совместной собственности супругов», логичен вопрос – на какую именно собственность претендуют супруги и какие существуют ограничения. Что касается ограничений, то к ним относятся материальные блага, которые отдельно принадлежат каждому супругу на праве собственности.

Закон допускает возможность заключения брачного договора между супругами, в котором они могут указать имущественные права и обязанности каждого из них в браке либо в случае его расторжения. Существуют три основных вида брачных договоров: 1) в котором закрепляется полная совместная форма владения; 2) совместное владение объектами, нажитыми в период брака; 3) раздельная форма владения. Его можно заключить как до государственной регистрации брака, так и после, но вступить в силу договор может только после государственной регистрации. Важно, чтобы брачный договор был заключен по обоюдному согласию и письменно в присутствии нотариуса. В результате такого раздела имущественных прав и обязанностей стоит говорить уже не об общей совместной собственности супругов, а об общей долевой собственности, образующей отдельные обязанности супругов после определения долей в праве общей долевой собственности.

Абсолютно иначе определяются отношения между супругами, не заключившими брачный договор. Многие ученые утверждают, что право на общую совместную собственность для женщины, которая воспитывала детей, занималась домашним хозяйством, своим трудом обеспечивала возможность для супруга заниматься трудовой деятельностью, является гарантией на имущество в случае расторжения брака [3, с. 7]. К общему имуществу относятся движимые и недвижимые вещи, различные доходы, не имеющие специального целевого назначения, драгоценности и т. д. А к числу объектов личной собственности относится имущество, полученное до брака или в результате безвозмездной сделки. В отношении своего имущества супруги вправе реализовывать триаду полномочий собственника. То есть граждане, вступившие в брак, в отношении обладают правами пользования, распоряжения и владения. В случае распоряжения имуществом, супруг, решивший заключить договор купли-продажи в отношении недвижимости, требующей нотариального удостоверения, должен получить нотариально удостоверенное согласие второго супруга. Данное обязательство служит защитой брачных отношений, не допускает каких-либо ограничений, злоупотреблений либо лишений прав одного из супругов. В случае нарушения законных прав, пострадавший имеет право обратиться в суд за защитой собственных прав и признать соглашение, заключенное с нарушением интересов супруга, недействительным. Данное правило распространяется и на бывшего супруга чье имущество находится в общей совместной собственности. Однако отсутствие такого согласия не становится препятствием для отчужде-

ния недвижимости. Правоприменительная практика в этой области не может похвастаться стабильным и единообразным применением норм гражданского законодательства.

Отсутствие единообразной практики применения норм гражданского права и без того нарушает принцип беспрепятственного осуществления прав супругов-сособственников (бывших супругов), так в добавок в Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 № 35-П [4] Конституционный суд указал, что сособственник должен самостоятельно предпринимать меры по контролю за сохранением этого имущества в его собственности, произвести своевременный раздел этого имущества или внести запись в ЕГРН о наличии сособственника, которая позволит добросовестному приобретателю получить сведения из ЕГРН о принадлежности имущества нескольким собственникам.

Анализируя вывод Конституционного суда РФ, приходим к тому, что лица, не проявляющие интерес к общему имуществу и полагающиеся на добросовестность супругов (бывших супругов) могут его потерять безвозвратно. Так как не совершение конкретных действий может лишить граждан права на защиту своего имущества в будущем.

К тому же был сделан еще один шаг в пользу защиты прав добросовестных приобретателей имущества, выразившийся в принятии ФЗ от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Согласно внесенным изменениям оспорить сделку, совершенную без согласия супруга, стало гораздо сложнее, так как возникает необходимость доказывания факта, что приобретатель знал или должен был знать об отсутствии такого согласия у продавца.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что граждане, имеющие общую совместную собственность должны с должной заботой относиться к этому имуществу, осуществляя все правомочия собственников. Так как анализ правоприменительной практики и совершенствование норм законодательства показывают, что все сложнее защищать свои права на данный вид имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 16.04.2023).

2. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 16.04.2023).

3. Велиев Э. И. Нормы об общих долгах супругов с позиции судебного пристава-исполнителя // Наука и образование. 2012. № 7. С. 7–12.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 29. Ст. 5753.

5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5277.

УДК 341.6

Вирясов Владислав Андреевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет МФЮА

г. Москва, Российская Федерация

vl.viryasov@gmail.com

К вопросу о пресечении параллельных разбирательств посредством судебного запрета предъявления иска

В статье рассмотрен судебный запрет предъявления иска – предусмотренная английским процессуальным правом обеспечительная мера, посредством которой суд может запретить лицу инициировать или вести разбирательство в иностранной юрисдикции, если такие действия нарушают пророгационное или арбитражное соглашение либо если такое разбирательство является недобросовестным, если это соответствует интересам правосудия. Автор развивает дискуссию, высказывая идею о возможной имплементации судебного запрета предъявления иска в качестве обеспечительной меры по российскому процессуальному праву на основании опыта английских судов.

Ключевые слова: *судебный запрет предъявления иска, антиисковые обеспечительные меры, обеспечительные меры, параллельные разбирательства, международный гражданский процесс.*

Viryasov Vladislav Andreevich,

post-graduate student, Moscow University

of Finance and Law MFUA

Moscow, Russian Federation

On the issue of preventing parallel proceedings by way of anti-suit injunctive relief

The article concerns anti-suit injunctive relief, a type of interim relief which is provided for by English procedural law and by way of which a court may restrain a person from initiating or pursuing proceedings in a foreign jurisdiction if such actions are in breach of a jurisdictional or arbitration agreement or if such proceedings are in bad faith, if justice so requires. The author develops the discussion by raising the idea of the possible implementation of anti-suit injunctions as a type of injunctive relief under Russian procedural law based on the experience of the English courts.

Keywords: *anti-suit injunction, anti-suit injunctive relief, injunctive relief, parallel proceedings, international civil procedure.*

Проблема параллельных разбирательств является одной из наиболее актуальных в сфере международного гражданского процесса [4].

Одним из способов защиты лица от недобросовестных параллельных разбирательств, инициированных в суде или международном коммерческом арбитраже в другой юрисдикции, является судебный запрет предъявления иска (*anti-suit injunction*) [4].

Этот процессуальный инструмент зародился в Англии несколько веков назад. Первые сведения о применении этого средства защиты относятся ко временам формирования права справедливости: уже тогда Лорд-канцлер мог запретить стороне обращаться в суд общего права или, если иск уже был предъявлен в такой суд, приводить в исполнение вынесенное им решение. Впоследствии выдача Канцлерским судом общих запретов на ведение дел в судах общего права устанавливала превосходство справедливости над общим правом. С течением времени английские суды применили этот инструмент в отношении близких, но обособленных юрисдикций Шотландии и Ирландии. Одним из первых известных на сегодняшний день дел, в котором сторона разбирательства обратилась в английский суд, чтобы предотвратить судебное разбирательство за пределами Англии, стало дело *Love v Baker* (1665), в рамках которого английский суд запретил вести разбирательство в итальянском суде [10, с. 329].

В настоящий момент английское процессуальное право также исходит из наличия у английского суда полномочий запретить лицу инициировать или продолжать разбирательство в иностранной юрисдикции посредством судебного запрета предъявления иска. Рассмотрим основные принципы применения этого процессуального института.

Во-первых, судебный запрет предъявления иска адресован конкретному лицу (чаще всего – стороне разбирательства, инициировавшей параллельное разбирательство за рубежом), а не иностранному суду или арбитражу, т. е. действует *in personam*. Такой вывод был сделан еще при рассмотрении упомянутого выше дела *Love v Baker* (1665). Лорд-канцлер, рассматривавший заявление об отмене судебного запрета, опасался лишать ответчиков права на судебную защиту в иностранном суде, в чем его поддерживали другие судьи. Однако Коллегия адвокатов придерживалась иного мнения: «*Было сказано: судебный запрет не распространяется на иностранные юрисдикции, а также на доминионы короля. Но на это был дан ответ: запрет был обращен не к суду, а к стороне разбирательства*». Этот принцип строго соблюдается и в современной судебной практике английских судов [10, с. 329].

Во-вторых, судебный запрет предъявления иска по своей природе является обеспечительной мерой. Так, английские суды отмечают, что такой запрет не является самостоятельным средством защиты, а направлен на обеспечение материального права лица (которое, как правило, приобретает форму основания иска) либо защиту от недобросовестных процессуальных действий стороны разбирательства (например, преследующих цель препятствовать приведению в исполнение судебного решения по «основному» спору или получить противоречащее решения иностранного суда, фактически компенсирующее возможное взыскание по судебному решению по «основному» спору). На текущий момент

полномочия суда выдать судебный запрет предъявления иска предусмотрены разделом 37 Закона о Верховных судах 1981 г., который является общей нормой для обеспечительных мер и согласно которому, среди прочего, суд может своим постановлением (промежуточным или окончательным) вынести судебный запрет или назначить управляющего во всех случаях, когда это представляется суду справедливым или удобным [12, п. 1].

В некоторых случаях, помимо самого судебного запрета предъявления иска (*prohibitory injunction*), английский суд может также обязать сторону осуществить какие-либо активные процессуальные действия, направленные на устранение нарушения (*mandatory injunction*). Например, в деле *ZHD v SQO* суд обязал ответчика по заявлению приложить все усилия (*best endeavours*), чтобы приостановить разбирательство по иску, заявленному им в иностранной юрисдикции.

Обеспечительная природа запрета предъявления иска обусловила и процессуальные особенности рассмотрения подобных заявлений, как, например, возможность рассмотрения заявления без вызова ответчика (*ex parte*), срочный порядок рассмотрения заявления и др. [11].

В-третьих, представление судебного запрета предъявления иска допускается только при наличии определенных оснований.

Английские суды отмечают, что, хотя ведение параллельных разбирательств в разных юрисдикциях и нежелательно, это не обязательно означает необходимость предоставления судебного запрета предъявления иска. Чтобы вынести судебный запрет предъявления иска, суду следует установить наличие хотя бы одного из двух оснований.

Так, суд может выдать судебный запрет предъявления иска, если разбирательство в иностранном суде или арбитраже нарушает основанное на нормах общего права либо права справедливости право одной из сторон. В этом случае, как правило, речь идет о нарушении заключенного сторонами пророгационного или арбитражного соглашения посредством инициирования одной из сторон разбирательства в иностранной юрисдикции.

Кроме того, судебный запрет предъявления иска может быть выдан, если разбирательство в иностранной юрисдикции будет признано недобросовестным, отягощающим процесс или необоснованным («*vexatious, oppressive or unconscionable*»). Тогда даже в отсутствие пророгационного или арбитражного соглашения суд может заключить, что цели отправления правосудия требуют выдать судебный запрет предъявления иска в отношении иностранного разбирательства, которое соответствует упомянутым выше критериям.

Английские суды избегают исчерпывающего определения «недобросовестного» разбирательства, оставляя большее пространство для осуществления дискреции и реализации прагматичного подхода. В судебной практике сформировались лишь некоторые общие правила, на которые английские суды ориентируются для отнесения того или иного разбирательства к категории «недобросовестных». Так, например, в деле *Deutsche Bank AG and another v Highland Crusader Offshore Partners LP and others* Апелляционный суд, основываясь на сложившейся судебной практике, заключил, что при доказывании «недобросо-

вестности» разбирательства в иностранном суде на основании доктрины “*forum non conveniens*”, необходимо продемонстрировать, что (а) Англия явно является более подходящим судом (*natural forum*) и что (б) правосудие требует, чтобы истцу в иностранном суде было запрещено вести там производство.

В любом из двух случаев суд имеет право по своему усмотрению наложить судебный запрет или отказать в его предоставлении, в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

К примеру, в деле *Midgulf International Ltd v Groupe Chimique Tunisien*, Апелляционный суд рассмотрел оба основания: так, суд указал, что неправомерным поведением (нарушением договора) было бы обращение одной из сторон в иностранный суд с просьбой признать пророгационное или арбитражное соглашение недействительным. Кроме того, суд посчитал возможным предоставление обеспечительной меры в виде судебного запрета предъявления иска даже в отсутствие такого соглашения, указав, что единственная цель заявленного в иностранной юрисдикции иска ответчика – подорвать эффективность заключенного сторонами английского арбитражного соглашения посредством препятствования исполнению арбитражного решения в форме получения противоречащего решения либо в форме взыскания убытков в рамках параллельного разбирательства.

Следует также отметить, что английские суды не ограничены выдачей судебного запрета предъявления иска лишь в отношении недобросовестной стороны «основного» разбирательства. К примеру, конструкция «недобросовестного» производства также позволяет английским судам ограничить судебным запретом третье лицо, когда иностранное разбирательство было начато таким третьим лицом в сговоре с ответчиком по «основному» разбирательству с целью воспрепятствовать этому последнему.

Таким образом, следует заключить, что судебный запрет предъявления иска является весьма эффективной и гибкой мерой, которая направлена на обеспечение требований одной из сторон разбирательства, действия арбитражного или пророгационного соглашения, исключительности судебного или арбитражного решения и его признания и приведения в исполнение, и которая за многие годы применения получила существенное развитие в английском процессуальном праве.

До недавних пор отношение российского правопорядка к этому процессуальному инструменту было весьма негативным. Так, по мнению бывшего Председателя ВАС РФ А. А. Иванова, такой запрет относится к «очевидному злоупотреблению правом» и является проявлением недобросовестной конкуренции правовых систем [1]. ВАС РФ занял позицию, согласно которой такие запреты были признаны противоречащими принципу суверенного равенства государств, в том числе ввиду невозможности осуществлять властные полномочия в отношении другого государства и предписывать ему то или иное поведение (*par in parem non habet imperium*) [0, п. 32].

В то же время некоторые исследователи права еще несколько лет назад подчеркивали интерес к судебному запрету предъявления иска, в некоторых случаях указывая, что применение судебного запрета предъявления иска в целом соответствует российскому законодательству, имеет все необходимые на то основания

и может даже принять форму «запрещения ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора» (п. 2 ч. 1. ст. 91 АПК РФ) [3], хотя такой подход и не нашел поддержки в судебной практике.

Одним из первых практических шагов российского законодателя, направленных на имплементацию судебного запрета предъявления иска стало принятие Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ, который дополнил АПК РФ двумя новыми процессуальными инструментами, включая (а) исключительную компетенцию арбитражных судов над спорами с участием лиц, в отношении которых применяются ограничительные меры (санкции), и спорами, основанием которых являются ограничительные меры; и (б) право обратиться за судебным запретом инициировать или продолжать разбирательство по спорам с их участием в связи с действием мер ограничительного характера (ст. 248.2 АПК РФ).

Однако предусмотренный ст. 248.2 АПК РФ запрет является весьма негибким инструментом *sui generis*, не обладает признаками обеспечительных мер, покрывает весьма ограниченную категорию дел. Участники арбитражного процесса нередко обращаются в суд, чтобы запретить параллельное разбирательство путем подачи именно заявления о принятии обеспечительных мер, в том числе по более широкой категории дел и (или) со ссылкой на положения АПК РФ об обеспечительных мерах, что свидетельствует о своеобразном интересе к судебному запрету предъявления иска как обеспечительной мере [6, 9, 2, 7, 8].

Однако следует констатировать, что ввиду общего формально-юридического подхода к решению проблемы параллельных разбирательств участники российских разбирательств существенно ограничены в инструментари, который мог бы позволить пресечь такие разбирательства. Ввиду текущих правовых и административных барьеров в доступе российских лиц к правосудию в иностранных судах и необходимости обеспечения реализации права на судебную защиту в случаях, когда заключенное сторонами пророгационное или арбитражное соглашение нарушается предъявлением подпадающих в сферу такого соглашения требований в иностранной юрисдикции либо когда в обход российской юрисдикции инициировано недобросовестное разбирательство, российскому законодателю следует обратить особое внимание на зарубежный опыт применения судебного запрета предъявления иска и учесть доктринальные дискуссии по этому вопросу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А. А. Недобросовестная конкуренция правовых систем: современные проблемы. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на пленарном заседании Международного юридического форума в Санкт-Петербурге (17 мая 2012 г.). URL: <https://web.archive.org/web/20140713105503/http://www.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/52580.html> (дата обращения: 15.04.2023).

2. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.03.2023 по делу № А56-108695/2022. URL: <https://web.archive.org/web/A56-108695/2022/>(дата обращения: 15.04.2023).

3. Ярков В. В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.04.2023).

4. Сюрмеев К. Е. Трансграничные коммерческие споры: формально-юридический и прагматический подходы к решению проблемы параллельных разбирательств // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2023).

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц»).

6. Определение Арбитражного суда города Москвы от 21.04.2022 по делу № А40-55650/22-10-405.

7. Определение Арбитражного суда Костромской области от 16.06.2022 по делу № А31-6383/2022.

8. Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 17.10.2022 по делу № А43-411/2022.

9. Определение Арбитражного суда города Москвы от 22.03.2023 по делу № А40-87298/22-19-618.

10. Altaras D. The Anti-Suit Injunction: Historical Overview // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2009. Vol. 75, is. 3. P. 327–333. URL: <https://login.wolterskluwer.com/idp/startSLO.ping?TargetResource=https://www.kluwerarbitration.com/Account/LogoutHelper> (дата обращения: 15.04.2023).

11. Remedies for breach of the arbitration agreement: anti-suit injunctions in the English courts // Practical Law Arbitration : website. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/6-382-1125> (дата обращения: 15.04.2023).

12. Supreme Court Act 1981 (England and Wales): принят 28.07.1981 // Legislation.gov.uk : [official website]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/section/37/enacted> (дата обращения: 15.04.2023).

УДК 342.7

Емельянов Антон Александрович,
преподаватель, Луганская академия
внутренних дел им. Э. А. Дидоренко
г. Луганск, Российская Федерация
aaemetelianov@mail.ru

Коллизионность системы законодательства как фактор нарушения гражданских прав

Статья посвящена юридическим коллизиям, существующим в действующей нормативно-правовой базе Российской Федерации, которые могут повлечь за собой несоблюдение и нарушение прав граждан в процессе их привлечения к ответственности за совершение

правонарушений различной отраслевой направленности. Анализ литературных, нормативных источников, а также ряда постановлений высших судебных инстанций позволил представить эффективные приемы преодоления юридических коллизий, возникающих в юридической практике, применение которых обеспечит соблюдение гарантированных конституционных, а также гражданских прав и свобод человека в рамках осуществления процедуры привлечения лиц к различным видам юридической ответственности.

Ключевые слова: юридические коллизии, межотраслевые коллизии, коллидирующие нормы; приемы преодоления юридических коллизий, принцип отраслевого приоритета, защита гражданских прав.

Yemelianov Anton Aleksandrovich,
lecturer, Lugansk Academy of Internal
Affairs named after E. A. Didorenko
Lugansk, Russian Federation

Conflict of laws system as a factor of violation of civil rights

The article is devoted to legal conflicts existing in the current legal framework of the Russian Federation, which may lead to non-compliance and violation of the rights of citizens in the process of bringing them to responsibility for committing different types of offenses. The analysis of literary, regulatory sources, as well as a number of decisions of higher judicial instances allowed us to present effective methods of overcoming legal collisions arising in legal practice, the use of which will ensure compliance with guaranteed constitutional, as well as civil rights and freedoms of a person within the framework of the procedure for bringing persons to various types of legal responsibility.

Keywords: legal collisions, intersectoral collisions, conflicting norms; methods of overcoming legal collisions, the principle of sectoral priority, protection of civil rights.

Одной из причин, вызывающих дополнительные трудности при защите гражданских прав лиц, являются юридические коллизии. Данный правовой феномен, относящийся к числу дефектов законодательной системы, порождает дополнительные противоречия в нормативном регулировании деятельности уполномоченных органов власти по привлечению лиц к различным видам ответственности за совершенные ими правонарушения. Указанный тезис целесообразно рассмотреть на конкретных примерах юридических коллизий, существующих в действующей нормативно-правовой базе Российской Федерации, параллельно указывая на приемы их преодоления в правоприменительной практике.

Хочется начать с межотраслевых коллизий, которые вследствие постепенного расширения предмета правового регулирования публичных отраслей права возникают все чаще. Отмеченная разновидность юридических коллизий обладает специфическими особенностями, выражающимися в дифференциации методов и/или предметов правового регулирования, применяющихся различными отраслями, но в отношении тождественных общественных отношений.

Первый пример. «Столкновение» норм кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и налогового кодекса (далее – НК РФ). По настоящее время в НК РФ действуют правовые предписа-

ния, которые практически идентичны по своему содержанию положениям КоАП РФ, однако санкции данных норм существенно отличаются. В качестве примера сопоставим положения статьи 15.3 КоАП РФ и статьи 116 НК РФ. Для наглядности сравним первые части данных предписаний. Обе приведенные выше нормы предусматривают административную ответственность за нарушение плательщиком налогов сроков подачи заявления постановки на налоговый учет. Санкция части 1 статьи 15.3 КоАП РФ предусматривает 2 варианта санкций: предупреждение либо наложение штрафа в размере от пятисот до тысячи рублей. При этом второй вид административного наказания предусмотрен исключительно для должностных лиц.

Санкция части 1 статьи 116 НК РФ за аналогичное правонарушение предусматривает исключительно наложение штрафа в размере до десяти тысяч рублей. Таким образом, налицо явное несовпадение двух правовых предписаний.

Рассматриваемая межотраслевая юридическая коллизия преодолевается при помощи коллизионной нормы, отраженной в статье 1.1 КоАП РФ, которая закрепляет приоритет данного кодифицированного акта над остальными нормативными правовыми актами: «законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях». Во исполнение приведенной выше нормы полностью либо в части признал утратившими юридическую силу 137 нормативных правовых актов (как законодательных, так подзаконных), регулирующих положения об административной ответственности [7, с. 21]. Однако по неизвестной причине законодатель не предпринимает никаких мер по устранению возникшей коллизии законодательных актов.

Второй пример. Некоторые специалисты отмечают наличие сложностей при квалификации деяний, связанных с применением оружия, в связи с чем высшие судебные инстанции были вынуждены давать неоднократные разъяснения, которые, по сути, подправляют действующий уголовный закон [8, с. 58]. Так, анализ содержания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» позволил обнаружить правило преодоления межотраслевой коллизии, отраженное в пункте 8. В нем Пленум определил, что в случаях, когда в деянии лица, выразившемся в нарушении правил оборота оружия и боеприпасов, одновременно содержатся признаки преступления и административного правонарушения, такое лицо может быть привлечено исключительно к административной ответственности [3].

По сути, ВС РФ в конкретном случае отдал приоритет нормам административного права и фактически «декриминализовал» рассмотренное выше неправомерное поведение. Суд не изложил мотивы принятого решения, однако стоит отметить, что сформулированное им правило по своему смыслу конкретизирует положения части 2 статьи 14 УК РФ о малозначительном деянии, со-

держателем в себе все признаки состава преступления, однако не представляющего общественной опасности.

Безусловно, предписания, отраженные в ПП ВС РФ, вносят дополнительную ясность в уяснение содержания правовых норм и позволяют преодолевать возникающие юридические коллизии, однако данные судебные акты не наделены статусом источника права, а потому не носят общеобязательный характер для неопределенного круга лиц.

Как же корректно и разумно преодолевать межотраслевые коллизии? Некоторыми авторами предлагается принцип отраслевого приоритета, суть которого заключается в применении нормы той отрасли, к ведению которой изначально должно относиться регулирование данного общественного отношения [1, с. 72; 2, с. 367]. Аналогичная точка зрения приведена в ряде Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), который подчеркивал «...необходимость учета особенностей предмета регулирования тех или иных законодательных актов при разрешении возникающих между ними коллизий» [4]. Руководствуясь данными соображениями, высший судебный орган конституционного контроля разрешил несколько расхождений между нормами различных отраслей права, в частности:

1. Подтвердил приоритет уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами в тех случаях, когда их положения, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК РФ [4];

2. Установил, что нормы УИК РФ не могут подменять или изменять соответствующие положения уголовного законодательства, регулирующие виды и размер наказаний, в том числе сроки, назначаемые по приговору суда для отбывания в тюрьме [5].

В представленных выше постановлениях КС РФ при принятии решений применял принцип отраслевого приоритета, т. е., руководствовался, во-первых, особенностями предмета правового регулирования той или иной отрасли права, во-вторых, определял правовую природу конкретных правоотношений.

Подводя промежуточный итог, необходимо отметить, что используемый в судебной практике принцип отраслевого приоритета должен рассматриваться остальными правоприменителями в качестве правила преодоления коллизий между нормами различной отраслевой принадлежности. Однако данный коллизионный прием требует нормативного закрепления с целью придания ему статуса официального и общеобязательного и может быть изложен следующим образом:

«В случае возникновения юридических коллизий между нормами, расположенными в правовых актах различной отраслевой принадлежности, применению подлежит нормативный правовой акт, обладающий отраслевым приоритетом, т. е. специально предназначенный для регулирования соответствующих общественных отношений. Отраслевой приоритет устанавливается с применением всех следующих положений:

- 1) установление предметов регулирования для каждой отрасли, нормы которых вступили в противоречие или расхождение;
- 2) установление предметов правового регулирования для каждого правового акта, нормы которого вступили в противоречие или расхождение;
- 3) определение правовой природы конкретного общественного отношения, по поводу которого возникла коллизия, путем анализа его элементов – объекта, субъектов и содержания;
- 4) установление на основании изложенных выше действий отраслевой принадлежности общественных отношений с учетом их индивидуальных особенностей».

Однако по настоящее время принцип отраслевого приоритета наряду с остальными приемами преодоления юридических коллизий отражен только в литературных источниках и фактически реализован в ряде судебных постановлений, оставаясь вне существующей нормативно-правовой базы Российской Федерации.

Третий пример. Особые сложности в выявлении вызывают коллизии неочевидные, которые находятся в «спящем» состоянии. Они не могут быть установлены, пока не возникнет конкретная правовая ситуация, которая станет объектом правового регулирования минимум двух норм, которые до этого, казалось бы, не пребывают в состоянии «конфликта».

Необходимо отметить, что чаще всего в расхождениях данного вида отмечается множественность «сторон», т. е. норм права. Имеется в виду, что группа одних предписаний противопоставляется группе других. Действуя именно в своей совокупности, правовые нормы регулируют конкретную правовую ситуацию несколько иначе, чем порознь, с определенными особенностями, которые и приводят к возникновению коллизии. Данное утверждение можно наглядно подтвердить на практическом примере. Так, КС РФ вынес постановление, которым среди прочего принял решение о несоответствии норм УК РФ и УПК РФ в своей совокупности целому ряду статей Конституции РФ. Фрагмент данного судебного акта целесообразно представить:

«Признать часть вторую статьи 27 УПК Российской Федерации и пункт «в» части первой статьи 78 УК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 49 и 53, в той мере, в какой они – допуская в своей взаимосвязи продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае, если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, – не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления» [6].

Представляется, что иным способом, кроме как посредством применения процедуры конституционного судопроизводства, разрешить неочевидные коллизии не представляется возможным. В качестве основания для установления

факта их существования и последующего преодоления в таком случае выступат несоответствие определенных предписаний Основному закону государства.

Таким образом, в рамках настоящей статьи были, во-первых, рассмотрены конкретные примеры юридических коллизий, которые могут препятствовать эффективной защите гражданских прав лиц вследствие потенциально неверного применения коллидирующих правовых норм, во-вторых, представлены действенные приемы преодоления возникших расхождений, несовпадений и противоречий нормативных предписаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 144 с.

2. Белясов С. Н. Разрешение межотраслевых коллизий норм права равной юридической силы // Юридическая техника. Ежегодник / Нижегородская акад. МВД России ; гл. ред. В. М. Баранов. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородской акад. МВД России, 2017. № 11: Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления. С. 376–377.

3. Постановление Пленума Верховного Суда от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853/ (дата обращения: 01.03.2023).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения: 01.03.2023).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Верещака, В. М. Гладкова, И. В. Голышева и К. П. Данилова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41230/ (дата обращения: 01.03.2022).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422489/ (дата обращения: 03.03.2022).

7. Савленков А. Пробелы в административном законодательстве // Законность. 2008. № 3. С. 21–23.

8. Черников В. В. Юридические коллизии современного полицейского законодательства России // Юридическая техника. Ежегодник / Нижегородская акад. МВД России. № 11: Коллизии законодательных, интерпретационных,

правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородской акад. МВД России, 2017. С. 58.

УДК 37.014.15

Андрущишина Янна Витальевна,
студент, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Российская Федерация
ianna200307@bk.ru

Ларионова Мария Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Российская Федерация
larionova@pspu.ru

Защита авторских прав педагогов в системе образования

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с авторством учебных материалов, методических пособий, научных статей и других произведениях, с которыми сталкиваются педагоги в процессе своей профессиональной деятельности. Также в статье определены объекты авторского права в сфере образования, обсуждаются возможные способы защиты прав педагогов на свои результаты интеллектуальной деятельности и даются рекомендации по предотвращению таких нарушений.

Ключевые слова: педагогический работник, авторские права, защита авторских прав, результаты интеллектуальной деятельности, судебные меры защиты, внесудебные меры защиты, самозащита.

Andrushchishina Yanna Vitalievna,
student, Perm State
Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russian Federation

Larionova Maria Alexandrovna,
Ph. D. in Law, Associate Professor
Perm State University of Humanities and Pedagogy
Perm, Russian Federation

Copyright protection of teachers in the education system

The article discusses the main problems associated with the authorship of educational materials, manuals, scientific articles and other works that teachers face in the course of their professional activities. The article also defines the objects of copyright in the field of education, discusses

possible ways to protect the rights of teachers to their intellectual activity results and provides recommendations for the prevention of such violations.

Keywords: *teaching staff, copyright, copyright protection, results of intellectual activity, judicial measures of protection, extra-judicial measures of protection, self-defense.*

Авторское право распространяется на все сферы общественной деятельности, где предусмотрено создание интеллектуальных и творческих результатов. Образовательная деятельность не является исключением, более того, оно больше всего подвержено нарушению исключительных прав, потому что именно в учебной среде постоянно присутствует необходимость в пополнении и обновлении новых методических и дидактических материалов, в создании более улучшенных версий рабочих программ по предметам и курсам внеурочной деятельности. Наряду с этим, любой новый продукт в той или иной форме включает в себя копии текстов, заимствованных из Интернета, фотографии и видео. И не всегда это делается честным образом. Простота копирования файлов из всемирной телекоммуникационной сети восполняется сложностью возникающей в результате цепочки гражданско-правовых отношений между новым трудом и автором оригинального произведения.

Объектами интеллектуальной деятельности в образовательной среде можно определить любое произведение или творение, являющееся результатом интеллектуального труда педагога. Это могут быть планы уроков, презентации, учебники, раздаточные материалы, исследовательские работы и другие материалы, разработанные преподавателем, которые используются в учебном процессе [1, с. 168].

Объекты авторских прав не требуют специальной регистрации, но неправильно было бы говорить о том, что любой результат педагогической деятельности может быть признан объектом авторских прав. Для признания результата объектом авторских прав необходимо соблюдение нескольких критериев: во-первых, это творческий характер произведения [3, ст. 1257], во-вторых, объективная форма выражения, т. е. любой результат интеллектуальной деятельности должен быть зафиксирован на материальном носителе и выражен в какой-либо форме [3, ст. 1259].

Особое внимание нужно уделить служебным объектам авторского права, так как именно этот вид объектов является неотъемлемой частью профессиональной деятельности работников образования.

Согласно статье 1295 ГК РФ, служебное произведение – это результат творческой деятельности работника, созданный в ходе выполнения им своих обязанностей. То есть для того, чтобы созданное признавалось служебным произведением, обязанность по его созданию должна быть предусмотрена в трудовом договоре сотрудника.

Говоря непосредственно про саму защиту авторских прав педагога, то существует две формы: защита в судебном и во внесудебном порядке. Когда речь идет о защите авторских прав работников образования вне суда, важно отметить самозащиту как основной метод, поскольку он имеет свои особенности в сфере образования. Этот вопрос регулируется ст. 14 ГК РФ [2] и касается не-

посредственно требований к действиям по защите своих прав без обращения в органы власти. Необходимо подчеркнуть, что главным моментом здесь является именно самостоятельное совершение действий.

Педагогический работник может защитить свою работу, применяя ряд мер, таких как указание своего имени, фамилии или псевдонима, а также даты создания произведения. Кроме того, автор может использовать знак копирайта, который не требует регистрации, но указывает на необходимость указания авторства при использовании продукта. Важно сохранять все записи, чертежи и черновики, которые были созданы в процессе работы над объектом авторского права, чтобы иметь возможность обратиться к ним в случае необходимости. Все эти действия помогут защитить авторские права и подтвердить авторство в будущем.

Также одной из форм защиты педагогом своих авторских прав во внесудебном порядке можно выделить заключение договора авторского заказа с образовательной организацией. Согласно данному договору, автор обязуется создать произведение на материальном носителе или в другой форме по запросу заказчика. В рамках этого же договора может быть урегулирован вопрос об исключительных правах на произведение, как через договор об отчуждении исключительных прав, так и через лицензионный договор [3, ст. 1288].

Учителя также могут обратиться за помощью к своему профсоюзу или к комиссии по трудовым спорам, чтобы защитить свои авторские права. Профсоюзы обычно имеют юридических консультантов, которые могут помочь педагогам разобраться в законодательстве об авторском праве и защитить их права в случае нарушения.

Можно обратиться к комиссии по трудовым спорам, которая может помочь учителям защитить свои авторские права, если возникнут споры с работодателем. Комиссия может рассмотреть жалобу учителя и вынести решение, которое будет обязательным для обеих сторон.

В обоих случаях важно иметь доказательства нарушения авторских прав, такие как договоры или другие документы, подтверждающие авторство учителя. Также необходимо знать свои права и быть готовым защищать их в случае необходимости [5, с. 72–74].

Самозащита своих авторских прав хотя и является наиболее доступным и бюджетным способом, но она не всегда является эффективной, поскольку присутствует большая проблема незнания законодательства. Поэтому преимущественно лучшим вариантом является комплексный подход к защите авторских прав, который должен включать как внесудебные меры, так и судебные.

Говоря непосредственно про судебную защиту авторских прав педагогического работника, то она обеспечивается путем использования определенных способов.

В части 1 ст. 12 и части 4 ст. 1250-1252, и 1301 ГК РФ содержатся следующие специальные меры защиты прав автора:

- признание права;
- восстановление положения, существовавшего до его нарушения, и пресечение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения права;

- выплата компенсации;
- возмещение убытков;
- компенсация морального вреда;
- публикация решения суда о допущенном нарушении.

Законодатель не исключает и другие способы защиты прав автора.

В целом, авторское право является важным аспектом образования, и его соблюдение необходимо для защиты прав преподавателей и учеников.

Хотя полностью защититься от кражи контента невозможно, но все-таки учителя могут принять меры предосторожности, чтобы свести вероятность к минимуму:

- использовать водяные знаки на создаваемых материалах;
- делиться материалами со студентами и коллегами только через безопасные каналы, к примеру, защищенный паролем веб-сайт;
- при разработке определенного материала, неплохо было бы использовать свой индивидуальный стиль написания;
- следует следить за использованием своих учебных материалов. И в случае, если было замечено, что кто-то использует материалы без разрешения, то можно обратиться в Роспатент или в суд за защитой своих прав;
- учителю необходимо сотрудничать с администрацией своей школы в вопросах охраны авторских прав. Администрация может помочь учителю защитить свои права и принять меры для предотвращения нарушений.

В заключение нужно заметить, что защита авторских прав педагога является важным аспектом педагогической деятельности. Педагоги должны быть осведомлены о своих правах и знать, как защитить свои материалы от незаконного использования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власова Ю. Ю., Пустыльник М. Л. Современное состояние обеспечения правовой охраны и использования интеллектуальной собственности в сфере образования и педагогической науки // Система образования в России и за рубежом : сб. аналитических материалов. М. : Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2019. С. 167–188.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.06.2023 г.).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13. 06. 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 16.06.2023 г.).

4. Давыдов Д. Г. Паулова Ю. Е., Потапова Л. А. Проблемы авторского права в научно-исследовательской и учебно-методической деятельности педагога. Пенза : Наука и просвещение, 2017. С. 58–64.

5. Правовой статус педагога : учеб. пособие / Профсоюз работников народного образования и науки РФ ; Кировская областная территориальная организация. Киров, 2020. 88 с.

Присухина Яна Анатольевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
yanaprisuhina@icloud.com

Сироткин Алексей Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация

Риски при заключении договора купли-продажи автомобиля с пробегом и меры по их снижению

В статье рассматриваются риски при заключении договора купли-продажи автомобиля с пробегом. К таким рискам относятся: приобретение похищенного транспортного средства; приобретение автомобиля, в отношении которого установлены ограничения на совершение регистрационных действий; приобретение автомобиля у лица, не обладающего соответствующими полномочиями. Автор предлагает внести изменения в законодательство с целью предотвращения указанных рисков.

***Ключевые слова:** автомобиль с пробегом, ГИБДД, риски, регистрация транспортного средства.*

Prisukhina Yana Anatolyevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Sirotkin Aleksey Gennadievich,
PhD in law, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Risks at the conclusion of a contract for the purchase and sale of a used car and measures to reduce them

The article discusses the risks when concluding a contract for the sale of a used car. Such risks include: acquisition of a stolen vehicle; the purchase of a car in respect of which restrictions on the performance of registration actions are established; purchasing a car from a person who does not have the appropriate authority. The author proposes to amend the legislation in order to prevent these risks.

***Keywords:** used car, traffic police, risks, vehicle registration.*

В условиях санкционных ограничений в России резко увеличился объем продаж автомобилей с пробегом. Это произошло из-за того, что в феврале 2022 года иностранные производители автомобилей объявили, что приостанавлива-

ют поставки автомобилей в Россию. Причем некоторые компании официально объявили об уходе с российского рынка.

В 2022 году в России было продано 5 482 792 поддержанных автомобиля, что подтверждается сведениями аналитического агентства «Автостат». Актуальность изучения юридических аспектов купли-продажи автомобилей подтверждается также данными судебной статистики. По данным исследования Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации за 2021 год суды рассмотрели более 20 000 судебных споров между покупателями и продавцами машин.

До 15 октября 2013 года процедура регистрации транспортных средств в ГИБДД предполагала обязательное присутствие продавца и покупателя или их представителей. Прежний собственник снимал автомобиль с регистрации, а новый собственник, соответственно, регистрировал транспортное средство на себя.

С 15 октября 2013 года в России процедура продажи автомобиля стала иной. Были внесены изменения в Приказ МВД России от 07.08.2013 № 605 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним» (в настоящее время данный приказ утратил силу) [3]. Главным нововведением стало то, что с 2013 года прежнему владельцу транспортного средства не требуется снимать его с учета в ГИБДД. То есть, купив автомобиль, в ГИБДД по новым правилам обращается только новый собственник для регистрации транспортного средства, прежний собственник для этой процедуры не нужен.

Конечно же, процедура была значительно упрощена, прежнему собственнику не нужно тратить время на посещение ГИБДД. Но данное нововведение породило множество рисков.

Одним из рисков является приобретение похищенного транспортного средства. Заключив договор купли-продажи, новый собственник обращается в ГИБДД, где выясняется, что автомобиль числится в розыске. В такой ситуации покупатель может остаться и без денег, и без автомобиля. При возбуждении уголовного дела автомобиль становится вещественным доказательством. После этого вернуть автомобиль добросовестному покупателю практически невозможно, что подтверждается анализом судебной практики. Например, Вяземский районный суд Смоленской области 26 мая 2020 года по делу № 2-555/2020 вынес решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г. И. С. к Г. М. Л. и МО МВД России «Вяземский» о признании добросовестным приобретателем покупателя транспортного средства и возврате транспортного средства [4].

По данной категории дел важно установить обстоятельства, при которых автомобиль выбыл из владения собственника. В качестве примера приведем Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 5-КГ21-99-К2 от 5 октября 2021 [5]. В данном случае Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления нижестоящих инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд

первой инстанции в связи с тем, что первоначальный собственник, заключивший агентский договор с автосалоном, в судебное заседание не явился и доказательства выбытия имущества из его владения помимо воли не представил.

С этим риском связана другая проблема при заключении договора купли-продажи автомобиля с пробегом – это приобретение транспортного средства с перебитым VIN-номером. При выявлении данного обстоятельства автомобиль будет отправлен на криминалистическую экспертизу. Если выяснится, что автомобиль был похищен, то он будет возвращен собственнику. В этой ситуации покупателю поможет обращение в суд с иском к продавцу о взыскании убытков. В качестве примера приведем решение Центрального районного суда г. Тюмени по делу № 2-7554/2017 от 02 ноября 2017 года. Я. Н. Ю. обратилась в суд с иском к Ф. Ю. А. о расторжении договора купли-продажи транспортного средства, заключенного между Я. Н. Ю. и Ф. Ю. А. При постановке автомобиля на учет в органах ГИБДД выяснилось, что автомобиль содержит запасные части другого автомобиля, похищенного в результате преступления, в связи с чем в постановке на учет было отказано, возбуждено уголовное дело и автомобиль был изъят у истца. О данных недостатках автомобиля при заключении договора купли-продажи истцу известно не было. Суд иски требования Я. Н. Ю. к Ф. Ю. А. о расторжении договора купли-продажи, взыскании убытков удовлетворил[6].

Еще одним риском при покупке автомобиля с пробегом является покупка автомобиля, в отношении которого установлен запрет регистрационных действий. Данное ограничение является мерой, которая не позволяет поставить автомобиль на учет. Запрет регистрационных действий обычно возникает из-за долговых обязательств прежнего владельца автомобиля: задолженность по кредитным договорам, неисполнение алиментных обязательств, неуплата штрафов и т. д. При такой ситуации ГИБДД автомобиль не поставит на учет, пока не будут сняты все ограничения. В таком случае у покупателя автомобиля есть несколько вариантов действий: уведомить о задолженности продавца автомобиля и договориться, чтобы он ее погасил; погасить задолженность за продавца самостоятельно, либо же обращаться в суд за защитой своих гражданских прав исходя из того, что в соответствии с п. 1 ст. 460 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, который свободен от прав третьих лиц [1].

В настоящее время разработаны различные сервисы для того, чтобы проверить все имеющиеся ограничения регистрационных действий в отношении транспортного средства; одним из таких сервисов является официальный сайт ГИБДД, на котором данную информацию можно проверить бесплатно. Использование сервисов по проверке автомобиля – это отличный вариант снизить риски при покупке автомобиля, но и данные сервисы имеют несовершенства.

Несовершенства данных сервисов заключается в том, что запреты регистрационных действий на автомобиль могут быть наложены либо в момент заключения договора купли-продажи автомобиля с пробегом, либо с задержкой. Соответственно, данные сервисы, как платные, так и бесплатные, могут отражать информацию о запрете регистрационных действий некорректно. И здесь возникает проблема: покупатель узнает, есть ли запрет на регистрационные

действия, только после покупки автомобиля с пробегом и обращения в ГИБДД с целью постановки автомобиля на учет.

Следующим риском при заключении договора купли-продажи автомобиля является риск приобретения транспортного средства у так называемых «перекупов». В данном случае негативные последствия могут возникнуть как для продавца, так и для покупателя автомобиля. Суть заключается в том, что «перекупы» покупают автомобиль у определенного лица, не ставят его на учет с целью уклонения от налогов и затем перепродают этот автомобиль от имени прошлого владельца покупателю. Соответственно, при постановке такого автомобиля на учет в ГИБДД могут возникнуть серьезные проблемы, начиная от невозможности внести изменения в договор купли-продажи, заканчивая привлечением к уголовной ответственности за присвоение частной собственности.

Чтобы избежать такого риска, нужно удостовериться в том, что именно собственник или иное лицо, обладающее правомочиями на распоряжение, продает автомобиль и договориться о совместной постановке автомобиля на учет, и только после удачной регистрации передать продавцу денежные средства за купленный автомобиль.

Таким образом, на данный момент существуют различные риски при заключении договора купли-продажи автомобиля с пробегом, обусловленные, в том числе, несовершенством действующего законодательства. В связи с этим предлагаются внести изменения в Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], а именно предусмотреть в статье 8 «Права и обязанности владельцев транспортных средств» обязанность прежнего собственника участвовать в регистрационных действиях при продаже автомобиля. В таком случае покупатель автомобиля с пробегом будет уверен в том, что автомобиль юридически «чист», а в случае выявленных сотрудниками ГИБДД проблем покупатель сможет отказаться от заключения договора или расторгнуть его, при этом не неся риска потери денежных средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.04.2023).

2. Федеральный закон «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 283-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304041/ (дата обращения: 16.04.2023).

3. Приказ МВД России «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автомототранспортных средств и прице-

пов к ним» от 07.08.2013 № 605 (утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152842/ (дата обращения: 16.04.2023).

4. Решение № 2-555/2020 2-555/2020~М-332/2020 М-332/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 2-555/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5qkTob YxCL1S/> (дата обращения: 16.04.2023).

5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 октября 2021 г. № 5-КГ21-99-К2. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402916432//> (дата обращения: 16.04.2023).

6. Решение № 2-7554/2017 2-7554/2017~М-7715/2017 М-7715/2017 от 2 ноября 2017 г. по делу № 2-7554/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h88 SquaMНwLt/> (дата обращения: 16.04.2023).

УДК 347.23

Серебрякова Дарья Александровна,
студентка, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
daryaserebriakova0907@gmail.com

Алферова Ольга Сергеевна,
старший преподаватель,
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
alferovaos85@yandex.ru

Покупка и наследование участков в виртуальной реальности

В статье рассматривается проблема собственности земельных участков в виртуальной реальности с использованием платформы Decentraland, защиту прав при покупке данных земельных участков, а также проблему их наследования после смерти наследодателя, в чьей собственности находился земельный участок на платформе Decentraland.

Ключевые слова: виртуальная реальность, Decentraland, наследование, токен, NFT.

Serebryakova Darya Alexandrovna,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Alferova Olga Sergeevna,
senior lecturer, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Purchase and inheritance of plots in virtual reality

The article considers the problem of ownership of land plots in virtual reality using the platform Decentraland, the protection of rights when buying data of land plots, as well as the problem

of their inheritance after the death of the testator, whose property was the land plot on the platform Decentraland.

Keywords: *virtual reality, Decentraland, inheritance, token, NFT.*

Прогресс общества вперед не стоит на месте, происходит развитие институтов общества, продвижение науки вперед, разработка новых, ранее неизведанных технологий. Виртуальная реальность является одной из подобных технологий. Виртуальная реальность (англ. Virtual reality – несуществующий) – особая часть развития информационных технологий, которая на современном этапе понимается по-разному. Создание этого мира поддерживается специальными устройствами – VR очками, устройствами передачи стереозвука и прочими технологиями. Некоторые ученые и исследователи, с которыми можно согласиться, информационных технологий считают, что виртуальная реальность плотно войдет в человеческий быт. На данный момент анонсировано создание виртуальной реальности от компании Meta (деятельность организации запрещена в Российской Федерации) под руководством Марка Цукерберга, а также ведется создание под эгидой других крупных организаций [1] [2].

Юридической расшифровки понятия «метавселенная» в законодательстве отсутствует, для более упрощенного понимания данный объект можно представить как мир внутри игры.

Уже существует специализированная платформа Decentraland – децентрализованная платформа в виртуальной реальности, которая состоит из так называемых земельных участков. Всего в этой метавселенной 90 601 земельный участок, которые, по заверениям разработчиков, являются объектами гражданских правоотношений.

Для оплаты покупки земельного участка в виртуальной реальности используется Decentraland MANA. Decentraland MANA – это токен Ethereum, который поддерживает платформу виртуальной реальности Decentraland. MANA может быть использован для оплаты виртуальных участков земли в Decentraland, а также товаров и услуг в реальном мире [3].

В качестве объекта рассмотрения будет использоваться именно «метавселенная» Decentraland. Данная компания была основана в 2015 году, в 2017 было проведено успешное первичное размещение ICO – выпуск собственных токенов. Партнерами являются компании, которые занимаются криптовалютными операциями.

Законодательное регулирование данного аспекта отсутствует. Как регулировать сделки с объектом, которого в реальном мире не существует? По каким правилам регулируется заключение договоров купли-продажи участков в виртуальной реальности?

Объектом договора купли-продажи может служить нематериальный объект, но список таких объектов определен законодательством: ценные бумаги, нематериальные права (авторские и права изобретателя) и т. п. Участки в виртуальной собственности туда не входят. Тогда государственное обеспечение прав участников договора купли-продажи, судебная защита нарушенных прав не представляется возможной [4].

В США гражданские правоотношения, которые касаются регулирования недвижимости относятся к корпоративному праву, которое базируется на судебных прецедентах. В Российской Федерации отсутствует регулирование покупки участков в виртуальной реальности в принципе. Желающим купить землю в виртуальном пространстве приходится опираться на нормы международного гражданского права и общие положения договора купли-продажи.

Земельный участок в Decentraland в своем исходном метраже соотносится с размером 16 на 16 метров в реальном мире. Эта величина равна одному Парселю. Каждый Парсель – это ERC-721 токен Land. При покупке пользователем нескольких Парселей, они объединяются в Эстейты. Эстейты продаются целиком, без разделения на Парсели. Долевая продажа невозможна. Все Парсели и Эстейты на данный момент – исключительно вторичный рынок [5].

Покупка участка в виртуальной реальности происходит через торговую платформу Decentraland, для этого необходимо пройти регистрацию. Покупатель выбирает земельный участок, подключает криптокошелек к аккаунту на торговой площадке и производит оплату земельного участка. Валютой в данной операции выступает криптовалюта – в частности Decentraland MANA.

Земельный участок будет принадлежать покупателю в форме NFT – невзаимозаменяемого токена. Каждый экземпляр такого токена является индивидуальным. У владельца есть цифровой сертификат – актив сохраняется в смартфоне или ПК, также выдается ключ доступа. В Соединенных Штатах Америки невзаимозаменяемые токены в законодательстве оформлены как акции. В криптовалютной сфере эти предметы известны как токенизированные акции. Токенизированные акции обеспечены реальным активом, поэтому в странах Западной Европы не возникает проблем с процессом покупки-продажи, а также наследования [6].

Как осуществлять наследие подобных цифровых сертификатов, решать судебные споры, по какому критерию разделять имущество между наследниками, если самого имущества в физическом смысле не существует. Регистрация участков в виртуальной реальности в государственных реестрах также не производится, поэтому доказывание существования подобного участка не представляется возможным. Единственным регулятором вопроса является составление завещания наследодателем, в котором будет указано, какому из наследников нужно передать данное имущество, а также непосредственная передача цифрового сертификата и ключей доступа. В случае отсутствия завещания единственной возможностью разделить между наследниками такого имущества остается продажа цифрового сертификата и разделение полученной оплаты между наследниками, но получение необходимой информации и ключей доступа на данном этапе остается невозможным для государственных органов и возможных наследников в том числе.

Делая вывод, можно сказать, что существует пробел в законодательном регулировании данной сферы. Покупка земельных участков в виртуальной реальности как один из видов имущества нужно урегулировать для предотвращения возможных юридических казусов, с которыми суд не сможет разобраться ввиду отсутствия законодательного регулирования данного вопроса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meta Platforms Inc., Our Company. URL: [https://about.fb.com /company/](https://about.fb.com/company/) (дата обращения: 15.04.2023).
2. Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшковская А.А. Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metavselennaya-kak-globalnyu-trend-ekonomiki> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Decentraland, “What is Decentraland?”. URL: <https://decentraland.org/> (дата обращения: 15.04.2023).
4. Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-virtualnogo-imuschestva> (дата обращения: 15.04.2023).
5. Decentraland Foundation, “The Decentraland LAND Token: Technical Specification”, 2017. URL: <https://docs.decentraland.org/blockchain-technology/land/> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Iurii S. Shpinev. Legal regulation of investment relations // Colloquium-journal. 2020. № 9(61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legal-regulation-of-investment-relations> (дата обращения: 15.04.2023).

СЕКЦИЯ 6

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 351.74

Вальтер Александр Валерьевич,
старший преподаватель кафедры
организации расследования преступлений
и судебных экспертиз,
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
г. Тюмень, Российская Федерация
T89612047813@gmail.com

Современные информационные технологии в деятельности охранно-конвойных подразделений МВД России: новейшие возможности использования медико-биологических сенсоров

В статье рассматриваются вопросы возможности применения медико-биологических сенсоров в системе охранно-конвойных подразделений, исследуется научная литература, иные источники, зарубежный опыт. Обосновывается актуальность возможного внедрения медико-биологических сенсоров в систему охранно-конвойных подразделений с учетом участившихся нападений на сотрудников, побегов, членовредительства и суицидальных проявлений со стороны лиц, содержащихся под стражей. Также исследуется вопрос и возможности мониторинга здоровья в ходе несения службы сотрудниками охранно-конвойных подразделений, вопросы стрессоустойчивости в ходе несения службы и др. ситуации, связанные с побегом лиц, находящихся под стражей.

***Ключевые слова:** медико-биологические сенсоры, охранно-конвойные подразделения, цифровые технологии в МВД РФ.*

Walter Alexander Valerievich,
Senior lecturer, department of organization
of crime investigation and forensic
expertise, Tyumen institute for advanced
training of employees of the ministry of internal affairs of Russia
Tyumen, Russian Federation

Modern information technologies in the activities of security and escort units of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the latest possibilities for using biomedical sensors

The article discusses the issues of the possibility of using biomedical sensors in the system of security and escort units, researches the scientific literature, other studies, foreign experience. The

relevance of the possible introduction of biomedical sensors into the system of security and escort units is substantiated, taking into account the increased attacks on employees, escapes, self-mutilation and suicidal manifestations on the part of persons in custody. The issue and possibilities of monitoring health in the course of service by employees of security and escort units, issues of stress resistance during service, and other negative situations that can lead to the escape of persons in custody are also being investigated.

Keywords: *medical and biological sensors, security and escort units, digital technologies in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.*

В настоящее время актуальность использования медико-биологических сенсоров в правоохранительных органах, а в частности охранно-конвойных подразделениях МВД РФ (далее – ОКП МВД РФ), с учетом высокой ответственности и рисков в ходе конвоирования и содержания заключенных под стражей продиктована вызовом складывающихся реалий: участвовавшие групповые побеги из-под стражи, нападения на конвой, имеющиеся факты халатности в ходе несения службы сотрудниками ОКП МВД РФ, ситуации, связанные с причинением самоповреждения и суицидальных проявлений заключенными по стражу и др.

Приведем некоторые случаи побегов из-под стражи за последние годы: групповой побег из ИВС в Истре в 2021 году [1], иные случаи попыток побега и нападения на сотрудников конвойной службы МВД РФ в 2022 [2] и 2023 гг. [3]. Также интересен случай подмены подозреваемого лица, находящегося под стражей в г. Ростов-на-Дону [4], иные исследователи также поддерживают втора относительно складывающейся негативной тенденции в части участвовавших побегов [5] из-под стражи.

Вообще, по настоящее время автором не было обнаружено крупных отечественных изысканий, касающихся использования медико-биологических сенсоров (далее – МБС) в ОКП МВД РФ, однако имеются отдельные исследования по указанной теме основанные на зарубежном опыте [6].

Вообще сами МБС это уже не новшество, данные системы контроля здоровья так или иначе применяются в системе здравоохранения, а также спортсменами. Указанные сенсоры представляют из себя электронные устройства, которые используются для измерения различных показателей здоровья человека, таких как частота сердечных сокращений, давление, температура тела и т. д.

Так при выполнении служебных обязанностей сотрудники ОКП МВД РФ часто сталкиваются с физическими и психологическими нагрузками, которые могут повлиять на качество несения службы, состояние здоровья и зачастую сотрудник может достигнуть предела своих физических возможностей и нуждается в отдыхе или медицинской помощи.

В целом, как мы полагаем использование МБС позволило бы осуществлять постоянный мониторинг здоровья полицейских в системе ОКП МВД РФ, а также при необходимости фиксировать отдельные биологические проявления у лиц, находящихся под стражей (стресс, активность и др.). МБС в перспективе смогут обеспечить безопасность сотрудников охранно-конвойных подразделений и лиц, заключенных под стражу, позволяя: во-первых, отслеживать физическое состояние указанных лиц в режиме реального времени, во-вторых осуществлять помощь, связанную с рисками возникновения медицинских проблем

у заключенных под стражу лиц и быстрее реагировать на них, в-третьих осуществлять сбор и анализ данных, полученных от МБС и оптимизировать работу сотрудников ОКП МВД РФ с учетом отслеживания и исследования медицинских показателей.

В данной связи с учетом возможного применения указанных информационных технологий в системе ОКП МВД РФ, отметим и правовой аспект, когда необходимо учитывать вопросы конфиденциального характера, при использовании МБС в связи с вопросами о защите персональных данных в отношении лиц, заключенных под стражу, с учетом действующего ФЗ «О персональных данных» [7], однако, как указано в данном федеральном законе, данный аспект применения МБС в отношении заключенных под стражу прописан в правовой норме и не требует отдельных предписаний, с учетом «специальной категории персональных данных» в связи с осуществлением правосудия.

Отметим, что внедрение указанных устройств по мониторингу здоровья в системе ОКП МВД России возможно и в соответствии со ст. 48 – Материально-техническое обеспечение деятельности полиции, Федерального закона «О полиции» от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ.

В соответствии с зарубежным опытом использования МБС [8], установленные устройства мониторинга здоровья, могут показывать различные параметры и данные, имеющее важное значение для оценки состояния здоровья и безопасности. Некоторые из возможных показателей, которые могут быть измерены с помощью МБС, включают в себя: частоту сердечных сокращений и дыхания; кровяное давление; температуру тела; уровень кислорода в крови; электрокардиограмма (ЭКГ); физиологические параметры в виде уровня активности движений и позы (лицо находится вертикальном или горизонтальном положении); психологические параметры в виде стресса, эмоционального состояния, а также на основе комплексного анализа медицинских показателей, возможно установление и признаков опьянения.

Отметим, что в США в настоящее время в полицейских учреждениях внедряется система «Носимых сенсорных технологий» (Wearable Sensor Technology – WST), для повышения безопасности, здоровья и благополучия офицеров с использованием технологии носимых датчиков [8].

К примеру, МБС в бытовой сфере уже давно вошли в обиход, это и часы с датчиком температуры, пульса и другие эффективные сенсоры для занятий спортом.

Так, с учетом проведенных исследований компанией Rand Corporation, МБС являются недорогим портативным решением, однако есть и отрицательные моменты, которые не разрешены в полном объеме – это недостаточная точность медицинских показателей.

В качестве примера приведем уже созданный за рубежом МБС [9] (рис.), упрощающий удаленный мониторинг лиц.

В США в настоящее время исследуются различные научные достижения применения миниатюрных устройств для ношения полицейскими подразделениями и отслеживании их состояния здоровья, где в базовом аспекте, врачей и иных исследователей интересуют именно показатели уровня стресса сотрудников полиции [10–15]. В данной связи небезынтесным будет статья-

интервью с полицейскими о том, как биометрический мониторинг спасает жизни сотрудников правоохранительных органов [16], в которой приводится размышления о будущем систем МБС и приводится футуристический пример из научно-фантастического фильма, в котором главный герой перед выполнением сложной миссии, связанной с физической опасностью и требующей особой бдительности и мелкой моторики, должен пройти соответствующий компьютерные тест с применением МБС на стрессоустойчивость, что указывает в целом на важность поддержания медленного сердечного ритма перед выполнением задания.

Рис. Накладной датчик BioSticker для масштабируемого удаленного мониторинга состояния здоровья (компания «БиоИнтелиСенс»)

Вообще ежедневные биометрические данные каждого полицейского возможно синхронизировать с действиями, которыми он занимался в ходе несения службы на протяжении длительного периода времени.

Зарубежными исследователями выделены и некоторые ситуации переносимого сильного стресса сотрудниками полиции [16], которые могут быть взяты за основу мониторинга и анализа данных МБС: Контакт с агрессивным лицом; судебные заседания; применение силы; транспортировка заключенного под стражу лица и иные случаи.

Предполагается, что после того, как причинно-следственные связи, связанные со стрессовыми ситуациями и качества несения службы в подразделениях ОКП МВД РФ будут проанализированы, то с сотрудниками возможно проводить дополнительный инструктаж и поддержку в областях, вызывающих повышенный стресс.

Доктор Джоселин Роланд, проработавшая полицейским психологом в США более 23 лет, отметила, что программа биометрического мониторинга может иметь дополнительные преимущества [17] – так определив время, когда офицеры чувствуют стресс и испытывают повышенный уровень адреналина, сотрудники могут научиться распознавать начало повышения уровня адреналина и управлять им, чтобы повысить свою эффективность. Она сообщила, что многие профессиональные спортсмены сделали именно это и теперь могут управлять уровнем адреналина в своем организме, чтобы работать лучше.

Таким образом выделен крайне важный показатель как показания количества адреналина в крови, что связано с постоянной работой над «уровнем стресса». Указанный фактор может быть применен к сотрудникам ОКП МВД

РФ в ходе несения службы и выявить его возможно с учетом комплексного подхода с применением МБС.

Этот тип внедрения поможет проложить путь к более полным исследованиям, создав заинтересованность сотрудников и продемонстрировав преимущества программы биометрического мониторинга другим правоохранительным ведомствам и подразделениям.

Относительно состояния здоровья в ходе несения службы сотрудниками ОКП МВД РФ, им будут даны соответствующие рекомендации относительно стрессоустойчивости, уровне сна, состояния общих показателей здоровья при выполнении служебных задач, а также одним из важных моментов будет являться фактор мониторинга соответствующего уровня бдительности и «собранности» на службе, с целью минимизации случаев побегов, причинения вреда здоровью и иных преступных посягательств со стороны лиц находящихся под стражей (конвоируемых).

В заключение исследования представляем план-проект по внедрению МБС в систему ОКП МВД РФ: Проведение пилотных испытаний и сбор отзывов об использовании МКБ; разработка и внедрение соответствующей нормативно-правовой базы, определяющей сбор медико-биологических данных, т. е. кем и каким образом будет проводится анализ данных; разработка поэтапного подхода для использования проверенной технологии в полевых условиях для масштабных оценок; установка индивидуальных базовых уровней «стрессоустойчивости» для учета индивидуальных особенностей организма (с учетом пола, возраста иных элементов); для потребительских свойств, носимых МКБ должен быть определен минимальный набор функций с учетом развития цифровых технологий; шифрование данных на каждом уровне с учетом действующего законодательства о защите персональных данных; разработка руководства пользователя и обучение тому, как интерпретировать данные и показатели; на постоянной основе проведение конференций в системе МВД РФ о возможности использования МБС, с привлечением IT-специалистов, медицинских работников и др. специалистов в соответствующей области исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Что известно о побеге заключенных из ИВС в Истре. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12072173> (дата обращения: 10.02.2023).

2. Крымчанина будут судить за попытку побега из-под стражи. URL: <https://crimea.ria.ru/20220301/krymchanina-budut-sudit-za-popytku-pobega-iz-pod-strazhi-1122551515.html> (дата обращения: 15.02.2023).

3. Попытка побега из суда и нападение на конвой в Челябинской области попали на видео. URL: <https://74.ru/text/criminal/2022/12/15/71901785/> (дата обращения: 15.01.2023).

4. Удивительный побег: надзиратели два месяца не замечали подмену. URL: <https://news.ru/investigations/pobeg-iz-sizo-podtverdil-davnie-tradicii-rostovaparau/> (дата обращения: 25.01.2023).

5. Синицын Е. И., Архипов С. Н. Типичные нарушения законности сотрудниками подразделений охраны и конвоирования во время несения службы // Полицейская деятельность. 2021. № 1. С. 44–51.

6. Тимофеева Е. А., Мотин О. А. К вопросу о зарубежной практике применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц // Пенитенциарная наука. 2014. № 4(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zarubezhnoy-praktike-primeneniya-sistemy-elektronnogo-monitoringa-podkontrolnyh-lits> (дата обращения: 14.02.2023).

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» п. 6 ч. 2 Ст. 10 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.02.2023).

8. Sean E. Goodison, Jeremy D. Barnum, Michael J. D. Vermeer, Dulani Woods, Siara I. Sitar, Shoshana R. Shelton, Brian A. Jackson, Wearable Sensor Technology and Potential Uses Within Law Enforcement: Identifying High-Priority Needs to Improve Officer Safety, Health, and Wellness Using Wearable Sensor Technology (Технология носимых датчиков и потенциальное использование в правоохранительных органах: выявление первоочередных потребностей для повышения безопасности, здоровья и благополучия офицеров с использованием технологии носимых датчиков). Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA108-7.html (дата обращения: 11.02.2023).

9. Одноразовый биосенсор упрощает удаленный мониторинг. URL: <https://www.fierceelectronics.com/sensors/single-use-biosensor-eases-remote-monitoring> (дата обращения: 20.02.2023).

10. Arneric S. et al. Biometric Monitoring Devices for Assessing Endpoints in Clinical Trials: Developing an Ecosystem // Nature Reviews Drug Discovery. 2017. September. P. 736–739.

11. Beshears M. How Police Can Reduce and Manage Stress // Police1.com, March 30, 2017.

12. Ice G. H, James G. D. Measuring Stress in Humans. 2nd ed. N. Y. : Cambridge University Press, 2007.

13. O’Hara A. 2017 Police Suicides – A Continuing Crisis // Law Officer. 2018. January 1.

14. Stelter S. Teaching Officers about Stress Management // Police1.com. 2017. March 27.

15. Beshears M. How Police Can Reduce and Manage Stress. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1098611120984162> (дата обращения: 16.02.2023).

16. Grant Bedford. The technology to monitor the correlation between stress and an officer’s duties already exists in many of the systems currently used in law enforcement. (Технология мониторинга корреляции между стрессом и обязанностями офицера уже существует во многих системах, используемых в настоящее время в правоохранительных органах.). URL: <https://www.police1.com/health-wellness/articles/how-biometric-monitoring-will-save-law-enforcement-lives-91PHTP83yHZNAOdw/> (дата обращения: 16.02.2023).

17. Grant Bedford. How Biometric Monitoring Will Save Law Enforcement Lives. (Как биометрический мониторинг спасет жизни сотрудников правоохранительных органов). URL: <https://www.policechiefmagazine.org/biometric-monitoring-save-le-lives/> (дата обращения: 20.02.2023).

УДК 342.5

Варенцов Роман Юрьевич,
подполковник полиции,
магистрант, Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
rex1617@yandex.ru

Варенцова Екатерина Владимировна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
e_varencova@ksu.edu.ru

**Проблемы разработки регламентов,
обеспечивающих информационную открытость
органов публичной власти в социальных сетях**

В статье анализируется информационная открытость деятельности федеральных органов исполнительной власти, которая на сегодня реализуется посредством новых форм коммуникаций, связанных с сетью Интернет. Социальные сети играют важную роль в деятельности органов государственной власти, так как обеспечивают оперативное размещение социально-значимой информации и получение на нее столь же оперативной обратной реакции. В условиях цифровой трансформации российского общества использование этого функционала позволяет качественно повысить уровень информационной открытости федеральных органов исполнительной власти. Доказана необходимость разработки и принятия научно обоснованных рекомендаций по практической работе в социальных сетях

***Ключевые слова:** органы государственной власти, информационная открытость, цифровая трансформация, сеть Интернет, коммуникации, информация, социальные сети, обратная связь.*

Varentsov Roman Yurievich,
police Lieutenant Colonel
undergraduate, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Varencova Ekaterina Vladimirovna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Problems of developing regulations that ensure the information openness
of public authorities in social networks**

The article analyzes the information openness of the activities of federal executive bodies, which today is implemented through new forms of communications connected with the Internet. Social networks play an important role in the activities of public authorities, as they ensure the

prompt placement of socially significant information and the receipt of an equally prompt feedback on it. In the context of the digital transformation of Russian society, the use of this functionality makes it possible to qualitatively increase the level of information openness of federal executive bodies.

Keywords: *public authorities, information openness, digital transformation, the Internet, communications, information, social networks, feedback.*

Социальные сети, ставшие значимой инновацией в начале XXI века, сегодня являются неотъемлемой частью современной жизни индивида. И это вполне объяснимо, ведь с помощью персональных страниц у интернет-пользователя появились и реализуются широкие возможности: использовать на одной платформе аккаунты с различными сценариями приватности, создавать списки контактов, управлять связями своего аккаунта с неограниченным количеством пользователей.

По данным анализа, проведенного Keriop, за последние 10 лет количество пользователей социальных сетей выросло с 1,7 млрд до 4,7 млрд человек. С начала пандемии общая аудитория соцсетей увеличилась почти на 30 %. В 2022 году в России впервые зарегистрировались в социальных сетях порядка 7 млн человек, тем самым увеличив общее количество пользователей до 106 млн [4].

Пожалуй, самым важным из приведенной статистики стал факт того, что на общем фоне снижения времени, проведенного в сети Интернет, время, затраченное на социальные сети, наоборот, растет. Результаты исследований GWI свидетельствуют, что среднестатистический интернет-пользователь трудоспособного возраста теперь тратит в день на социальные сети 2,5 часа. При этом доля внимания к телевидению, печати и радио снижается [4].

Смена фокуса популярности с традиционных средств массовой информации на интернет-ресурсы не осталась без внимания на государственном уровне. С 1 декабря 2022 года вступили в силу поправки в федеральное законодательство [6; 7; 8]. Государственный сектор активно включился в процесс использования информационных и коммуникационных технологий. Безусловно, основной причиной смены парадигмы и активизации коммуникации с помощью социальных медиа стала обязанность присутствия органов публичной власти, подведомственных организации и судов на двух российских интернет-площадках: «Одноклассники» и «ВКонтакте». Внедрение практики создания и ведения официальных страниц в информационных системах и (или) программах для электронных вычислительных машин дает возможность использовать удобный и ставший уже привычным способ коммуникации для получения информации о деятельности указанных учреждений и размещения обратной связи.

Инструкции разработаны Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [9]. Основное внимание в этих рекомендациях уделено осуществлению взаимодействия с использованием инфраструктуры электронного правительства. При этом согласимся, что «препятствием для ведения страницы является недостаток ресурсов, обслуживание аккаунта требует времени и подготовленного персонала, который способен обеспечить управления соответствующими типами коммуникации и суще-

ствует нехватка аналитической поддержки, анализа выгод или показателей успеха в отношении использования социальных сетей в органах власти» [10].

В связи с отсутствием единой стратегии открытости уже недостаточно принятия локальных правовых актов. Важным значением для дальнейшего развития информационной открытости имеет разработка профессионального стандарта «Специалист в области коммуникации в социальных сетях». Необходимо законодательно урегулировать порядок работы в социальных сетях, контентное наполнение официальных страниц, порядок организации работы с сообщениями пользователей (подписчиков), методику и единые критерии оценки информационной открытости. Дать не только научную и правовую, но и практическую оценку открытости федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) ставит своей задачей ежегодный доклад «Открытость государства в России» [3]. Отмечено, что за последние три года выросло присутствие ФОИВ в социальных сетях. Всего аккаунты в той или иной сети имеют 87 % ФОИВ, а за 2022 год завели аккаунт «ВКонтакте» еще два учреждения.

При этом обращает внимание тот факт, что мониторинг проводится в определенный и довольно короткий период времени. Другими словами, оценка дается не в динамике, а в статике. Так, присутствие ФОИВ в соцсетях оценивалось с 1 сентября 2021 года по 28 февраля 2022 года, а уровень отклика на комментарии и ответы на вопросы в личных сообщениях оценивались на площадке «ВКонтакте» с 1 марта по 31 апреля 2022 года. В совокупности такая периодизация сбора данных не позволила провести анализ и оценку с учетом изменений в законодательстве об обязательности ведения социальных сетей, принятых в июле 2022 года.

Кроме того, по нашему мнению, фактически нивелируется один из основных принципов – регулярность обновления информации, актуализация сайтов и социальных сетей. В 2022 году методика включала в себя 109 критериев, распределенных по 3 направлениям:

- открытость информации (оценка сайтов ФОИВ; оценка реагирования на информационные запросы граждан, оценка открытости ФОИВ в работе с журналистами);

- открытые данные: (наличие наборов данных; выборочная оценка наборов данных.);

- открытый диалог: (использование социальных сетей как инструментов для диалога с гражданами).

Подобная градация критериев вызывает сомнение. Необходимо отметить, что оценка представительства в соцмедиа лишь как инструмента, а не самостоятельного коммуникационного канала, не отражает в полной мере понимания современной роли социальных сетей для открытости информации.

Процесс информационной открытости органов и организаций начался с середины 2000-х годов [6]. Открытость и доступность информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, кроме случаев, установленных федеральными законами, как одна из норм поведения, один из принципов правового регулирования отношений в сфере информации [5].

Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденная распоряжением Правительства России, определяет, что «...открытость подразумевает прозрачность и подотчетность государственного управления, развитие механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, качественного изменения уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти» [2].

Вместе с тем следует выделить, что информационная открытость применительно к деятельности федеральных органах исполнительной власти характеризуется еще одним понятием – транспарентность, которая «применительно к деятельности субъектов публичной власти означает обеспечение открытости и доступности информации об их решениях и действиях, что является необходимым элементом осуществления взаимосвязи между гражданами и органами власти» [12].

В узком смысле транспарентность и есть прозрачность как эквивалент доступности и понятности информации. В этом значении она выступает базовым положением рассмотрения информационной открытости. В широком смысле транспарентность дополняет информационную открытость возможностью повлиять на процесс деятельности органов государственной власти из внешней среды, обеспечивает получение информации и обратной реакции.

Социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте» появились в медийном пространстве России в 2006 году и сразу же стали пользоваться огромной популярностью у интернет-пользователей.

В настоящее время «ВКонтакте» – крупнейшая социальная сеть в России. Число уникальных пользователей составляет 100 млн в месяц [1]. Среди пользователей преимущественно молодежь, тем не менее сеть охватывает практически все возрастные и социальные категории. 38 млн жителей России ежемесячно используют социальную сеть «Одноклассники». В социальных сетях реализованы широкие коммуникативные и мультимедийные возможности: от заметки и общения с другими участниками до добавления аудио или видео, организации встреч.

Лишь в декабре 2020 года появилось законодательно утвержденное понятие «социальная сеть». В ч. 1 статьи 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» косвенно дано следующее понятие: «сайт и (или) страница сайта в сети Интернет, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации и иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации» [5].

В настоящее время социальные сети являются активной коммуникационной площадкой как между ее пользователями, так и между властью и обществом. Реализуется транзактная модель, «когда не только коммуникатор воздействует на реципиента, но и реципиент посредством обратной связи воздействует на инициатора коммуникации» [11].

Это очень хороший инструмент взаимодействия. Органы внутренних дел широко используют этот канал и через официальные аккаунты распространяют интересную, актуальную и социально-значимую информацию о своей деятельности неограниченному количеству людей по всему миру. При этом есть возможность сделать это оперативно, значительно быстрее, чем с помощью официальных сайтов.

В то же время остро ощущается дефицит профессиональных специалистов по работе в социальных медиа в правоохранительной сфере (в ведомственных вузах нет факультетов подготовки специалистов по связям с общественностью вообще, и специалистов-SMM в частности).

В органах внутренних дел нет ведомственного правового акта по работе сотрудников подразделений информации и общественных связей ОВД в социальных сетях. Отсутствие регламента работы многократно увеличивает вероятность ошибки, каждая из которых может негативно повлиять на имидж органов внутренних дел.

Считаем необходимым разработку научно обоснованных рекомендаций по практической работе в социальных сетях, что исключит возможность работы администраторов аккаунтов в отсутствие единого стандарта работы в Интернете по собственному представлению. Однако личная страница и официальный аккаунт значительно отличаются по производству контента, механизму работы с аудиторией. В настоящее время большое значение приобретают умение адаптировать информацию под каждую социальную сеть, а также навыки подготовки медиа-планов и качественного контента, проектов, работы с комментариями граждан.

В заключение отметим, что в условиях цифровой трансформации общества официальные аккаунты наделены всем необходимым функционалом для обеспечения информационной открытости ФОИВ. Они реализуют устойчивый двусторонний процесс: одновременно и размещения, и получения информации.

Таким образом, социальные сети должны использоваться как площадки для публикации ответов на поступающие от граждан вопросы, отчетов, оперативного размещения комментариев, новостной, контактной и справочной информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальная страница социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения: 10.04.2023).

2. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

3. Открытость государства в России. URL: <https://ach.gov.ru/page/government-openness> (дата обращения: 10.04.2023).

4. Интернет и соцсети в начале 2023 года – главные цифры Global Digital 2023. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital-2023> (дата обращения: 10.04.2023).

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

6. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2022 № 2560 «Об утверждении Правил размещения государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными организациями информации на своих официальных страницах, получения доступа к информации, размещаемой на официальных страницах, и осуществления взаимодействия с пользователями информацией на официальных страницах с использованием инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, предусмотренной Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и Правил взаимодействия официальных сайтов и официальных страниц с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», включая требования, предъявляемые к такому взаимодействию» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 № 2523-р // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

9. Инструкция по размещению электронных форм ПОС на официальных страницах в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://www.pos.gosuslugi.ru/docs> (дата обращения: 10.04.2023).

10. Рослякова М. В. Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти: адаптация к новым способам взаимодействия // Социодинамика. 2022. № 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38467 (дата обращения: 10.04.2023).

11. Намруева Э. В. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-so-sredstvami-massovoy-informatsii> (дата обращения: 10.04.2023).

12. Комбарова Е. В. Транспарентность органов публичной власти в условиях информационного общества России // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

УДК 342.95

Бушуев Ярослав Русланович,
студент, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Российская Федерация
yashabush11@yandex.ru

Попов Владимир Иванович,
доцент кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Российская Федерация
vladimir.pfna@mail.ru

Преимущества и недостатки использования автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения

В статье рассматриваются значение и роль использования автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения. Проведен анализ наиболее распространенных комплексов фотовидеофиксации, которые используются на дорогах России. Приведены мнения экспертов и анализ допускаемых ошибок при эксплуатации комплексов автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения.

***Ключевые слова:** автоматизированные системы видеонаблюдения, дорожное движение, фотовидеофиксации, комплексы фотовидеофиксации, средств автоматической фиксации, безопасность дорожного движения, дорожно-патрульная служба, транспортное средство.*

Bushuev Yaroslav Ruslanovich,
student, Perm State University
of humanities and pedagogy
Perm, Russian Federation

Popov Vladimir Ivanovich,
associate professor of the department of legal disciplines
and methods of teaching law,
Perm State University of humanities and pedagogy
Perm, Russian Federation

Advantages and disadvantages of using automated video surveillance systems in ensuring road safety

The article discusses the importance and role of the use of automated video surveillance systems in ensuring road safety. The analysis of the most common complexes of photo and video recording, which are used on the roads of Russia, is carried out. The opinions of experts and the analysis of mistakes made in the operation of complexes of automated video surveillance systems in ensuring road safety are given.

Keywords: *automated video surveillance systems, traffic, photo and video recording, photo and video recording systems, automatic fixation tools, road safety, road patrol service, vehicle.*

В 2018 году был Президентом был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где четко было указано о необходимости внедрения к 2024 году новые технические требования по оснащению автомобильных дорог, в том числе и цифровых технологий, которые, по задумке авторов нормативного акта, устроят места концентрации ДТП [4]. Это связано с тем, что одним из важнейших направлений российской политики последних лет является снижение уровня дорожно-транспортной аварийности.

В начале 2000-х Россия была одним из мировых лидеров по числу смертельных ДТП. Комплексы фотовидеофиксации нарушений ПДД на российских дорогах стали массово появляться только в 2008 году, когда утвердили федеральную программу по безопасности дорожного движения. В то время показатель смертности в ДТП был неприемлемо высоким – в 2008 году на дорогах страны погибло почти 30 000 человек. Спустя почти 15 лет этот показатель сократился в два раза. По данным ГИБДД, в 2021 году на российских дорогах погибли 14 874 человека [3].

Из-за высокого роста появления транспорта на дорогах различного вида, а также развития дорожной инфраструктуры, на Госавтоинспекцию ложится огромная задача – усиленное обеспечение безопасности дорожного движения. С развитием цифровизации в России, участники дорожного движения (а конкретно – водители транспортных средств), стали более аккуратны и требовательны к себе. На практике можно заметить, что недисциплинированные водители при обнаружении системы видеонаблюдения, либо сотрудников ГИБДД незамедлительно снижают скорость движения во избежание фиксации нарушения правил и безопасности дорожного движения. Ежедневно на дорогах работает около 25 тыс. камер фотовидеофиксации, которые замечают превышение скоростного режима, проезд перекрестков на запрещающий сигнал светофора, нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств и др.

Если говорить конкретно о комплексах фотовидеофиксации на дорогах России, то можно выделить несколько видов: комплексы «Автоураган» способны контролировать движение транспортных средств до четырех полос, с одновременной фиксацией нарушений скоростного режима, а также осуществляют контроль выезда на выделенные полосы для маршрутных транспортных средств; комплексы «АвтоУраган-МС» фиксируют практически все виды нарушений ПДД, данные комплексы, встроенные в балку светового специального

сигнала автомобилями ДПС, а это напрямую говорит о преимуществе использования фотовидеофиксации именно для безопасности как других водителей, так и пешеходов. Комплексы «Автодория» позволяют оценивать дорожную ситуацию на трассах, с возможностью отслеживания и передвижения транспортных средств, находящихся в розыске, т. е. тем самым помогают сотрудникам уголовного розыска и оперативникам находить в различных регионах преступников, которые, возможно, скрываются; комплексы «Астра-Лаб» способны контролировать по 8 полосам одновременно скорость автомобилей во встречном и попутном направлениях, а также научились фиксировать в автоматическом режиме не включенные фары, следят за рядностью проезда перекрестков, обочин, нарушителями разметки и водителями; комплексы «Стрелка-СТ» фиксируют распространенные нарушения, такие как скорость движения и размещение транспорта на проезжей части; комплексы «Стрелка Плюс» научились распознавать использование мобильного телефона водителем во время движения, а также не пристегнутый ремень безопасности – это так же является важной отраслью регулирования безопасности на дорогах, так как часто по вине водителей, использовавших телефон во время движения, не способных оценить дорожную ситуацию, погибают невинные люди; комплексы «Паркрайт» и «Паркнет» камеры фиксируют нарушения правил остановки и стоянки, контролируют платные зоны, а также проезд автомобилей по выделенным полосам для маршрутных транспортных средств – данный комплекс становится гарантом правомерности парковки на конкретном участке, который может быть не предназначен для некоторых групп водителей [2]. Впрочем, эксперты разошлись во мнениях о том, стоит ли приписывать именно камерам и штрафам улучшение дорожной обстановки в России.

Проводя анализ статистических данных, представленных на официальном сайте и данных служебной деятельности ГИБДД за 2022 года, можно заметить эффективность работы комплексом автоматической фиксации. То есть система работает, но как? Было вынесено 201 млн штрафов (+12 % к 2021 году) на сумму 136,8 млрд руб. (+6,7 %) [1]. Учитывая, что население России – 146 млн человек. То есть, один водитель нарушает правила дорожного движения несколько раз и получает штраф, а это склоняет думать нас о том, как «хорошо» работает система пропаганды безопасности дорожного движения.

Продолжая об эффективности и преимуществах использования средств фотовидеофиксации, необходимо заметить, что в столичном регионе страны самая высокая плотность дорожных камер. Благодаря этому с 2010 года произошло снижение числа учетных ДТП на 23 %, и все это на фоне многократного увеличения числа автомобилей в московской агломерации (на 1,2 млн единиц). В некоторых районах камеры еще более значительно повлияли на снижение числа ДТП – оно составило 75 %», – отмечается в отчете «ГЛОНАСС-БДД» [6]. Говоря об оценке эффективности проектов развития систем автомобильной фиксации (САФ) на основе ГЧП, следует учитывать, что с позиций государства важен социальный эффект (снижение аварийности и смертности на дорогах), а для частного инвестора на первый план выходит экономическая эффективность.

Анализ эффективности комплексов фиксации нарушений ПДД в регионах РФ проводился компанией «ГЛОНАСС-БДД», которая является совместным предприятием «Ростеха» и АО «ГЛОНАСС». Исследование показало, что количество камер никак не влияет на их эффективность. То есть процент комплексов, влияющих на дорожную ситуацию, во многих регионах очень низок и абсолютное большинство камер бесполезны с точки зрения безопасности. Всего были проверены 15 тыс. комплексов видеофиксации, а также рассчитано их влияние на снижение количества аварий в 2019 году. При этом учитывалась статистика ДТП с пострадавшими в том или ином регионе за пять лет. Наибольший процент камер, положительно влияющих на дорожную ситуацию, размещены в Северной Осетии – Алании, Самарской и Вологодской областях. Больше всего камер установлено на дорогах Самарской области, Татарстана и Москвы. В данных регионах их количество составляет более 500 в каждом. При этом в Самарской области эффективными оказались лишь 15 % камер, а в Татарстане и Москве – только 10 % [5].

Но нельзя забывать о недостатках системы. Об этом говорят и громкие скандалы, которые разгораются вокруг камер видеонаблюдения. Так, в Костромской области журналисты выяснили, что огромная доля доходов от штрафов уже 6 лет уходит в частные руки. САФ разрабатывается путем государственно-частного партнерства (ГЧП) на основании Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Инвестор, на чьи деньги регион закупил 54 камеры, получает солидную долю: 415 рублей с каждых 500 руб. штрафа, а в бюджет идет лишь 85 руб.

На автомобильном портале 4drives.ru, где содержится информация о различных новостях в сфере дорожного транспорта и др. приведена конкретная история о некоторых неточностях комплексов фотовидеофиксации на дорогах. Так, несколько лет назад, в Москве за пересечение сплошной линии при съезде с МКАД был оштрафован водитель автомобиля Honda. Он получил постановление о наложении на него штрафа по результатам видеофиксации с приложением фото его авто в момент нарушения. На фото ясно видно, что автомобиль едет по середине полосы, не задевая сплошную, но тень автомобиля, отчетливая и яркая в солнечный день, движется по сплошной линии. Камера приняла тень за габариты автомобиля, распознала номер и выписала владельцу штраф. Так эффективна ли данная система фиксации нарушений, если она не в силах справиться с солнечными бликами и штрафует невинных водителей?

Месяцем ранее, на выезде с МКАД, камера зафиксировала езду по обочине и выписала штраф владельцу за нарушение правил дорожного движения. На самом деле, автомобиль был вынужден в результате поломки съехать на обочину и остановиться с включенной аварийной сигнализацией.

Еще один пример: В Нижнекамске в прошлом году по результатам видеофиксации был оштрафован автомобиль, который ехал с превышением скорости. К постановлению о штрафе была приложена фотография, на которой

видно, что автомобиль-«нарушитель» в момент съемки находится на эвакуаторе, который его перевозит после ДТП.

Конечно, применение средств видеофиксации нарушений Правил дорожного движения РФ так или иначе позволяет бороться с нарушениями на дорогах, статистика показывает, что в местах установки камер количество нарушений ПДД значительно снижается. Также, это существенно снижает и уровень коррупции в органах ГИБДД, но не без казусов.

Автоматическая фиксация нарушений, кроме того, стала ощутимой статьей дохода в городской бюджет, что так же является недостатком. Инвестиции в установку новой камеры видеофиксации окупаются через несколько месяцев, а после этого идут стабильные многомиллионные поступления в муниципальный бюджет. Эту проблему признает и Генеральный прокурор России Игорь Викторович Краснов: «Установка систем видеофиксации в первую очередь преследует цели обогащения, монетизации, чтобы как можно быстрее получить прибыль. А вопросы безопасности отходят у нас на второй план».

Имеется еще одно обоснование недостаточной эффективности использования автоматизированных систем видеонаблюдения. Во-первых, камеры заставляют водителей нервничать, что не очень уместно на сложных перекрестках. Во-вторых, – и это более весомая причина аварий – водители, как и всегда, стремятся «проскочить» перекресток в последний момент. А останавливаются лишь при виде камеры. Подобное поведение плохо просчитывается водителем автомобиля, едущего позади. Что в итоге – он не успевает затормозить, чтобы предотвратить столкновение. В целом, что дорожные камеры действительно снижают количество некоторых видов аварий, нет сомнения, но при этом же увеличивают число других.

В заключение, необходимо отметить, что использование автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения в целом положительно влияют на снижение дорожно-транспортной аварийности, но существуют недостатки, которые необходимо исправлять. В противоречивых ситуациях, как было указано в примере выше, при солнечной погоде, необходимо направлять к месту следования сотрудников ДПС, ведь живое вмешательство в проблемы при общем анализе водителя и инспектора того или иного нарушения, вероятно, снизит неправомочность выписки штрафа водителю транспортного средства, а средства видеофиксации, в будущем, возможно, будут усовершенствованы. Государству при планировании строительства той или иной трассы, необходимо вносить средства автомобильной фиксации в перечень обустройства объектов, а уже на существующей инфраструктуре оборудовать данными системами наиболее аварийные участки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буранов И. Российские автомобилисты взяли новый штрафной рубеж // Коммерсант. 2023. № 32. С. 5.

2. ГОСТ Р 57145–2016. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеоза-

писи, для обеспечения контроля за дорожным движением. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/63005/> (дата обращения: 24.03.2023).

3. Сайт Госавтоинспекции МВД России. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 24.03.2023).

4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 24.03.2023).

5. Дорожные камеры разоряют российских водителей. А что с безопасностью движения? // Рамблер. URL: https://auto.rambler.ru/roadaccidents/49237607/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.04.2023).

6. Разработка «ГЛОНАСС БДД» помогла оценить нацпроект по профилактике ДТП // Ростех. URL: <https://rostec.ru/news/razrabotka-glonass-bdd-pomogla-otsenit-effektivnost-natsproekta-po-profilaktike-dtp> (дата обращения: 01.04.2023).

7. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71129190> (дата обращения: 07.04.2023).

СЕКЦИЯ 7

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 343.85

Азарова Анастасия Сергеевна,
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
azarovaanastasiya2001@mail.ru

Защита прав детей как направление профилактики преступности несовершеннолетних

В статье анализируется состояние и эффективность механизма защиты прав детей в России как направление профилактики преступности несовершеннолетних. Исследуется зарубежный опыт превенции деликтов, совершаемых несовершеннолетними, в частности описывается концепция дружественного к ребенку правосудия. Рассматривается деятельность уличной социальной службы, созданной по инициативе Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ. Обосновывается необходимость развития социальных программ, направленных на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, а также предоставление возможностей качественного и современного образования, здравоохранения и социальной поддержки тем, кто склонен к совершению преступлений.

Ключевые слова: защита прав детей, защита детства, профилактика, преступность несовершеннолетних, криминология, дружественное к ребенку правосудие.

Azarova Anastasia Sergeevna,
student, Saratov State Academy of Law
Saratov, Russian Federation

Protection of children's rights as a direction of prevention of juvenile delinquency

The article analyzes the state and effectiveness of the mechanism of protection of children's rights in Russia as a direction of prevention of juvenile delinquency. The foreign experience of the prevention of torts committed by minors is investigated, in particular, the concept of child-friendly justice is described. The article considers the activities of the street social service, created on the initiative of the Commissioner for children's rights under the President of the Russian Federation. The necessity of developing social programs aimed at preventing offenses among minors, as well as providing opportunities for high-quality and modern education, health care and social support to those who are prone to committing crimes is substantiated.

Keywords: protection of children's rights, child protection, prevention, juvenile delinquency, criminology, child-friendly justice.

Одной из актуальных задач уголовной политики современного Российского государства является профилактика преступности несовершеннолетних. Как показывают основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 годы, несовершеннолетние совершают 2,6 % от общего количества уголовных преступлений (14 855 человек). Отметим, что динамика преступлений несовершеннолетних демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению: в 2007 году осудили 84 124 несовершеннолетних [8]. Однако это вовсе не повод для самоуспокоения.

Специалисты утверждают, что истинный уровень преступности несовершеннолетних в 3–4 раза выше, чем официальный [5, с. 54]. Высокой латентностью отличаются киберпреступления, грабежи, кражи, хулиганство. Не последнюю роль в этом играет политика образовательных организаций по замалчиванию фактов противоправного поведения учащихся, которая лишь укрепляет их чувство безнаказанности. В любом случае малолетние преступники продолжают представлять угрозу общественной и национальной безопасности страны.

В настоящей статье мы исходим из того, что во многих случаях подросток-преступник одновременно является и потерпевшим. Права ребенка могут нарушаться его родителями, лицами, их заменяющими, должностными лицами, государственными органами и т. д.

По мнению О. С. Антюфеевой, защита детства является серьезной криминологической проблемой, а нарушения прав ребенка – криминологическим детерминантом преступности несовершеннолетних [1, с. 11].

Система защиты детства включает в себя совокупность механизмов, обеспечивающих охрану прав и интересов ребенка: социальных, педагогических, организационных, технических, правовых. Можно сказать, что правовые средства занимают центральное и основополагающее место в этой системе, поскольку во многом оформляют и воплощают все иные ее элементы, используются для защиты прав ребенка, профилактики антиобщественного образа жизни.

Защита прав ребенка представляет собой охрану лиц до достижения возраста 18 лет от посягательств со стороны граждан, должностных лиц, государственных органов, а также собственной семьи. Широкое толкование позволяет отнести сюда и охрану от вовлечения в преступную или иную антиобщественную деятельность [4, с. 9]. С криминологической точки зрения, нарушения прав ребенка могут быть не только связаны с нарушением закона, но и включать в себя правоприменительный, и социальный аспекты.

Сегодня большинство специалистов сходятся во мнении, что сдержать и тем более сократить число правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, при помощи одних лишь мер административного или уголовного наказания невозможно. На первый план выдвигается применение инструментов, лежащих в социальной плоскости.

Как известно, сбой в работе хотя бы одного элемента системы приводит к нарушению функционирования всей системы. Эта схема применима и к опи-

санной нами концепции: следствием нарушения прав ребенка могут выступить недостатки в системе профилактики преступности несовершеннолетних, что повлечет за собой рост преступлений в подростковой среде. Последствиями нарушений прав ребенка являются также безнадзорность, беспризорность, детская проституция, порнография.

Согласно данным ВЦИОМ, 62 % россиян доверяют сотрудникам полиции своего региона [2]. При этом общеизвестно традиционное враждебное отношение подростков к институтам государства и правоохранительным структурам, обострившееся на фоне силовых разгонов мирных демонстраций и проведения мобилизации. Как это ни парадоксально, чаще всего страж порядка воспринимается как враг, а не защитник. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государство не справляется со своей конституционной обязанностью в вопросах защиты прав детей, которые предпочитают решать свои проблемы самостоятельно.

Понимание прав ребенка и их значение различаются между странами, как и ситуация в сфере защиты прав детей. Очень часто в обществе процветают противоречивые мнения: одни считают, что у детей слишком много прав, другие признают нарушение прав ребенка даже в тех случаях, когда нарушения нет вовсе. Как бы то ни было, превенция деликтов, совершаемых несовершеннолетними, остается одним из основных направлений государственной политики подавляющего большинства зарубежных стран, что подтверждается значительным количеством нормативных правовых актов, направленных на защиту и охрану прав детей.

Так, в Великобритании действуют Закон «О детях и подростках», Общие инструкции об устройстве детей, Правила устройства детей на фостерное воспитание, Национальные Стандарты Великобритании по организации фостерного воспитания. В Швеции работают такие организации, как BRIS («Права детей в обществе»), Friends («Друзья»), Save the Children Sweden (Шведское отделение организации «Спасти детей»). Они занимаются социализацией подростков с девиантными проявлениями, оказывают адресную помощь детям [7, с. 180].

В штате Флорида в государственных и частных школах реализуется «Программа правового воспитания», призванная ознакомить учащихся с санкциями за совершение деликтов, с системой общепринятых ценностей, воспитать в детях нетерпимое отношение к совершению преступлений и проступков.

Наряду с этим мировой практике известна концепция дружественного к ребенку правосудия. Дело в том, что при столкновении с системой правосудия дети вовлекаются в управляемую взрослыми систему отношений, которую они в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта и зрелости не могут понять. Следовательно, судебные процедуры, в которых участвуют дети, должны быть адаптированы, чтобы быть понятными для них. Помимо этого, система правосудия должна быть оперативна, уважительна, соответствующей и подходящей для удовлетворения потребностей ребенка.

Специализированные суды по делам несовершеннолетних существуют в двадцати юрисдикциях Европейского союза. Некоторые из них состоят из за-

лов судебных заседаний, которые физически отделены от судов для взрослых, в то время как другие представляют собой обычные суды, адаптированные к потребностям детей, включая участие специализированных судей.

Л. М. Карнозолова указывает, в России заложен лишь фундамент, соответствующий современным стандартам детского правосудия, однако само здание не построено. Решение данной проблемы видится ей в кодификации законодательства и формировании социально-педагогической инфраструктуры [3, с. 150]. На наш взгляд, для развития справедливого правосудия России необходимо выйти за рамки узкоправового понятия справедливости и перейти к тому, которое способно бороться с несправедливостью любого рода, будь то уголовное или социальное.

Мы убеждены, что вместо того, чтобы обдумывать степень репрессий, которые должны быть применены к несовершеннолетнему правонарушителю, государство должно признать свою ответственность за совершенное правонарушение. Президент РФ В. В. Путин считает важным консолидировать усилия органов власти, всех субъектов системы профилактики по созданию единой государственной системы непрерывного социального сопровождения подростков, склонных к правонарушениям [9].

В России по инициативе Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ запущен проект «Уличная социальная служба». Основными задачами службы являются проведение мониторинга территорий пребывания подростков, профилактика употребления психоактивных и наркотических веществ, помощь в трудной жизненной ситуации, выявление острых проблем и конфликтов. Подготовку будущих аутрич-работников осуществляет ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей».

Специалистами уличной службы осуществляется межведомственное взаимодействие с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В разрешении каждой конкретной ситуации должны участвовать специалист по социальной работе, психолог, органы опеки и попечительства, инспектор по делам несовершеннолетних.

Целевая аудитория – безнадзорные и беспризорные дети и подростки, дети с асоциальным поведением. Профилактика асоциальных явлений реализуется посредством проведения информационных/мотивационных профилактических бесед с несовершеннолетними. Кроме этого, специалисты проводят специальные выходы по закрашиванию надписей с точками продажи наркотиков, посещают исправительные учреждения, организуют культурно-массовые мероприятия вместе с подопечными.

С помощью служб уличной работы подростков привлекают в подростковые центры, сеть которых развивается по программе «Подростки России». Внедряется технология веб-аутрич-работы, позволяющая повысить уровень информированности «уличных» детей о доступных государственных и негосударственных сервисах, увеличить количество участников профилактической программы.

Указом Президента РФ 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. В свете этого интересно предложение Комитета Госдумы по молодежной политике, касающееся возрождения советской системы поручительства. Дело в том, что нынешняя система работы с несовершеннолетними слабо ориентирована на их перевоспитание. Это ведет к тому, что только 24 % подростков несут реальную ответственность за преступления, повторно нарушает закон каждый четвертый. Особенно запущенными с точки зрения исправления следует признать случаи назначения условного осуждения. В отсутствие осознанных взрослых, которые могут помочь социализироваться и встать на альтернативный путь, трудные дети вновь оказываются предоставленными сами себе, и главная цель уголовного наказания не достигается.

Депутаты выступили с инициативой ввести 3 новые воспитательные меры в Уголовный кодекс РФ. По ним суд может назначить подростку наставника либо отдать на сопровождение волонтерской организации или Российскому движению детей и молодежи [6]. Инфраструктура и штат специалистов для этих целей в нашей стране имеются. Необходимо лишь детально продумать механизм работы наставников и их взаимодействия с государственными органами, в том числе в части представления отчетности. Считаем, что данный шаг приблизит момент создания в России единой государственной системы непрерывного социального сопровождения подростков, склонных к правонарушениям.

Таким образом, комплексное исследование проблем профилактики преступлений несовершеннолетних, связанных с защитой прав ребенка, на наш взгляд, представляет собой один из новых путей к разрешению проблем предупреждения подростковой преступности. Представляется, что программно-целевое регулирование может стать наиболее эффективным средством в борьбе с девиантным поведением несовершеннолетних.

Помимо этого, важно привлекать к работе по профилактике преступности несовершеннолетних соответствующие институты гражданского общества, содействующие развитию позитивных интересов детей, их полезной деятельности в свободное время. Так вероятность формирования криминогенных установок у молодежи будет сведена к минимуму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антюфеева О. С. Защита прав ребенка в системе мер профилактики преступности несовершеннолетних (криминологический и правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 25 с.

2. Доверие полиции: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 15.02.2023).

3. Карнозова Л. М. Пути формирования в России дружественного к ребенку правосудия: кодификация законодательства и социально-педагогическая инфраструктура // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4(56). С. 150–172.

4. Кирюшина Н. Ю., Морозова Л. Б. Правовая защита детства в Российской Федерации // Наука и школа. 2016. № 4. С. 7–15.

5. Колесников Р. В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. № 1(57). С. 47–56.

6. Комитет по молодежной политике предложил привлекать наставников и волонтеров к перевоспитанию трудных подростков. URL: <http://duma.gov.ru/news/54827/> (дата обращения: 02.03.2023).

7. Меркулов Р. И. Зарубежный опыт предупреждения и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-2. С. 177–182.

8. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008–2021 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 14.02.2023).

9. Путин В. В. За создание единой системы для подростков, склонных к преступлениям. URL: https://tass.ru/obschestvo/13740213?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.02.2023).

УДК 343.235

Беспалова Александра Сергеевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
alexandra.bespalova05@gmail.com

Лебедева Дарья Алексеевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
lebedevadara@gmail.com

История развития института отягчающих обстоятельств в уголовном праве

В статье рассматривается эволюция института отягчающих обстоятельств в российском законодательстве, которая длится уже более двух столетий Проблема уголовного наказания является одной из наиболее важных в уголовно-правовой науке. Наказание, как способ мести и устрашения, появился во времена Русской Правды. Но только в первой половине XIX века впервые была проведена систематизация обстоятельств, изменяющих ответственность. С момента появления и до настоящего времени, институт отягчающих обстоятельств претерпел много изменений, а его правовая регламентация достигла высокого уровня.

Ключевые слова: уголовное право, ответственность, отягчающие обстоятельства, санкция, наказание.

Bespalova Alexandra Sergeevna

Student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Lebedeva Darya Alekseevna

Student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

**The history of the development of the institution
of aggravating circumstances in criminal law**

The article examines the evolution of the institution of aggravating circumstances in Russian legislation, which has been going on for more than two centuries, The problem of criminal punishment is one of the most important in criminal law science. Punishment, as a way of revenge and intimidation, appeared in the days of the Russian Truth. But it was only in the first half of the XIX century that the systematization of circumstances that change responsibility was carried out for the first time. From the moment of its appearance to the present, the institution of aggravating circumstances has undergone many changes, and its legal regulation has reached a high level.

Keywords: criminal law, responsibility, aggravating circumstances, sanction, punishment.

История развития института отягчающих обстоятельств в России берет начало еще в XI веке, в Русской Правде уже содержались некоторые положения об обстоятельствах, изменяющих ответственность. Но привычный нам вид они приобрели в годы правления императора Александра I. В 1813 году в проекте Уголовного Уложения была проведена первая систематизация обстоятельств, изменяющих ответственность. В последующем, на ее основе, обстоятельства были сгруппированы в кодифицированном Своде Законов Российской Империи [4, с. 13].

За основу была взята система немецкого философа Людвиг Фейербаха, в которой законодатель должен был предусмотреть все обстоятельства, которые могут оказать влияние на повышение или понижение нормального наказания. Фиксировалась приблизительная оценка их значения, закрепление в правовой норме, насколько обстоятельство может изменить установленную законом ответственность. В соответствии с теорией, Свод Законов устанавливал обстоятельства, изменяющие меру наказания, и размер их влияния на ответственность виновного лица [1, с. 252].

Нормативное закрепление института отягчающих обстоятельств играло решающую роль в ряде других важных вопросов. Среди них можно выделить:

1. Какие из обстоятельств, которые влияют на выбор уголовного наказания, могут считаться отягчающими?

2. Имеет ли суд право учитывать или не учитывать обстоятельство, если оно обозначено в уголовном законе в качестве отягчающего?

3. Принятие отягчающего обстоятельства осуществляется исключительно в рамках уголовной санкции или за ее пределами?

Ответы на эти вопросы получили закрепление в Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Документ регулировал наказания за преступления, совершенные умышленно, в состоянии опьянения, в соучастии, неоднократно. Суд мог учитывать обстоятельства при выборе наказания от их включенности в число признаков состава преступления. Например, статья 129 устанавливала причины, по которым вина могла быть увеличена: личные свойства виновного, важность вреда, поведение на суде, свойства вины [9, ст. 129].

В 1864 году был издан Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В качестве отягчающих обстоятельств он предусматривал: молчание, обдуманность действий, повторение, степень образованности и положение виновного в обществе, возбуждение подозрений против невиновных [2, с. 46].

Их наличие не обязывало повышать меру наказания, а лишь давало судье такое право. Согласно Уставу влияние отягчающих обстоятельств было ограничено повышением меры наказания, установленной правовой нормой. Судья, признав наличие таких обстоятельств, уже не имел права назначать наказание в самом низшем размере.

Уголовное Уложение 1903 года не содержало перечня отягчающих обстоятельств. Но оно указывало на основания усиления ответственности. Например, наказание усиливалось при совокупности преступных деяний либо обращения в промысел. Усиление наказания допускалось, когда виновный служащий участвовал в преступлении путем превышения полномочий [5, с. 40]. К отягчающим обстоятельствам относились повторение и совокупность. При простой совокупности суд был вправе назначить усиление наказания, а при квалифицированной – повысить наказание до наивысшего срока.

После Октябрьской революции институт отягчающих обстоятельств продолжил свое развитие. Первым значимым правовым актом были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года. Законодатель вовсе отказался от деления обстоятельств на смягчающие и отягчающие, а также установил, что «наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины» [10, с. 63–68, ст. 10], но обязал суд учитывать два критерия: опасность как самого преступника, так и совершаемого им деяния.

При создании Руководящих начал еще не был введен отдельный термин, который характеризовал бы отягчающие обстоятельства, поэтому Руководящие начала предусматривали определенные факторы, которые необходимо различать при определении меры наказания в каждом конкретном деле. Полный перечень таких факторов приведен в статье 12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР [10, с. 63–68, ст. 12].

Уголовный кодекс 1922 года изменил перечень обстоятельств для определения меры наказания, теперь он стал в большей мере характеризовать именно степень опасности личности преступника.

Также хотелось бы отметить, что при создании Уголовного кодекса 1922 года законодатель опирался на уже существующие Руководящие начала. Если провести сравнение двух кодифицированных актов, можно заметить, что определенные положения стали более конкретизированы, у некоторых изменена форма изложения, а какие-то и вовсе остались без изменений.

Приведем несколько примером для наглядности: положение из Руководящих начал: принадлежит ли лицо, которое совершило преступление, к имущему классу с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или данное лицо было неимущим, и преступление совершено в состоянии голода или нужды (пункт «а» ст. 12); положение из УК 1922 года: совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет (пункт «в» ст. 25) [3, ст. 25]. Можно сделать вывод, что законодатель данное отягчающее конкретизировал и разделено на несколько отдельных пунктов.

Приведем еще один пример для того, чтобы доказать, что некоторые положения практически остались без изменений: в чьих интересах действовало лицо при совершении преступления: в интересах восстановления власти угнетающего класса или в личных интересах (пункт «б» ст. 12 Руководящие начала); в чьих интересах действовало лицо при совершении преступления: в интересах восстановления власти буржуазии или в чисто личных интересах (пункт «а» ст.25 УК 1922 года).

Хотелось бы отметить, что законодатель в советский период отошел от принципов, характерных для Уложений 1845 и 1903 годов, предусмотрев отягчение ответственности и для такого слоя населения, как представители имущего класса, буржуазия.

Впервые в советском законодательстве были закреплены термин и перечень «отягчающих обстоятельств» в УК РСФСР 1926 года. Перечень отягчающих обстоятельств был составлен на основе метода противопоставления с перечнем смягчающих обстоятельств. Для наглядности приведем пример: к смягчающим относилось совершение преступления в первый раз (п. «б» ст. 48), а к отягчающим – совершение преступления не впервые (п. «в1» ст. 47) [7, ст. 47–48].

В статье 47 УК РСФСР 1926 года указывалось, что основным является вопрос об общественной опасности преступления. Статья включала следующий перечень отягчающих обстоятельств: а) совершение преступления с целью восстановления власти буржуазии; б) возможность причинить вред интересам государства или трудящихся при совершении преступления, хотя целью этого преступления не является причинение такого вреда; в) преступление, совершенное группой или бандой; г) наличие корыстных или других низменных мотивов при совершении преступления; д) совершение преступления с особой жестокостью, насилием или хитростью или в отношении лиц, подчиненных преступнику или находящихся под его опекой, или в особенно преклонном возрасте, или в другом состоянии, которое является особенно беспомощным и другие [7, ст. 47].

Мы хотели бы отметить, что важную роль играла судебная практика. И поскольку список отягчающих обстоятельств по УК РСФСР был открытым, совершение преступления во время войны, стихийного бедствия, по религиозным или бытовым соображениям, по националистическим мотивам, по профессиональным причинам и по другим злобно эгоистичным мотивам, в зависимости от политической и социально-экономической ситуации в определенный период, также рассматривалось как отягчающие обстоятельства [11, с. 31–38]. Многие из них были затем внесены в Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.

В статье 39 Уголовного кодекса РСФСР от 1960 года помимо этих обстоятельств предусматривались: наказание невиновного лица; совершение нового преступления лицом, взятым на поруки, в течение срока действия поручительства или года после истечения этого срока; совершение преступления, связанного с выполнением служебных обязанностей, или по отношению к близким родственникам, а также к другим лицам, на жизнь и здоровье которых посягает законная деятельность соответствующего должностного лица [6, ст. 39].

В целом, законодатель сделал значительный шаг вперед в развитии института отягчающих обстоятельств. Поэтому Уголовный кодекс 1996 года многое перенял от своего предшественника. Например, принцип индивидуализации наказания, закрытый характер перечня отягчающих обстоятельств.

В процессе изменения общества, политической и общественной жизни, потребовалось внесение новых положений и в Уголовный кодекс 1996 года. Данный кодекс с внесенными изменениями действует и в настоящее время.

В новом УК РФ 1996 года изменилось прежде всего название отягчающих обстоятельств. Теперь они называются обстоятельствами, отягчающими наказание и содержатся в одноименной статье УК РФ [8, ст. 63]. Некоторые положения изменили формулировку и более точно отразили намерение законодателя, например, в пункте «в» части 1 статьи 63 говорится о совершении преступления в составе группы лиц, а не группой, как это было указано в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, поскольку наказанию подлежит не группа лиц, а каждое лицо индивидуально.

Определенные положения законодатель решил вообще не вводить в новый закон в качестве отягчающих обстоятельств, например, оговор заведомо невиновного человека; совершении нового преступления лицом, которое было взято на поруки; и совершении преступления из корыстных или других низменных побуждений. Это можно объяснить неактуальностью таких положений в контексте развития государства.

Некоторые обстоятельства были впервые включены в список отягчающих обстоятельств, например, использование оружия или применение физического или психического принуждения в момент совершения преступления (пункт «к»); совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или контракта (пункт «м»); и прочие [8, ст. 63]. Все остальные обстоятельства, включенные в перечень, в той или

иной мере уточняют или расширяют перечень отягчающих обстоятельств, сохранившийся в УК РСФСР 1960 года.

Можно сделать вывод, что институт обстоятельств, отягчающих наказание, развивается и идет в ногу со временем. Законодатель корректирует положения согласно обстановке на данный момент, чтобы все положения были актуальными и применимыми для квалификации преступлений в наше время. На самом деле, характерными чертами развития института являются преемственность, а также расширение числа обстоятельств, отягчающих наказание. Можно предположить, что в случае принятия нового Уголовного кодекса в будущем, обстоятельств, отягчающих наказание, станет больше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права : монография. М. : Территория будущего, 2005. 252 с.
2. Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М. : Проспект, 2011.
3. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. Уголовный кодекс РСФСР 1922. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 05.04.2023).
4. Свод законов Российской империи 1832 г. Т. XV. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (дата обращения: 05.04.2023).
5. Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002.
6. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения 05.04.2023).
7. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 05.04.2023).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.04.2023).
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения 05.04.2023).
10. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М. : Зерцало, 1997. (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР).
11. Шнейдер М. А. Назначение наказания по советскому уголовному праву. М. : Изд-во ВЮЗИ, 1957.

УДК 343.3.7

Евтеева Ксения Александровна,
студент, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ksenya.agafonova2003@yandex.ru

Сехина Алёна Александровна,
студент, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
sehina.alenka@yandex.ru

Проблемы толкования похищения человека

Статья посвящена одной из проблем уголовно-правовой политики, связанной с отграничением похищения человека от незаконного лишения свободы. В статье рассматриваются критерии, с помощью которых можно разграничить данные составы. Одним из таких критериев является момент окончания похищения человека. При похищении человека момент окончания преступления – это перемещение с последующим обязательным удержанием. Именно удержание позволяет отличить похищение человека от незаконного удержания. Так же авторы дают определение похищению человека, которое, по их мнению, наиболее полно отражает все признаки объективной стороны состава преступления.

Ключевые слова: похищение человека, перемещение, незаконное удержание, момент окончания похищения человека, незаконное лишение свободы.

Evteeva Ksenya Alexandrovna,
student, National research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Sekhina Alena Alexandrovna,
student, National research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Problems of interpretation of kidnapping

The article is devoted to one of the problems of criminal law policy related to the delimitation of kidnapping from illegal imprisonment. The article discusses the criteria by which these compositions can be distinguished. One of these criteria is the moment when the kidnapping ends. When a person is kidnapped, the moment of the end of the crime is the movement with subsequent mandatory retention. It is the retention that makes it possible to distinguish between kidnapping and ille-

gal detention. The authors also give a definition of kidnapping, which, in their opinion, most fully reflects all the signs of the objective side of the crime.

Keywords: *kidnapping, displacement, illegal detention, end of kidnapping, illegal imprisonment.*

В уголовно-правовой политике РФ существует ряд проблем. Одна из них связана с применением ряда норм, закрепленных в Уголовном кодексе РФ [6]. В частности, на практике часто возникают ошибки при квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 126 и 127 УК РФ.

В Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», что закреплено положением ст. 2 Конституции РФ [1]. Также в основном законе России обязанностью государства является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина».

К числу важнейших прав человека относится право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, содержащееся в ст. 27 Конституции РФ [3, с. 2]. Защита этого права гарантируется Уголовным кодексом РФ главой 19 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

Одним из преступлений, посягающих на свободу передвижения, является похищение человека (ст. 126 УК РФ). Сложности в толковании состава похищения человека, где одной из ключевых проблем является определение момента окончания преступления, вызваны отсутствием его определения в законе. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее – ПП ВС РФ № 58) пытается устранить этот недостаток и формулирует понятие «похищения человека»: «по смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [5, п. 2].

Следуя вышеуказанному определению, объективная сторона данного состава преступления состоит из трех обязательных действий: захват, перемещение и удержание. Под захватом понимается любой способ открытого ограничения свободы потерпевшего посредством осуществления власти виновного над потерпевшим. Перемещение – это обязательно какое-либо движение; изъятие потерпевшего из одной социальной среды в другую. Удержание же подразумевает сдерживание потерпевшего в неволе.

Согласно ПП ВС РФ №58 «похищение человека считается окончанным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. В случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается окончанным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось» [5, п. 2].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ не дается указание на последнее обязательное действие (удержание), входящее в объективную сторону, исходя из определения, что вызывает проблему не только в определении

момента окончания преступления по ст. 126, но и в разграничении преступлений по ст. ст. 126 и 127 УК РФ (Незаконное лишение свободы). Представляется, что в ст. 127 УК РФ так же как и в ст. 126 УК РФ может присутствовать перемещение. Но в отличие от ст. 126 в незаконном лишении свободы нет цели удерживать в будущем потерпевшего.

Рассмотрим Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2021 № 77-2361/2021 в качестве примера судебной практики.

«Суд первой инстанции допустил значительное нарушение при квалификации преступных действий К. и П. Судебная коллегия отметила, что данная квалификация повлияла бы на исход дела, ставшее в силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ [7] основанием для изменения приговора, а также для изменения апелляционного определения суда апелляционной инстанции, которая не устранила нарушение.

При описании преступных действий К. и П. апелляционный суд не учел наличие цели удержания потерпевшего ФИО9 на берегу реки, на которую его везли виновные. Также суд не указал в приговоре на доказательства, констатирующие о том, что К. и П. после того, как поместили потерпевшего с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, в машину, переместили его на берег реки, и имели намерение удерживать там потерпевшего. При этом, из приведенных доказательств следует, что осужденные не предпринимали каких-либо мер, чтобы удерживать ФИО9. Он был оставлен на берегу реки, и свобода передвижения не была ограничена. То есть потерпевший мог без препятствий покинуть это место, что, соответственно, он и сделал.

Учитывая все обстоятельства дела, квалификацию преступных действий К. и П. по п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ судебная коллегия считает ошибочной. С учетом всех выявленных условий преступления судебная коллегия переквалифицирует действия осужденных на п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ» [9].

Для более четкого разграничения данных составов преступлений, необходимо определить момент окончания преступления по ст. 126 УК РФ, учитывая обязательное удержание человека. Именно это действие поможет не путать похищение человека с незаконным лишением свободы.

Для решения рассматриваемой авторами проблемы законодатель должен дать полное определение похищения человека, отражающее все признаки объективной стороны. Следовательно, этот термин должен четко определять момент окончания преступления по ст. 126 УК РФ.

Проанализировав мнения различных ученых, в лице которых Н. Э. Мартыненко [2, с. 132], И. А. Миронов [4, с. 7], Е. В. Ушакова [8, с. 20], авторы попытались наиболее полно определить термин «похищение человека». Нам представляется наиболее удачной следующая формулировка: это противоправные умышленные действия, состоящие из захвата или завладения и перемещения человека из одной социальной среды в другую, с целью последующего его удержания в неволе.

Закрепив данное понятие в действующем УК РФ, законодатель сможет решить рассматриваемую в статье проблему, тем самым усовершенствовав уголовно-правовую политику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

2. Мартыненко Н. Э. Похищение человека: уголовно правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 203 с.

3. Мгдесян Е. Актуальные проблемы квалификации похищения человека в российском уголовном праве // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 12(51). С. 116–119.

4. Миронов И. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002. 30 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10. 04.2023).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 18.03.2023). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10. 04.2023).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10. 04.2023).

8. Ушакова Е. В. Отграничение похищения человека от захвата заложника – вопросы согласования и рассогласования // Российский следователь. 2010. № 9. С. 20–24;

9. Шестой кассационный суд общей юрисдикции. URL: <http://bkas.sudrf.ru/> (дата обращения: 10. 04.2023).

УДК 341.6

Зиновьев Николай Андреевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет МФЮА

г. Москва, Российская Федерация

zinovyev.nikolay@yandex.ru

Res judicata эффект решения третейского суда

Эффект res judicata предполагает наделение судебного акта свойствами преюдициальности и исключительности. В статье рассматривается возможность и условия придания эффекта res judicata третейскому решению при разрешении спора в государственном суде, а также при рассмотрении дела в другом третейском разбирательстве.

Ключевые слова: третейское разбирательство, res judicata, преюдициальность, признание и приведение в исполнение арбитражных решений.

Zinovyev Nikolay Andreevich

post-graduate student, Moscow University of Finance and Law MFUA
Moscow, Russian Federation

***Res judicata* effect of the arbitral award**

Res judicata effect presupposes providing the judicial act with qualities of prejudicialness and exclusivity. The article examines possibility and conditions for considering an arbitration award as having *res judicata* effect when resolving a dispute in a state court, as well as when considering a case in another arbitration.

Keywords: arbitration, *res judicata*, prejudicialness, recognition and enforcement of arbitral awards.

Третейское разбирательство (арбитраж) является одним из негосударственных способов решения споров.

К числу основных преимуществ арбитража традиционно относят возможность выбора арбитров соответствующей квалификации для разрешения конкретного спора, а также возможность формирования процессуальных правил рассмотрения спора самими сторонами.

В последнее время и законодатель, и судебная власть с повышенным вниманием относятся к теме альтернативных способов разрешения споров в целом, и арбитража в частности (главным образом, коммерческого).

Между тем, значительный пласт вопросов, связанных с третейским разбирательством, еще не урегулирован ни текущим законодательством, ни разъяснениями Верховного Суда.

Так, например, в правоприменении и юридической науке возникает вопрос о наличии у третейского решения эффекта *res judicata*.

Любые рациональные стороны спора, независимо от того, рассматривается ли дело в государственном суде или в арбитраже, желают разрешить возникшие противоречия окончательно и независимо в одном конкретном разбирательстве, не допуская возможности пересмотра решения и, как следствие, дополнительных временных и денежных затрат. В то же время проигравшая в деле сторона спора зачастую пытается инициировать параллельное разбирательство с целью пересмотра выводов, сделанных судом в первоначальном споре, на более благоприятные.

Защитой от необоснованных попыток одной из спорящих сторон пересмотреть обстоятельства, уже установленные судом в другом деле, является доктрина *res judicata*, предполагающая преюдициальность (освобождение от доказывания фактов, установленных судом) и исключительность (запрет на предъявление того же иска между теми же сторонами) решения [2, с. 763].

Res Judicata эффект третейского решения для последующего разбирательства в государственном суде

В случае разбирательства в государственных судах действующим процессуальным законодательством закреплены как преюдициальность (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ), так и исключительность (абз. 3 ст. 220 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ) судебного решения.

Что касается третейского решения, свойство исключительности третейского решения напрямую закреплено в процессуальном законодательстве (абз. 6 ст. 220 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ) в ключе традиционного для стран континентальной системы права «теста тройной идентичности», требующего совпадения предмета, основания иска и субъектного состава спора для запрета пересматривать дело, разрешенное третейским судом [2, с. 764].

В то же время преюдициальность третейского решения действующее законодательство прямо не устанавливает. Более того, практика высших судов преимущественно исходит из отрицания преюдициального эффекта решения третейского суда, если те же обстоятельства исследуются государственным судом.

Так, Конституционный Суд в Определении от 28.05.2013 № 851-О разъяснил, что поскольку третейские суды не осуществляют правосудие по смыслу российского законодательства (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П [10]), то их решениям не придается преюдициальный эффект при рассмотрении тех же обстоятельств в государственном суде. По мнению Конституционного Суда, решение третейского суда обладает лишь силой письменного доказательства по делу, которое оценивается судами наряду с остальными документами [5].

Против преюдициальности третейского решения для государственных судов высказался и Президиум ВАС РФ, который в Постановлении от 11.02.2014 № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051 указал, что обстоятельства, установленные решением арбитража, не обладают преюдицией при последующем рассмотрении спора в государственном суде и могут устанавливаться только государственными судами [11]. Данная позиция отражена и в более поздних судебных актах вышестоящих судов [7].

Таким образом, в настоящее время в российском праве господствует точка зрения, что рассматривающий дело государственный суд не связан выводами состава арбитража, даже если спор фактически рассматривается заново.

Позволим себе согласиться с точкой зрения тех авторов, которые считают, что отрицание преюдициальности третейских решений государственными судами противоречит ратифицированной Россией Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958), согласно которой третейские решения признаются обязательными каждым государством-участником. Как справедливо отмечается, обязательность решения третейского суда естественным образом предполагает его преюдициальную силу [1].

При этом стоит отметить, что некоторые акты государственных судов свидетельствуют о наличии и иного подхода к вопросу преюдициальности третейских решений для государственного суда.

Так, в одном из дел, рассматриваемых Арбитражным судом Московского округа, суды нижестоящих инстанций при разрешении спора о взыскании неустойки по договору поставки пришли к выводу о том, что истцом не доказана обязанность ответчика по уплате даже основного долга по договору. При этом вопрос о взыскании основного долга уже был разрешен третейским судом, который удовлетворил требования истца. Отменяя судебные акты нижестоящих

судов, Арбитражный суд Московского округа, чьи выводы поддержал Верховный Суд, указал, что государственные арбитражные суды не имеют права переоценивать фактические обстоятельства и доказательства, которые уже были оценены третейским судом, ранее рассмотревшим дело между теми же сторонами. Суд округа ограничительно истолковал позицию Президиума ВАС РФ по делу № А40-116181/12-11-1051, отметив, что третейское решение не будет обладать преюдициальным эффектом лишь при условии разных субъектных составов в третейском споре и последующем деле на рассмотрении государственного суда. В то же время, как отметил суд, в силу ст. 38 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве)», п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, ст. III Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений стороны третейского разбирательства связаны третейским решением, а государственный суд связан правовой квалификацией, данной третейским судом касательно правоотношений сторон третейского разбирательства [9].

Res Judicata эффект третейского решения для последующего разбирательства в рамках другого третейского спора

Как будет показано далее, придание решению третейского суда эффекта *res judicata* - как правило, вопрос усмотрения арбитров, разрешающих последующий спор. Одним из инструментов, призванных обеспечить единое понимание принципов *res judicata* в международном арбитраже, являются принятые Рекомендации Ассоциации международного права в отношении доктрины *res judicata* и арбитража (Торонто, 2006) (далее – Рекомендации АМП) [3], которые не носят обязательного характера, но содержат в себе краткие инструкции о том, каким критериям должно соответствовать решение, чтобы состав арбитража мог признать за ним свойства исключительности и преюдициальности при рассмотрении какого-либо спора.

Свойство исключительности придается решению третейского суда самим составом арбитража. В силу общепризнанного арбитражного принципа «компетенции-компетенции» (*competence-competence*, *Kompetenz-Kompetenz*) третейский суд обладает широкой дискрецией в определении полномочий рассмотреть спор, переданный ему на рассмотрение. Решение о наличии или отсутствии компетенции в отношении спора целиком или отдельного предмета спора может быть вынесено третейским судом в любой момент, в том числе в решении по существу спора (ст. 16 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»). Таким образом, третейский суд обладает широкими правомочиями по определению того, влияет ли какое-либо арбитражное решение по иному спору на возможности состава арбитража рассмотреть конкретный спор, и если да, то в какой степени.

Рекомендации АМП указывают, что третейское решение обладает свойством исключительности не только в отношении непосредственного предмета спора, но и в отношении любых требований, которые могли быть заявлены, но не были заявлены в первоначальном разбирательстве [3].

В отношении преюдициальности третейского решения для другого третейского спора можно отметить следующее. Согласно п. 2 ст. 19 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» третейский суд обладает широ-

кой дискрецией в вопросе доказательств. Третейское законодательство не содержит прямого регулирования вопроса о преюдициальности предшествующего решения между теми же сторонами. Поскольку государственные суды при проверке решения не вправе переоценивать выводы третейского суда по существу (ч. 6 ст. 420 ГПК РФ, ч. 4 ст. 425 ГПК РФ, ч. 6 ст. 232 АПК РФ, ч. 4 ст. 238 АПК РФ), учет фактических обстоятельств, установленных в ранее разрешенном третейском споре, должен находиться в сфере усмотрения арбитров.

Рекомендации АМП признают обязательность третейского решения при условии соблюдения ряда критериев. Во-первых, решение должно стать «окончательным и обязывающим» в стране, где оно было вынесено. Во-вторых, решение должно быть вынесено в отношении требования или средства правовой защиты, которое рассматривается заново в последующем арбитраже. В-третьих, решение должно быть вынесено по тому же правовому основанию, которое рассматривается в последующем споре. Наконец, решение должно быть вынесено между теми же сторонами [3]. Данные критерии для определения преюдициальности третейского решения используются составами арбитража по всему миру, в том числе арбитрами, рассматривающими споры под эгидами отечественных арбитражных институций [12, 13].

В практике отечественных судов при рассмотрении заявлений об отмене или приведении в исполнение третейского решения нарушения исключительности и преюдициальности ранее вынесенного третейского решения зачастую рассматриваются нераздельно в качестве общего нарушения публичного порядка Российской Федерации.

Так, п. 46 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) ссылается на дело, в котором судами рассматривались заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража и встречное заявление об отмене арбитражного решения. Решение было приведено к принудительному исполнению, несмотря на доводы о противоречии решения ранее вынесенному третейскому решению по другому делу между сторонами. Верховный Суд отменил акты нижестоящих судов, указав, что доводы заявителей о «нарушении принципа законной силы судебного акта в части его окончательности и неопровержимости (*res judicata*) ввиду наличия решения международного коммерческого арбитража по другому делу» подлежали проверке судами на основании п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ [4].

Стоит отметить, что вышеуказанная позиция Верховного Суда высказывалась в отношении классической ситуации, когда в последующем арбитраже был рассмотрен спор между теми же сторонами, по тому же предмету и основанию иска. При этом в некоторых делах за третейским решением признается преюдициальный эффект, даже когда решение не соответствует строгим критериям «теста тройной идентичности».

Так, в деле А54-3603/2016 нижестоящие суды привели в исполнение решение Немецкой институции по арбитражу (DIS) о взыскании по соглашению об эксклюзивном дистрибутиве, несмотря на возражения ответчика о наличии признанного и приведенного в принудительное исполнение в России решения

DIS по тем же основаниям и между теми же лицами. Верховный Суд отменил судебные акты как противоречащие публичному порядку Российской Федерации, несмотря на заявления взыскателя о том, что два решения DIS различались по некоторым заявленным исковым требованиям [6].

Аналогично, в деле А40-102138/2016 суды рассматривали заявление об отмене решения МКАС при ТПП РФ, вынесенного по иску о взыскании денежных средств по договору факультативного перестрахования. При вынесении оспариваемого решения МКАС признал преюдициальным факт признания страховым случаем поломки трансформатора, установленный в другом споре МКАС из другого договора страхования. Несмотря на различие оснований иска в двух третейских спорах Арбитражный суд Московского округа поддержал выводы МКАС о преюдициальном характере факта поломки трансформатора и отказал в удовлетворении заявления об отмене решения [8].

Подводя итог, стоит отметить, что в правоприменительной практике сложилась парадоксальная ситуация, при которой государственные суды требуют от третейских судов признавать ранее вынесенные решения арбитража в качестве обязательных и преюдициальных под угрозой нарушения публичного порядка Российской Федерации, но отказываются делать то же самое, когда признание решения третейского суда в качестве обязательного требуется от них самих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голуб Е. И. Преюдициальная сила решения арбитража // Третейский суд. 2021. № 1. С. 122–134.

2. Международный коммерческий арбитраж : учебник / ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд». М. : Статут, 2018. 965 с.

3. Рекомендации в отношении доктрины *res judicata* и арбитража (приняты Резолюцией № 1/2006 на 72-й конференции Ассоциации международного права. Торонто, 4–8 июня 2006). URL: <https://ila.vettoreweb.com/Storage/Download.aspx?DbStorageId=1131&StorageFileGuid=da93746b-262e-4276-baa0-ddcf930eced3> (дата обращения: 10.04.2023).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 851-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.09.2017 по делу № 310-ЭС17-5655, А54-3603/2016 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.03.2017 № Ф03-588/2017 по делу № А73-14479/2015 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.12.2016 № Ф05-18015/2016 по делу № А40-102138/2016 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2022 № Ф05-2879/2022 по делу № А41-31150/2020 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

11. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

12. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 10.04.2018 по делу № М-198/2017 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

13. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 02.09.2013 по делу № 225/2012 [Документ опубликован не был] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

УДК 347.2

Кабанова Инесса Валерьевна,

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

inessa.surkova@mail.ru

К вопросу о совершенствовании законодательства в области охраны труда несовершеннолетних

Данная статья посвящена вопросу законодательного закрепления охраны труда несовершеннолетних работников в России. Определена цель законодательного регулирования положения несовершеннолетних лиц и их прав. Проанализировано законодательство в области охраны труда несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний работник, трудовое законодательство, охрана труда, права, трудовой договор.

Kabanova Inessa Valerevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of improving legislation in the field of labor protection of minors

This article is devoted to the issue of legislative consolidation of labor protection of underage workers in Russia. The purpose of legislative regulation of the situation of minors and their rights is defined. Legislation in the field of labor protection of minors is analyzed.

Keywords: *minor employee, labor legislation, labor protection, rights, employment contract.*

Каждому несовершеннолетнему в России с момента рождения принадлежат, гарантируются и обеспечиваются государством права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Главе 2 Конституции Российской Федерации [1]. Трудовые права несовершеннолетних, как особых участников правоотношений, также обеспечиваются признанными мировым сообществом принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, законами и подзаконными нормативными правовыми актами, действующими на территории Российской Федерации.

Следует отметить, что особое законодательное регулирование положения несовершеннолетних лиц и их прав, целью которого является обеспечение гармоничного развития данной возрастной категории населения, прослеживается в настоящее время в законодательстве всех развитых стран и знаменует собой повышенный приоритет законодателей к несовершеннолетним гражданам, охране и обеспечению их прав и свобод, в число которых входит и перечень трудовых прав, как то право на труд, право на безопасные условия труда и прочее.

Каждый гражданин обладает способностью к труду, однако только ее наличия недостаточно, чтобы стать стороной трудового договора – работником. Работник – это субъект трудового права, способный не только трудиться, но и приобретать, изменять и прекращать возникающие в связи с заключением трудового договора права и обязанности, а также нести установленную действующим законодательством ответственность. Кроме того, государство устанавливает определенный возрастной уровень, только по достижении, которого лицо может стать стороной трудового правоотношения.

По общему правилу трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим возраста 16 лет [2]. В некоторых случаях и при соблюдении ряда условий трудовой договор могут заключать лица, не достигшие указанного возраста. Так, в соответствии с частью 2 статьи 63 ТК РФ лица, получившие общее образование и достигшие возраста 15 лет, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. Одновременно с этим лица, достигшие возраста 15 лет и в соответствии с Федеральным законом [3] оставившие общеобразовательную организацию до получения основного общего образования или отчисленные из указанной организации и продолжающие получать общее образование в иной форме обучения, могут

заключать трудовой договор при соблюдении таких же условий без ущерба для освоения образовательной программы.

В настоящее время наблюдаются негативные факторы избыточного вовлечения несовершеннолетних в трудовую деятельность. В силу стечения различных жизненных обстоятельств, многие несовершеннолетние, будучи вынужденными работать, оставляют обучение, либо, сталкиваясь с трудностями в учебе, осознанно отдают предпочтение низко квалифицированному труду и, как следствие, не получают образования.

О нарушении трудовых прав несовершеннолетних зачастую становится известно не из обращения несовершеннолетнего или его законных представителей, а в связи с привлечением работодателя к административной ответственности. Так, директор центра культуры и досуга «Ритм» провела сокращение штата несовершеннолетних, работающих в оркестре, без согласия государственной инспекции труда, за что инспекция привлекла ее к административной ответственности. Директор обратилась с жалобой в судебные органы. Судебные инстанции оставили жалобу без удовлетворения, сославшись на то, что неполучение согласия инспекции на увольнение несовершеннолетнего по сокращению численности или штата является нарушением порядка увольнения и трудового законодательства [5].

Стоит отметить, что судебной практики по трудовым спорам с участием несовершеннолетних почти не встречается. Можно предположить, что несовершеннолетние в силу отсутствия жизненного опыта, знания законодательства либо еще по каким-то причинам не обращаются за защитой своих трудовых прав. Да и количество несовершеннолетних, работающих по трудовым договорам, невелико.

В связи с этим, законодательное регулирование привлечения несовершеннолетних граждан к труду является важным аспектом в деятельности государства.

В части 2 статьи 63 ТК РФ указано, что работа должна быть связана с выполнением легкого труда и не причинять вреда здоровью несовершеннолетнего. Такое дополнение вполне разумно, однако неясны причины его отсутствия в части 1 статьи 63 ТК РФ, позволяющей трудоустраиваться лицам, достигшим 16 лет. В данном случае законодателю следует выработать единый подход в формулировании норм, поскольку получается, что несовершеннолетний в возрасте 16 лет как бы может выполнять тяжелый труд, причиняющий вред его здоровью, поскольку специального упоминания об этом в части 1 статьи 63 ТК РФ нет.

Конвенция МОТ № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу» 1973 года [4] определяет, что минимальный возраст не должен быть ниже возраста окончания обязательного школьного образования и не должен быть ниже 15 лет. Далее в статье 3 Конвенции сказано, что «минимальный возраст для приема на любой вид работы по найму или другой работы, которая по своему характеру или в силу обстоятельств, в которых она осуществляется, может нанести ущерб здоровью, безопасности или нравственности подростка, не должен быть ниже 18 лет». Следовательно, думается, не совсем логично введение рос-

сийским законодателем деления возраста вступления в трудовое правоотношение и его условий отдельно для подростков 15 и 16 лет.

Исходя из буквального толкования части 1 и части 2 статьи 63 ТК РФ следует, что законодатель вводит требования относительно выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью, только для подростков 15 лет и младше, что не соответствует положениям Конвенции МОТ № 138, несмотря на то что в статье 265 ТК РФ введен запрет применения труда лиц в возрасте до 18 лет на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию.

Таким образом, целесообразно в статье 63 ТК РФ определить следующие требования для трудоустройства лиц, достигших 16 лет, в связи с чем часть 1 указанной статьи изложить в новой редакции: «Заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью и нравственному развитию, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, другими федеральными законами».

Внесение вышеуказанных изменений в законодательство позволит упорядочить прием на работу несовершеннолетних работников, снизить количество необоснованных отказов в трудоустройстве со стороны работодателей, а также усилить контроль за работой несовершеннолетнего лица со стороны государственных и муниципальных органов власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.04.2023).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022). М. : Омега-Л, 2023.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.04.2023).

4. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. 2. Женева : Международное бюро труда. М., 1991. С. 1703–1710.

5. Постановление Костромского областного суда от 07.10.2016 по делу № 4А-199/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kdclRxcXqaHg/> (дата обращения: 10.04.2023).

Косоногова Дарья Андреевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
kosonogova.darya@mail.ru

Проблемы установления «возрастной невменяемости»

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы об установлении уголовной ответственности, состоянии лица, отстающего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также о сложности отставания в психическом развитии и «ограниченной вменяемости» несовершеннолетних. Проводится анализ уголовных норм, устанавливающих минимальный возраст привлечения к ответственности, понятие невменяемости и иных норм, связанных с темой исследования. Автором рассмотрены различные мнения ученых по исследуемой теме, приведены примеры из судебной практики, высказана собственная точка зрения.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, возрастная вменяемость, отставание в психическом развитии, психическое расстройство, несовершеннолетние.*

Kosonogova Darya Andreevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Problems of establishing “age insanity”

This article discusses controversial issues about the establishment of criminal responsibility, the condition of a person who is mentally retarded, not related to a mental disorder, as well as the complexity of mental retardation and “limited sanity” of minors. The analysis of criminal norms establishing the minimum age of prosecution, the concept of insanity and other norms related to the topic of the study is carried out. The author considers various opinions of scientists on the topic under study, provides examples from judicial practice, and expresses his own point of view.

Keywords: *criminal responsibility, age-related sanity, mental retardation, mental disorder, minors.*

Закрепление в ч. 1 и ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) минимального возраста привлечения к уголовной ответственности одновременно подразумевает и возрастную вменяемость субъекта уголовного права, т. е. способность осознавать общественно опасный характер своих действий (бездействия) и возможность ими руководить. К сожалению, на 2020 г. в России насчитывается около 725 тысяч несовершеннолетних с особенностями в развитии. При этом статистика показывает, что с 2015 года число таких детей в нашей стране увеличилось на 135 тысяч и в дальнейшем также будет возрастать [1]. К таким особенностям относится отставание в психическом развитии, при наличии которого дети также могут совершать преступления.

При его наличии ребенок хоть и достигает возраста уголовной ответственности по соответствующему составу преступления, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Законодатель учел такие обстоятельства и отразил их в ч. 3 ст. 20 УК РФ так называемую «возрастную невменяемость».

Использование термина «возрастная невменяемость» считаем не совсем корректным, так как невменяемость, отраженная в ст. 21 УК достижение определенного Уголовным кодексом возраста для привлечения к уголовной ответственности – самостоятельные признаки субъекта преступления, поэтому не совсем правильно объединять их в одной статье и соединять в одном словосочетании. К тому же, при доказанности невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, оно не может быть субъектом преступления. При «возрастной невменяемости» нельзя говорить о том, что в любом случае отсутствуют признаки субъекта преступления. Представляет интерес мнение Г. Н. Борзенкова, который утверждал, что «возрастная невменяемость» в нашем законе никак не закрепляется, а положение ч. 3 ст. 20 УК РФ – это особое проявление принципа гуманизма [3, с. 227]. Но мы все же в своей работе будем использовать термин «возрастная невменяемость», так как название данной правовой категории разделяется многими правоведами.

При раскрытии данного состояния особую важность при установлении всех обстоятельств дела приобретает не столько «фактический возраст», несовершеннолетнего, сколько его «фактическая недееспособность». Из этого следует, что исключение календарного возраста несовершеннолетнего как основания уголовной ответственности в связи с отставанием в социальном развитии вводит новый возрастной статус – ту самую фактическую недееспособность. Вследствие данных обстоятельств фактический возраст лица, совершившего преступление, определяется не количеством прожитых лет, а особым уровнем психофизиологического развития несовершеннолетнего, когда он не обладает нужным набором навыков, знаний и способностей, которые при нормальном развитии характерны для его возраста. Фактический возраст такого ребенка устанавливается специально создаваемой психолого-педагогической экспертизой, задача которой установить способность подростка адекватно реагировать на различные обстоятельства, осознавать характер своих действий и руководить ими [7, с. 50–162].

При этом перед экспертами ставится вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста [4].

Вызывает также вопросы формулировка законодателя «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Данный юридический критерий упоминается как в ст. 20, так и в ст. 22 УК РФ. Вот только во втором случае лица с психическим расстройством все же подлежат уголовной ответственности, когда несовершеннолетние с тем же юридическим критерием уголовной ответст-

венности не подлежат. Получается, существует две статьи, которые одновременно защищают права одних и нарушают права других. По этому поводу совершенно справедливо возникает вопрос, чем руководствуется законодатель, не предусматривая наказания при возрастной невменяемости, в то время как в случае доминирования психического расстройства наказание назначается также как и в случае психически здорового лица. Здесь явно необходимо усовершенствовать наше законодательство.

В целях устранения противоречия двух статей предлагаем следующую редакцию действующей нормы ч. 3 ст. 20 УК РФ: «Не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший возраста, установленного ст. 20 УК РФ, который в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, этому возрасту не соответствует». Данный вариант не содержит спорного элемента законодательно закрепленной нормы в виде словосочетания «не в полной мере», которая оставляет за собой такой вариант, когда возможность руководить своими действиями у несовершеннолетнего все-таки присутствовала в момент совершения им противоправного деяния.

До сих пор дискуссия вызывает и трактовка «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством». Так, И. А. Кудрявцевым были проведены комплексные судебно-психологические экспертизы среди подростков, отстающих в психическом развитии [2, с. 94]. Результаты оказались довольно интересными: всего лишь у 7 испытуемых из 48 (16,6 %) речь шла о полном отсутствии психической патологии. В связи с этим считаем законодательную неопределенность ст. ст. 20 и 22 УК РФ. Получается, у большинства детей все же при отставании в развитии чаще всего наблюдается также психическое расстройство. Проблему в этом видит и И.М. Мухачева, которая отмечает, что отставание в психическом развитии часто путают с умственной отсталостью – олигофренией – причиной которой является патология головного мозга [5]. Олигофрения также выражается в явных дефектах при познавательной и эмоционально-волевой деятельности. Такая форма психической аномалии влияет на возникновение и развитие таких черт характера у ребенка, как жестокость и агрессивность. То есть олигофрения не является проявлением отставания в психическом развитии.

При этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (далее – СК ВС РФ) еще в 1998 г. в своем определении выделила олигофрению как основание для освобождения от уголовного преследования в силу ч. 3 ст. 20 УК РФ 14-летнего Б., совершившего покушение на изнасилование. При этом государственный обвинитель, оспаривавший данное решение, в качестве доводов о необоснованности прекращения уголовного преследования представил заключение эксперта-психиатра, который подтвердил, что Б., безусловно, вменяем. СК ВС РФ, напротив, отметила, что из исследованных судом материалов дела видно, что Б. по умственному развитию отстает от своих сверстников: он не умеет ни писать, ни читать. Стационарная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза также подтвердила у несовершеннолетнего наличие врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в легкой степени дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями и с учетом его

личностных особенностей развития и поведения он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных им противоправных действий и не мог в полной мере руководить ими [6]. И здесь не понятно, что же из выясненного вследствие экспертизы послужило основанием для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, так как правоведы выделяют одни основания отставания в психическом развитии, суд – другие. Исследователи также достаточно часто уравнивают отставание в психическом развитии с социальным инфантилизмом, или же с педагогической запущенностью, что, по сути, является не верным, поскольку эти свойства личности по своей природе не идентичны.

Одним из таких исследователей является А. В. Рагулина, которая как раз таки выделяет социально-педагогическую запущенность и наличие нейросенсорного дефекта (к примеру, глухота и слепота) без соответствующего учебного и воспитательного процесса как основания для отставания в психическом развитии [8, с. 28]. Известно, что развитие психических функций несовершеннолетних происходит в определенные возрастные периоды, и если они не получают в это время необходимой информации, то его развитие замедляется. У таких лиц отсутствуют критические способности адекватно прогнозировать последствия своих действий. При этом важно отметить, что А. В. Рагулина также указывает на такой разграничительный факт как временный характер (социальный инфантилизм) такого психического отставания в развитии, когда задержка развития является обратимой, если нет связи с психическим расстройством, слабоумием. Считаю, что такие важные вопросы не должны оставаться только в плоскости доктрин, и законодателю как можно скорее необходимо закрепить данные положения на нормативном уровне.

К лицам, признанным судом невменяемыми, как известно, применяются принудительные меры медицинского характера. К несовершеннолетним, у которых выявлено отставание в развитии, не связанное с психическим расстройством такие меры в настоящее время применить нельзя. Почему же законодатель не предусмотрел никакие последствия для таких детей, ведь нельзя отрицать тот факт, что такие лица могут быть социально опасны. К тому же оставление их без применения к ним мер уголовно-правового характера существенно осложняет задачу предупреждения преступлений, да и отставание в психическом развитии не исчезает само по себе.

В науке уголовного права активно обсуждается вопрос о необходимости помещать несовершеннолетних, в отношении которых прекращено уголовное преследование по ч. 3 ст. 20 УК РФ, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, на данный момент в данные учреждения помещают при освобождении от наказания. Такие меры имеют следующие достоинства: наличие квалифицированных специалистов для оказания несовершеннолетним психолого-психиатрической помощи, одновременное получение образования для дальнейшей адаптации к жизни, изоляция несовершеннолетних от среды, где они могут быть вовлечены в совершение преступлений. Также в период нахождения в специальном образовательном учреждении закрытого типа с несовершеннолетним проводится психологическая работа, в процессе которой об-

ращается особое внимание на факт совершения общественно опасного деяния, исправляются допущенные ошибки в педагогическом процессе.

Еще один метод – передача под надзор родителей, законных представителей либо специализированного государственного органа. Значение данной меры состоит в том, что на данных лиц возлагается обязанность по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Это должно способствовать исключению условий совершения общественно опасных деяний несовершеннолетним, рациональному использованию им своего свободного времени.

Не стоит забывать, что такие меры принудительного воспитательного воздействия будут не всегда эффективны, поскольку отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, может быть вызвано не только социальной или педагогической запущенностью, но и физическими дефектами. Поэтому при определении дальнейшей судьбы таких малолетних преступников необходимо руководствоваться причинами их отставания в развитии и принимать решение о мерах принудительного воспитания в каждом индивидуальном случае.

Таким образом, отсутствие в законодательстве детального регулирования вопроса уголовной ответственности лица, отстающего в психическом развитии, не связанных с психическим расстройством, порождает массу вопросов в научной среде. Безусловно, в связи с возрастанием количества таких «особенных» детей, необходимо совершенствовать институт «возрастной невменяемости». Законодателю особенно следует обратить внимание на замену формулировки «не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» на «не осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий», детальную регламентацию оснований для признания несовершеннолетнего отстающим в психическом развитии и продумать последующие процедуры их реабилитации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коммерсантъ. Тип документа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734749> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М. : Юрид. лит., 1988. 224 с.
3. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. Уголовное право. Общая часть. Учение о преступлении / [Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова и др.]. М., 2002. 611 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2022).
5. Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6(91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-polozheniy-ch-3-st-20-uk-rf-o-vozrastnoy-nezrelosti> (дата обращения: 15.02.2023).

6. Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 24 февраля 1998 г. «В силу ч. 3 ст. 20 УК РФ лицо, которое достигло 14-летнего возраста, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, не подлежит уголовной ответственности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2022).

7. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002 (ИПК ун-та). 255 с.

8. Рагулина А. В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. 160 с.

УДК 343.265

Лебедева Вероника Михайловна,
студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Lebedevaveronika2@gmail.com

История становления института условно-досрочного освобождения от наказания

Статья посвящена исследованию института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Рассматриваются три основных периода развития данного института: дореволюционный (XIX – начало XX в.), советский (1917–1988 гг.), современный (с 1988 г. по настоящее время). Изучаются виды условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Описываются особенности данного института в соответствии с действующим законодательством. Выявлены недостатки регламентации механизма применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, наказание, осужденный, досрочное освобождение, безусловное освобождение.

Lebedeva Veronika Mikhailovna,
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

The history of the formation of the institution of parole from punishment

The article is devoted to the study of the institute of parole from serving a sentence. Three main periods of development of this institute are considered: pre-revolutionary (XIX – early XX century), Soviet (1917–1988), modern (from 1988 to the present). The types of early release from serving a sentence are being studied. The features of this institute are described in accordance with

the current legislation. The shortcomings of the regulation of the mechanism for the application of conditional early release from serving a sentence are revealed.

Keywords: *conditional early release, punishment, convicted person, early release, unconditional release.*

Рассмотрим дореволюционный период развития условно-досрочного освобождения от наказания (XIX – начало XX в.).

Условно-досрочное освобождение от наказания впервые появилось в австралийском законодательстве в XVIII в. на острове Норфолк в Австралии. Согласно Жалованной грамоте Иосифа 2 (1788 г.), осужденные могли рассчитывать на освобождение после того, как пройдет половина срока наказания, если их поведение будет соответствовать определенным требованиям. Однако данный институт был не востребован, так как лица, находившиеся в ссылке, не верили, что их могут освободить [8, с. 5].

Согласно уголовному законодательству Нидерландов (Нидерландское уложение от 3 марта 1881 г.) по отбытии тюремного заключения мог быть назначен перевод осужденного в рабочий дом. В данном случае судебная и исполнительная власти имели право изменить вид наказания. В основном принимал решение судебный орган, так как принятие решения исполнительной властью нарушало авторитет суда. Несколько иной подход был в Англии: заключенные могли воспользоваться правом на досрочное освобождение, если получат конкретное количество отметок. Осужденный должен был заработать в день не менее 6 баллов, но при неподобающем поведении баллы уменьшались и лицо подвергалось наказанию, т. е. при несоответствующем установленным правилам поведению лицо не смогло бы воспользоваться правом досрочного освобождения. У женщин была возможность, в отличие от мужчин, попасть в частные благотворительные приюты за надлежащее поведение, где они могли вести жизнь аналогичную свободной [11].

Досрочное освобождение подразделялось на условное и безусловное. Условно-досрочное освобождение от наказания характеризовалось реализацией через надзирателя места заключения, а безусловное досрочное освобождение от наказания осуществлялось правительством страны, имело форму помилования, являлось окончательным, не возлагало на лицо выполнение обязанностей.

В Австралии условно-досрочное освобождение нашло свою реализацию в целях удовлетворения потребностей буржуазии – получения дешевой рабочей силы. Если говорить про положительные стороны условно-досрочного освобождения, то данный институт благотворно влиял на дисциплину ссыльных и к тому же сокращал расходы британской казны на содержание каторжников.

Институт условно-досрочного освобождения после 1890 г. стал набирать популярность в Бельгии и во Франции. После этого в Российской империи активно, прежде всего, «члены русской группы Международного союза криминалистов на съездах в 1890 и 1901 году» [7, с. 6] начали обсуждать вопрос о необходимости этого института. Ученые высказывали свое мнение по поводу принятия условно-досрочного освобождения от наказания, создавались проекты

помилования осужденных, систематизировались уложения, кодексы, и нормативные акты европейских государств и США [10].

Резюмируя анализ применения наказания в дореволюционный период, можно сказать, что досрочное освобождение являлось показателем достижения цели уголовного наказания – перевоспитание осужденного в тюрьме. Данный институт характеризовался условностью в связи с возможностью его прекращения вследствие поведения лица.

Институт условно-досрочного освобождения в Советском государстве появился в 1918 году [4, с. 10]. Декрет № 2 «О суде» от 7 марта 1918 г. закрепил право осужденного лица просить об условно-досрочном освобождении от наказания и помиловании [1].

В целях объективизации и развития института условно-досрочного освобождения от уголовного наказания: «7 августа 1920 г. Народный комиссариат юстиции принял постановление «Об изменении инструкции «О досрочном освобождении»» [8, с. 17]. Данным постановлением было введено изменение в части полномочий суда. С момента принятия этого акта суды не имели права «возбуждать вопрос о досрочном освобождении», а лишь беспристрастно решали спор по существу [3].

В редакции инструкции «О досрочном освобождении» от 25 ноября 1918 года было указано, что суд рассматривает ходатайство об условно-досрочном освобождении от наказания [2].

В период с 1939 г. по 1954 г. условно-досрочное освобождение от отбывания наказания было отменено, кроме некоторых республик, таких как Азербайджанская и Узбекская ССР [8, с. 37].

14 июля 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения», в соответствии с которым могло быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания, либо наказание могло быть заменено на более мягкое [4]. Условно-досрочное освобождение применялось, если осужденные соблюдали режим и активно трудились, а также отбыли 2/3 срока наказания. Решение принимал суд по месту отбывания наказания на основании характеристики администрации. Если лицо совершало новое преступление, за которое предусмотрено лишение свободы в период не отбытого срока наказания, то суд присоединял «не отбытую часть срока к вновь назначенному наказанию» [8, с. 37–39].

Согласно Закону СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик»: 1) условно-досрочное освобождение не подлежало применению при особо опасном рецидиве; 2) при отбывании наказания в виде лишения свободы, ссылки и др. лицо должно было отбыть не менее половины наказания для применения условно-досрочного освобождения; 3) осужденные за совершение особо опасных государственных и иных тяжкие преступлений могли рассчитывать на условно-досрочное освобождение только после отбывания не менее 2/3 наказания [7, с. 40]. Позже был принят Указ Президиума ВС СССР от 20 марта 1964 года «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хо-

зьяства». Условно-досрочное освобождение от наказания являлось механизмом по социализации осужденных посредством привлечения их к труду [5].

В действующем законодательстве нет определения условно-досрочного освобождения, но закреплено ряд условий, позволяющих раскрыть содержание понятия.

1. Суд должен признать тот факт, что лицо больше не нуждается в отбытии назначенного судом наказания.

2. Осужденный возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном судом.

В рассмотренных нормативно-правовых актах ранее данное условие не было отражено. Главным было соблюдение правил поведения и отбытие установленного срока уголовного наказания. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8, если суд установит, что осужденный пытался возместить причиненный преступлением вред (материальный ущерб и моральный вред), но из-за объективных причин вред возмещен лишь частично, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания [6]. Мне представляется, что институт условно-досрочного освобождения от наказания продолжает развиваться. В частности, в XVIII в. возмещение вреда не являлось условием применения условно-досрочного освобождения. При соблюдении данных условий лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, выполняющее принудительные работы или лишенное свободы, подлежит условно-досрочному освобождению. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания (ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее в тексте УК РФ) [9].

3. Суд имеет право обязать осужденного к выполнению определенных действий, которые способствуют исправлению лица. К таковым относятся, например, не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно-досрочно освобожденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от зависимостей или заболевания, трудоустроиться. Суд может возложить исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению, которые должны исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания. Мне представляется, что данное положение является недоработкой законодателя, так как обязательства, которые могут быть наложены на осужденного, следует закрепить закрытым перечнем. Суд должен в этой части руководствоваться исключительно законом, а не применять ограничения к лицу, по своему усмотрению.

4. Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

1) не менее 1/3 срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

2) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

3) не менее 2/3 срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено;

4) не менее 3/4 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210 и 361 УК РФ;

5) не менее 4/5 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста [9].

Последнее, на наш взгляд, не отвечает защите прав лиц, не достигших возраста 14 лет. Представляется, что было бы лучше исключить применение условно-досрочного освобождения для совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Такие преступления, совершаются в отношении лиц, психика которых только формируется, они могут находиться в беспомощном состоянии.

5. Фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев [9]. Ходатайствовать об условно-досрочном освобождении имеют право даже лица, осужденные к пожизненному сроку. В данном случае суд должен признать, что лицо может быть условно-досрочно освобождено при условии фактического отбытия не менее двадцати пяти лет лишения свободы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в момент первого практического закрепления института условно-досрочного освобождения от наказания в иностранных государствах суд не являлся единственным органом, который принимал решение об условно-досрочном освобождении, таким правом по Нидерландскому уложению от 3 марта 1881 г. наделялась и исполнительная власть. В настоящее время данными полномочиями наделен только суд.

Во-вторых, условно-досрочное освобождение – это институт, который благоприятно влияет на личность осужденного. Эффект положительного воздействия создает не само освобождение лица от отбывания наказания, а надзор, который осуществляется за ним, предотвращая деструктивное поведение.

В-третьих, не претерпело изменений, начиная с XIX в., условие о том, что лицо должно соблюдать требования, возлагаемые на него судом, чтобы получить условно-досрочное освобождение.

В-четвертых, в настоящее время, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания представляет собой институт, согласно которому возможно освобождение лица до отбытия назначенного срока, при наличии определенных оснований и при условии выполнения определенных требований, назначенных судом.

В-пятых, суд в настоящее время не ограничен в своих полномочиях, по возложению требований на осужденного при условно-досрочном освобождении от наказания, согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ.

В-шестых, на условно-досрочное освобождение от наказания имеют право ходатайствовать лица, вне зависимости от тяжести совершенного преступления, в том числе осужденные на пожизненный срок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет о суде № 2 / Всероссийский центральный исполнительный комитет от 07.03.1918 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

2. Инструкция о досрочном освобождении : Постановление Народного Комиссариата Юстиции от 25.11.1918 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

3. Инструкция о досрочном освобождении : Постановление Народного Комиссариата Юстиции от 07.08.1920 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

4. О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1939 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

5. О дополнении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1964 «О применении судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20.03.1964 «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства» : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 09.04.1965 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

6. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 (ред. от 28.10.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

7. Савельев Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 191 с.

8. Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность) : учеб. пособие. Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 2002. 125 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 (ред. от 18.03.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

10. Люблинский П. И. Условное осуждение в иностранном и советском праве. М. : Право и жизнь, 1924. 128 с.

11. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. : Добросвет : Городец, 2000. 464 с.

УДК 347.63

Макаров Станислав Александрович,
студент, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Российская Федерация
stas.makarov001@gmail.com

К вопросу о системе органов власти, осуществляющих защиту прав несовершеннолетних в Российской Федерации

В статье раскрывается проблема осуществления и защиты прав и интересов несовершеннолетних в Российской Федерации. Государство, гарантируя имущественное обеспечение для детей, не уделяет вместе с тем должного внимания проблемам охраны нормального развития и благополучия ребенка. Правовые аспекты проблем защиты и поощрения прав ребенка, в том числе, правового положения детей, нуждаются в определенном переосмыслении.

Ключевые слова: дети, родители, государство, защита, несовершеннолетний, опека, профилактика.

Makarov Stanislav Aleksandrovich,
student, Perm State
Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russian Federation

On the issue of the system of authorities protecting the rights of minors in the Russian Federation

The article reveals the problem of the implementation and protection of the rights and interests of minors in the Russian Federation. The State, while guaranteeing property security for children, does not pay due attention to the problems of protecting the normal development and well-being of the child. The legal aspects of the problems of protecting and promoting the rights of the child, including the legal status of children, need some rethinking.

Keywords: Children, parents, state, protection, minor, guardianship, prevention.

Современные тенденции развития законодательства РФ свидетельствуют о том, что ребенок занимает особое положение, он относится к категории особых субъектов права, которые активно выступают в качестве участников в различных правоотношениях. Действующее законодательство РФ неточно определяет содержание понятия «ребенок» с юридической точки зрения и неполно устанавливает его статус.

Конституционно-правовые основы статуса несовершеннолетних вытекают из основных положений конституционно-правового статуса гражданина. Правовой статус гражданина представляет собой определенный набор прав, которыми он обладает для вступления в какое-либо правоотношение. Таким образом, конституционно-правовой статус ребенка – это совокупность прав, свобод,

обязанностей ребенка и гарантий их реализации. Следовательно, несовершеннолетний обладает всеми правами и свободами, присущими любому гражданину России [1].

Поскольку охрана прав ребенка заключается в создании гарантий их реализации, ей служат неодинаковые по своей отраслевой принадлежности, содержанию, целям законодательные акты Российской Федерации, такие как: федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ, акты органов государственной исполнительной власти, органов местного самоуправления.

К числу лиц, которые обязаны защищать права и интересы несовершеннолетних, как известно, относятся родители (законные представители). Когда же родителей, или же лиц, которые смогли бы их заменить нет, либо они не выполняют своей миссии, обязанности по защите прав несовершеннолетних возлагаются на органы опеки и попечительства. Органами опеки и попечительства являются в настоящее время органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Данные органы выступают неким механизмом защиты прав несовершеннолетних.

Под механизмом защиты прав несовершеннолетних можно понимать гарантированную законодательством совокупность правовых норм и институтов, направленных на защиту прав несовершеннолетних. Структура механизма защиты прав несовершеннолетних состоит из двух подсистем: нормативной и институциональной. Нормативная подсистема механизма защиты прав несовершеннолетних – это законодательно-закрепленные нормы, которые обеспечивают защиту прав несовершеннолетних [2]. Среди основных правовых актов, закрепляющих механизм защиты прав несовершеннолетних, можно выделить Семейный кодекс Российской Федерации [3], Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5], Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве [6]».

Институциональная подсистема механизма защиты прав несовершеннолетних выражена в совокупности государственных органов и общественных образований, в чьи функции входит защита прав детей.

Иными словами, государство возлагает защиту прав несовершеннолетних детей только на органы опеки и попечительства, которые могут объединять усилия других государственных, муниципальных органов, учреждений, общественных организаций и фондов, для достижения единой цели – защиты прав ребенка.

Тем не менее, анализ действующего законодательства позволяет нам выделить следующие формы защиты прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства:

- самостоятельное принятие решений в пределах своей компетенции (включая дачу согласия либо разрешения на какие-либо действия);
- направление соответствующих требований в суд в порядке искового производства;

– участие в судебном разбирательстве.

Например, в семейном законодательстве говорится о том, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений родителей и иных лиц.

Осуществляют защиту прав ребенка от таких злоупотреблений:

- орган опеки и попечительства;
- комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- прокуратура;
- органы внутренних дел;
- суд.

Орган опеки и попечительства – это орган, который занимается защитой прав и интересов несовершеннолетнего ребенка от злоупотреблений родителя и ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Данный орган осуществляет защиту имущественных, жилищных и личностных интересов ребенка.

Любое лицо, которому стало известно о возникновении реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью несовершеннолетнего ребенка, должен сообщить об этом в орган опеки и попечительства.

После получения информации о нарушении прав ребенка орган опеки и попечительства должен принять соответствующие меры для защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

В функции органа входит не только защита прав ребенка, но и обеспечение прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, дача заключения о целесообразности лишения родительских прав, участие в судебных заседаниях по делам о защите прав ребенка и в исполнении решений суда, а также иные функции.

Органы опеки и попечительства вправе посещать семьи, пребывание детей в которых представляет угрозу их жизни и здоровью.

Защитой прав и интересов ребенка также занимаются комиссии по делам несовершеннолетних. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является специализированным органом по защите прав детей. Правовую основу деятельности комиссий по делам несовершеннолетних составляет Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7].

В компетенцию данного органа входит профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выявление и устранение причин, способствующих совершению преступлений, помощь в реабилитации детям, которые оказались в тяжелой или опасной для них жизненной ситуации.

Комиссии наделены следующими обязанностями:

- предъявление в судебный орган искового заявления о лишении и ограничении родительских прав;
- обеспечение мер по защите прав и интересов несовершеннолетних детей;
- в определенных случаях контроль за воспитанием, развитием и содержанием ребенка;
- иные компетенции.

Важнейшим органом, нацеленным на защиту прав детей, является Прокуратура Российской Федерации. В соответствии с законодательством в функции прокуратуры по защите прав и законных интересов несовершеннолетних входит «надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и другие.

Прокуратура, как орган по защите прав и интересов ребенка, вправе:

- подавать в суд исковое заявление о лишении или же ограничении родительских прав, а также иск о восстановлении имущественных или личных прав несовершеннолетнего ребенка;
- предъявлять в суд постановление об отмене усыновления;
- присутствовать на судебных заседаниях по делам о защите прав несовершеннолетнего.

Основными направлениями деятельности прокуратуры в сфере защиты прав детей являются:

- надзор за исполнением законодательства о социальной защите детей, об образовании, об охране их жизни и здоровья;
- пресечение случаев жестокого обращения с ребенком;
- другие направления информации.

Органы внутренних дел принимают участие в принудительных мероприятиях, связанных с защитой детей. Например, участвуют в отобрании детей из неблагополучных семей или разыскивают лиц, которые уклоняются от исполнения решения суда.

Таким образом, механизм защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации является сложной многоуровневой системой, под которым следует понимать гарантированную законодательством совокупность правовых норм и институтов, направленных на защиту прав несовершеннолетних. Следует отметить, что рассматриваемую проблему можно и нужно решить. Возможным вариантом, на наш взгляд, будет создание одного нормативного акта, в котором четко будут прописаны органы власти, осуществляющие полномочия по защите прав и интересов несовершеннолетних, а также определенная систематизация правовых норм, распространяющих свое действие на институт правового статуса несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Середкин К. С. Защита прав несовершеннолетних // Вестник науки. 2018. № 9(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-nesovershennoletnih> (дата обращения: 12.02.2023).
2. Степанова Д. Н. Конституционно-правовой механизм защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. № 2(26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-mehanizm-zaschity-prav-nesovershennoletnih-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.02.2023).

3. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/documents/2007/10/22/semejny-kodeks-dok.html> (дата обращения: 15.03.2023).

4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 15.03.2023).

5. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 15.03.2023).

6. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 15.03.2023).

7. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509 (дата обращения: 15.03.2023).

УДК 343.163

Макарова Екатерина Валерьевна,
студент, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал
г. Челябинск, Российская Федерация
ekaterinavmakarova@icloud.com

Ошибки обвинительного заключения, допускаемые следователем при его составлении

В научном исследовании проводится анализ ошибок, содержащихся в обвинительном заключении, которые приводят к его возврату судом следователю. Рассматривается структура документа. Также предлагается внесение некоторых корректировок в законодательство. В заключении автор приводит наиболее логичный и правильный вариант структуры обвинительного заключения

Ключевые слова: *обвинительное заключение, следователь, прокурор, обвиняемый, приговор.*

Makarova Ekaterina Valerevna,
student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Chelyabinsk branch
Chelyabinsk, Russian Federation

Errors of the indictment made by the investigator during its preparation

The scientific study analyzes the errors contained in the indictment, which lead to its return by the court to the investigator. The structure of the document is considered. It is also proposed to make some adjustments to the legislation. In conclusion, the author gives the most logical and correct version of the structure of the indictment

Keywords: indictment, investigator, prosecutor, accused, sentence.

Законодательством Российской Федерации обязанность составления акта досудебного расследования возложена на следователей. УПК РФ регулирует лишь само содержание обвинительного заключения, в то время как о самой структуре в Кодексе ничего не сказано. В связи с этим следователям предоставляется частичная свобода в составлении процессуальных документов в зависимости от конкретного случая.

Однако такая возможность повлекла за собой допущение большого количества ошибок в самих документах и появления серьезной разницы в их форме и структуре.

Касаемо элементов самой структуры процессуальных документов, стоит сказать о том, что мнения у ученых различаются. Например, одни выделяют в структуре документа вводную и описательную части, другие говорят о трех элементах: вводная, описательная и резолютивная часть. По мнению, В. Ф. Статуса обвинительное заключение содержит в себе вводную, описательную, резолютивную и заключительную часть.

По мнению автора, структура обвинительного заключения должна соответствовать структуре обвинительного приговора, структура которого подробно раскрыта в нормах УПК РФ.

Согласно ст. 220 УПК РФ вводная часть процессуального документа должна включать в себя наименование документа, номер рассматриваемого дела, ФИО обвиняемого, иные данные личности и классификация деяния.

Не смотря на формальность данной информации, ошибки, допускаемые следователем при составлении вводной части, могут привести к возвращению уголовного дела для дополнительного расследования. На практике наиболее популярным основанием для возвращения уголовного дела становятся такие ошибки как неправильная дата рождения, имя, указанные в документе [1, с. 19].

Для избегания таких ошибок необходимо заполнять вводную часть согласно документу, удостоверяющего личность (паспорт, справка о его замене). При внесении изменений в документ, удостоверяющий личность, в обвинительном заключении необходимо указывать все данные, например, девичью фамилию.

В качестве обязательной информации указываемой в документе стоит отметить и такие данные как наличие судимости, исполнения наказания, нахождения обвиняемого в наркологическом диспансере, его прохождении психиатрического лечения и так далее. Информация должна быть указана в следующем виде: «Осужден Московским районным судом г. Москва 15.05.22 по п. 2 ст. 108 УК РФ на сроком 2 года лишения свободы с испытательным сроком на 2 года /т. 7 л. д. 11–12/ постановление от 09.12.22 Центрального районного суда Мос-

ковской области, испытательный срок продлен на 1 месяц» [2, с. 227]. То есть при изучении вводной части процессуального документа, у лица должно формироваться исчерпывающее представление о личности обвиняемого.

Следующей ошибкой, совершаемой следователем, является отсутствие подписи следователя на процессуальном документе или же неутверждения его прокурором. Такие ошибки совершаются по причине невнимательности следователей и прокуроров, поэтому для предупреждения совершения подобных недочетов, следует переместить данные прокурора и дату утверждения заключения в конец документа за данными следователя.

На практике встречаются и технические ошибки, т. е. описки, опечатки, грамматические ошибки и так далее. Зачеркивание также может исказить сущность заключения, поэтому все это может стать основанием для возвращения уголовного дела [3, с. 362].

Вводную часть обвинительного заключения завершает само обвинение. Как правило, в данном элементе наиболее частой ошибкой является неправильное его описание. Например, при объединении разных дел или при предъявлении одного обвинения разным следователям. Часто следователи посредством переноса старого обвинения в новое заключение без его актуальной корректировки, что является основанием для возвращения дела прокурору.

По мнению А. В. Шуваткина, уголовно-правовая оценка краткого описания преступления и обвиняемого определяется как формулировка обвинения. В зависимости от качества содержания формулировки обвинения зависит и качество квалификации отдельных действий обвиняемого. Как правило, в формулировке обвинения наиболее популярными ошибками являются неверная квалификация виновного деяния и несоответствие объема обвинения объему обвинения в постановлении.

Описательно-мотивировочная часть содержит в себе основные доказательства, имеющие значение для разрешения дела, а так же их содержание. Однако согласно ст. 220 УПК РФ следователь может не указывать недопустимые доказательства, на которые ссылается сторона защиты, в результате право на защиту обвиняемого нарушается, так как основное решение о признании доказательств недопустимыми принимается судом. Следует внести изменения в п. б ч. 1 ст. 220 УПК РФ, согласно которым в обвинительном заключении будут указываться не доказательства, а «доводы защиты» [4, с. 112].

Сами следователи должны указывать в обвинительном заключении доказательства, действующие как против стороны защиты, так и в пользу нее. Такое разделение доказательств не влияет на принятие решения судом о виновности лица, так как одно и то же доказательство может быть использовано обеими сторонами дела.

Н. Ф. Профатилова утверждала, что основой причиной возвращения обвинительного заключения прокурору или следователю является перечисление доказательств без их содержания. Однако на практике следователи в большинстве случаев раскрывают содержание доказательств так же, как и в обвинительном приговоре.

Следующей ошибкой следователя является указывание полного перечня доказательств без указания обвиняемого, к которому они относятся. Такое происходит, когда в деле присутствуют несколько обвиняемых. Если же человек обвиняется в нескольких преступлениях, то необходимо указывать все доказательства по каждому его противоправному действию [5, с. 157].

При этом, перечисления доказательств и их содержание не будет эффективным для рассмотрения дела. В свою очередь, следователь должен провести анализ исследуемых доказательств: указывать значение, делать выводы, определять последовательность и т. д.

Проанализировав обвинительные заключения, можно проследить закономерность, согласно которой во многих резолютивная часть вовсе отсутствует. Данная часть указывается в вводной. Такая последовательность не является логичной, так как вывод о виновности лица следует делать на основании двух предшествующих частей.

В заключении хотелось бы сказать, что приведенные ошибки носят технический характер, но несмотря на это, снижают качество содержания обвинительного заключения. Поэтому следует изменить саму структуру данного заключения.

А именно; вводная часть должна включать в себя название документа, номер дела, фамилию, имя, отчество обвиняемого и лица, которое составляет обвинительное заключение; описательно-мотивировочная часть должна раскрывать имеющие значение для разрешения дела доказательства: содержание, аргументы защиты, смягчающие и отягчающие обстоятельства, вывод по всем доказательствам; резолютивная часть должна содержать в себе данные обвиняемого, квалификацию деяния и вывод о его виновности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев А. А. Типичные ошибки следователя, допускаемые при составлении обвинительного заключения по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 18–26.

2. Моругина Н. А., Сидорова Е. И. К вопросу об определении понятия «следователь» в российском уголовном процессе // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 227–32.

3. Правоохранительные органы : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. М. П. Полякова. М. : Юрайт, 2023. 362 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511355> (дата обращения: 06.03.2023).

4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : в 2 ч. Ч. 1 : учебник для вузов / под общ. ред. Г. М. Резника. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 457 с. URL: <https://urait.ru/bcode/512876> (дата обращения: 06.03.2023).

5. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие для вузов / под ред. Г. В. Стародубовой. 3-е изд. М. : Юрайт, 2023. 477 с.

УДК 34.096

Мищенко Екатерина Александровна,
соискатель,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
mishenko2404@mail.ru

Особенности правового статуса прокурора, участвующего в административном судопроизводстве по делам об оспаривании нормативных правовых актов

В статье рассматриваются теоретические подходы относительно понимания правового статуса как юридической категории. Автором проводится анализ действующего федерального законодательства с точки зрения определения правового статуса прокурора, участвующего в административном судопроизводстве по делам об оспаривании нормативных правовых актов. Предлагается авторское видение на определение понятию «правовой статус прокурора, участвующего в административном судопроизводстве по делам об оспаривании нормативных правовых актов».

***Ключевые слова:** прокурор, акты, оспаривание, статус прокурора, административное судопроизводство.*

Mishchenko Ekaterina Aleksandrovna,
applicant, St. Petersburg Law
Institute (branch)
University Prosecutor's Office
of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Features of the legal status of a prosecutor participating in administrative proceedings in cases of challenging normative legal acts

The article discusses theoretical approaches regarding the understanding of legal status as a legal category. The author analyzes the current federal legislation from the point of view of determining the legal status of the prosecutor involved in administrative proceedings in cases of challenging regulatory legal acts. The author's vision for the definition of the concept of "the legal status of a prosecutor participating in administrative proceedings in cases of challenging normative legal acts" is proposed.

***Keywords:** prosecutor, acts, challenge, prosecutor's status, administrative proceedings.*

Анализ положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которым прокуратура Российской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции

РФ, исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, за соответствием законам правовых актов, а также обеспечивающих участие в рассмотрении дел судами и выполняющих иные функции, позволяет прийти к выводу об особом правовом статусе органов прокуратуры, во многом отличающимся от статуса иных государственных, в том числе контрольно-надзорных органов.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу административно-правового статуса прокурора, необходимо определить, что такое «правовой статус» как юридическая категория.

При этом отметим, что слово *status* в переводе с латинского означает «положение», «состояние». Существуют различные точки зрения по поводу соотношения самого термина «правовой статус», его содержания и структуры.

В качестве самостоятельного понятия определение «правовой статус» возникло в советской науке в 1960-х гг. До этого в работах крупнейших теоретиков права он обычно отождествлялся с правоспособностью (Н. Г. Александров, С. Н. Братусь) или с правосубъектностью (А. В. Мицкевич, Б. К. Бегичев) и не рассматривался в качестве отдельной юридической категории. В настоящее время понятие «правовой статус», как правило, означает «совокупность прав и обязанностей, определяющих юридическое положение лиц, государственного органа или международной организации» [3, с. 133].

Относительно органов государственной власти их правовой статус характеризуется функциональной и юридической обособленностью, которая индивидуализирует его в системе государственного управления и придает ему признаки устойчивости, формируя при этом специфические основы для его деятельности. Данный орган имеет свою компетенцию, закрепленную правовыми актами, не производную от компетенции какого-либо иного органа [1, с. 247].

С точки зрения Н. И. Глазуновой, правовой статус государственного органа определяется совокупностью следующих элементов:

- политическим (государственно-властный характер);
- социологическим (решение задач, ориентация на потребности и интересы общества);
- юридическим (принятие нормативных правовых актов, осуществление правоприменительной и правоохранительной деятельности);
- административно-управленческим (выполняет функции, стоящие перед государством, в безусловном, императивном порядке, наделяется для этого необходимыми средствами) [2, с. 150].

Большинство из отмеченных учеными звеньев, входящих в понятие правовой статус, применимы системе органов и организаций прокуратуры.

Так, интересно мнение Н. В. Ласкиной, которая разделяет Федеральный закон «О прокуратуре РФ» на тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные общую и особенную части, одна из которых определяет общий правовой статус органов прокуратуры, а другая конкретизирует этот статус в реализуемых этими органами полномочиях по осуществлению прокурорского надзора [4, с. 167].

Главным элементом правового статуса органов прокуратуры, определяющим их роль и назначение в российском государстве, является компетенция. Российское законодательство наделяет прокуратуру необходимой компетенцией для решения возложенных на нее государственных задач.

Определение правового статуса прокурора в административном судопроизводстве неизбежным образом влияет на вопросы о роли прокуратуры как одного из ключевых звеньев системы правоохранительных органов в сфере современной административной юрисдикции, о функциональном статусе прокурора как субъекта процедуры административного судебного разбирательства.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) недостаточно четко определяет роль и процессуальное положение прокурора, однако сущность и правильное разрешение обозначенной проблемы имеет теоретическое и практическое значение, способствует пониманию правовой природы участия прокурора в административном судопроизводстве, определяет характер взаимоотношений прокурора с другими участниками судебного процесса и содержание его процессуальных прав и обязанностей.

На протяжении длительного времени среди ученых проблема определения правового статуса прокурора является дискуссионной, в связи с чем в научной литературе были высказаны различные точки зрения.

Представители первого направления считают, что прокурор является стороной (истцом). В обоснование указанной позиции приводится довод, что тот, кто возбудил процесс, выступает как истец, а следовательно, как сторона по делу.

Прокурор, предъявивший заявление, занимает положение стороны (истца) в процессе, поскольку иск прокурора предполагает наличие ответчика, являющегося стороной по делу, а если есть ответчик, то должен быть и истец.

Также прокурор вступает в процесс для защиты нарушенного права.

Как отмечает А. А. Ференц-Сороцкий, «взаимоотношения суда с прокурором определяются так же, как и взаимоотношения со стороной, прокурор и частное лицо выступают как соистцы» [7, с. 91].

В развитие вышеназванной позиции в научной литературе высказывается вторая точка зрения, согласно которой прокурор является стороной лишь в «процессуальном смысле» [1, с. 103]. Сторонники этой идеи аргументируют свою позицию тем, что прокурор использует процессуальные права и обязанности истца, является субъектом доказывания своих требований, несмотря на то что субъективного материального интереса в деле не имеет и материально-правовые последствия решения суда на него не распространяются.

«Прокурор, вступающий в начатое дело, и прокурор, возбуждающий его, хотя и являются лицами, участвующими в деле, не могут не занимать в процессуальных правоотношениях различного положения», таким образом «процессуальное положение прокурора, участвующего в деле путем дачи заключения, может быть определено как государственное представительство» [1, с. 62].

Другие ученые утверждают, что в какой бы форме прокурор ни участвовал в деле, он всегда занимает самостоятельное процессуальное положение представителя государства, от имени которого осуществляет функции за соблюдением законности. Данная позиция получила развитие в трудах В. М. Гордона,

А. Ф. Клейнмана, К. С. Юдельсона, В. Г. Гранберга, А. С. Зелковской, Д. В. Швейцера, Ю. И. Лутченко.

Отметим, что как представитель государства прокурор наделяется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца. Поэтому с точки зрения процессуального положения его можно назвать истцом в процессуальном смысле слова.

В научной литературе было предложено определять прокурора как особого участника судебного процесса, основная задача которого – защита прав и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, Российской Федерации и ее субъектов, муниципальных образований. Однако и данное определение не способно точно ответить на вопрос о процессуальном статусе прокурора, так как особым статусом и тождественными задачами в административном судопроизводстве обладают и субъекты, защищающие от своего имени права, свободы и законные интересы других лиц.

Наиболее правильной и обоснованной нам видится позиция тех авторов, которые считают, что прокурор в силу специфики выполняемых им функций занимает самостоятельное процессуальное положение, и его нельзя отождествлять с другими лицами, участвующими в деле. Можно согласиться с мнением К. С. Юдельсона, который считает, что «основания участия прокурора в процессе всегда едины – осуществление законоохранительной функции» [8, с. 103].

Прокурор как представитель государства выполняет свою должностную функцию, не будучи субъектом спорного правоотношения, даже в случае предъявления заявления в суд в интересах других лиц, он остается представителем государства, основной задачей которого является защита государственных и общественных интересов.

Наиболее точно эту дефиницию выразили также Г. Л. Осокина и С. В. Никитин, которые указали, что инициатива прокурора как основание его участия в деле всегда обусловлена его интересом как органа надзора за законностью в сфере нормотворческой деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, и использующего судебную процедуру в качестве способа осуществления прокурорских функций в сфере гражданского судопроизводства [6, с. 223; 5, с. 67].

Характерно, что ранее, задолго до принятия КАС РФ для характеристики участников рассматриваемых судами правовых (юридических) конфликтов, в которых спор о праве в его классическом понимании не присутствует, однако преследующих противоположные цели и имеющих различные процессуальные интересы (заявитель заинтересован в признании нормативного правового акта незаконным и удовлетворении судом его заявления, противоположный участник – в подтверждении судом законности правового акта) учеными использовалось понятие «сторона».

Прокурор же, выступая в защиту иных лиц, является непосредственным субъектом материальных правоотношений, которые легли в основу правоотношения процессуального, и, реализуя публичные функции, действует как представитель прокуратуры – государственного органа.

Ранее действовавший Приказ Генерального прокурора РФ от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» вменял в обязанность прокуроров участие в рассмотрении судами дел, возбужденных по искам, заявлениям, административным исковым заявлениям в порядке ч. 1 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Таким образом, прокурор получает право на обращение в суд, которое одновременно является его обязанностью с точки зрения ведомственной нормативной базы. Ряд процессуальных прав прокурора порождают обязанности для него: проведение проверки, качественную досудебную подготовку, предшествующую предъявлению в суд искового заявления, собирание доказательственного материала, поддержание иска, принятие мер для обеспечения защиты нарушенного права заинтересованного лица в разумный срок, предъявление в случае необходимости заявления об ускорении дела, а также заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Обращаясь к понятию «правовой статус прокурора», следует также заметить, что несмотря на то, что в научной литературе и в практической деятельности прокурора зачастую именуют представителем лица, в интересах которого подано исковое заявление, правовой статус прокурора и представителя не следует отождествлять.

В частности, представительство в административном процессе – это совокупность административно-процессуальных правоотношений, в которых одна сторона (представитель) обязана или имеет право совершать юридически значимые процессуальные действия от имени и в интересах другой стороны (КАС РФ, ст. 55, 56).

Например, в ст. 55 КАС РФ содержится прямой запрет на представительство прокуроров в судебном процессе, за исключением случаев участия их в судебном процессе в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей. Полномочия представителя на выполнение своих обязанностей, направленных на защиту прав и законных интересов другого лица, а также интересов в сфере публичных отношений, подтверждаются соответствующими документами (договором, доверенностью, документами, удостоверяющими занимаемую ими должность или факт родственных связей,). В то же время, прокурор, с одной стороны, наделен более широкими правами в ходе осуществления деятельности, направленной на защиту конкретных лиц: он, как представитель государства, осуществляет эту деятельность на основании закона, а его полномочия подтверждаются служебным удостоверением, но с другой стороны в некоторых вопросах его полномочия ограничены по сравнению с полномочиями представителя в административном процессе.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что прокурор, участвуя в деле, выступает самостоятельно, независимо от других участвующих в деле лиц, ибо у него имеется свой интерес к процессу, обусловленный его компетенцией. По своему содержанию интерес прокурора – государственный (публичный). Прокурор заинтересован в защите интересов субъекта права и из этого следует, что

процессуальные действия совершаются прокурором в целях оказания помощи субъектам нарушенного права или охраняемого законом интереса.

Нами разделяется позиция, что, возбуждая административное дело или давая заключение по административному делу, прокурор выступает как представитель государства, и его процессуальный юридический интерес вытекает из общей задачи прокуратуры – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Прокурор является особым участником административного судопроизводства, обеспечивающим защиту прав и свобод человека, законность действий всех участников процесса, оказание помощи суду в осуществлении правосудия.

Таким образом, проведенный анализ общего правового статуса прокурора, в целом, и его специального статуса как лица, участвующего в административном судопроизводстве по делам о признании недействующими нормативных правовых актов, позволяет прийти к выводу, что с одной стороны прокурор является самостоятельным участником юридического конфликта, касающегося законности нормативного правового акта, и в силу возложенных на него Конституцией РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» полномочий осуществляет функции надзора за законностью в сфере нормотворческой деятельности органов государственной власти и должностных лиц, которая нарушается изданием ими нормативных правовых актов, противоречащих законам и иным нормативным правовым актам большей юридической силы, с другой стороны – способствует работе сложного правового механизма судебного нормоконтроля в целях охраны прав и интересов граждан, общества, государства.

Обобщив приведенные в юридической науке определения, можно сформулировать понятие правового статуса прокурора, участвующего в административном судопроизводстве по делам об оспаривании нормативных правовых актов, как прокурора, наделенного специальной компетенцией для решения возложенных на него государственных задач, обеспечения законности в сфере нормотворческой деятельности и защиты в судебном порядке публичных интересов путем обращения с административным иском заявлением или вступления в судебный процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 2003. С. 247.
2. Глазунова Н. И. Государственное (административное) управление. М., 2006. 556 с.
3. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Липатова Э. Г., Чаннова С. Е., Велиевой Д. С. и др. М., 2005.
4. Ласкина Н. В. Прокурорский надзор. М., 2006. 261 с.
5. Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография // Государственное обра-

зовательное учреждение высшего профессионального образования Российская академия правосудия. М., 2009. С. 67–68.

6. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 3-е изд. М. : Норма, 2013. С. 223–224;

7. Ференц-Сороцкий А. А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 4. С. 91–95.

8. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. 439 с.

УДК 343.3/.71

Мызников Михаил Алексеевич,

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

misha.muznikov.99@mail.ru

Перехода Дарья Юрьевна,

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

dariaperekhoda02@gmail.com

Проблема уголовной квалификации DDoS-атак

Статья посвящена проблеме уголовной квалификации DDoS-атак. Авторы исследуют существующую правовую базу и анализируют судебную практику в отношении таких атак. В статье рассматриваются вопросы определения понятия DDoS-атаки, ее уголовной квалификации и наказания за совершение данного преступления. Авторы приходят к выводу о необходимости уточнения законодательства и разработки единой методики уголовной квалификации DDoS-атак для обеспечения эффективной борьбы с данным видом преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, DDoS-атаки, сетевые атаки, компьютерная информация, кибератаки.

Muznikov Mikhail Alekseevich,

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Perekhoda Daria Yurevna,

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

The problem of criminal qualification of DDoS-attacks

The article is dedicated to the problem of criminal qualification of DDoS attacks. The authors examine the existing legal framework and analyze judicial practice regarding such attacks. The article discusses issues related to the definition of the concept of a DDoS attack, its criminal

qualification, and punishment for committing this crime. The authors conclude that it is necessary to clarify the legislation and develop a unified methodology for the criminal qualification of DDoS attacks to ensure effective combating of this type of crime.

Keywords: *computer crimes, DDoS attacks, network attacks, computer information, cyber attacks.*

В последние десятилетия стремительно развиваются информационные технологии и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет». В связи со стремительной цифровизацией, общество переходит в новый тип – «информационное общество».

Но как у, практически, любого процесса есть негативные последствия. Так, с развитием информационных технологий и сети «Интернет» появляются все больше видов компьютерных преступлений, например: фишинг, кибертерроризм, кибершпионаж и т. д. Кибератаки могут привести к серьезным последствиям, таким как утечка конфиденциальной информации, повреждение компьютеров и сетей, финансовые потери и нарушение частной жизни.

Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» были определены основные угрозы информационной безопасности Российской Федерации и направления деятельности государства по противодействию данным угроз [5]. В связи с международно-политической обстановкой и развязыванием странами Запада информационной войны против России в последний год увеличилось число компьютерных атак на российскую инфраструктуру. Большинство кибератак совершаются на территориях иностранных государств и осуществляются эти преступления анонимно, что вызывает трудности в предупреждении, выявлении и пресечении данных преступлений. При этом за последний год в связи со специальной военной операцией произошел рост числа DDoS-атак в отношении критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и различных сайтов СМИ, видеохостинга Rutube, сайтов государственных структур, банков, крупных организаций, что является не только угрозой информационной безопасности государства, но и государственной экономической безопасности и обороноспособности страны.

Ответственность за совершение компьютерных преступлений предусмотрена гл. 28 УК РФ. Однако данная глава является недостаточной, так как всего в ней закреплены пять статей, когда в связи с развитием информационных технологий их использование имеет теоретически безграничный характер. Так, DDoS-атаки не подлежат квалификации по статьям, предусмотренных главой 28 УК РФ, несмотря на их явное негативное воздействие на компьютерные системы.

Однако в судебной практике выработалось привлечение лиц, осуществляющих DDoS-атаки, к уголовной ответственности по ст. 273 УК РФ. Если данный вид кибератак осуществлялся в отношении критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, то в данном случае действия лиц квалифицируют по ст. 274.1 УК РФ. Так, например, приговором Хорошевского районного суда г. Москвы от 01 декабря 2014 года признали виновным лицо по

совершению одного из преступлений, предусмотренного ч. 2 ст. 273 УК РФ за умышленное использование вредоносной программы в совершении DDoS-атак на информационные ресурсы и сайты. Так, данное лицо совершило кибератаку, используя вредоносную программу storm.bot на информационные ресурсы ОАО «1», что привело к несанкционированной блокировке компьютерной информации на сайте ОАО «1» и невозможности сотрудниками ОАО «1» обслуживать клиентов, причинив тем самым крупный ущерб ОАО «1» [4].

Однако в уголовно-правовой науке существует спор относительно квалификации DDoS-атак по ст. 273 УК РФ. Сущность DDoS-атак заключается в создании ботнета для незаконного воздействия на информационно-телекоммуникационные сети, в том числе на web-сайты «Интернет». Ботнет – это совокупность компьютеров (ботов), которые используются для нанесения DDoS-атак на сервер или сайт. Ботнет может состоять из нескольких тысяч зараженных компьютеров, которые могут быть захвачены с помощью вредоносных программ. Когда ботнет активизируется, каждый бот начинает отправлять большое количество запросов на целевой сервер, перегружая его и делая недоступным для обычных пользователей. Блокирование информации, как следствие воздействия ботов на информационно-телекоммуникационные сети, представляет собой искусственное, неправомерное ограничение компьютерной информации и отказ в обслуживании сайта для пользователей. Данное последствие может длиться от нескольких минут до нескольких суток, что может нанести ущерб как пользователям, так и владельцам сайтов и сетей. Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 ст. 273 УК РФ определяет «использование вредоносных программ или вредоносной компьютерной информации» как осуществление целенаправленных действий по применению данной вредоносной программы (как правило, это троянский конь, червь и т. д.), которая приводит к уничтожению, блокированию, изменению, копированию компьютерной информации или отключению средств ее защиты [3].

Хотя Ф. А. Вестов и Н. Р. Шамьенов утверждают о не совсем правильной квалификации компьютерных атак по ст. 273 УК РФ, так как «заражение» компьютеров, которые в последствие являются посредниками для нанесения DDoS-атак на определенный сервер или сайт, не подвергаются последствиям, указанных в диспозиции статьи 273 УК РФ (блокирование, уничтожение, модификация компьютерной информации и т. д.). Однако предметом преступления предполагается сам веб-сайт или сервер, который подвергается превышенному лимиту запросов к сети от данных ботов, что приводит к перегрузке сервера из-за невозможности быстрой обработки большого пакета данных. В официальной доктрине не содержится конкретной формы использования вирусной программы для несанкционированной блокировки компьютерной информации, поэтому можно предположить о том, что деяние по созданию ботнета и компьютерной атаки на сервер или веб-сайт подлежит квалификации по ст. 273 УК РФ [2, с. 14].

Однако не всегда компьютерная атака может квалифицироваться по ст. 273 УК РФ ввиду появления новых способов совершения данных атак. Так, одним из видов DDoS-атаки является слэшдот-эффект, который подразумевает

собой отказ в обслуживании и ограничение использования сайта из-за большого количества, как правило, легальных запросов пользователей. То есть данный вид атаки может характеризоваться в направлении большого количества запросов на информацию, находящуюся в открытом доступе. Если данный сайт имеет слабый сервер, то из-за этого невозможно обрабатывать большой пакет данных. Злоумышленники могут использовать «слэшдот-эффект» при распространении переходных ссылок на данный сайт или использование технических средств с разными IP-адресами. Так как при данном виде атаки не используется вредоносное программное обеспечение, то возникают проблемы квалификации данных действий по ст. 273 УК РФ. Из-за большого количества правомерных запросов на компьютерную информацию, находящейся в открытом доступе для каждого пользователя, возникают также сложности с квалификацией по ст. 272 УК РФ, так как согласно п. 3 ПП ВС РФ № 73 компьютерная информация в данной статье обладает признаком ограниченной доступности и применению мер защиты к данной информации, либо информация наделена статусом государственной, коммерческой, банковской и иной тайны. Поэтому в доктрине уголовного права возникают некоторые трудности закрепления уголовно-правового запрета вида DDoS-атаки «слэшдот-эффект» [1, с. 15].

Таким образом, проведя исследование стоит сказать, что существующее законодательство не всегда позволяет эффективно бороться с DDoS-атаками.

Необходимо дополнить главу 28 УК РФ статьями, предусматривающими ответственность за DDoS-атаки. В доктрине уголовного права предлагается диспозиция данной нормы следующим образом: «компьютерная атака, т. е. целенаправленное информационное воздействие на вычислительную систему с помощью троянских программ и сетей ботнет, направленное на нарушение ее функционирования и повлекшее лишение пользователей возможности получения доступа к запрашиваемому электронному ресурсу». Диспозиция подобного преступления не требует дополнительной квалификации по ст. 273 [1, с. 16].

Кроме того, следует учитывать технические особенности современных DDoS-атак, которые могут затруднить их выявление и привлечение к ответственности. Отсюда следует, что необходимо улучшить механизмы обнаружения и пресечения DDoS-атак, в том числе путем усовершенствования технических средств и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вестов Ф. А., Шамьенов Н. Р. Актуальность ответственности в уголовном праве за DoS и DDoS-атаки в сфере компьютерной информации // Базис. 2020. № 1(7). С. 13–16.
2. Вестов Ф. А., Шамьенов Н. Р. Отдельные аспекты совершенствования мер уголовно-правовой борьбы с компьютерными преступлениями // Базис. 2022. № 1(11). С. 13–17.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступле-

ниях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 13.04.2023).

4. Приговор Хорошевского районного суда г. Москва от 01.12.2014 г. по делу № 1-587/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iHgIrJlnBbrl/> (дата обращения: 13.04.2023).

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 13.04.2023).

УДК 343.16

Новокрещенных Дарья Сергеевна,

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
darianovokreshennyh@yandex.ru

Кибиткина Олеся Вячеславовна,

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Kibitkina.lesy@gmail.com

Предварительное следствие: современное состояние и перспективы развития

В данной статье рассмотрены уголовно-процессуальные особенности системы общих условий предварительного расследования. Предлагается, что в систему необходимо включить положения по обеспечению прав участников предварительного следствия, ответственности должностных лиц в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязанностей, норму, предусматривающую использование научно-технических средств при расследовании преступлений.

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, предварительное следствие, общие условия, участники уголовного процесса, технические средства.*

Novokreshchennykh Darya Sergeevna,

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Kibitkina Olesya Vyacheslavovna,

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Preliminary investigation: current state and prospects of development

This article discusses the criminal procedural features of the system of general conditions of preliminary investigation. It is proposed that the system should include provisions to ensure the rights of participants in the preliminary investigation, the responsibility of officials in case of improper performance or non-performance of duties, a norm providing for the use of scientific and technical means in the investigation of crimes.

Keywords: *criminal proceedings, preliminary investigation, general conditions, participants in criminal proceedings, technical means.*

Самой большой по срокам и количеству составляемых документов стадией уголовно-процессуальной деятельности является предварительное расследование. «Перед предварительным расследованием ставятся следующие задачи: раскрыть преступление, установить виновное лицо и осуществить его уголовное преследование; всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела; обнаружить и процессуально закрепить доказательства для последующего их использования в процессе судебного разбирательства; обеспечить законное и обоснованное привлечение в качестве обвиняемых лиц, совершивших преступление, и не допустить привлечения невиновных к уголовной ответственности; обеспечить участие обвиняемого в производстве по уголовному делу и не допустить дальнейшей преступной деятельности с его стороны; выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принять меры по их устранению; установить характер и размер ущерба, причиненного преступлением, и принять меры по обеспечению его возмещения» [4, с. 90].

Для выполнения поставленных задач в главе 21 УПК РФ установлена система общих условий предварительного расследования, которые представляют собой определенные уголовно-процессуальным законом нормативные правила, которые определяют наиболее существенные особенности стадии и отражают специфические особенности деятельности по расследованию преступлений.

Уголовно-правовая конструкция стадии предварительного расследования включает в себя общие условия. Основываясь на данную конструкцию, осуществляется все дальнейшее и детальное регулирование расследования уголовных дел и производство процессуальных действий, которые способствует установлению и изобличению лиц, виновных в совершении преступления, обеспечивая защиту граждан от незаконного необоснованного обвинения, ограничения их прав и свобод.

Систему общих условий образуют правила, касающиеся: формы расследования и подследственности уголовных дел (ст. 150–151 УПК); места производства расследования (ст. 152 УПК); соединения и выделения уголовных дел (ст. 153–154 УПК); выделения в отдельное производство материалов уголовного дела (ст. 155 УПК); начала производства предварительного расследования (ст. 156 УПК); производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК); окончания предварительного расследования (ст. 158 УПК); восстановления утраченного уголовного дела или его материалов (ст. 158 УПК); обязатель-

ности рассмотрения ходатайств участников (ст. 159 УПК); мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, мер сохранности его имущества (ст. 160 УПК РФ); недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК); принятия мер по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (ст. 158 УПК).

Такие крайне значимые положение как обеспечение прав участников предварительного расследования и общие правила использование научно-технических средств при расследовании преступлений не нашли закрепления в главе 21 УПК РФ «Общие условия предварительный расследования».

Реализации прав и свобод личности – системный механизм, составная и органичная часть которого это обеспечение прав и свобод личности в уголовном процессе, процессуальные гарантии их реализации. Но следует помнить, что для обеспечения и реализации прав человека не всегда достаточно политических, экономических, социальных и юридических гарантий.

Конституция Российской Федерации закрепила положения, согласно которым каждый гражданин имеет право бороться за свои права и свободы, отстаивать свои права всеми законными способами, участвовать в осуществлении идеи свободы, равенства и справедливости. Необходимо, чтобы участники уголовного судопроизводства осознавали свою социальную ценность и значимость для дела. Однако существуют пробелы в существующей системе прав человека – четкие обязанности участников уголовного процесса и ответственность за их ненадлежащее исполнение не закреплены в уголовно-процессуальном законе. Ознакомление участников с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия, имеет важное значение, поскольку является средством реализации требований статьи 2 Конституции РФ.

Механизмы обеспечения прав человека не могут позволить себе не включать правовые обязанности, которые берут на себя государственные органы и другие компетентные субъекты. Вместе с тем, существующая практика в этой области крайне неэффективна и требует совершенствования законодательства и рекомендаций, обоснованных с научной стороны. В законодательстве нет четких положений об ответственности должностных лиц в случаях не надлежащего исполнения или неисполнения обязанностей в качестве субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

Существенным пунктом в системе условий предварительного следствия является использование научно-технических и криминалистических средств в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений. В системе условий нет отдельной нормы про использование научно-технических средств, предназначенные для обнаружения, фиксации и изъятия доказательств, особенности применения аудио- и видеозаписи.

О пользе и необходимости внедрения научно-технических средств в уголовный процесс писал в 1948 году М. А. Черцов, который предложил включить в перечень вещественных доказательств фотографии, отпечатки пальцев, записи и другие средства запечатления [5, с. 624]. П. А. Лупинская также считала, что теория доказывания должна отражать использование научно-технических

средств [2, с. 583]. Учитывая важность научно-технических средств в уголовном процессе, необходимо изучить не только технические аспекты их использования в судопроизводстве, но и правовое регулирование данного вопроса.

В настоящее время практически невозможно собрать необходимую информацию о совершенном или готовящемся преступлении без надлежащего использования различных криминалистических средств [1, с. 111]. В системе общих условий не содержится норм, регулирующих особенности и порядок применения технических средств и методов на стадии предварительного расследования. Положения, регулирующие порядок и общие условия их применения «разбросаны» по Кодексу и не в полной мере согласованы между собой. Существуют лишь отдельные статьи УПК РФ, регламентирующие использование достижений науки и техники (ст. 164.1, 186, 189 УПК РФ). Также помимо норм уголовно-процессуального законодательства при использовании технических средств нужно руководствоваться положениями Федеральных законов и нормативно-правовых актов МВД, ФСБ, СК и других ведомств России [3, с. 1301].

Конкретные технические средства, которые могут быть использованы в ходе расследования, в законе не упоминаются. Например, в уголовно-процессуальных нормах не говорится о перечне конкретных технических средств, а скорее выделены «процессы их применения» – фотографирование, аудио- и видеозапись. Важное положение касается ознакомления участников следственного действия с техническими характеристиками технических средств и обеспечения безопасности их применения для жизни и здоровья.

Таким образом, не считается логичным добавлять новые статьи в главу 21 УПК РФ, предусматривающие права и обязанности участников и применение технических средств, и нагружать российское уголовно-процессуальное законодательство. С теоретической стороны, для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела в систему общих условий предварительного расследования, необходимо включать положения по обеспечению прав участников предварительного следствия, ответственности должностных лиц в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей и норму, предусматривающую использование научно-технических средств при расследовании преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В. В., Цой, В.А. Понятие, виды и правила применения технических средств в уголовном процессе // Технологии в инфосфере. 2021. № 4. С. 109–124.
2. Лупинская П. А. Теория доказательств в советском уголовном процессе : учеб. пособие. М. : Юрид. лит, 1966. 583 с.
3. Меретуков Г. М. Правовые основы использования технических средств в расследовании преступлений: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2017. № 132. С. 1300–1308.
4. Манова Н. С. Уголовный процесс : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2023. 272 с.

5. Чельцов М. А. Уголовный процесс : учеб. пособие. М. : Изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.

УДК 343.13

Огородников Константин Дмитриевич,
студент, Волго-вятский институт (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
kostyaogorodnikov.com@gmail.com

К вопросу наложения ареста на имущество на стадии предварительного расследования

В статье анализируются вопросы применения норм отечественного уголовно-процессуального законодательства в части наложения ареста на имущество лиц следователями и дознавателями в стадии предварительного расследования, формулируются актуальные проблемы применения обозначенного правового института на современном этапе, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное законодательство предварительное расследование, мера процессуального принуждения, наложение ареста на имущество.*

Ogorodnikov Konstantin Dmitrievich,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) of Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

On the issue of seizure of property at the stage of preliminary investigations

The article analyzes the issues of application of the norms of domestic criminal procedural legislation in terms of seizing the property of persons by investigators and interrogators at the stage of preliminary investigation, formulates actual problems of applying the designated legal institution at the present stage, suggests ways to solve them.

Keywords: *criminal procedural legislation, preliminary investigation, measure of procedural coercion, seizure of property.*

Наложение ареста на имущество как юридическая категория представляет собой специальную меру уголовно-процессуального принуждения, применяемую к определенным участникам процесса [1, с. 1279]. С точки зрения классификации, положенной в основу изложения раздела 4 уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) [3, с. 4921], наложение ареста на имущество относится к иным мерам процессуального принуждения. Часть научных деятелей предлагает классифицировать все меры уголовно-процессуального принуждения на универсальные, т. е. применяемые ко всем участникам уголовного процесса

(обязательство о явке и привод) и специальные, т. е. применяемые к определенным участникам уголовного производства (в том числе: временное отстранения от должности, денежное взыскание, наложение ареста на имущество), что связано со спецификой конкретной меры принуждения и целесообразности ее применения в ходе расследования отдельно взятого уголовного дела с целью достижения назначения уголовно-процессуального законодательства [2, с. 319].

Наложение ареста на имущество преследует цель обеспечить исполнение приговора суда в части гражданского иска, взыскания штрафа (причем штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, поскольку штраф как основное наказание не должен обеспечиваться принудительным исполнением с помощью наложения ареста в силу того, что законом предусмотрен иной механизм принудительного исполнения указанного вида наказания: замена его более тяжким видом наказания) или иных имущественных взысканий, а также возможной конфискации имущества [4, с. 1008].

В этой связи необходимо сделать вывод, что основанием для наложения ареста в стадии предварительного расследования не может служить одна лишь возможность наложения ареста на имущество для последующего рассмотрения дела судом. Основанием для применения рассматриваемой меры процессуального принуждения должны быть конкретные фактические обстоятельства, дающие основания полагать, что ее непринятие может исключить, либо затруднить исполнение приговора в части имущественных взысканий.

Реализация ареста на имущество с стадии предварительного расследования осуществляется следователями и дознавателями на основании судебного акта. С практической точки зрения наложение ареста на имущество предполагает установление всего объема имущества лица для полного удовлетворения возникших имущественных требований и последующей его оценкой, и описью. Отсюда вытекает основная проблема наложения ареста на имущество: в ходе предварительного расследования процесс наложения ареста на имущество лица требует реализации целого ряда процессуальных действий следователем и дознавателем, в связи с чем последними неохотно реализуется рассматриваемая мера процессуального принуждения и как следствие, современная правоприменительная уголовно-процессуальная практика не встречает частых заявлений гражданского иска на стадии предварительного расследования.

При этом, формировки современного уголовно-процессуального законодательства позволяют конкретизировать объем имущества, на который будет наложен арест как во время санкционирования судом применения указанной меры процессуального принуждения, так и в последующем, посредством составления следователем и дознавателем соответствующего протокола. Обоснованным видится в данном контексте создание порядка, согласно которому объем имущества, подлежащего аресту, определялся бы исключительно судом на основе уже заявленных имущественных требований или возможных имущественных взысканий, что позволило бы в наибольшей степени достигать назначения уголовно-процессуального закона.

Кроме того, наложение ареста на имущество как иная мера процессуального принуждения, несет в себе возможность необоснованного ограничения

прав неопределенного круга лиц, так в настоящее время отсутствует механизм возмещения собственнику вреда, причиненного применением ареста на имущество. Речь в данном случае идет об упущенной выгоде от имущества, которое может быть использовано в хозяйственной деятельности лица. Более серьезной обозначенная проблема видится в тех случаях, когда применяются исключения из правила наложения ареста на имущество только обвиняемых (подозреваемых). Нередки случаи регистрации незаконно нажитого обвиняемым (подозреваемым) на близких родственников, знакомых, юридические лица, к которым указанное лицо имеет отношение, что может повлечь ограничение в имущественных правах лиц, не обладающих информацией о незаконном источнике получения того или иного имущества.

Осложнения при наложении ареста на имущество возникают в большей степени в тех случаях, когда стадия предварительного расследования приостанавливается в случаях не установления лица, которое в дальнейшем предполагается привлечь в качестве обвиняемого, в данном случае имущественные права неопределенного круга лиц могут быть ограничены на достаточно продолжительный период времени в силу того, что наложение ареста на имущество может быть наложено до отпадения оснований, создающих его необходимость. Указанное в явной степени способно ограничить конституционный принцип неприкосновенности собственности на неопределенный срок. В таких случаях видится необходимым введение механизма, позволяющего лицам, арест на имущество которых наложен в случаях, когда предполагается, что арест на имущество сохранится на достаточно продолжительный период времени, не претерпевать существенных имущественных ограничений по пользованию им.

Неясным видится и тот момент, когда арест на имущество вводится и в отношении юридического лица, обладающим имуществом, на которое будет наложен арест на праве собственности, так как гражданским законодательством предусмотрен механизм снятия всех видов арестов с имущества в случае инициации процедуры банкротства. При решении данного вопроса следует учитывать, что данный вопрос не может быть решен таким образом, чтобы обеспечить законность. Так как сохранение ареста на имущество, наложенного в ходе предварительного расследования, может повлечь как ограничение прав на имущество кредиторов юридического лица, так и использование намеренного вывода части имущества юридического лица из конкурсной массы посредством наложения ареста в ходе предварительного расследования. Если же практика снятия рассматриваемой меры процессуального принуждения в отношении имущества юридического лица, в отношении которого возбуждено производство о признании последнего банкротом, создается возможность не обеспечить имущественные требования, ставшие причиной наложения ареста на имущество обвиняемого (подозреваемого), единственным возможным вариантом решения обозначенной проблемы автору видится обходование правоприменительной практикой наложения ареста на имущество юридического лица.

Таким образом, наложение ареста на имущество в стадии предварительного расследования несет в себе огромный потенциал в случаях необходимости удовлетворения каких-либо имущественных взысканий, возникших в настоящий момент, или возможность возникновения которых в будущем не исключается, однако в то же время является мерой процессуального принуждения, которая может повлечь за собой необоснованного ограничения конституционного права третьих лиц по реализации прав на данное имущество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курс уголовного процесса : учеб. пособие / отв. ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1279 с.
2. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство : учеб. пособие / отв. ред. О. В. Гладышева. М. : Юрлитинформ, 2013. 319 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 14.04.2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.04 2023).
4. Уголовно-процессуальное право РФ : учебник / под ред. П. А. Лупинской, Л. А. Воскобитовой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2021. 1008 с.

УДК 343.2

Пименова Екатерина Сергеевна,
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ekattypimenova@mail.ru

О необходимости введения уголовной ответственности за утечку персональных данных

В статье рассматривается вопрос о недостаточной защищенности персональных данных, предоставленных операторам с согласия субъектов персональных данных. Так, определяется проблема частой утечки персональных данных, что подтверждается статистикой Роскомнадзора. Автор проводит анализ применяемых к правонарушителю мер государственного принуждения в случае нарушения безопасности хранения персональных данных, а также акцентирует внимание на низкий уровень правовой регламентации и сложность применения существующих в настоящее время норм, предусматривающих административную и уголовную виды ответственности за утечку персональных данных. Предлагается введение в Уголовный кодекс РФ статьи, предусматривающей ответственность за утечку персональных данных, с указанием на аспекты, требующие тщательной проработки.

Ключевые слова: защита персональных данных, административная ответственность, утечка персональных данных, штрафные санкции, введение уголовной ответственности за утечку персональных данных.

Pimenova Ekaterina Sergeevna,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

On the need to introduce criminal liability for leakage of personal data

The article considers the issue of insufficient protection of personal data provided to operators with the consent of personal data subjects. Thus, the problem of frequent leakage of personal data is determined, as confirmed by Roskomnadzor statistics. The author analyzes the measures of state coercion applied to the offender in case of violation of security of personal data storage and emphasizes the low level of legal regulation and the difficulty of applying the currently existing norms that provide for administrative and criminal liability for leaks of personal data. It is proposed to introduce an article into the Criminal Code of the Russian Federation stipulating responsibility for the leakage of personal data, pointing out aspects that require careful elaboration.

Keywords: protection of personal data, administrative responsibility, leakage of personal data, penalties, introduction of criminal liability for leakage of personal data.

Развитие информационных технологий предопределило значительные изменения в частной жизни и соблюдении личного пространства граждан. На сегодняшний день граждане практически ежедневно сталкиваются с различными действиями, будь то покупка в интернет-магазинах, использование различных видов услуг, прохождение опросов и др., требующими согласие на обработку персональных данных [2]. В соответствии с п. 1 абз. 1 ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» «персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [9]. Большинству граждан предоставление персональных данных стало настолько привычным действием, что многие даже не задумываются о дальнейшей судьбе размещенной информации, которая непосредственно затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Конституция РФ в ст. 24 прямо закрепляет: «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [4], данный запрет находит прямое отражение в выше упомянутом ФЗ-152 (ст. 6).

Полученный с согласия субъектов персональных данных доступ операторов к этим данным возлагает на последних обязанность принимать необходимые правовые, организационные и технические меры или обеспечивать их принятие для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним. На деле мы сталкиваемся с тем, что операторы не принимают достаточное количество усилий, позволяющих обеспечить реальную защиту персональных данных. В частности, Роскомнадзор сообщил, что в 2022 году количество случаев утечки персональных данных достигло 150 [1].

Проанализировав действующее законодательство Российской Федерации, необходимо отметить, что лишь Кодексом об административных правонарушениях РФ предусмотрена ответственность за нарушение законодательства РФ в области персональных данных [3]. Причем ответственность за данное правонарушение была введена относительно недавно – в 2021 году. Санкции, предусмотренные ч. 1, 1.1, 6, 8 и 9 ст. 13.11 КоАП РФ применяются как к гражданам, так и к должностным и юридическим лицам. Единственным видом наказания,

предусмотренного за вышеуказанные составы правонарушений, являются штрафы, максимальные размеры которого достигают пятьдесят тысяч рублей, восемьсот тысяч рублей и восемнадцать миллионов рублей для граждан, должностных лиц и юридических лиц соответственно.

Анализируя статистику Роскомнадзора и ответственность за утечку персональных данных, напрашивается вывод о недостаточной проработке законодателем мер государственного принуждения, применяемых к лицам, которые обязаны обеспечивать безопасность и хранение персональных данных. Более того, относительно низкие штрафные санкции для субъектов административного правонарушения по ст. 13.11 КоАП не оказывают должного воздействия на них, из-за чего только увеличивается вероятность последующего возрастания подобного рода правонарушений.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о введении более суровой меры наказания, а именно – уголовной ответственности. К настоящему времени, ч. 1 ст. 24 ФЗ № 152 «О персональных данных», предусматривающая ответственность за нарушение требований настоящего Закона, отсылает нас к Уголовному кодексу РФ, а именно – к ст. 137, 140 и 272 [8]. Если под утечкой персональных данных подразумевать незаконное получение либо передачу таких данных, то квалификация такого деяния не будет подпадать под ст. 140 УК РФ, где объективная сторона выражена в «неправомерном отказе должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов...». Если же рассматривать ст. 272 УК РФ, то здесь предметом преступления признается компьютерная информация [7, с. 702], вследствие чего возникает вопрос, как быть с персональными данными, которые представлены не в форме электрических сигналов? Наконец, рассматривая диспозицию ст. 137 УК, важную роль здесь играет отсутствие согласия лица на собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 152-ФЗ «обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных». Таким образом, субъект персональных данных, давая согласие на обработку указанных им же персональных данных, исключает признак тайности личных или семейных сведений? А значит, действие ст. 137 УК РФ может применяться либо на незаконное распространение сведений, либо вовсе не содержать в себе признаков преступления в связи с добровольным предоставлением субъектом персональных данных определенных сведений о нем.

Безусловно, утечка персональных данных может происходить по разным причинам. Во-первых, это может быть халатность оператора и недостаточная квалификация работника при выполнении возложенных на него обязанностей. Во-вторых, недостаточная техническая обеспеченность защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним. В-третьих, действия злоумышленников как извне, так и внутри компании также могут привести к утечке персональных данных. Исходя из этого, расширяется список статей, по которым можно привлечь к ответственности лицо, допустившее утечку персональных данных (например, ст. 293, 159, 159.6, 201 УК РФ и т. д.).

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что актуальность вопроса защиты персональных данных увеличивается в геометрической прогрессии. Очевидно, что установления административной ответственности недостаточно – наличие только штрафных санкций не способствует эффективной реализации карательной, превентивной и восстановительной функций юридической ответственности. Бланкетная норма, закрепленная в ст. 24 Федерального Закона «О персональных данных» вызывает сложности при квалификации преступления, связанного с утечкой персональных данных.

Совет по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Минцифры России выступил с инициативой введения уголовной ответственности за утечку персональных данных [6]. На наш взгляд, усиление ответственности за данное преступление окажет положительное влияние на создание таких условий, которые позволят гражданам не беспокоиться о случайной утечке предоставленных персональных данных с их согласия. Однако законодателю предстоит серьезная работа при создании правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность именно за утечку персональных данных. В частности, видится целесообразным в диспозиции уголовно-правовой нормы определить:

- что будет подразумеваться под «утечкой персональных данных»;
- кто будет ответственен за данное преступление (оператор, на котором лежит обязанность по защите персональных данных, либо иные лица, обладающие доступом к персональным данным конкретных субъектов);
- будет ли вина только умышленной, или же возможно совершение преступления по неосторожности;
- будет ли подлежать лицо освобождению от уголовной ответственности, если утечка персональных данных произойдет вследствие технической ошибки;
- какие виды наказания будут внутренне оправданными за данное преступление помимо штрафа и т. д.

Таким образом, безопасность персональных данных все еще не осуществлена на должном уровне. Правильно построенный процесс обработки данных является гарантом безопасности персональных данных, составляющих основу частной жизни граждан, репутации и личной безопасности [5]. Многие граждане даже не подозревают, что их персональные данные, якобы находящиеся под надежной защитой операторов, ежедневно передаются третьим лицам, которые, в свою очередь, нередко используют их в незаконных целях. Из-за этого с каждым днем увеличивается количество обращений и жалоб в органы государственной власти и органы местного самоуправления с целью возмещения убытков имущественного характера, восстановления чести и достоинства граждан. Полагаю, надлежащее уголовно-правовое регулирование в сфере утечки персональных данных позволило бы сократить количество таких инцидентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В 2022 году произошло около 150 крупных утечек персональных данных // Роскомнадзор. URL: https://t.me/rkn_tg/428 (дата обращения: 12.03.2023).
2. Иванова А.П. Утечка персональных данных: большая проблема в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубеж-

ная литература. Серия 4: Государство и право. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utechka-personalnyh-dannyh-bolshaya-problema-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 12.03.2023).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.03.2023).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013/> (дата обращения: 12.03.2023).

5. Поликанина О. А., Поликанин А. Н., Шабурова А. В. Организация защиты персональных данных в государственных и муниципальных информационных системах // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-zaschity-personalnyh-dannyh-v-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-informatsionnyh-sistemah> (дата обращения: 12.03.2023).

6. СПЧ предлагает уголовную ответственность за утечки персональных данных // Законодательство. URL: <https://pravo.ru/news/244909/> (дата обращения: 12.03.2023).

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рагога. 2-е изд. М. : Проспект, 2016. 820 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0994b72ccab34fae773ced2c837691518a3e3dca/ (дата обращения: 12.03.2023).

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.03.2023).

УДК 343.21

Семахин Антон Александрович

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

antonsemakhin@yandex.ru

Генная инженерия, исследования генома человека и их отражение в уголовно-правовой политике государства

В настоящей статье рассматриваются перспективы развития уголовно-правового регулирования в Российской Федерации с учетом неизбежной генетической трансформации человеческой цивилизации. Автором выделяются как преимущества, так и существенные недостатки реального редактирования генома человека. Посредством анализа зарубежного опыта в изучаемой области и синтеза предложений отечественных правоведов по способам устранения пробелов российского законодательства в сфере генетических исследований автор формирует обоснованное мнение по поставленной проблеме. На основании полученной

информации определяется недостаточность отечественного нормативно-правового регулирования данной области.

Ключевые слова: общественная опасность, неконтролируемые эксперименты, генная инженерия, генетические исследования, уголовно-правовое регулирование.

Semakhin Anton Aleksandrovich,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Genetic engineering, human genome research and their reflection in state criminal policy

This article discusses the prospects of criminal law regulation in the Russian Federation, taking into account the inevitable genetic transformation of human civilization. The author highlights both the advantages and significant disadvantages of real human genome editing. Through analysis of foreign experience in the studied area and synthesis of proposals of domestic jurists on ways to eliminate gaps in Russian legislation in the sphere of genetic research, the author forms an informed opinion on the posed problem. Based on the information obtained, the insufficiency of domestic legal regulation in this area is identified.

Keywords: public danger, uncontrolled experimentation, genetic engineering, genetic research, criminal regulation.

В 2016 году Национальная разведка США впервые в истории включила редактирование генома в раздел орудий массового уничтожения вместе с ядерными ракетами и химическим оружием [1, с. 9]. За 4 года до этого в мире появляется дешевая и крайне доступная технология улучшения генома CRISPR/Cas9, делающая возможным исправление разного рода мутаций и действенно борющаяся с началами множества заболеваний. Если ранее разработка биологического оружия требовала чудовищных ресурсов и мощной научно-производственной базы, то сейчас синтетическая биология позволяет быстро, эффективно и незаметно создать патоген, пригодный для массового уничтожения людей. Следом за этим Национальная академия наук США подготовила для своего военного ведомства отчет - новаторскую попытку дать многогранную оценку угрозы, исходящей от CRISPR. Ученые привели в пример сотворение синтетических вирусов, таких как оспа; утверждали, что уже ведутся опыты по репликации смертельных вирусов, от которых не существует вакцины [2]. Последовательность ДНК, формировавшаяся в течение сотен миллионов лет, теперь может быть изменена мгновенно. Генетическая трансформация нашего вида больше не спекулятивная фантастика, а неизбежность, ведь все необходимые инструменты для этого уже есть. Эти обстоятельства доказывают актуальность данной работы и резонансность ключевых направлений поисковой деятельности.

Редактирование нашего ДНК – способ избавить человечество от ужасающих заболеваний, с которыми невозможно мириться. Вместе с тем, это способ поднять качество жизни каждого отдельно взятого человека на совершенно новый уровень. Эксперимент, проведенный китайской исследовательской группой под руководством биолога Хэ Цзянькуя, наглядно иллюстрирует вышеска-

занное: используя инновационные методы, команда исправила ДНК двух эмбрионов. Умышленно вызванные мутации сделали генетически модифицированных новорожденных невосприимчивыми к ВИЧ-инфекции. Невзирая на то, что операция этих ученых была осуждена коллегами и юристами, их вклад в развитие генной инженерии нельзя недооценивать [4, с. 191]. Хотя Хэ публично выступал против генетического улучшения человека, именно мутация гена, связанного с невосприимчивостью к ВИЧ, также связывается с резким увеличением когнитивных способностей, улучшением памяти и более быстрым восстановлением после инсульта.

В процесс эволюции, длившийся естественным образом 4 миллиарда лет, вмешались, и сделали это не при помощи искусственной селекции, отбора, но на самом фундаментальном уровне, сознательно и напрямую манипулируя языком природы, который делает нас теми, кто мы есть. Технология CRISPR приблизила светлое будущее генной инженерии на расстояние вытянутой руки, однако не все так просто. У редактирования генома напрямую, например, через CRISPR/Cas9, есть чрезвычайно много опасностей. Даже научившись идеально, безошибочно вырезать и менять элементы биологического кода, мы можем удалить или изменить ген, важности которого пока не понимаем, последствия чего необязательно будут видны сразу, так как они могут проявиться в более позднем возрасте или только у потомков. Но и только если все это очень сложно, а не бесконечно сложно, наступит время, когда сложность наших инструментов превзойдет сложность нашей биологии. С другой стороны, никто не будет этого ждать.

Нарастающее влияние вспомогательных репродуктивных технологий на качество жизни и состояние здоровья современного человека потребовало от ведущих стран мира формирования юридической базы, регламентирующей исследования в сфере биомедицины. Особенно остро стоит вопрос относительно легитимности генетической модификации эмбрионов *homo sapiens* в репродуктивных целях. Общественность и научное сообщество дают неоднозначную этическую оценку перспективам редактирования ДНК человека, которая будет передаваться новым поколениям [3, с. 125].

На текущий момент небольшое количество документов в отечественном правовом пространстве регулируют отдельные аспекты генно-инженерной деятельности, использование ее результатов в жизни человека, проведение государственной геномной регистрации; накладывают срочный запрет на клонирование человека; определяют оборот биолого-медицинских клеточных продуктов. Тем не менее юридические параметры исследований по редактированию генома личности до сих пор не определены. В сущности, инновационная биомедицина пребывает саморегулируемым сектором структуры здравоохранения [3, с. 129].

Рекомендуется, чтобы национальный законодатель сначала принял пакет правовых документов регулятивного характера. Предполагается, что они определят стандарты безопасной деятельности ученых, участвующих в программах развития инновационных технологий. Действительно, нормы позитивного законодательства должны определить пределы допустимых вмешательств, зафиксировать правовой статус участников биомедицинских экспериментов, гаран-

тировать безвредность использования технологий направленной геномной модификации и т. д. [4, с. 192]. Разумно четко разграничить сферы правового обеспечения доклинических и клинических исследований генома человека. В этой области государство должно быть предельно либеральным, ибо доклинические исследования генома человека динамично развивают передовую медицинскую науку и не представляют риска для интересов личности, социума и державы [3, с. 129].

Трендовые технологии не только открывают большие перспективы для решения дилемм современного общества, но и существенно упрощают процесс оказания умышленного вредного воздействия на организм индивида. Например, злополучные манипуляции с человеческим эмбрионом могут привести к развитию патологий и нанести вред здоровью новорожденного. Стоит заметить, современный подход к статусу эмбриона не позволяет признать его полноценным субъектом правоотношений [6, с. 46], и вред, причиненный ребенку до его появления на свет, может быть оценен только с позиции ущерба, причиненного его родителям, если вообще может быть скалькулирован. Такой расклад не охватывает все возможные казусы, особенно нежелание родителей защищать интересы ребенка, и в то же время не соответствует демократическим принципам, оставляя его без надлежащей правовой защиты [5, с. 194].

Возможно, и неудивительно, что Китай ступил на самый агрессивный путь создания генофонда в промышленном масштабе. К примеру, недавно объявленная программа с пятнадцатилетними инвестициями направлена на развитие национального лидерства в области точной медицины и подавление аналогичных программ по всему миру. Тринадцатая пятилетка по развитию биотехнологической промышленности была нацелена на получение геномов по меньшей мере 50 % всех новорожденных к 2020 году и поддержку сотен отдельных проектов по секвенированию геномов и сбору клинических данных с частными компаниями и местными органами власти. С развитием потенциала суперкомпьютеров, по мере расширения наборов геномных данных, ученые научатся использовать инструменты искусственного интеллекта, чтобы лучше понимать, как сложные генетические закономерности приводят к определенным последствиям. Поскольку высокоразвитый искусственный интеллект играет первостепенную роль в открытии тайн генома, стремление Китая доминировать в этой отрасли серьезно повлияет на будущее геномной инженерии человека.

Повышая исследовательский потенциал, государственные органы Китая также выстраивают правовую базу, направленную на упорядочение использования воспроизводственных технологий на благо человечества [3, с. 125]. Между тем, учитывая успехи китайских ученых, опыт Поднебесной в принятии нормативно-правовых актов, регулирующих процедуры вмешательства в эмбриональный геном в репродуктивных целях, особенно в части практики их применения, имеет большое значение в отечественной правовой конъюнктуре. Например, в декабре 2020 года в Уголовный кодекс Китая были внесены поправки, устанавливающие ответственность за незаконный сбор и контрабанду генетических ресурсов человека (статья 334-1) и незаконную имплантацию генетически модифицированных, клонированных эмбрионов человека (статья

336-1). Отечественным законодателям советуется обратить внимание на своевременность уголовной политики, проводимой их зарубежными коллегами. В процессе разработки правил они могли бы использовать предложенные в юридической литературе теоретические модели норм, возлагающих на правоисполнителей обязанность воздерживаться от нелегального вмешательства в геном человеческих эмбрионов и оборота генетической информации народов России [4, с. 195].

Проверенный опыт регламентации Китая значительно облегчит процедуру выработки пакета нормативных документов по теме доклинических и терапевтических геномных исследований эмбрионов в воспроизводственных целях. Российским законодателям предстоит уточнить правовые границы их регулирования и уголовно-правовые механизмы защиты интересов участников исследований. Практика китайских изысканий показывает, что обеспечение генетической безопасности человека требует создания самостоятельных уголовно-правовых норм для оценки незаконных генетических исследований в репродуктивных стремлениях [3, с. 129]. Законодателям требуется определить инструменты, способные рентабельно воздействовать на сознание и волю лиц, готовых направить результаты практик ученых-генетиков в криминальное русло [4, с. 196].

Задержки в пересмотре ряда нормативных актов, в том числе Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), могут привести не только к недостаточному регулированию этих отношений, но и к отсутствию своевременной правовой защиты. В сложившейся ситуации на государство возлагается обязанность по формированию правового пространства, которое способно сбалансировать интересы биомедицинской науки с задачей юриспруденции по удержанию чрезмерно амбициозных ученых от проведения неконтролируемых экспериментов [4, с. 190].

Проанализировав мнения отечественных ученых, следует отметить ряд проблем, еще не поднятых научным сообществом. Первичное моделирование развития общества под знаком технологии геной модификации показывает, что люди станут делегировать выбор генов компаниям или государствам, которые, в отличие от среды, смогут не просто благоприятствовать одним и ставить палки в колеса другим генам, но менять их мгновенно, и делать это через черный ящик, он же искусственный интеллект. Вышеизложенное может привести к тому, что люди, поколение за поколением, начнут генетически адаптироваться в том числе к политике тех государств и компаний, которые их отбирают при неумышленном или умышленном содействии последних. Следовательно, уголовно-правовая политика Российского государства должна учесть вышеописанные риски путем изложения дополнительных охранительных норм в уголовном законе.

Во-вторых, подобно компаниям сегодняшнего дня, лидирующим в области производства смартфонов, и тотальному единообразию их продукции, будущие апологеты генетической революции, вопреки воле заказчиков, с высокой долей вероятности захотят выбирать одни и те же, более, по их мнению, совершенные гены, в связи с чем могут возникнуть большие проблемы, вызванные

массовым сокращением генетического многообразия и общим снижением способности населения к адаптации. Существует не иллюзорная опасность того сценария, при котором нацию выкосит один вирус и не найдется ни одного человека со спасительной и полезной мутацией. Представляется, что и этот риск – несанкционированного клиентом выбора генов для ребенка – законодатель должен учесть при внесении изменений в УК РФ, касающихся регулирования области генной инженерии.

Таким образом, в исследовании делается вывод, что стремительное развитие генетических технологий делает необходимым изменение некоторых положений во многих отраслях права и, не в последнюю очередь, в отражении уголовным законом ряда противоправных деяний в области генной инженерии и исследовании генома человека, а также конкретизации санкции за их совершение. Сомнительно, что кто-то захочет целенаправленно отказаться от применения технологий генной модификации, так как, естественно, общества, что пойдут по этому пути, по историческим меркам быстро канут в лету. Даже у тех, кто не откажется, будет долгий период проб и катастрофических ошибок, и, учитывая неизбежность и скоротечность вышеизложенного, законодателю следует пойти на решительные меры для должной уголовно-правовой охраны отношений в установленной сфере деятельности, поскольку генетические правонарушения являются общественно опасными деяниями с непредсказуемыми последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Statement for the Record Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. URL: https://www.dni.gov/files/documents/SASC_Unclassified_2016_ATA_SFR_FINAL.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

2. US military wants to know what synthetic-biology weapons could look like. MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/2018/06/19/66749/us-military-wants-to-know-what-synthetic-biology-weapons-could-look-like/> (дата обращения: 02.03.2023).

3. Блинов А. Г., Герасимов А. М., Герасимова Е. А. Правовые границы исследований по созданию наследуемых модификаций генома эмбриона человека в Китайской Народной Республике // Гены и клетки. 2020. № 3. С. 125–130.

4. Блинов А.Г. Учение о механизме юридического сопровождения исследований генома человека и его отражение в уголовно-правовой политике государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 190–197.

5. Лапунин М. М. Актуальные векторы совершенствования законодательства в сфере правового регулирования геномных исследований // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6. С. 192–199.

6. Фомина О. Ю. О возможности судебной защиты при редактировании генома человека // Lex russica. 2019. № 6. С. 37–47.

УДК 34.096

Титов Евгений Евгеньевич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
evgtksu@gmail.com

Понятие правоохранительного органа: теоретико-правовые аспекты и законодательное регулирование

В современном российском законодательстве отсутствует нормативно закреплённое понятие «правоохранительного органа», что нередко вызывает дискуссии ученых о системе правоохранительных органов Российской Федерации. Об этом свидетельствуют разные позиции ученых, исследовавших судебные и правоохранительные органы. Анализ юридической научной литературы и российского законодательства позволяет разграничить понятия «правоохранительный орган» и «субъект правозащитной деятельности», а также представить собственное мнение по дискуссионному вопросу: система правоохранительных органов Российской Федерации, основные различия между правоохранительными органами и субъектами правозащитной деятельности.

Ключевые слова: *судебные и правоохранительные органы, субъекты правозащитной деятельности, система правоохранительных органов, правовая основа организации и деятельности правоохранительных органов.*

Titov Evgeniy Evgenevich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The concept of a law enforcement agency: theoretical and legal aspects and legislative regulation

There is no concept of a “law enforcement agency” in modern Russian legislation, which often causes scientists to discuss the system of law enforcement agencies of the Russian Federation. This is evidenced by the different positions of the authors of the educational literature on the discipline “judicial and law enforcement agencies”. Studies of legal scientific literature and Russian legislation allow us to distinguish between the concepts of “law enforcement agency” and “subject of human rights activity” and present one of the points of view on the debatable issue: the system of law enforcement agencies of the Russian Federation, the main differences between law enforcement agencies and subjects of human rights activity.

Keywords: *academic discipline, judicial and law enforcement agencies, subjects of human rights activities, the system of law enforcement agencies of the Russian Federation, the legal basis for the organization and activities of law enforcement agencies, the legislation of the Russian Federation.*

По состоянию на 2023 год в российском законодательстве по-прежнему отсутствует определение термина «правоохранительный орган», что является причиной научного спора между правоведом. Об отсутствии единого взгляда на систему правоохранительных органов Российской Федерации свидетельствует и анализ учебной литературе по дисциплинам «Судебные и пра-

воохранительные органы», «Правоохранительные органы» по направлению подготовки «Юриспруденция». Для сравнения можно привести, как пример, учебную литературу двух образовательных учреждений высшего образования: 1) «Правоохранительные органы», курс лекций и учебно-методические материалы под редакцией заслуженного юриста Российской Федерации Ю. А. Лукичева, профессора кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидата юридических наук, доцента [5]; 2) учебник для вузов по дисциплине «Правоохранительные органы (судоустройство)» А. А. Шамардина, доктора экономических наук, доцента кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Оренбургского института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина [6]. Так, авторы курса лекций разделяют правоохранительные органы на государственные (прокуратура, органы внутренних дел, органы юстиции, органы обеспечения безопасности, таможенные органы, налоговые органы) и негосударственные (адвокатура, нотариат, третейские суды, частные детективные и охранные предприятия).

В учебнике А. А. Шамардина не проводится разграничение правоохранительных органов на государственные и частные, а также исключаются из системы правоохранительных органов нотариат, частные детективные и охранные предприятия. Мнения авторов, формулирующих определения терминов «правоохранительный орган» и «правоохранительная деятельность» совпадают в том, что правоохранительные органы осуществляют охрану правопорядка в соответствии с законом, имеют право осуществлять правоохранительную деятельность в рамках своих компетенций при наделении их полномочиями со стороны государства, а также применять меры государственно-правового принуждения. Последний общий признак, сформулированный учеными А. А. Шамардиным и Ю. А. Лукичевым, вносит противоречие в систему правоохранительных органов, поскольку Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [1] не содержат положений о наличии возможности адвокатуры и нотариата применять меры государственно-правового принуждения.

Аналогичная ситуация обстоит с частными детективными агентствами, которые могут оказывать содействие правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, однако не могут использовать методы государственно-правового принуждения напрямую. Также возникает вопрос о причислении нотариусов авторами учебника под редакцией профессора Ю. А. Лукичева к негосударственным правоохранительным органам при наличии государственных нотариальных контор, которые согласно ст. 7 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате открываются и упраздняются федеральным органом исполнительной власти, т. е. Министерством юстиции Российской Федерации. Именно по этой причине среди правоведов существует множество научных работ, оспаривающих отношение определенных институтов к системе правоохранительных органов. Так, например, в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Н. В. Путихиной под руко-

водством кандидата юридических наук, доцента Л. Н. Ижминой (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) [7] излагается точка зрения о том, что адвокат является субъектом правозащитной деятельности. В диссертации дается следующее определение понятию «правозащитная деятельность»: «Правозащитная деятельность – регламентированная нормами Конституции РФ и иными нормативно-правовыми актами юридическая деятельность, осуществляемая на основании и во исполнение норм права специальными субъектами правозащитной структуры РФ (в лице государственных органов, общественных организаций, отдельных уполномоченных лиц), в целях защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина, а также юридических лиц, влекущая определенные юридические последствия». Из этого следует, что понятия «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность» имеют общие признаки: деятельность органов осуществляется строго в рамках закона, одна из целей – защита прав и свобод человека.

Таким образом, институты адвокатуры, нотариата и частных детективных агентств следует отнести к субъектам правозащитной деятельности, так как при определении данных субъектов в группу органов/предприятий, осуществляющих правозащитную деятельность, отсутствуют противоречия в признаках данного вида деятельности, в отличие от правоохранительной деятельности, подразумевающей использование механизма государственно-правового принуждения. В то же время правоохранительные органы способны осуществлять правозащитную деятельность, так как имеют соответствующие функции.

Для того чтобы определить, какие институты можно отнести к «правоохранительным органам», следует обратиться к «Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими» [4]. В данном Обзоре практики содержится упоминание федеральной государственной службы. К ней относятся: служба в органах внутренних дел, служба в уголовно-исполнительной системе, служба в противопожарной службе, служба в Следственном комитете Российской Федерации, служба в таможенных органах. У всех перечисленных государственных органов имеется общий признак – возможность применения государственно-правового принуждения. Так, сотрудники органов внутренних дел могут оказывать принудительно-силовое воздействие в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления или совершивших преступление. Сотрудники УИС вправе применять принудительно-силовое воздействие в отношении осужденных. Сотрудники противопожарной службы вправе привлечь нарушителя к административной ответственности. Следственный комитет РФ при содействии сотрудников полиции вправе осуществить привод подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего к следователю. Сотрудники таможенных органов также используют административное принуждение. По этому же признаку к правоохранительным органам следует отнести прокуратуру и суды различных юрисдикций. Несмотря на некоторую обособленность этих органов по статусу (суд – осуществляет правосудие; прокуратура осуществляет надзор и не относится ни к одной из ветвей власти), они также попадают под критерии, присущие правоохранительным органам.

Стоит обратить внимание и на полномочия частных охранных организаций. В статьях 16, 17, 18 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2] закреплено полномочие охранников по применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в рамках закона. Из этого следует вывод, что частные охранные предприятия так же могут являться правоохранительными органами на основании применения одного из методов государственно-правового воздействия, осуществления деятельности в рамках закона, а так же осуществляют охрану правопорядка на охраняемом объекте.

По итогам проведенного анализа определений понятий «правоохранительный орган» и «субъект правозащитной деятельности» можно сделать вывод о том, что все правоохранительные органы в определенной степени являются субъектами правозащитной деятельности, но не каждый субъект правозащитной деятельности является правоохранительным органом. Это обусловливается ограничениями со стороны государства на применение мер государственно-правового принуждения субъектами правозащитной деятельности, ввиду различия целей субъектов. Так, системы правоохранительных органов и субъектов правозащитной деятельности должны выглядеть следующим образом. Правоохранительные органы: органы внутренних дел, органы юстиции, органы обеспечения безопасности, таможенные органы, охранные предприятия, суды различных юрисдикций. Субъекты правозащитной деятельности: адвокатура, нотариат, частные детективные агентства, органы внутренних дел, органы юстиции, органы обеспечения безопасности, таможенные органы, охранные предприятия, суды различных юрисдикций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1993. № 49.
2. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1992. № 100.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10.
5. Правоохранительные органы : курс лекций и учебно-методические материалы / под ред. Ю. А. Лукичева. СПб. : Астерион, 2020. 336 с.
6. Правоохранительные органы (Судоустройство) : учебник для вузов / А. А. Шамардин. Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2021. 275 с.

7. Путихина Н. В. Адвокат-защитник как субъект правозащитной деятельности в процессе собирания доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. канд. юрид. наук. М., 2021. URL: https://diss.unn.ru/files/2021/1103/diss-Putikhina_-1103.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

УДК 347.4

Чернова Мария Александровна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
maricherr04@mail.ru

К вопросу о системе способов защиты прав участников договорных обязательств

В статье рассматривается косвенное нарушение вещных прав, а именно обязательств на основании договора. В отношении них применяются обязательно-правовые способы защиты, специально предусмотренные для случаев, когда одна сторона договора, собственник, связана с другой, правонарушителем, обязательственными отношениями. В статье данные способы также изучены, они представляют собой иски, сформированные на обязательстве между двумя сторонами договора. На основании конкретных статей Гражданского кодекса Российской Федерации рассмотрены соответствующие правонарушения варианты наступления ответственности. Отмечается, что обязательно-правовые иски непосредственно защищают субъективные права кредитора.

Ключевые слова: защита прав, договорные обязательства, система защиты, договорные отношения, Гражданский кодекс, правоотношения, иск.

Chernova Maria Alexandrovna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch)
of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Kirov, Russian Federation

The system of ways to protect the rights of parties to contractual obligations

The article deals with the indirect infringement of proprietary rights, namely, binding on the basis of a contract. In relation to them are applied compulsory remedies specifically provided for cases where one party to the contract, the owner, is connected with the other, the offender, by a compulsory relationship. In the article these ways are also studied, they are claims formed on the obligation between the two parties to the contract. On the basis of specific articles of the Civil Code of the Russian Federation the options of liability corresponding to offenses are considered. It is noted that liability lawsuits directly protect the subjective rights of the creditor.

Keywords: rights protection, contractual obligations, system of protection, contractual relations, Civil Code, legal relations, lawsuit.

Когда заходит речь о правах собственности, следует говорить не только о прямых, но и косвенных способах их нарушения. То есть подразумевается нарушение других, не вещных, прав, являвшимися, как правило, обязательственными. Когда между лицами заключено какое-либо обязательственное соглашение, и одно из лиц его нарушило, применяются необходимые методы правовой защиты [4, с. 143–148].

Данные методы представляют собой иски на основании обязательства, которое существует между законным собственником и лицом, нарушившим права собственника по этому обязательству и само право собственности. Это могут быть:

- иски о возмещении убытков, которые были причинены неисполнением или ненадлежащим исполнением договора;
- иски о возврате имущества, которое подлежало предоставлению в соответствии с соглашением на условиях использования;
- иски о возврате имущества;
- иски о возмещении причиненного ущерба.

Если вещном праве объектом защиты являются подвергшиеся нарушению правомочия собственника, то обязательственным праве объектом выступает субъективное право кредитора. Целью чаще всего является истребование с должника конкретной суммы денег.

Основанием для предъявления требования по обязательствам вправе выступать договоры, на которые могут распространяться и внедоговорные обязательства.

Имущественные права, возникшие на основе договорных отношений, защищаются правовыми средствами, применение которых зависит от предмета договора, нарушенного обязательством, и вида договора. Нормы обязательственно-правового акта при этом являются основой этой защиты и предназначаются для определенных видов обязательственных отношений.

Статья 389 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает, что если обязательство по передаче в собственность вещи, являвшейся индивидуально-определенной, было не исполнено, кредитор может требовать изъятия данной вещи у должника [3, ст. 410]. Но также вместо нее он вправе требовать и возмещения убытков.

Если восстановить нарушенные имущественные права невозможно, осуществляется, как правило, возмещение ущерба. Такое может произойти, к примеру, ввиду отсутствия вещи, невозможности ее ремонта в случае повреждения и тому подобное. Убытки чаще всего возмещаются в денежной форме.

Если говорить о требовании возврата объектов, которые по договору были переданы в пользование, мы хотим заметить, что, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, предмет должен быть возвращено в том же состоянии, в котором его получал должник. Но при этом учитывается и факт нормального износа, и случаи, обусловленные договором [2, ст. 3301].

В большинстве случаев лицо, в чьем пользовании находится чужое имущество, за любое повреждение, за любую недостачу или утрату несет перед собственником ответственность. Однако важно отметить, что закон может ее

ограничивать. По пункту 1 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, требовавшейся по условиям оборота и характеру обязательства, приняло все меры для его надлежащего исполнения.

Благодаря данному положению арендодатель не может предъявить требование о возмещении убытков стороной, которая утратила имущество, из-за отсутствия вины в виде небрежности или умысла.

Что касается требования о возмещении имущественного ущерба, по статье 1064 ГК РФ лицо, которое причинило материальный ущерб, обязано возместить его в полном объеме. Предусматривается две формы компенсации: денежной и натуральной. Собственник может обратиться в суд в том случае, если существует причинно-следственная связь между деянием примирителя вреда и нанесенным ущербом. Но если последний сумеет доказать, что ущерб причинен не по его вине, часть 2 статьи 1064 ГК РФ освобождает его от ответственности [2, ст. 3301].

Также гражданское законодательство предусматривает такие случаи, когда лицо сохраняет или приобретает какое-либо имущество за счет другой стороны, не имея при этом достаточных оснований, предусмотренных сделкой, законом или иными правовыми актами. Сохраненное или приобретенное имущество в таком случае должно быть возвращено. Это предусмотрено частью 1 статьи 1102 ГК РФ [2, ст. 3301].

Данная норма характеризуется определенной гибкостью, и для защиты интересов собственника закреплены определенные ситуации, к каждой из которых предусмотрен соответствующий вид ответственности. К таким ситуациям относятся:

- незаконное владение имуществом третьим лицом;
- утрата владения имуществом;
- требования о возврате средств, осуществленных в ходе исполнения обязательства;
- требования о возмещении убытков, причиненных в том числе недобросовестным поведением обогатившего лица.

За каждой из данных ситуаций закрепляется определенная ответственность:

- возмездие;
- требование о возврате имущества, предоставленного в пользование в рамках соглашения о возмещении причиненного вреда, о применении последствий в случае недействительности сделки [1, с. 224–228].

Что не менее важно, утрата имущества может произойти и в результате ошибки или недоразумения. Покупатель, как правило, никаких действий не совершает вообще. С точки зрения законности или незаконности деятельность приобретателя в этом случае характеризоваться не должна. Возмещение убытков собственнику тогда возможно лишь при подаче заявления о возвращении необоснованного обогащения.

Защита прав субъектов гражданско-правового договора является основой для способов, перечисленных выше, как и методы, используемые для возмеще-

ния причиненного ущерба, а возврат сохраненного, нерационального или приобретенного имущества можно отнести к методам правовой защиты обязательств.

Таким образом, способы защиты прав участников договорных обязательств применяются при наличии договорных правовых отношений между обладателем вещного права и нарушителем этого права. Нарушение договорного обязательства влечет и нарушение вещного права, обладатель которого защищает его с помощью специальных способов, предусмотренных целым комплексом по защите обязательственных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валеева К. А. Защита права собственности и иных вещных прав (ч. 2) // Синергия наук. 2019. № 38. С. 224–228.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.04.2023).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 10.04.2023).

4. Евстратова Ю. А. Обязательственно-правовые способы защиты права собственности // Частноправовые проблемы в контексте развития современного законодательства. М., 2017. С. 143–148.

УДК 343.41

Щенникова Анна Андреевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
Annasennikova.shch@gmail.com

Становление и развитие правоохранительной системы в России

Рассматриваются ключевые особенности возникновения правоохранительной системы в России, анализируются и сравниваются понятия правоохранительной деятельности, правоохранительной структуры и правоохранительных органов, исследуются вопросы функционирования правоохранительной системы, а также главные закономерности развития правоохранительной системы. В статье особое внимание уделяется выделению исторических периодов развития правоохранительной системы в России, особенности развития на каждом этапе, а также рассматриваются существовавшие в конкретных периодах правоохранительные органы и анализируются правовые источники, регулирующие правоохранительную деятельность. Определяется место и роль правоохранительной системы в развитии общества.

Ключевые слова: правоохранительная система, история возникновения правоохранительной системы, правоохранительная деятельность, периодизация развития правоохранительной системы.

Shchennikova Anna Andreevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) of Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL)

Kirov, Russian Federation

Establishment and development of the law enforcement system in Russia

It examines the key features of the emergence of the law enforcement system in Russia, analyses and compares the concepts of law enforcement activity, law enforcement structure and law enforcement agencies, examines the functioning of the law enforcement system, as well as the main regularities of the development of the law enforcement system. In article the special attention is given to allocation of historical periods of development of law-enforcement system in Russia, features of development on each stage, and also the law enforcement bodies existing during the concrete periods are considered and the legal sources regulating law-enforcement activity are analyzed. The place and role of law-enforcement system in the development of society are determined.

Keywords: Law enforcement system, history of law enforcement, law enforcement activities, periodisation of the development of the law enforcement system.

Исследование историко-правовых аспектов правоохранительной деятельности ведется российской правовой наукой уже достаточно давно.

«Система правоохранительных органов» является более узким понятием, чем «правоохранительная система». Правоохранительная система – это совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий, призванных обеспечить безопасность человека от действий, нарушающих закон. Сами же правоохранительные органы представляют собой часть правоохранительной системы государства [3, с. 96–119]. Одной из главных функций правоохранительных органов является защита существующей правовой системы государства [1, с. 40].

История правоохранительной деятельности и правоохранительной системы берет свое начало с момента возникновения государственности. До появления такого института, как государство, правоохранительная деятельность не могла существовать, так как в то время основой управления обществом было самоуправление, поведение людей контролировало не установленное государством право, а обычаи и национальные устои.

В развитии правоохранительной системы России можно выделить определенные исторические этапы: Древнерусское государство, период феодальной раздробленности, Московское централизованное государство, Российская Империя, период буржуазно-демократической республики (февраль – октябрь 1917 г.), период Советского государства, а также период современной России (с 1992 г. по настоящее время). В каждом из вышеназванных периодов существовала правоохранительная система, обладавшая своими особенностями. Указанная периодизация показывает этапы, сопровождавшиеся изменениями в правоохранительной системе.

С появлением государственности появилось право, которое еще долгое время сохраняло в себе черты догосударственного устройства, также и правоохранительная система долго заключала в себе национальные обычаи и традиции. Таким примером служит Русская правда Ярослава Мудрого. Она включала в себя нормы правостановительного и репрессивного характера и являлась древнейшим источником правоохранительной и уголовной политики. Поэтому данный памятник права является юридическим отражением существовавшей в Древнерусском государстве правоохранительной системы.

Русская правда содержала нормы, регулирующие правовые, финансовые, а также имущественные и семейные отношения, поэтому она представляла собой юридическую базу правоохранительной системы во времена Древней Руси.

В период феодальной раздробленности отсутствовало единство юридической базы правоохранительной системы. Так как на территории Руси было образовано множество самостоятельных княжеств, во многих из них были созданы свои законодательные акты. Так, например, в Новгородской и Псковской феодальных республиках были созданы такие акты, как Ссудная грамота, Кормчая книга и Мерило Праведное.

Стоит отметить, что законодательство того времени заключало в себе элементы демократизма и народной воли. Важная роль в осуществлении правосудия и правоохранительной деятельности отводилась такому органу, как Вече. Вече представляло из себя народное собрание, в полномочия которого входило рассмотрение и разрешение дел о наиболее тяжких преступлениях и других правонарушениях.

В период централизованного государства произошли существенные изменения в правоохранительной системе. Судебная власть оказалась сосредоточенной у Великого князя (в дальнейшем – царя) и приближенных к нему бояр.

Этот период характеризуется возникновением более эффективных механизмов для контроля и надзора за исполнением указов и предписаний царя. Были созданы контрольные и надзорные органы, а именно народный надзор и «высший» надзор за деятельностью царских чиновников. В дальнейшем народный надзор преобразовался в отдельные губные и земские органы [2, с. 7].

Во время правления Ивана Грозного основой правоохранительной системы являлась опричнина. Опричнина – это новая форма надзора за деятельностью центральных и местных властей [4, с. 483–495].

В период с конца XV по начало XVII в. были изданы такие репрессивно-правовые акты, как Судебники 1497 и 1550 гг., а также Соборное Уложение. В этот период усиливалась предупредительная функция правоохранительной системы, так как помимо вышеупомянутых правовых актов были приняты и другие акты, регулирующие церковное, гражданское, семейное и уголовное право.

Четвертый этап характеризовался неограниченной единоличной властью царя (в дальнейшем – императора). За этот период произошло много частных изменений в правоохранительной деятельности, но ее основа, заключенная в абсолютной власти монарха, не подвергалась изменению. С начала XVIII в. по начало XIX в. произошло отделение правоохранительной функции из общей

охранительной функции государства. Так появились органы полиции, которые изначально получили судебные полномочия. В XIX в. впервые в системе государственного управления были созданы 8 министерств, одним из которых явилось Министерство внутренних дел [5, с. 11]. Появление МВД усилило централизацию управления органами полиции, а также поспособствовало обеспечению правопорядка. Российской империи в конце XIX – начале XX в. существовала сложная правоохранительная система. К началу Первой мировой войны функционировали такие органы правоохранительной системы, как полиция, суды, прокуратура, таможенные органы, адвокатура, нотариат, политическая полиция.

Этап буржуазно-демократической республики отличается сменой политического режима и, соответственно, характеризуется изменением правоохранительной системы путем издания новых правовых актов, в которых закреплялись новые институты власти, права и свободы человека и гражданина [4, с. 129–184].

В период Советского государства правоохранительная деятельность была направлена в большей степени на охрану интересов общества и государства, а также на охрану прав и свобод человека и гражданина и предупреждение преступности. Были провозглашены социалистические демократические учреждения власти, активно использовалась общественность. В период Гражданской войны были созданы милиция и чрезвычайные органы юстиции, целью которых была борьба с контрреволюционными силами. Так, была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия. В ее компетенцию входили розыск и предварительное следствие по преступлениям против власти. В систему органов милиции входили НКВД и специальные органы милиции (промышленная и розыскная).

Современная правоохранительная система является совокупностью наиболее важных ступеней всей истории развития правоохранительной системы России. Также она включает в себя лучшие достижения эволюции правоохранительных органов и перенимает тенденции развития как национальные, так и других стран. Государство регулирует различные процессы с помощью внедрения законодательной базы, соответствующей современным целям и проблемам правоохранительной деятельности. Сейчас в правоохранительную систему включены следующие основные органы: суды, органы прокуратуры, органы, осуществляющие предварительное расследование уголовных дел и оперативно-розыскную деятельность (МВД, ФСБ, войска национальной гвардии), органы и учреждения Министерства юстиции, осуществляющие правоохранительную деятельность (ФСИН и ФССП) и способствующие ее выполнению (адвокатура и нотариат).

Таким образом, эволюция правоохранительной системы по существу является естественным историческим процессом, который обуславливается объективными и субъективными факторами социальной действительности, из числа которых политика и экономика имеют определяющее значение. Периоды развития правоохранительной системы России хоть и в общем совпадают с историческими этапами развития российского общества, но имеют свои уникаль-

ные особенности и закономерности. В целом, правоохранительная система России формировалась и развивалась как многонациональный государственный организм, она соединила в себе национальные традиции и достижения зарубежных моделей правоохранительных систем. Совокупность объективных и субъективных факторов общественной жизни, разнообразие их сочетаний влияет на развитие права и правоохранительной системы. Государство призвано решать множество разнообразных задач путем развития общества, а в том числе и правоохранительной системы, для того, чтобы обеспечить наиболее комфортное существование своим гражданам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Братка А. Г. Правоохранительная система. Вопросы теории. М., 1991. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie25860.html?ysclid=lghveu2r64452711235> (дата обращения: 12.04.2023).

2. Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1998. URL: https://www.studmed.ru/kazancev-s-m-istoriya-carskoj-prokuratury_13bfad292ad.html (дата обращения: 12.04.2023).

3. Пиотровский В. Ю. Правоохранительная система в условиях формирования правового государства : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. URL: <http://lawlibrary.ru/disser2013330.html?ysclid=lghvnfidbj19432573> (дата обращения: 14.04.2023).

4. Положение о выборах в Учредительное собрание 1917 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1994. Т. 9. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie6507.html?ysclid=lghvqbm6fe694394101> (дата обращения: 14.04.2023).

5. Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. / Ассоц. Военная кн. ; О-во изучения истории отечественных спецслужб. М. : Кучково поле, 2005. 701 с.

Научное издание

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

Сборник трудов
II Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(Кострома, 27–28 апреля 2023 г.)

С о с т а в и т е л и :

Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Н. В. Кузьмина, Д. Н. Лукоянов,
И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская,
А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
Б р и л ь Г е н н а д и й Г е н н а д ь е в и ч

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видекарта с памятью не менее 32 Мб;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию .11.2023. 4,23 МБ. [П. л. 27,625].

Заказ . Электронное издание. Тираж 500

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 49-80-84, e-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание